

ИМПЕРИЯ-В
ИМПЕРИЯ-В

ПОЛЬША
ПРОТИВ СССР
1939–1950

Елена ЯКОВЛЕВА

**ИМПЕРИЯ-РУ
ИМПЕРИЯ-РУ**

Елена ЯКОВЛЕВА

**ПОЛЬША
ПРОТИВ СССР
1939–1950**

Москва
«Вече»
2007

ББК 63.3(0)6
Я47

Яковлева Е.В.

Я47 Польша против СССР 1939—1950 гг. / Елена Яковлева. — М.: Вече, 2007. — 416 с. — (Империя.RU).

ISBN 978-5-9533-1838-9

Книга рассказывает о непростых взаимоотношениях между Польшей и СССР в межвоенный период, борьбе польского подполья против СССР в 1939—1950 гг., об участии польских воинских формирований во Второй мировой войне. Автор опровергает многочисленные мифы о жестокостях советского режима в отношении поляков, об агрессивных планах, будто бы разрабатывавшихся СССР в отношении независимой Польши, о якобы бескомпромиссной борьбе Армии Крайовой и польского подполья с фашистами и многим другим.

ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-9533-1838-9

© Яковлева Е.В., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i>	
Межвоенная идиллия, или счастье лежит на Востоке	8
<i>Глава 2</i>	
Поляки без Польши. Что делать дальше?	33
<i>Глава 3</i>	
“Советско-немецкий конфликт”, или чем заниматься истинным патриотам Польши	74
<i>Глава 4</i>	
Сидение и стояние в тылу врага	125
<i>Глава 5</i>	
«Малая русско-польская война» от Виленского края до Полесья	134
<i>Глава 6</i>	
Когда враг остается один... ..	188
<i>Глава 7</i>	
«Украина золотая...» УПА против АК, АК против УПА	204
<i>Глава 8</i>	
Поляк везде служит только польскому делу... ..	242
<i>Глава 9</i>	
Кровь на алтарь лондонской идеи	246
<i>Глава 10</i>	
Бой после победы, или шакалы в партизанском обличье	314
<i>Глава 11</i>	351
Примирение на кладбищах, или зачем мы, спрашивается, воевали друг с другом?	351
<i>Глава 12</i>	356
История как коммерческое предприятие или о выставлении счетов за украденные помидоры, а заодно и за Победу	356

*Посвящается бойцам Рабоче-Крестьянской
Красной Армии, нашим отцам и дедам:
Панютину Виктору Прокофьевичу,
дошедшему в 1945 г. до Порт-Артура
Яковлеву Василию Матвеевичу,
дошедшему в 1945 г. до Вены*

Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
А. С. Пушкин. Клеветникам России

...они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться!
Ф. М. Достоевский, Бесы

Патриотический склероз. Вместо предисловия

Любая война, какую бы историко-политическую трактовку она ни получила по прошествии времени, у большинства напрямую затронутых ею людей вызывает общее вполне естественное желание как можно скорее очутиться в той жизни, которая была до нее. Естественное уже потому, что на фоне разрушений, грязи, крови и острого чувства бесконечной хрупкости бытия внезапно утраченный мир приобретает черты идеального. Однако чем дольше длится военное лихолетье, чем обильней его смертельная жатва, тем понятней и другое человеческое стремление: не только возродить прошлое, зачастую мнимое благоденствие, но и создать новое, более совершенное. А иначе зачем тогда эти неимоверные усилия, страдания и жертвы?

Впрочем, при всей уже отмеченной схожести в поведенческой мотивации оказавшихся — вольно или невольно, отдельный вопрос, — в горниле войны, существуют и значительные несов-

падения, связанные как с особенностями их прежней, мирной жизни, так и с их планами на будущее. Отсюда вывод: что там ни говори, а война у каждого своя. И когда она заканчивается, дороги расходятся, и подчас в диаметрально противоположных направлениях. Именно так, по милости «мудрых» отцов-командиров, воевавшие, как они считали, против общего врага, вдруг с удивлением обнаруживали, что у них были разные цели, а пролитая ими кровь пошла в зачет по разным ведомостям. А что ж вы хотите, война-то у каждого своя. К сожалению.

В качестве иллюстрации пара примеров из хорошей военной литературы — «Момент истины» Владимира Богомолова и «Колумбов» Романа Братного. Первый, рассказывающий о деятельности советской контрразведки на территории Западной Белоруссии в августе 1944-го, интересен по большей части неискушенному отечественному читателю уже тем, что изображает доселе хрестоматийную войну в непривычном ракурсе. Ибо в ней, помимо двух противоборствующих армий, участвуют и партизаны с подпольщиками, которые, в свою очередь, действуют не только в немецком, но и советском тылу, а следовательно, не являются «нашими». При этом, заметьте, они с не меньшей искренностью сражаются за Родину. А та — для кого-то земля Белоруссии или Литвы, для кого-то западная часть Советского Союза, а для кого-то и восточная окраина Польши. Второй роман, «Колумбы» Романа Братного, мало известный по сравнению с другими произведениями польской литературы, рисует картину оккупации и польского движения Сопротивления, знакомую автору отнюдь не понаслышке. Ведь он состоял в Армии Крайовой, за которой дружеских чувств к СССР не водилось, что, однако, не мешало большинству ее бойцов действительно воевать с фашистами.

Другими словами, на той войне, которую мы, казалось, хорошо знали по старым фильмам и школьным учебникам, все было далеко не так однозначно, чтобы обойтись белыми красками для своих и черными для врагов. Тем удивительнее сегодня, когда нет запретных тем и раскрыты многие архивы, обнаружить, что кому-то по-прежнему предпочтительна история в черно-белых тонах, только свои и враги поменялись местами. И вот уже тот, кто еще совсем недавно был «союзником», становится «больше-

вистским быдлом» и «палачом из НКВД». А тот, кто сотрудничал с гитлеровцами, — цветом нации, только потому, что противостоял «Советам».

Именно такой взгляд на историю сейчас в большом ходу в Польше, и подоплека у него, как это ни странно прозвучит, исключительно коммерческая. Ибо, превратив истинных героев в преступников, можно не только идеалы низвергнуть, но и — если повезет — неплохо нажиться, выставив собственным освободителям счета со многими нулями. Впрочем, сегодня эта затея выглядит достаточно утопической, а завтра — кто знает. И, похоже, в надежде на подобное авось, которое в современной России принято называть вульгарным словом «халява», нынешняя демократическая Польша и строит свои отношения со своим бывшим «старшим братом». Тем более что не в таком уж далеком прошлом найдется достаточно примеров, когда у поляков, что называется, «выгорело», и все это чудесным образом сошло им с рук. Так, только в течение XX века они побывали в шкуре и завоевателей и завоеванных, умудрившись при этом застолбить себе статус чуть ли не главных европейских страдальцев от всякого рода тоталитарных режимов. Тем не менее останавливаться на достигнутом они не собираются, а потому цель данного исследования — по достоинству оценив польский вклад в Победу на Востоке, показать абсурдность заявок «дружественного славянского народа» прокатиться на нашей шее.

Глава 1

Межвоенная идиллия, или счастье лежит на Востоке

Зло нужно искать не в войне, а до войны,
в самых мирных по внешнему обличью временах.
В эти мирные времена совершаются духовные убийства,
накапливается злоба и ненависть.

Николай Бердяев. Философия неравенства

Итак, в 1917 г. рухнула Российская Империя и начала реализовываться полуторавековая мечта поляков о возрождении Польши. Один из захватчиков польских земель канул в Лету, оставались еще два — Германия и Австро-Венгрия. Но главное — начало было положено. В 1918 г., после подписания в Брест-Литовске мирного договора между Германией и Советской Россией, была установлена западная граница последней, которая фактически подтверждала, что Россия не имеет к Польше никаких территориальных претензий. Советское правительство заявляло: «Все договоры и акты... касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, — отменяются настоящим бесповоротно»¹. Тем не менее каких-либо отношений с тогдашней польской властью в лице так называемого Регентского совета установлено не было. Все же он был создан на оккупированной Германией территории Польши, принадлежавшей ранее России.

К концу 1918 г. стало ясно, что и Германия, а следовательно, и Австро-Венгрия вместе с ней, проигрывают войну. Одновременно революционное брожение охватило и Польшу. В Люблине было создано так называемое «народное правительство», в программе которого провозглашалось самоуправление, 8-часовой рабочий день, национализация имений и т.п. Ввиду этого Регентский совет добился от Германии освобождения лидера Польской социалистической партии Пилсудского, находившегося к этому моменту в Магдебургской крепости, куда он угодил из-за несговорчивости. Создавая свои знаменитые антирусские легионы под фактическим покровительством Германии и Австро-Венгрии и получая от них вооружение, он, однако, не пожелал взять на себя какие-либо обязательства перед «кормильцами», решив, что дежурного «спасибо» им будет вполне достаточно. Впрочем, по свидетельствам современников, сиделось ему в германских застенках не так уж и плохо, во всяком случае, особых бытовых неудобств, даже с учетом условий военного времени, он не испытывал.

Когда же освобожденный отец-командир польских легионеров прибыл на историческую родину, то тут же сосредоточил в своих руках всю полноту власти, став не кем иным, как «временным начальником государства». Что фактически означало создание личной диктатуры. Но как бы то ни было, историческая справедливость восторжествовала. Польша снова стала независимым государством, а польский народ, доселе разделенный границами Австрии, Германии и России, наконец воссоединился.

Вот только, вопреки возникшему тогда же мифу, своим возрождением польское государство скорее уж было обязано Первой мировой войне, приведшей к падению России, Германии и Австро-Венгрии, чем подвигам «революционера» Пилсудского и его легионов. Но, несмотря на этот очевидный факт, героическая легенда о том, как польская нация добилась освобождения собственными силами, жила до самого конца Второй мировой войны, вселяя в особо горячих ура-патриотов призрачную надежду на повторение чуда, которого на самом деле никогда не было. Ну а пока время горьких разочарований еще не наступило, вновь восставший из пепла польский феникс начал оперяться и даже вставать на крыло. О чем свидетельствовала лихорадочно сфор-

мированная из частей, входивших раньше в вооруженные силы России, Германии и Австро-Венгрии, польская армия.

Что касается России, то она, заполучив нового западного соседа, начиная с ноября 1918 г. предпринимала естественные, но тщетные попытки установить с ним дипломатические отношения, от которых поляки под разными предложениями уклонялись. Тем не менее, невзирая на периодические недружественные акции с польской стороны, в том числе и расстрел миссии Российского Красного Креста в 1919 г., РСФСР была готова наладить контакты с вновь восстановленным государством. Но, к сожалению, вдохновленные легкостью, с которой Польше в этот раз досталась независимость, ее идейные вожди испытали настолько сильное «головокружение от успехов», что стали вынашивать совсем другие планы.

И вот уже из нафталина истории извлечены романтические воспоминания о славном боевом прошлом и сладкие грезы о Польше, раскинувшейся от Балтийского моря до Черного, а легионеры сомкнули плечо к плечу в едином порыве воссоздать польское государство в границах, ну, хотя бы, 1772 г. для начала. К тому же надежду на успех этого предприятия подпитывала объективная слабость России, вконец измотанной революцией и Гражданской войной, продолжительность и результаты которой трудно было предугадать. В том числе и благодаря усилиям Польского правительства во главе с Пилсудским, активно поддерживавшего националистические движения на Украине и Белоруссии.

События развивались следующим образом. Не успела Германия после подписания капитуляции в ноябре 1918 г. завершить вывод своих войск с оккупированных территорий бывшей Российской империи, как проживавшие в Литве и Беларуси поляки создали так называемый Комитет защиты восточных окраин, который тут же обратился за помощью к Пилсудскому. Понятно, что тому только того и требовалось: вот он — кратчайший путь к осуществлению заветной мечты о новой сильной Польше. Так была поставлена сверхзадача по включению в польское государство всей Литвы, половины Латвии, нескольких уездов Северо-Востока России, почти всей Беларуси и Западной Украины, включая Волынь и Подолию.

Кстати, объективные предпосылки для этого уже существовали, поскольку еще при немцах поляки предусмотрительно начали создавать свои вооруженные организации в Минске, Слуцке, Вильно (Вильнюсе), Ковно (Каунасе), Лиде и Гродно. И хотя именовалась эта подготовка по-польски изящно «формированием отрядов самообороны», благородная цель защиты от агрессора была в данном случае лишь дымовой завесой. Подтверждением чему может служить тот факт, что уже 7 января 1918 г. декретом Пилсудского эти нелегальные формирования под командованием специально назначенного генерала вошли в состав Войска Польского. Тогда же был создан и Комитет обороны окраин, который обратился к польскому правительству с предложением об оказании этим формированиям финансовой помощи. Польское правительство это предложение, естественно, решило положительно. Что касается идеологического обоснования задуманного броска на Восток, то за ним также дело не стало, его кратко и емко сформулировал один из ведущих польских политиков и суперпатриотов того времени Роман Дмовский:

«Между самой сильной немецкой нацией и русской нацией нет места небольшой нации, мы должны стремиться к тому, чтобы стать нацией большей, чем мы являемся»².

Сказано — сделано, и новоиспеченная польская армия уже в январе 1919 г. начала активные военные действия на всем восточном направлении от Литвы до Волыни против РСФСР, а в Галиции и Подолии — против Западноукраинской Народной Республики (образовалась в 1918 г. на бывших австрийских землях). Стало ясно, что обретшая долгожданную независимость Польша отнюдь не собиралась признавать ее в отношении соседних народов. Да и вела себя новая польская армия вполне себе в духе походов гордой шляхты на Московскую Русь в Смутное время. Дошло даже до того, что некоторые польские газеты вынуждены были помещать сообщения о бесчинствах польской армии на востоке.

Всех, хотя бы заподозренных в сочувствии советской власти, арестовывали, пытали, расстреливали, невзирая на пол и возраст. В качестве наглядного примера приведем сообщение 2-го отдела (разведка, контрразведка и аналитика) командования 4-й польской армии на занятых белорусских территориях: «Польское

общество (на оккупированных землях. — *Авт.*) в энтузиазме стремления к соединению с Польшей не осознает, что оно является национальным меньшинством, а потому ему необходимо налаживать отношения с местным населением, не углубляя антагонизмов, ибо самой большой нашей силой в будущем может быть моральное воздействие, а не ярко выраженный шовинизм и нетерпимость....»³. И хотя разведка трезво смотрела на вещи, проку от этого было немного, поскольку расприаемые от осознания своей исторической миссии legionеры на подобные «мелочи» внимания не обращали. Такова была армия. А что же местный «польский элемент»? Тот же 2-й отдел оценивает политическую деятельность местных поляков как «просто вредную».

Неудивительно, что преступления, которые совершали военнo-служашие польской армии на оккупированных территориях в отношении непольского населения, быстро привели к соответствующему вооруженному сопротивлению. Возникло партизанское движение, получавшее помощь не только из Советской России, но даже из Литвы. Поведение же польских властей было настолько шокирующим, что вызвало однозначно просоветские настроения у местного населения. А потому даже современные польские историки вынуждены признавать, что во время войны 1920 г. большая часть белорусского населения стояла на стороне большевиков. Что касается собственно партизанских действий, то они велись еще до середины 20-х годов. Причем сначала под руководством белорусских эсеров, осевших в Каунасе, и лишь позже — Коминтерна.

В этой связи очень ценным является факт признания польской стороной следующего:

«Большинство участников этого движения составляли лица, для которых идеологические и национальные аспекты были делом второго плана. Польские власти не сумели, однако, решить ни одной проблемы, связанной с существованием в границах государства многочисленного белорусского национального меньшинства. Экономическая ситуация на северо-восточных землях Польши, национальная и религиозная политика... не давала никаких шансов на бесконфликтность действий белорусов в качестве граждан государства»⁴.

Теперь же заострим внимание на хронологии польской восточной кампании. В мае 1919 г. в Польшу прибыли подкрепле-

ния в виде польских соединений, сформированных во Франции, так называемой «армии Галлера». А уже в ходе июньского наступления того же года была ликвидирована Западноукраинская Народная Республика. Однако аппетиты Пилсудского и его верных приспешников от этого только выросли, и в декабре 1919 г. поляки подписали военное соглашение с Латвией, после чего началось совместное польско-латышское наступление против советских войск в районе Двинска (Даугавпилса).

22 января 1919 г. власти РСФСР направили польскому правительству официальную ноту на предмет начала мирных переговоров. Польское правительство не только не ответило на нее, но и скрыло ее от польской общественности, поскольку Пилсудскому был нужен не мир, а лежащие на Востоке новые территории. При том что поляки проживали и в Германии, а посему формальный повод для того, чтобы прихватить земли еще и на Западе, как будто имелся, да только с немцами воевать Пилсудский не осмелился. Те же, в свою очередь, в отличие от Советов, за просто так, во имя сомнительной исторической памяти, щедро разбрасываться территориями не пожелали. Последовали плебисциты, которые Польша большей частью проиграла. Столь же скромными оказались и результаты восстания в Силезии. Хотя бы потому, что определялись они Англией и Францией, исходя из собственных геополитических интересов, не подразумевавших расширения Польши в западном направлении. Чего не скажешь о восточном. Что, впрочем, и понятно. Польский ли «натиск на Восток», немецкий ли, какая, собственно, разница?

А что же Россия? Чем она отвечала на польский вызов? Неужто одними лишь дипломатическими нотами? Да нет, поначалу «Советы» подняли брошенную им «перчатку» и захват поляками Киева 7 мая 1919 г. парировали контрнаступлением, в ходе которого польские войска были не только выбиты из Украины, но и отступили до Варшавы. Вот только закрепить этот успех из-за многочисленных ошибок командования Красной армии так и не удалось.

К тому же противник переиграл «комиссаров» и в стратегии: правительство Польши сумело привлечь в свою армию широкие крестьянские массы путем создания сельскохозяйственного банка и выделения огромных сумм на раздел и выкуп крупных по-

местий. Да и «спонсорская» помощь Запада, в основном Франции, пришлось полякам настолько кстати, что Красная армия вынуждена была отступить. Впрочем, к тому моменту обе стороны были уже порядком измотаны и в конце концов остановились на линии старых немецких окопов периода Первой мировой войны. Только тогда начались и первые контакты между Польшей и Россией на правительственном уровне, завершившиеся 18 марта 1921 г. подписанием мирного договора в Риге, ознаменовавшего собой не только завершение военного противостояния, но и фактическое разделение двух народов — украинцев и белорусов — между Польшей и Советской Россией.

В результате этого договора Польша получила территорию в более чем 200 тыс. квадратных километров, на которой было сформировано 8 воеводств: Белостокское с преобладанием поляков, Виленское со смешанным польско-еврейско-белорусским населением, Новогрудское, где численное преимущество имели белорусы, Полесское, где белорусов и украинцев было поровну, а также Волынское, Львовское, Станиславовское и Тернопольское, где титульной нацией являлись украинцы. Всего же, по данным переписи 1931 г., на включенных в состав Польши по рижскому договору землях проживало около 13 млн человек — примерно одна треть всего населения Польши.

Но и это было еще не все, что перепало ненасытным полякам по положениям Рижского договора. Так, несмотря на то что в ходе военных действий польскими войсками только на территории Белоруси был нанесен ущерб на 52 млн царских золотых рублей, советское правительство согласилось выплатить Польше в годичный срок 30 млн золотых рублей, признавая вклад польских земель в экономику России! Вместе с тем, против всякой логики, Польша освобождалась от ответственности за долги и финансовые обязательства Российской империи, при том что, как часть ее, получала часть иностранных кредитов! О сколь-нибудь сравнимых благодеяниях в отношении Польши со стороны послевоенных Австрии и Германии история умалчивает, зато хорошо известно, что сегодняшние граждане независимой Польской республики спят и видят, как бы им за ограбление «восточных окраин» в 1939 г. выставить счет азиатам-русским, да побольше! А что, халява, так халява!

Однако вернемся в годы двадцатые. А они показали, что подымавшаяся как на дрожжах Польша не знала удержу ни в чем. Похоже, до срока дремавшие в ее недрах гены воинственной шляхты дождались своего часа. Правда, век на дворе был уже не восемнадцатый, а как-никак двадцатый, а потому откровенно хищническую политику под лозунгом «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» неумным польским вождям приходилось всячески камуфлировать. В чем они, впрочем, премного преуспели, и следующую вылазку — захват Вильно (Вильнюса) и прилегающей к нему области — обтяпали чуть ли не в стиле грядущих оранжевых революций века двадцать первого.

А было так. В августе 1920 г., терпя поражение от успешно наступающей Красной армии и стремясь заручиться поддержкой западных держав-победительниц, Польша согласилась с тем, чтобы граница будущей Польши проходила западнее Вильно и тем самым де-факто отдала сам город Литве. А посему какие-либо законные основания для включения Вильно в состав своего нового государства у поляков как будто бы отсутствовали, что, однако же, не мешало им этого страстно желать. А также искать подходящий повод, за которым дело не стало. Ведь в Вильно тоже имелись поляки, и их, само собой разумеется, нельзя было бросать под литовским «иглом».

И как раз таки ради этой благородной цели презревший условности браваый генерал Люциан Желиговский выходит из подчинения родной польской армии и проводит на «захваченной» территории, что была названа Срединной Литвой, так называемые выборы в так называемый Виленский сейм, который — бывают же такие совпадения, — в феврале 1922 г. принимает постановление о присоединении Виленской области к Польше. В результате почти вплоть до начала Второй мировой войны Литва и Польша формально находились в состоянии войны. Заметим в скобках, что вступившие в Западную Украину и Белоруссию в 1939 г. советские войска подобной изворотливости не проявили, а потому на них прочно наклеили ярлык агрессора. Да что ж тут подделаешь, видно, не в каждой армии найдется «бунтарь-одиночка» вроде Желиговского, личность и подвиги которого остались недооцененными не только российскими, но даже и американскими историками. В частности, Р. Пайпсом в его «Исто-

рии Советской России (М., Прогресс, 1990. С. 252): «...в ходе советско-польской войны советские войска освободили Вильно... 12 июля 1920 г. ...был подписан мирный договор с буржуазным правительством Литвы... хотя в дальнейшем это не спасло Литву от потери Вильно, захваченного польским грабителем Желиговским...»⁵ Впрочем, справедливости ради, отметим, что романтиком в каком-то смысле Желиговский все-таки был, ибо уже во время Второй мировой войны пытался проповедовать идеи федерации славянских государств...

А теперь оставим в покое Желиговского и рассмотрим очередную польскую авантюру, ибо, как очень скоро выяснилось, от изыскного «заглатывания» Вильно и его окрестностей чувство легкого территориально-исторического голода у новой Польши не ослабело. И, видимо, исходя из принципа «Польша везде там, где есть поляки», государство романтиков (если судить по классикам польской литературы), которое с извечным призывом «За вашу и нашу свободу» должно было прирастать и впредь, попыталось заодно откусить и часть Латвии. Забыв о том, что еще совсем недавно Латвия была верным союзником Польши в борьбе с Россией, польские «каталы» пустили в ход уже опробованную крапленую карту, а именно «вспомнили» о незащищенных поляках, белорусах-католиках и латгальцах, чересполосно проживавших в районе от бывшего Двинска (Даугавпилса) до Белоруссии. Но наученные горьким опытом соседей латыши уступать не захотели, да и поляков на спорных территориях было все-таки маловато. Так что по зрелому размышлению «романтики» ограничились отступными, потребовав с независимой Латвии для своих небедных соплеменников кругленькую сумму в качестве компенсации за земельные наделы, конфискованные у 130 польских землевладельцев во время земельной реформы 1920 г. На том пока и остановились. Вот только успокоились ли? Вторая мировая показала, что нет.

Впрочем, до Второй мировой оставались еще почти двадцать лет мирной жизни, которые Польша употребила во благо своих граждан. И не беда, что это благо зиждилось на ущемлении прав не относящихся к ней народов. Ведь правда всегда на стороне победителей. Особенно когда они за свои ратные подвиги получают землю в качестве военных поселенцев, а следовательно, и

возможность обеспечить безбедное существование себе и своей семье. Что же то тех, кто проживал на этой земле раньше, в частности украинцев и белорусов, то ничего, потеснятся как побежденные, таков их удел.

Отдельный разговор — захваченные в ходе «освободительных» походов на восток советские военнопленные, а их число на территории Польши, по разным данным, составляло от 150 до 170 тыс. человек, а также военнослужащие белых частей. С точки зрения поляков, какой-либо разницы между ними не существовало, для них они были русские, а значит, исконные враги. Из попавших в плен красноармейцев 70 тысяч погибли от голода и болезней в лагерях молодого польского государства, по утверждениям польских же историков, уже тогда стремившегося к построению подлинной демократии. Хотя чему тут удивляться, если издавна культивировавшаяся в польском обществе неприязнь к России как к главному врагу Польши переросла в активную, ничем не прикрытую ненависть ко всем русским без разбору. Неважно, кем они были, пленными красноармейцами или интернированными белыми казаками. Красноречивое свидетельство тому можно найти в журнале «Родина». Вот воспоминания одной из прибывших из польского плена (лагерь Брест-Литовск) в марте 1920 г.: «Комендант обратился к нам с речью: “Вы, большевики, хотели отобрать наши земли у нас — хорошо, мы дадим вам земли. Убивать я вас не имею права, но я буду так кормить, что вы сами подохнете”. 13 дней мы хлеба не получали, на 14-й день, это было в конце августа, мы получили около 4 фунтов хлеба, но очень гнилого, заплесневелого... Больных не лечили, и они умирали десятками... В сентябре 1919 г. умирало до 180 человек в день»⁶.

Так поступали с красными, представителями армии Советов, которая в сознании польской военной и политической элиты была нечем иным, как армией быдла, и человеческого отношения не заслуживала по определению. Ничуть не лучше, а порой даже и хуже — с белыми. В том же номере журнала «Родина» имеются сведения о тяжелой участи интернированных деникинцев, а они были отвратительны не только своей русскостью как таковой, но и тем, что в отличие от большевиков не признавали самого факта отделения Польши от России.

Ушедшие из Одессы в начале 1920 г. под натиском красных войска генерала Бредова решили двигаться на соединение с поляками. При этом участник этих событий генерал Штейфон писал, что о поляках белые не имели никаких сведений, за исключением того, что Польша тоже воюет с Совдепией⁷. Надо признать, что поначалу поляки отнеслись к прибывшим белым войскам неплохо и даже как будто шли переговоры о выделении им участка фронта для ведения совместных боевых действий против красных. Но так было лишь до тех пор, пока ситуация на фронте складывалась в пользу красных. Впоследствии бредовцы были интернированы с условием временного пребывания на территории Польши до возвращения к Деникину при условии сдачи оружия и обозов. Но как только они сдали оружие, их тотчас же загнали в лагеря для интернированных, которые по сути являлись концлагерями. Не в счет было и то, что еще совсем недавно Деникин содействовал отправке в Польшу бригады Зелинского, сформированной на юге России из польских беженцев, и возвращению тех же самых беженцев на родину.

Когда же положение на фронте изменилось в пользу начавших наступление польских войск, бредовцы и вовсе превратились в глазах поляков в ненужную обузу. Со всеми вытекающими последствиями. Материальная помощь с Запада, который формально являлся союзником белых, до лагерей, в которых находились военнопленные, не доходила. Содержались они в совершенно непригодных зданиях с окнами без стекол, где им приходилось спать прямо на земле, переносить издевательства и избиения. Случалось, что по баракам стреляли, видно, кипела душа у храбрых польских охранников от одной мысли, что русские, пусть и пленные, топчут священную польскую землю. Адьютант генерала Бредова Циммерман впоследствии вспоминал: «Один из полковников, заведовавших лагерями, в резкой форме спросил меня: понимаю ли я, что я нахожусь в пределах польского государства и что обращения к иностранным военным миссиям совершенно неуместны и могут лишь иметь отрицательные последствия... В военном министерстве сидели почти исключительно "пилсудчики", относившиеся к нам с нескрываемой злобой... Они ненавидели старую Россию, а в нас видели остатки этой России...»⁸ О том же писал и генерал Промптов: «Полгода

войска и беженцы протомились в польских лагерях за проволокой, без денег, в одежде и обуви, пришедших в негодность, на крайне скудном пайке... Отношение поляков, чрезвычайно любезное, предупредительное и заискивающее поначалу, пока мы были вооружены и представляли силу, сменилось недоброжелательностью и презрением после того, как мы сели за проволоку». Неудивительно, что в свете этих мрачных обстоятельств, крокодиловы слезы, проливаемые ныне польской стороной по поводу горькой участи соотечественников, попавших в советские лагеря в 1939 г., вызывают сочувствие далеко не у каждого. Что делать, шановни панове, как аукнется, так и откликнется.

Впрочем, панове, кажется, никогда и не скрывали, что в данном вопросе руководствоваться общепринятой логикой они не собираются и всю оперируют навязшими в зубах двойными стандартами. А потому рассуждают, видимо, следующим образом: как можно сравнивать заморенных голодом красноармейцев с польскими офицерами, если первые ничтожные лапотники, а вторые цвет нации? Кстати, по крайней мере в частных беседах подобную точку зрения автору слышать приходилось. Но и это еще не все. Ибо существует еще одна не менее научно-фантастическая версия, в соответствии с которой межвоенная Польша, захватывая чужие земли и гноя в лагерях сотни тысяч военнопленных, на самом-то деле спасала Европу от большевизма. Вставала, так сказать, живым щитом на пути у чуждых цивилизации бесчисленных орд. Понятно, что полякам сознание своего исторического «величия» — словно бальзам на душу, вот только известен ли спасенной Европе сам факт спасения, доселе неведомо.

Обидно, однако, другое. А именно то, что сегодня, в период относительности всех принципов, наверняка найдутся оправдатели для этой польской галиматии, видя ее первопричину в закономерной реакции поляков на многие годы их вынужденного рабства в составе Российской империи. Вот только доводы в защиту этого тезиса будут у них слабоватые, ибо давно и широко известно, что проклятый русский царизм как-либо персонально, по национальному признаку, поляков не притеснял, и на территории Российской империи они пользовались правами ничуть не меньшими, чем прочие населявшие ее народы, а в западных губерниях даже представляли собой привилегированный слой.

Даже присягу в русской армии поляки произносили на родном языке, что тем не менее не мешало им относиться к ней в высшей степени формально.

Что же касается пресловутой цивилизованности, которой панове так любят кичиться, то, как вы, надеюсь, уже успели заметить, до сих пор у нас с Вами не было ни малейшей возможности в ней удостовериться. В конце концов, не считать же самым ярким из ее проявлений уже упомянутое выше массовое уничтожение русских военнопленных в польских лагерях. Или варварскую расправу над делегацией советского Красного Креста в 1919 г. А ведь тогда польских жандармов не остановило даже то обстоятельство, что наивные большевики поручили руководство ею поляку, известному революционному деятелю Брониславу Весоловскому, который был соратником по борьбе с проклятым царизмом аж самому Пилсудскому! Ан нет, не договорились. Весоловского сочли предателем и недрогнувшей рукой порешили, а наконец свободная (от чего?) польская пресса пропела его убийцам панегирик: «...Все это совершили храбрые воины, с огнем кладущие жизнь за отчизну. Расстрел этой якобы миссии Красного Креста был типичным актом коллективного самосуда, каковой представляет собой явление самозащиты общества, когда оно не доверяет эффективности официальной юстиции... Подсудимые признаются в убийстве членов советской миссии, считая, что они не несут никакой вины, так как действовали из идейных соображений...»

А теперь признайтесь, такая постановка вопроса вам ничего не напоминает? А именно революционную законность, в которой премного преуспели столь ненавистные «цивилизованным» полякам большевики? Одно непонятно: почему же их тогда возмущало ровно такое же «вероломное» отношение с противоположной стороны? Похоже, тут снова либо проблемы с логикой, либо с (не к ночи будь помянутыми!) двойными стандартами. Дескать, свою блистательную цивилизованность следует демонстрировать только перед теми, кто ее достоин, остальным и чего попроще сгодится. Особенно этим дикарям русским. Даром что их всемирно знаменитый писатель А.П. Чехов однажды заметил, что по-настоящему интеллигентному человеку бывает совестно даже перед собакой.

И все же не будем уж очень увлекаться выводами и обобщениями. Для них еще наступит свой срок, а пока продолжим анализировать голые факты истории. В частности, послевоенного государственного строительства изрядно расширившейся Польши, которая мгновенно позабыла о взятых на себя обязательствах. Так, согласно Рижскому мирному договору она обещала Советской России предоставить белорусам, русским и украинцам, оставшимся на отошедших к ней территориях, все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов, а УССР и РСФСР согласились возвратить полякам различные военные трофеи, все научные и культурные ценности, вывезенные с территории Польши начиная с 1 января 1772 г., когда часть Польши была включена в состав Российской империи. Однако благие намерения с польской стороны так и остались на бумаге, и очень скоро новая Польша стала вести себя как государство одной нации. Какой — нетрудно догадаться. А то, что в восточных воеводствах Польши — на так называемых Восточных окраинах — даже по официальным данным поляки составляли всего 39,7 % — не смущало никого. Хотя нет, пожалуй, все-таки смущало, раз уж поляки немедленно взялись за колонизацию этих земель.

Но была и другая причина для подобного рвения, выражавшаяся в понятной заинтересованности польских крестьян, которые, как и в России до революции, не могли похвастать большими наделами. Неблагоприятную ситуацию подогревало и то обстоятельство, что по всей Польше, в отличие от соседней России, оставались нетронутыми крупные поместья. А это, в свою очередь, нервировало подверженный красной заразе простой люд, то и дело порывавшийся поделить излишки земли. Да и неудачно начавшаяся война с Советами общего настроения не улучшала. А потому, дабы избежать нежелательных последствий, а заодно и заманить селянина в армию, польскому правительству пришлось пообещать земельную реформу.

Затем, когда наступление Советов все-таки отбили, земельный вопрос со всей своей остротой встал вновь. И вновь зажиточные соплеменники вернувшихся с фронта польских крестьян не пожелали делиться излишками, причем до такой степени, что в 1921 г. в Польше законодательно была закреплена непри-

косновенность частной собственности. Которая тем не менее не распространялась на присоединенные «восточные окраины» и их обитателей: украинцев, белорусов и русских. Напротив, там допускалось разделение государственных имений, имений с плохим ведением хозяйства и принадлежащих лицам, враждебным польской нации. Кроме того, разрешалось выкупать за мизерные суммы излишки земли за Бугом, то есть у землевладельцев бывшей Российской империи.

Как раз-таки за Бугом польские реформаторы и развернулись: излишки земли выкупили и раздали ветеранам боев с Советами, так называемым осадникам, то бишь военным поселенцам-колонистам. Таким образом начали возникать поселки колонизаторов из бывших польских военных на украинских и белорусских землях. Их созданием польские власти убивали двух зайцев: и окраины больше на Польшу смахивать стали, и народу для догляду за гражданами, не желающими стать поляками, прибавилось. Что, собственно, никем и не скрывалось. Тот же Винценты Витос, борец за крестьянские права, лидер Народной партии (Стронництво Людовэ), сидевший при Пилсудском за защиту крестьян, откровенно заявлял, что только польский крестьянин в состоянии закрепить за Польшей земли на «восточных окраинах», поскольку он их освоит и защитит. В связи с чем на ум приходит история США, где в свое время тоже осваивали пространства и защищали их от дикарей.

По данным «Энциклопедии истории Беларуси», только на территорию Западной Белоруссии в период 1921—1939 гг. с этнически польских земель было переселено около 300 тыс. так называемых осадников, а также разных категорий чиновников и рабочих. Так в Западной Белоруссии вместо обещанной культурной автономии началась политика сплошной полонизации. В том числе и путем крутых мер в отношении местной системы образования. «Несмотря на то что в Версальском (статья 2), Рижском (статья 7) договорах и в конституции Польской Республики (статьи 111—116) за белорусами в составе Польши признавалось самостоятельное политическое, культурное и экономическое развитие, только до марта 1923 года из 400 существовавших к моменту аннексии белорусских школ были закрыты все, за исключением 37. Одновременно там было открыто 3380 польских школ, пре-

имущественно в послевоенное время»⁹. Количество белорусских школ систематически сокращалось, и в 1938—1939 школьном году оставалось 5 общеобразовательных польско-белорусских школ, 44 школы с белорусским языком, как одним из предметов, и 1 гимназия. Та же участь постигла белорусские учреждения культуры и общественные организации.

«Православная церковь, как в украинских, так и в белорусских областях, в межвоенной Польше подвергалась тяжелым преследованиям. По данным организаций обоих меньшинств, 1300 церквей были преобразованы в католические, частично с кровопролитием»¹⁰. Однако и эта бесстрастная объективность немецких исследователей не отражает безрадостной картины во всей ее полноте, а потому мы дополним ее сведениями о физическом уничтожении православных церквей поляками, приведенными в статьях и проповедях архиепископа Серафима (Соболева), современника тех событий: «Самое разрушение церквей производится вандальским способом. Неожиданно ночью, под охраной пулеметов, появляется отряд полицейских, иногда с арестантами, и к утру церковь уничтожается до основания. При этом бывают случаи ужасного кощунства над св. Дарами и другими священными предметами нашего религиозного почитания. Священники и прихожане, которые пытаются защитить святыни, избиваются полицией, арестовываются и предаются суду. Все жалобы высшим властям остаются безответными»¹¹. Показателен и тот факт, что тогда же, а именно с 1938 г., из немногочисленных чудом уцелевших православных церквей поляки целенаправленно изгоняют русский язык. При этом запрещаются, как проповеди на русском языке, так и церковное делопроизводство. Тем самым новая польская власть дает понять, что искоренение всего русского на восточных окраинах является одним из основных направлений внедрения «более высокой польской цивилизации».

Об этом же писал в своих воспоминаниях один из видных белорусских националистов Я. Малецкий: «Перед тем как разразилась Вторая мировая война, жизнь в Западной Белоруссии находилась под тяжелым прессом польского национализма. Белорусское национальное движение едва дышало под непрерывными преследованиями польских полицейско-административ-

ных властей, которые тешили себя видением уже в ближайшем будущем уничтожить на белорусских землях все белорусское»¹².

Попытки же белорусской интеллигенции хоть сколько-нибудь ослабить давление и установить более-менее нормальные отношения с польскими властями неизменно терпели крах. По свидетельству все того же Я. Малецкого, современника описываемых событий, это не удалось даже незначительной группе «полонофилов». Их лидер Радослав Островский быстро впал в немилость у поляков и во второй половине 30-х годов был переведен работать учителем в Лодзь. «Да и как могло развиваться среди белорусов полонофильство, когда польское правительство цинично пророчило, что через 50 лет на территории Жечы Пospолитой (Польской республики) и следа не будет чего-либо белорусского, и ради этого виленский, новогрудский и белостокский воеводы глушили минимальные проявления белорусской культурно-национальной деятельности среди народа?»¹³

На украинских землях дело обстояло не лучше. Вот что рассказывает об этом участник 2-й мировой войны, историк и публицист Збигнев Залусский: «Только на Волыни в 1938 г. в костелы было преобразовано 139 церквей, разрушено 189, оставлены действующими лишь 151. И так шаг за шагом ликвидировались украинские культурные или же хозяйственные учреждения в бывшей Восточной Галиции... Опять же на Волыни, на селе, где 80 % населения составляли украинские крестьяне, из 2 тысяч общеобразовательных школ только 8 было украинских, а в 500 украинский использовался в качестве второго»¹⁴.

В Восточной Галиции в 1922 г. было 2247 польских школ, 2426 украинских и ни одной двуязычной, однако всего через 3 года положение радикально изменилось: польских школ стало 2325, украинских 745 и двуязычных 745. Да и в других частях нового польского государства, население которых составляли славянские меньшинства, ситуация была ровно такая же. Переговоры с украинцами об учреждении для них национального университета окончились провалом, правительство отвергло доводы украинской стороны относительно создания такового во Львове (еще бы, там ведь надо было укреплять пока что неудовлетворительную «польскость»). Небезынтересно, кстати, что по этому поводу писал уже известный нам З. Залусский: «...когда премье-

ра очередного правительства пилсудчиков, профессора Казимежа Бартля спросили, не собирается ли он наконец открыть украинский университет во Львове, то он якобы ответил: "Сначала мне пришлось бы расстрелять половину сейма"».

Естественно, что подобное состояние вещей вызывало среди белорусского и украинского населения справедливое негодование, которое усиливалось под влиянием просачивающихся сквозь кордоны известий о происходящем на территории СССР. А там, при всех идеологических и прочих перекосах, национальные культура и образование не только не притеснялись, но и имели государственную поддержку. Как уже упоминалось, это приводило к возникновению партизанского движения, наиболее сильно проявившегося на Волини.

Реакция польского правительства тоже не заставила себя ждать и выразилась в создании так называемого Корпуса охраны пограничных территорий (КОП), задача которого в двадцатые годы состояла в борьбе с антипольским партизанским движением. Предпринятые репрессивные меры, состоявшие в карательных операциях, хотя и привели к снижению активности партизан, имели результатом усиление враждебного отношения местного населения как к польскому государству, так и к польскому населению, являвшемуся на этих территориях меньшинством. А потому и после ликвидации партизанского движения КОП распущен не был и стал в дополнение к полиции еще одним репрессивным органом в приграничных областях с непольским населением.

Таким образом, действия правительства, направленные, казалось бы, на укрепление позиций Польши в восточных воеводствах, на самом деле усугубляли и без того напряженные отношения между поляками и местным населением. А особенно преуспели в этом так называемые осадники, военные поселенцы, привлечение которых на вновь присоединенные территории носило массовый характер и воспринималось украинцами и белорусами как ярко выраженная колонизационная. Что и неудивительно, поскольку помимо земельных участков осадники наделялись еще и определенным объемом полицейских полномочий, заедомо противопоставляющих их остальному, непольскому, населению.

Следствием всех этих действий польских правительств, независимо от того, на какой партийной основе они формировались, стало усиление позиций нелегальных организаций националистического толка. И если на территории с белорусским и литовским населением положение было более или менее стабильным, то на территории Украины с 1919г. существовала организация «Воля», позже преобразованная в «Украинскую войсковую организацию» (УВО) и ставившая целью создание украинского государства.

Следующим ответом радикальных элементов украинского общества на притеснения со сторон поляков явилось создание в 1929 г. на основе УВО «Организации украинских националистов» (ОУН). Фактически можно говорить о том, что ОУН объявила войну польскому государству. Она провозглашала лозунг «национальной революции» и добивалась независимости Украины исключительно вооруженными методами. Уже на первом съезде ОУН в 1929 г. была принята резолюция, в которой значилось: «...в ходе национальной революции должно произойти полное устранение с украинских земель всех оккупантов». А таковыми на территории Волыни и Галиции являлись поляки. И потому свои действия ОУН увязывала с террористическо-диверсионными действиями против местной польской администрации, а также польского населения. ОУН также использовала террор против украинских деятелей, старавшихся достичь взаимопонимания с польским правительством, против украинских организаций левого толка и представителей СССР в Польше. Кроме того, в своей борьбе ОУН делала ставку на фашистскую Германию, надеясь, что с ее помощью ей удастся освободиться от Польши.

В свою очередь, власти санационной Польши использовали деятельность террористических групп ОУН в качестве повода для проведения «замирения» по принципу коллективной ответственности. То есть попросту отказались от поисков конкретных исполнителей тех или иных актов саботажа и диверсий, на скорую руку сколачивая карательные экспедиции из полицейских и армейских формирований. Дабы поскорее успокоить польскую общественность, группировки подобных «миротворцев» направлялись в населенные украинцами места, зачастую и в такие, где никаких антиправительственных действий не предпринималось.

Прибывая в украинские деревни, польские «миротворцы» первым делом стирали с лица земли все, что говорило об украинской принадлежности: срывались доски с наименованиями украинских общественно-культурных организаций, громились и уничтожались читальни, библиотеки, кооперативы. Отмечались случаи изнасилования женщин. Во время обыска в крестьянских домах выбивались стекла, высыпалось зерно, разбивалась домашняя утварь. Армейские подразделения стреляли в демонстрантов на Волыни. Там, где особо жестоко проводилось подавление национального движения, развитие чувства национального унижения неизбежно вело к поддержке боевиков Организации Украинских Националистов. В тюрьмах, в концентрационном лагере Береза Картуская подвергались пыткам и издевательствам сотни и тысячи украинцев и белорусов. Противоположная сторона в долгу не оставалась и отвечала выстрелами, жертвами которых становились и министр правительства, и польские служащие, и ни в чем не повинные люди. Там же, в Березе Картуской, получил хорошее польское «воспитание» и Тарас Боровец, будущий создатель «Полесской Сечи» Украинской повстанческой армии, оказавшейся не по зубам Армии Крайовой.

А теперь представим свидетельства украинцев о новой польской родине. «После польско-большевистской войны в 1920 г. и подписания Рижского договора в 1921 г. на Волыни и на Восточной Галичине наступила эпоха господства поляков. «Восточные территории» на это время стали аренной конфликтов, которые касались буквально всех сторон жизни. «Полонизация», особенно при режиме «санации» маршала Юзефа Пилсудского, постоянные ущемления национального образования, закрытие греко-католических и православных церквей, дерзкая деятельность многочисленных польских полувоенных обществ, проблема «осадников» (сотни тысяч поляков, в основном военных, в рамках государственной программы переселялись на Волынь и, в меньшей степени, на Восточную Галичину, получали лучшие земли и занимали абсолютное большинство должностей в государственном секторе), контрибуции, ревизии на селе и в кооперативном движении, подавление культурно-автономистских устремлений, и наконец просто вопиющее социальное не-

равенство — все это вызывало сопротивление украинцев, и как результат, акты гражданского неповиновения.

Попытки поляков и украинцев найти общий язык (деятельность Волынского воеводы Генрика Юзефского, митрополита УГКЦ Андрея Шептицкого) находили понимание среди рядовых граждан, но наталкивалось на яростную оппозицию радикалов по обе стороны баррикад»¹⁵. И как результат этого, после вступления Красной армии 17 сентября 1939 г. на территорию Польши подразделения польской армии, формировавшиеся на территории Восточных окраин и сражавшиеся в соответствии с присягой против немецких войск, просто-напросто самораспустились. Рассудив, что с того момента как польское государство перестало существовать, данная ему присяга уже ни к чему их не обязывает. По крайней мере такой логикой руководствовались солдаты 11-й дивизии польской армии, которые 17 сентября 1939 г. спокойно разошлись по домам.

«Межвоенная Польша по существу так и не стала единой интегрированной страной. Всегда в ней была Польша А и Польша Б., — констатировал уже известный Вам З. Залуский. — Это касалось не только экономической политики государства, но затрагивало позиции всех политических течений и самого обыденного человеческого сознания. Все польские политические движения исключали из своей деятельности Восточные окраины. Сознательно и планомерно их не подключала к своим действиям по борьбе с диктатурой Пилсудского и парламентская оппозиция... С точностью наоборот, каждый сигнал, что “на окраинах что-то шевелится”, был одновременно сигналом для внутреннего мира в центре страны. В государственной администрации людей для наказания посылали на восточные окраины, как в сибирскую ссылку»¹⁶.

С небольшими сокращениями приведем отрывок из воспоминаний потомка известного русского княжеского рода А. Трубецкого, которого военная судьба в 1942 г. забросила из гитлеровского плена в Западную Белоруссию: «Как я уже говорил, имение было расположено в Западной Белоруссии, отошедшей после революции к Польше. Основное население — белорусы, но все командные посты занимали поляки, смотревшие на белорусов свысока. ...Многие крестьяне, с которыми я общался в

Щорсах и Болотце, жаловались на национальный гнет... Притеснение по линии национальной сочеталось с притеснением экономическим. (Одна из форм такого притеснения — осадники — легионеры Пилсудского. Им были выделены лучшие земли, и они жили хуторами среди местного населения как люди высшего свойства. Это была опора Польши на востоке страны. В 1939—40 годах их всех вывезли на восток в наши лагеря, как и всю польскую «верхушку» — интеллигенцию.) Правда, ради справедливости надо сказать, что тамошние крестьяне материально жили в большом достатке, совершенно несравнимо с тем, как жило наше колхозное крестьянство. Но так уж устроен человек, что ему всегда плохо.

... Во всяком случае, когда в 1939 году власть поляков кончилась, особенно недовольные и обиженные стали мстить наиболее рьяным притеснителям. Были зверски убиты на краю графского парка несколько поляков, наиболее ненавистные крестьянам»¹⁷.

Тем парадоксальнее звучит высказываемое сегодня польской стороной мнение о том, что вступившая в 1939 г. на территорию Западной Украины и Белоруссии Красная армия нанесла удар в спину польским войскам, которые якобы имели возможность стабилизировать положение на фронте за счет частей на востоке. Имея в виду «восточные окраины», населенные преимущественно украинцами и белорусами, в подавляющем большинстве не считающими своим долгом воевать за чуждое им по сути государство. Больше того, явление массового неподчинения польским властям возникло и в тех регионах, куда РККА еще даже и не вступила. Так, например, г. Скидель под Гродно был захвачен и в течение 2-х дней удерживался повстанцами из местного населения. В результате, вместо того чтобы отражать немецкое нашествие, частям польской армии приходилось подавлять подобные выступления. При этом в соответствии с действовавшим военным положением повстанцы попросту расстреливались. В отместку лидер белорусских национал-социалистов Фабиан Акинчиц представил немецкому командованию свои предложения относительно создания белорусской диверсионной группы для действия в тылу польской армии.

К тому же, как отмечают польские же историки, на большей части северо-востока Польши не только не имелось крупных подразделений польской армии, но даже и полиции, которая эвакуировалась вместе с госадминистрацией и местными органами самоуправления. Вслед за польским правительством и польским главнокомандующим паном Рыдз-Смиглы, сбежавшими из Варшавы за границу уже на четвертый день войны. В этой ситуации, когда структуры польской власти фактически распались, а советские еще не были созданы, об общественной безопасности на данной территории не было и речи. Повсеместно совершались нападения не только на подразделения польской армии, но и на гражданское население, а также грабежи, в отдельных случаях сопровождаемые убийствами. Так продолжалось до тех пор, пока органы советской власти и НКВД не заполнили административный вакуум, возникший после распада прежней системы.

Впрочем, современные польские исследователи предпочитают представлять эти события в принципиально ином свете, а именно как инспирированные Советами и вездесущим НКВД, не обращая внимания на то, что наиболее существенную роль в них сыграли бедность и социальное неравенство, творящиеся на вновь присоединенных землях. Да, основными жертвами насилия были этнические поляки, но только потому, что являлись землевладельцами, осадниками, полицейскими и госслужащими различного ранга. Им, как представителям польской армии и государства на восточных окраинах, просто-напросто мстили за понесенные в прошлом оскорбления и унижения. Понятно, что не надо иметь так уж много фантазии, чтобы в наши до приторности либеральные времена истолковать подобные события в качестве имеющих исключительную антипольскую направленность, но вряд ли это отменит неоспоримый исторический факт: организовать эффективное сопротивление немецким войскам в условиях, когда местное население «восточных окраин» не отличалось лояльностью к польским властям, было абсолютно нереально.

И все же беспрепятственное вступление Красной армии на территорию Западной Белоруссии 17 сентября 1939 г. произвело эффект своей неожиданностью. Кто бы мог подумать, что польские милитаристы и политики, которые звонко щелкали

каблуками да ловко размахивали «сабелькой», так быстро и ловко разбегутся, словно крысы, от большевиков.

А потом был проведен референдум, и области, населенные украинцами и белорусами, воссоединились. И как бы там ни было, а своего, то бишь нужных результатов голосования на территории Восточной Украины и Белоруссии, Советы все-таки добились, вызвав, правда, недовольство и озлобление, но теперь уже с польской стороны. И оно, это озлобление, с особенной откровенностью выразилось в словах одного из ее представителей, жителя Столпинского уезда в Полесье: «Если поляки вернуться к власти, то белорусам тут житья не будет, мы будем их вешать за то, что они оказались предателями, когда входила Красная армия, убегали из польской армии».

В 1941 г., с началом немецкой оккупации, подобные настроения, господствовавшие в пределах северо-восточных земель, нашли свое страшное подтверждение в многочисленных случаях самосудов и передачи поляками гитлеровцам белорусов, сотрудничавших с советскими властями. Кстати, тогда же «отличились» и вернувшиеся с немцами бывшие польские землевладельцы, при поддержке оккупационных властей учинившие расправу над белорусскими крестьянами, наделенными землей после вхождения этих территорий в СССР. Но этому противостоянию поляков и других национальных меньшинств, происходившему с 1939 по 1945 г. и принесшему множество жертв, мы посвятим особую главу.

А в остальном пусть читатель сам рассудит, насколько далеко от истины были большевики, поместившие в газете «Правда» от 14 сентября 1939 г. статью под названием «О внутренних причинах военного поражения Польши», в которой констатировалось: «...в чем же причина такого положения, которое привело Польшу на край банкротства? ...Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств, в особенности украинцев и белорусов... Правящие круги Польши, кичащиеся своим якобы свободолобием, сделали все, чтобы превратить Западную Украину и Белоруссию в бесправную колонию, отданную польским панам на разграбление... Национальные меньшинства Польши не стали и не могли стать надежным оплотом государственного режима...»

А если кому такая характеристика не по нраву — все же она взята из большевистской передовицы, — для тех приведем мнение русского философа Ивана Ильина, наиболее последовательного и непримиримого идейного врага советской власти. Так вот что он писал в 1931 г.: «Всюду, где имеются национальные меньшинства, тщетно добивающиеся *культурной автономии, свободы вероисповедания, языка и школы*, — почва для интернационалистической пропаганды большевиков дана.... В настоящее время почти все национальные меньшинства Европы ошибочно убеждены в том, что в советской России существует “национальная свобода” и что коммунисты создали в этом отношении “образцовый строй”»¹⁸. И это самое простое объяснение тому, почему значительная часть белорусов, евреев и украинцев с радостью и надеждой встречали Красную армию. И пусть их надежды во многом не оправдались, ничего лучшего поляки им все равно предложить не могли. Да по большому счету и не хотели.

Глава 2

Поляки без Польши. Что делать дальше?

Разгром и вновь начало

Итак, 2-я Польская Республика перестала существовать. В соответствии с пактом Риббентропа — Молотова одна половина ее территории — Западная Украина и Западная Белоруссия — с сорока процентами населения, состоящего из украинцев, белорусов и евреев, отошла к СССР, вторая, более населенная, по преимуществу поляками, досталась Германии. При этом последняя из львиной доли польских земель сформировала так называемое Генерал-губернаторство, а оставшиеся включила непосредственно в состав Третьего рейха. Кроме того, Советским Союзом была передана Литве так называемая Виленская область.

В связи с чем, пусть это и не входит в задачу данного исследования напрямую, трудно удержаться от в меру язвительного комментария на прогорклую тему пакта Риббентропа — Молотова, безудержным осуждением которого ретивая «прогрессивная общественность» все языки себе измозолила. В том числе, конечно же, и польская с литовской. А ведь тогда, в далеком ныне 1939-м, СССР всего лишь вернул себе свое, и не более того. Да еще и о маленькой беззащитной Литве позаботился, подарив ей ее же столицу, прежде отнятую поляками. А посему, если у Польши и имеются очевидные резоны мусолить навязшую в зубах тему пакта, то Литве лучше б не соревноваться с ней в «прогрессивности», а от души благодарить Россию за щедрость. А впрочем, хватит уже риторики, ибо давно известно, что там, где из

«спущенной» с Капитолийского холма «демократии» делают идола, а затем прилежно расшибают перед ним лбы, о душе говорить не принято.

Вернемся-ка лучше к тем знаменательным событиям, что уже в наши дни столь активно используются для создания мифов, традиционно основывающихся на ревизии бывшей собственной, а теперь уже ставшей для многих чужой истории. Понятно, что «новая» независимость, польская ли, украинская, неважно, требует как минимум новых героев, которые за нее, эту независимость, естественно, жертвенно боролись. При этом рецепт их массового производства крайне незамысловат. Во-первых, желательно, чтобы они были «без страха и упрека» и пользовались горячей поддержкой стремящегося к независимости народа. Во-вторых, находились в искусственных условиях равноудаленности от тех, кто нынче объявлен оккупантами — СССР (России) и гитлеровской Германии. Что касается последних, в смысле оккупантов, то требования, предъявляемые к ним, сводятся к одному: они должны быть практически неотличимы по набору отрицательных качеств. По принципу — мерзавцы (террористы, подонки, убийцы — кому что больше нравится) национальности не имеют.

Итак, о мифах. Начнем с самого основного из них — о насильственном включении Западной Украины и Белоруссии в состав соответствующих республик СССР, или, другими словами, «незаконного» отъема родины. Поскольку от него проверенным методом «почкования» произошли все остальные: о референдумах, проведенных по указке НКВД, об исключительно антипольских репрессиях, о «героических деяниях» польских подпольных организаций и партизанских отрядов в гитлеровском тылу во время войны и в советском по ее завершении и т.п.

А теперь по порядку. Так как же все-таки было с пресловутыми референдумами по присоединению бывших восточных окраин Польши к СССР, проведенных в 1939 г.? Были ли они волеизъявлением народа или, в соответствии с навязчивой идеей польских и российских исторических правдорубов, волеизъявлением НКВД?

Исходя из тезиса, что краткость — сестра таланта, сегодняшний польский взгляд на эти референдумы предельно ясно изло-

жил некто пан Пётровский, заявив, что перечень советских преступлений в период второй мировой войны очень велик и к ним в том числе относятся:

— нападение и оккупация в сентябре 1939 г. Восточной Польши...

— ничем не оправданная передача Литве Вильно и Виленской области...

— фальсификация плебисцитов, на основании которых оккупированные польские территории были включены в Белорусскую ССР и Украинскую ССР¹.

И сделал он это не где-нибудь, а в докладе о советских преступлениях, зачитанном перед канадской общественностью по случаю юбилея завершения Второй мировой войны. В связи с чем нельзя не отметить, что поляки демонстрируют необычайную мобильность, странствуя по свету с целью популяризации польских «страданий» от Советов.

Впрочем, в этом они не одиноки, хотя, надо отдать им должное, польский голос в общем обличительном хоре нынче, пожалуй, солирует, даром что «петуха» дает. К тому же со времен перестройки к польским вагантам от истории присоединилась и российская «прогрессивная» общественность, твердящая вслед за ними, что отмеченные выше референдумы проводились под руководством и контролем НКВД. Не давая себе при этом труда представить, как можно контролировать подачу голоса у каждого отдельно взятого избирателя. Во-первых, где столько сотрудников НКВД набрать, а во-вторых, к чему вообще такое громоздкое мероприятие проводить?

Пожалуй, диктатору Сталину хватило бы и какой-нибудь резолюции о включении в состав СССР соответствующих республик. Кто бы ему возразил? Так нет же, вздумал зачем-то огород городить, не иначе затем, чтоб будущим историкам-правдолюбам было о чем потолковать. Или — почему бы и нет? — тов. Сталин всего лишь перенял передовой польский опыт по проведению волеизъявлений, в которых наша западная «миролюбивая» соседка преуспела в период неустанного приращения своей территории за счет близлежащих стран. В том числе и России, если кто забыл. А Впрочем, в Польше ведь, в отличие от России, строилось не какое-то там ублюдочное социалистическое государ-

ство, а истинно правовое, на мелкие грешки которого можно и глаза закрыть. Что, собственно, и делали столпы европейской демократии Англия и Франция.

А теперь поподробней о тех самых польских референдумах, которые по определению не шли ни в какое сравнение с «подневольными» советскими. Так вот, были, были вокруг обретшей независимость Польши спорные в этническом отношении земли, входившие в состав Германии: Верхняя Силезия, Вармия, Мазовия и Повисленский край, где вперемежку уже давненько жили как немцы, так и поляки. Спору нет, когда-то, в незапамятные времена, они, эти земли, были в составе Речи Посполитой, но с тех пор столько воды утекло. Тем не менее в соответствии с положениями Версальского договора на всех этих территориях предписывалось провести плебисциты, дабы узнать мнение населения о том, в каком же государстве из двух оно предпочитает жить. И что же получилось? В Вармии и на Мазовии, где результаты определялись по отдельным административным округам, итоги референдума в целом были отрицательными для польской стороны, так что в общей сложности к Польше отошло только 8 административных единиц. Тем поучительнее объяснение, которое польские историки дают этой неудаче. Так вот, по их разумению, вся загвоздка в том, что время для плебисцита уж больно неудачно для Польши было выбрано. Сами посудите, на дворе 1919 г., война с Советами в самом разгаре, да к тому же еще и на Восточном фронте крайне неблагоприятная ситуация. Уж не так ли надо понимать, что не будь польская армия отвлечена наступлением противника, ее бы непременно задействовали в референдумах, и тогда бы они показали другие, более благоприятные для Польши результаты?

Что касается Силезии, то там было по-иному. Еще и плебисцит-то не успели провести, а польское население уже два раза восстание поднимало, хотело силой спорные территории Польше передать. Первое восстание, в ответ на меры по поддержанию порядка со стороны немецких властей и в особенности полиции, вспыхнуло в 1919 г., но немцы тогда еще располагали приличными военными силами и быстро навели порядок. Затем, в 1920 г., на спорную территорию были введены английские, французские и итальянские части, призванные содействовать более

или менее нормальному проведению плебисцита. Одновременно с ними продолжали действовать и немецкие органы власти, включая полицию. И опять же — ну вот ведь невезуха! — плебисцит назначили на период неуспехов польской армии на Восточном фронте. Да и немцы изловчились, навезли своих соотечественников, пусть и родившихся на этих территориях, но к моменту плебисцита там не проживавших.

Тут уж поляки сделали оргвыводы, и в начале 1920 г. по приказу Польского комиссариата по проведению плебисцита (!!!), у которого под рукой имелись вооруженные формирования в виде Польской войсковой организации, началось 2-е восстание. На этот раз кое-чего поляки все-таки добились. Так, к примеру, вместо чисто немецкой полиции появилась смешанная, немецко-польская. Таким образом, поляки заполучили в свои руки, как сейчас любят говорить, пресловутый административный ресурс.

Однако несмотря на все эти завоевания, в результате состоявшегося референдума за вхождение в состав Польши высказалось лишь около 40 процентов, что было явно недостаточно. И что же предприняли поляки? Угадайте с трех раз. Правильно, уже в мае 1920 г. начинается очередное, 3-е по счету восстание. В итоге предприимчивая Польша хапнула себе еще немного чужой территории, хотя за пределами польского государства на опольской земле все же осталось еще около 600 тысяч поляков. Впрочем, и это еще цветочки в сравнении с той виртуозной операцией, которую обштопал генерал Желиговский, присоединив к Польше так называемую «Срединную Литву» вместе с Вильно.

Так что столь ненавистному в стане «прогрессивной» общечеловечности тов. Сталину было у кого поучиться. Что он с успехом и проделал, организовав приснопамятные референдумы в лучших польских традициях: переселившиеся в Восточную Украину и Белоруссию из Центральной Польши еще до войны лица некоренной национальности поехали себе дальше на восток, дабы, подобно «излишним» немцам в Силезии, не могли повлиять на результаты волеизъявления. Да и восстания местного населения против польской власти в 1939 г., даже если они, по утверждениям польских историков, и были инспирированы Советами, вполне равнозначны восстаниям в Силезии против немецкой власти. А посему не будет преувеличением сказать, что советс-

кие референдумы на бывших «восточных окраинах» все как один прошли по сценарию, неоднократно обкатанному еще прежним, польским, правительством.

Однако какой бы изощренной ни была политика тех или иных государственных деятелей, факты остаются фактами, а свидетельства очевидцев — свидетельствами очевидцев. А последние, конечно, можно «для пользы дела» игнорировать или трактовать по собственному вкусу, но вряд ли удастся переписать с чистого листа. Ибо они, в отличие от меняющихся в угоду конъюнктуре политических пристрастий, обратной силы не имеют. Уже потому хотя бы, что свидетельства-то сохранились, а очевидцы, как принято говорить, теперь далече. А следовательно, на них не надавишь, их не предашь новому «демократическому» суду и не заставишь взглянуть на события, непосредственными свидетелями которых они являлись, с выгодной кому-либо из современных ревизионистов точки зрения. Именно поэтому они всегда будут смотреть на то, что нынче стало пищей для исторических стервятников, глазами своего поколения. Как делает это побывавший в Западной Украине и Белоруссии сразу по окончании военных действий писатель К. Симонов в книге, которая так и называется: «Глазами человека моего поколения».

Так вот что он в ней пишет о вступлении РККА в Польшу 17 сентября 1939 г.:

«...Идем к этой линии национального размежевания, которую когда-то, в двадцатом году, считал справедливой, с точки зрения этнической, даже такой недруг нашей страны, как лорд Керзон, и о которой вспоминали как о линии Керзона, но от которой нам пришлось отступить тогда и пойти на мир, отдававший Польше в руки Западную Украину и Белоруссию, из-за военных поражений, за которыми стояли безграничное истощение сил в годы мировой и гражданской войн, разруха, неприконченный Врангель...

...То, что происходило, казалось мне справедливым, и я этому сочувствовал. Сочувствовал ...и, попав неделей позже, обмундированный по-прежнему в военную форму ...в уже освобожденную Западную Белоруссию. Я ездил по ней накануне выборов в народное собрание, видел своими глазами народ, действительно освобожденный от ненавистного ему владычества, слышал разговоры,

присутствовал в первый день на заседании народного собрания. Я был молод и неопытен, но все-таки в том, как и чему хлопают люди в зале, и почему они встают, и какие у них при этом лица, кажется мне, разбирался и тогда. Для меня не было вопроса: в Западной Белоруссии, где я оказался, белорусское население — а его огромное большинство — было радо нашему приходу, хотело его. И, разумеется, из головы не выходила еще и мысль, не чуждая тогда многим: ну а если бы не сделали своего заявления, не договорились о демаркационной линии с немцами, не дошли бы до нее... то кто бы вступал в эти города и села, кто бы занял всю эту Западную Белоруссию, кто бы подошел на шестьдесят километров к Минску, почти к самому Минску? Немцы»².

Да и польские исследователи, пусть и нехотя, сквозь зубы и с многочисленными оговорками, но признают — не забудьте о фактах и их упрямстве! — что отношение к входящим на территорию Польши частям Красной армии было как минимум различным и зависело от национального состава населения. По данным исторических источников, вступление РККА преимущественно положительно воспринимали украинцы, белорусы и евреи, преимущественно отрицательно — поляки. При этом первые встречали Красную армию с надеждой на лучшее будущее. Как вспоминает Л. Крушельницкая, директор библиотеки им. Стефаника во Львове, ее мать в сентябре 1939 г. сказала при виде брошенных на землю польских полицейских фуражек: «Наконец это кончилось». Ну а то, что надежда эта не всегда и не у всех оправдалась — уже совсем другая история.

Сейчас же важнее другое, а именно — не заблудиться в трех соснах, к чему нас усиленно подталкивают как польские, так и особенно «прогрессивные» российские ревизоры истории, которых буквально распирает от псевдообъективизма. Но оставим убогим их кусок, сами же по старинке станем исходить из скучного принципа историзма, так оно понадежней будет. И тогда на первый план выйдет не пресловутая «историческая справедливость», которую нынче так модно притягивать за уши к месту и не к месту, а национальные интересы, которыми во все времена руководствовались уважающие себя государственные мужи. А с учетом этих интересов картина «вероломного захвата» Советами в 1939 г. так называемых восточных окраин совсем в дру-

гом свете представляется. А именно как завершение войны, названной в 1920 г. Польшей Советской России, и освобождение оккупированных поляками в ходе этой кампании земель.

Земель, что за те двадцать лет, в течение которых строилось алчное Польское государство, оно так и не сумело «переварить». Как не сумело обеспечить национального единства внутри страны, разделив общество на привилегированную польскую часть и обделенную в правах непольскую, установить добрососедские отношения с приграничными государствами и заручиться реальной поддержкой надежных союзников. А потому стоит ли удивляться, что после начала войны с Германией своими силами Польша продержалась не дольше месяца, а на помощь к ней так никто и не пришел. Следовательно, как бы ни усердствовала сегодня гордая польская элита, пытаясь спихнуть на Россию вину за крах своей страны в 1939-м, это целиком и полностью «заслуга» ее заносчивых и недальновидных предшественников. Тех, что сначала «промышляли» чужими территориями и мертвою хваткой цеплялись за власть, а потом беззаветно спасали свою шкуру, меньше всего заботясь о собственном народе, фактически брошенном «на милость» гитлеровцев.

И все же, несмотря на столь сокрушительное фиаско, сбывавшие польские правители отнюдь не спешили посыпать себе головы пеплом, нет, они спали и видели себя в прежних начальственных креслах, потому как нигде, кроме кормилицы Польши, они не могли бы рассчитывать на что-либо подобное. А значит, хочешь не хочешь, а исчезнувшее государство нужно было возвращать. Тем более что в этом вопросе интересы трусливой элиты и преданного ей народа поневоле совпадали. С той разницей, что первая, как всегда, боролась за власть, а второй — за выживание, ибо политика Гитлера имела своей целью уничтожение не только польского государства, но и польской нации.

И цель эта начала осуществляться с первых же дней оккупации, вызывая у поляков закономерное сопротивление, желающих воспользоваться которым было хоть отбавляй. Помимо уже упомянутых выше «отцов» нации, отсиживающихся за границей, имелись и другие политические силы, конкурирующие между собой за право взять в свои руки судьбу отчизны и призвать народ «к топору». При этом большинство из претендентов на руковод-

ство народным восстанием демонстративно отмежевывались от сентябрьского разгрома, оставляя его на совести бывшего польского правительства, предпочитая заносить на свой счет исключительно будущие победы, которые всенепременно должны были последовать.

И вот с этого момента приходится иметь дело с гремучей смесью правды и мифов, которая, как ни странно, пусть и в меньшей концентрации, образовалась еще в социалистические времена. Тогда многие вопросы современной истории вообще не разрабатывались, чтобы не подрывать пресловутое единство социалистического лагеря, и тем самым отдавались на откуп эмигрантам и их соратникам внутри Польши. Однако с 1989 г. польские исторические «алхимики» достигли в своем деле новых «зияющих высот»: изменилось не только процентное соотношение упомянутого «коктейля», но его состав. До такой степени, что если раньше мифами разбавлялась правда, то теперь — чистейшая ложь. По крайней мере, по такому рецепту состряпан героический эпос об учреждении Польским Народом единственного в своем роде Подпольного Государства и его Вооруженных Сил. А также о полном — в отличие от других, менее героических народов — отсутствии коллаборации с оккупантом, ну и, само собой разумеется, о непримиримой с ним борьбе.

А теперь попытаемся разобраться, что же на самом деле происходило на территории разгромленного польского государства, и в особенности на его восточных окраинах. Действительно, в первые же недели после поражения Польши как в зоне гитлеровской оккупации, так и на территории, занятой советскими войсками, начинают возникать различные нелегальные группы и целые подпольные организации. Также неоспоримо и очень быстрое, по сравнению с другими захваченными фашистской Германией странами, формирование движения Сопротивления в целом, что в значительной мере объясняется более чем богатыми традициями всевозможной конспиративной и нелегальной работы в течение XIX и начала XX в. на населенных поляками территориях, принадлежавших России, Австро-Венгрии и Германии. Но говорить о том, что это был абсолютно стихийный процесс, вызванный единым патриотическим порывом всех поляков, не имеющий аналогов в других странах, как это упрямо

стараятся представить неутомимые польские историки, означает снова заниматься мифотворчеством. Что мы и докажем ниже.

Пока же попробуем понять, «откуда есть пошла» эта завиральная теория. Так вот, задумка поляков по сути своей проста: таким образом они, подобно многим «национально прозревшим» историкам бывших республик СССР, проводят ненавязчивое сравнение с советским подпольным и партизанским движением, ну а в чью пользу оно оказывается, догадаться нетрудно. Судите сами, кто ж будет ставить на одну планку «подневольную» борьбу советских партизан под неусыпным оком НКВД с доблестным сопротивлением польских рыцарей без страха и упрека? Уж точно не наши польские «друзья», которые с упоением фабрикуют новую, по-большевистски черно-белую версию истории, где с одной стороны Советы с их ущербным по определению вкладом в победу, а с другой, с полновесным, — поляки.

Кстати, на этом фоне бросается в глаза и то обстоятельство, что непропорционально большая, по мнению польских радетелей «исторической справедливости, доля русских в партизанском движении на Западной Украине и в Белоруссии трактуется ими как однозначно негативный фактор. Что тут скажешь, логика у них хоть и нестандартная, но чрезвычайно современная: эти поганцы русские без всякого дозволения национально мыслящей общественности нагло воевали на территории будущей суверенной Украины, а кроме того, без разрешения поляков вошли вслед за немецкими войсками в Польшу. Отсюда вывод — не фашистов они уничтожить собирались, а свободолюбивые европейские народы поработить!

Но не станем уподобляться этим анекдотично заикленным на собственной значимости господам, будем максимально объективны. Тем более что чуть ранее мы уже признали факт существования подполья на территории оккупированной фашистами Польши. В общем и целом, по данным польских историков, в Польше, в том числе и на бывших «восточных окраинах», только в период 1939—1940 гг. действовало около 100 подпольных организаций различного толка, охвативших со временем практически все слои общества. Другой вопрос, что же все-таки представляло собой это Сопротивление, какие цели себе ставило и чем конкретно занималось?

А начнем с того, что повнимательней присмотримся к «стихийному порыву народных масс», широко рекламируемому польской стороной. И скоро невооруженным глазом увидим, что это не более чем пиар-акция. Ибо не знающие удержу в своем стремлении быть единственными и неповторимыми наши польские оппоненты попросту выдают желаемое за действительное. Что и говорить, скорость создания подполья на территориях, вошедших в 1939 г. в СССР, как мы уже отмечали, была бы просто фантастическая, если б не одно «но». Не стоит забывать, что «беззащитная», павшая под натиском гитлеровцев Польша готовилась к войне загодя. Уж больно ей не терпелось подвинуть свои границы еще восточнее, вплоть до Черного моря. Да и на запад расшириться при случае она бы тоже не отказалась. И потому с мыслью о будущих «подвигах» создавала на своих границах костяки диверсионно-разведывательных структур.

Так, к примеру, еще в конце 30-х г. на территории Свободного города Гданьска было начато создание Тайной Войсковой Организации (TOW), он же Стрелковый союз, который должен был предотвратить включение города в состав рейха. В более поздний период, когда уже появились признаки возможного вооруженного конфликта с Германией, командование округа № 3 в г. Торуне во главе в бригадным генералом М. Карашевичем-Токажевским (запомним это имя) заранее организовало конспиративную сеть.

Впрочем, ни для кого не тайна, что вплоть до 1939 г. своего главного противника Польша видела в СССР, а потому подобные вышеперечисленные мероприятия на «восточных окраинах» велись особенно активно. Причем занимался этим непосредственно Второй отдел Генштаба польской армии (разведка и контрразведка). Он готовил специалистов по диверсии с преподаванием основ конспирации, а также создавал структуры в соответствии с программой «диверсии за линией фронта» на основе так называемых «троек», т.е. базовых ячеек диверсантов из трех человек. Кроме того, закладывались тайники с минимально необходимым запасом оружия для этих целей. К этой же программе подключались и отобранные члены польских военизированных формирований.

Таким образом, СССР уже в 1939 г. получил в качестве «наследства» от рухнувшего польского государства хорошо законс-

пирированную сеть диверсантов на территориях, вошедших в его состав. Хотя это, конечно, с нашей точки зрения. В то время как с польской все они были простыми и незамысловатыми патриотами, ну, разве что прошедшими патриотическую спецподготовку.

И это при том, что одними диверсантами поляки отнюдь не ограничились. В сентябре 1939 г. польские военные, даже не получив формального приказа от удравшего главнокомандующего Рыдз-Смигы вести военные действия против большевиков, стали подбирать кадры для будущей подпольной работы в советском тылу. Вот как вкратце это выглядело.

Уже 17 сентября 1939 г. (едва РККА вошла на «восточные окраины»!) генерал Вацлав Стахевич отдает приказ майору Яну Мазуркевичу в Станиславове (сегодняшний Ивано-Франковск на Украине) о создании «Тайной Военной Организации». Что последний и сделал, основываясь на известной нам уже сети «диверсии за линией фронта» и распространив сеть ТВО практически на всю территорию Польши. Майор Мазуркевич (псевдоним «Радослав») позже возглавит диверсионную службу Армии Крайовой

В тот же день, 17 сентября 1939 г., генерал Юзеф Ольшына-Вильчынський отдает приказ в г. Гродно (Западная Белоруссия) подполковнику Францишеку Щлендке о создании конспиративной сети на территории Гродно, Белостока, Новогрудка. После чего сам храбрый генерал с чувством исполненного патриотического долга собирает кое-какое барахлишко и вместе с женой на служебной машине пытается отбыть в Литву подальше от Советов.

22 сентября, в тот же самый день, когда РККА заняла Львов, там была создана «Польская организация борьбы за независимость» во главе с генералом М. Янушайтисом (псевдоним «Карпиньский»), одним из руководителей правой Национальной Партии.

Подпольные структуры создавались также, к примеру, и Союзом польских харцеров — разновидности бойскаутской организации в Польше: таковой была нелегальная организация «Серые шеренги». В разные виды подпольной деятельности была вовлечена молодежь, начиная с 12 лет. Причем на базе старшей возрастной группы впоследствии были созданы так называемые

«Штурмовые группы», далее вошедшие как составная часть в известную диверсионную структуру Армии Крайовой (АК) под названием «Кеды» (сокращение от польского «Управление диверсии»). В 1940 г. члены «Серых шеренг» под руководством своих инструкторов подняли даже вооруженный мятеж в г. Чорткове на Западной Украине, который, естественно, был тотчас же подавлен подразделениями Красной армии и НКВД. Всего в конечном итоге НКВД арестовал в Черткове 147 человек.

На территории Западной Белоруссии и Виленщины возникали и иные организации: «Польская освободительная армия», «Диверсионная военная организация», «Польская военная организация» и т.д. Дело доходило не только до убийств советских работников, но и до убийств офицеров НКВД. Отдельно следует отметить и то, что в рамках формирования подпольных структур производилось накопление оружия, велись разведывательные, а также диверсионно-саботажные действия. А вот к западу от Буга армейская конспирация запаздывала, но в конечном итоге именно она определила судьбы польского подполья от Вильно до Львова.

Только 3 октября в Варшаве, в подвалах Польского сбербанка, состоялось организационное собрание, в котором приняли участие бригадный генерал М. Карашевич-Токажевский, полковник Стефан Ровецкий, посол сейма Мечислав Недзялковский как представитель Польской Социалистической партии, маршал сейма Мацей Ратай как представитель Народной партии, профессор Роман Рыбарский как представитель Национальной партии и президент Варшавы Стефан Стажыньский. Командующим созданной на этом собрании подпольной организации, названной «Службой победе Польши», был назначен генерал М. Карашевич-Токажевский, а начальником штаба — полковник С. Ровецкий. Следует сразу же отметить, что оба этих военных руководителя в довоенной армии относились к офицерам, начавшим карьеру в легионах Пилсудского, а следовательно, прошедших через польско-советскую войну 1920 г. и считавших СССР злейшим врагом Польши. Пикантность момента, однако, состояла в том; что данная структура имела двойкий характер — и военный и гражданский одновременно. К примеру, президент Варшавы Стефан Стажыньский, он же второй заместитель командующего «Службой победе Польши» в должности так называемого граж-

данского комиссара, должен был курировать вопросы жизнедеятельности движения сопротивления в условиях оккупации, а также осуществлять его политическое руководство.

Но подобное положение вещей решительно не устраивало Генерала Сикорского, считавшего, что армия не должна участвовать в политической жизни, а потому на основании приказа от 13 ноября 1939 г. он преобразовал «Службу победе Польши» в «Союз Вооруженной Борьбы» (*Związek Walki Zbrojnej* — польское сокращение — «ZWZ»). Тем самым Сикорский ограничил политическое влияние сторонников санационного режима и разделил все подполье на вооруженное и гражданское.

Вследствие чего, как сейчас особо подчеркивают польские историки, было создано единственное в своем роде в оккупированной Европе «подпольное государство», имеющее в своем распоряжении как органы гражданской власти в виде так называемой Делегатуры Правительства в стране, так и вооруженные силы в лице структуры СВБ/АК. И вся эта структура должна была жестко подчиняться эмиграционному правительству в Лондоне.

«Союз вооруженной борьбы» распространил свою сеть и на территорию СССР, это был округ № 3, в состав которого вошли Львов, Станиславов, Тернополь и Волынь на Западной Украине. Причем именно этот округ дал курьезный вариант, когда из-за практически непреодолимой советской границы и плохого взаимодействия между руководством «СВБ» были созданы две параллельные организации: «СВБ-1» и «СВБ-2».

Сам же «Союз Вооруженной Борьбы» был чисто военной конспиративной организацией, демонстративно дистанцировавшейся от политики, основывающейся на традициях довоенной польской армии и ставившей целью объединение вооруженных формирований всего некоммунистического подполья. В соответствии с инструкциями эмигрантского правительства в функции «общенациональной, надпартийной и внесловной» СВБ входило руководство и координация подпольной деятельности на всей польской территории. В военном отношении «СВБ» подразделялся на 6 округов. При этом предполагалось, что командование ими будет осуществляться непосредственно из Парижа, где в 1939 г. находилась резиденция эмиграционного правительства и глава СВБ генерал Соснковский.

Однако реалии оккупации показали, что руководить из Франции подпольем, удаленным на тысячи километров, совершенно невозможно. Поэтому уже в начале 1940 г. Соснковский своим распоряжением № 2 произвел разделение всей территории Польши для действий СВБ на две части:

1. Зона немецкой оккупации, комендант Ровецкий, резиденция в Варшаве
2. Зона советской оккупации, комендант Токажевский, резиденция во Львове.

Но и это распоряжение оказалось нереальным ввиду последующего разгрома Франции и передислокации правительства и командования польских вооруженных сил в Англию. В этих условиях непосредственное руководство действиями на каких-либо польских территориях было вообще невозможно, и потому генерал Сикорский в конце июня 1940 г. отдал приказ о создании главнокомандования СВБ уже на территории Польши и назначил главнокомандующим полковника Ровецкого.

В отношении СССР Ровецкий исходил из концепции одного из двух врагов, в соответствии с которой обескровленные длительным противостоянием Германия и Россия должны были утратить возможность к дальнейшим военным действиям, что позволило бы Польше поднять победоносное общенациональное восстание. Впрочем, Ровецкий допускал и следующий вариант:

«Нельзя исключать и такой возможности, хотя она и представляется маловероятной, что в русско-немецкой войне успех будет на стороне большевиков и что они сумеют выбить немцев из Польши. И тут, естественно, было бы сумасшедством оказывать вооруженное сопротивление вступающему противнику, оказавшемуся столь мощным, что ему удалось разбить немецкую армию. Наша роль заключалась бы тогда в сохранении и далее на конспиративном положении всего аппарата с переходом к подготовке восстания в тот момент, когда, в свою очередь, советский строй и государство начнут рушиться»³.

В связи с чем командующим СВБ предлагался план из двух пунктов:

1. Проведение всеобщего восстания против совершенно разбитой немецкой армии.

2. Организация обороны против Красной армии, которая вследствие истощения могла бы только с трудом преследовать отходящих немцев.

От себя добавим: по аналогии с польско-советской войной 1920 г. (тут в руководстве союза были сплошь и рядом «победители») представлялось, что линия обороны будет организована по реке Висле, а восточнее, по линии Буга, на тылах Красной армии будут вестись диверсионные действия. Кроме того, следует отметить, что никаких крупномасштабных военных действий на территории страны проводить не планировалось. Зато предполагалось, что на помощь восстанию придут части польской армии за границей и союзники, высадка которых ожидалась в польском Поморье, где, как намечалось, будут созданы для этого условия. Там же на случай конфликта «подпольного государства» с СССР СВБ собиралась создать центр сопротивления. И все бы ничего, если б за эти изначально авантюрные замыслы платили не те, что стояли в шеренгах, а те, что отсиживались в штабах.

Ну а пока суть да дело, и время «грандиозных польских побед» еще не пришло, командование СВБ принимает истинно соломонино решение на предмет собственного поведения на оккупированной гитлеровцами территории, о котором оповещает отчизну в «Информационном бюллетене» от 1 ноября 1940 г.:

«...военное руководство страны, а также все политические группировки занимают единую позицию в отношении борьбы с оккупантом: в настоящих условиях и в настоящее время противопоставленной является как повстанческая акция, так и саботаж военного характера. Полученная в результате этой акции выгода не покрыла бы даже частично жертвы, которые бы за эту акцию обрушились на общество».

Ничего не скажешь, вот уж действительно рыночная позиция. Прибыль должна превышать затраты. Ну а раз уж крупные проекты не могут дать сразу большой выгоды, займемся мелким спекулятивным бизнесом: тут и затрат почти никаких, да прибыль налоговым органам и не видна. Опять же название у этого мероприятия благородное — **малый саботаж**. А уж какие «героические» за ним деяния, прямо кровь в жилах стынет: **вольнка** на месте работы в немецких или советских учреждениях, **бойкотирование** распоряжений оккупационных властей или же **халатность** в их испол-

нении, поддержание духа сопротивления (!) оккупантам посредством распространения анекдотов про тупых немцев и варваров-русских, рисунков сатирического характера, а также использование иных форм мобилизации «патриотической активности». Воистину, трудно удержаться и самим подходящий анекдот не вспомнить: про «подпольщика», который из-под полы пирожками торговал. Однако, шутки, как говорится, шутками, а подобные нормы поведения «поляка-патриота» действовали на всех территориях Западной Белоруссии, Литвы и Западной Украины.

Впрочем, какими бы смехотворными не казались подчас отдельные методы подпольной борьбы, ни стоит все же забывать, что на проживающих на западе СССР поляков СВБ осуществляла жесточайший пропагандистский прессинг в самой разнообразной форме. В том числе и путем доведения до их сведения своего рода «морального кодекса отношения к оккупанту», с непременным требованием его строжайшего выполнения под угрозой наказания. А чтобы было ясно, о чем речь, приведем типичный пример такого документа, а именно распоряжение № 1 по округу СВБ № 3, направленное во Львов:

«.....а) обязательным является политический бойкот и бойкот общения с оккупантами...

б) в борьбе с оккупантами надлежит использовать все формы легальных организаций (напр., культуры, просвещения и профессиональных). Все проявления коллективной жизни обязаны быть проникнуты духом веры в приближающийся *день освобождения и сведения счетов с оккупантами* (выделено автором)...

с) не противоречит польским интересам занятие должностей в системе народного образования, коммунальной администрации, в самоуправлении всяческого рода, в органах управления торговли, промышленности, сельского хозяйства... — если только занятие должности не ставится в зависимость от выполнения условий, имеющих характер политических обязательств...

г) шпионы и провокаторы, в случае доказанной вины, будут караться смертью...

В соответствии с методами пассивного и активного саботажа, которые пропагандировались польским подпольем на территории 3 львовского округа СВБ, лицам, которые принимались оккупантами на работу, рекомендовалось не проявлять никакой

инициативы в труде, противиться всем актам, не имеющим категорического характера»⁴. Одновременно руководство СББ-АК старалось привлекать как можно больше народа в свои вооруженные структуры, чтобы в момент перехода Красной армией бывших границ Польши показать, что она-де тоже сила, с которой надо считаться.

Одно плохо — НКВД не дремало, а четко и планомерно выполняло вмененные ему государством обязанности по противодействию всяческой подпольно-диверсионной деятельности, к тому же поддерживающими связи с границей. И как бы и кто бы сейчас не оценивал его роль, одного при этом забывать не стоит: нельзя ставить рядом репрессированного русского, белорусского и украинского крестьянина и «репрессированного» польского подпольщика и террориста. Но можно ставить рядом польского подпольщика и разную революционную братию, пополнившую лагеря. Ибо крестьянин был истинной жертвой, так как его руками НКВД репрессировало то государство, которое за его же счет и жило. В то время как сгинувшие в тридцатые годы разномастные революционеры и несостоявшиеся польские повстанцы быть жертвами не могли уже по определению, поскольку и те и другие действовали в соответствии с целями, направленными против России и ее народа.

Так что в данном конкретном случае оплеванный в демократическом экстазе с головы до ног НКВД честно и бескомпромиссно защищал государство, а посему повстанческие настроения на территории СССР терпеть не собирался. И еще одно маленькое замечание: поляки в отношении НКВД тогда сильно просчитались. Эта организация оказалась более эффективной, чем соответствующие органы Российской империи, с которыми имели дело многоопытные польские конспираторы из бывших.

НКВД за работой

Итак, бурно начавшееся на западе СССР конспиративное «творчество» практически сразу же столкнулось с «непониманием» со стороны органов, которым по долгу службы приходилось быть репрессивными. Не успел главный конспиратор «советс-

кой оккупации» генерал Токажевский (в сопровождении трех женщин?!) направить стопы на вверенную ему территорию, как уже 7 марта 1940 г. по пути из Варшавы во Львов был арестован НКВД. И хотя ничего особенно кровавого советские головорезы с ним не сделали, а всего лишь вывезли в глубь России (?!), СВБ на бывших «восточных окраинах» остался обезглавленным. Впрочем, независимо от этого прискорбного для польского национально-освободительного движения факта у подпольщиков Западной Украины и Белоруссии проблем было «выше крыши». Что признают в том числе и польские источники.

К примеру, консолидация различных организаций в регионе Вильно длилась вплоть до осени 1941 г. Никто никому не хотел подчиняться и никто никому не доверял. Причем в качестве главной причины черепашого прогресса при объединении отмечался банальный страх перед НКВД. При этом боязливые подпольщики руководствовались сугубо практической логикой: если в своем кружке, состоящем из узкого круга лично известных людей, можно надеяться на отсутствие внедренной агентуры НКВД, то при «укрупнении» шансы заполучить «крота» резко возрастали. И, надо признать, в данном вопросе их подозрения имели серьезные основания. Именно таким образом уже в 1940 г. в Вильно был арестован комендант округа полковник Никодэм. В том же 1940 г. и в том же Вильно был завербован советскими органами начальник штаба округа СВБ Л. Кшешовский. А к весне 1941 г. НКВД удастся внедриться практически во все структуры польского подполья в Ковно (Каунас) и в Вильно (Вильнюс) и в основном его обезглавить. Там, где подполье начинало проявлять активность, его просто уничтожали, арестовывая и вывозя всех членов организации, как это имело место на Волыни.

О деятельности СВБ на Волыни до 1941 г. известно лишь то, что в июле 1940 г. в г. Ровно был арестован командующий округа полковник Тадеуш Маевский, а также около 2 тыс. членов СВБ. Это привело к полному уничтожению СВБ на территории Волыни и Полесья. Также НКВД удалось, например, арестовать подполковника Обтуловича, коменданта новогрудского округа «Союза вооруженной борьбы» в Белоруссии, который даже согласился сотрудничать с НКВД. Эффективность НКВД была достаточно высока и во Львове, где удалось завербовать руководство разведы-

вательной сети СВБ, во второй половине 1941 г. ликвидированное за предательство по приказу своего же командования. А разведка ГРУ развила достигнутый успех, внедрив собственную агентуру в аппарат главнокомандования СВБ/АК и влияя через нее на деятельность подпольных структур. В результате все планы и замыслы польских конспираторов были неплохо известны руководству СССР еще задолго до их осуществления.

А потому приходится констатировать, что польское подполье на территории СССР (в определенной степени исключением являлась только часть Западной Белоруссии) не смогло выполнить никаких серьезных задач. Что и неудивительно, поскольку, вопреки предпринимаемым усилиям с польской стороны, знавший свое дело НКВД в течение достаточно короткого времени раскрыл и ликвидировал почти всю конспиративную сеть. Ну а поскольку польское подполье на западе СССР перед началом Великой Отечественной войны оказалось практически полностью разгромлено, то руководство СВБ, находившееся в Париже, а затем в Лондоне, имело самое смутное представление о том, что же происходило на территории Советского Союза. Понятно, что такая удручающая ситуация храбрых закордонных генералов не устраивала, и на места направлялись имеющие соответствующий опыт офицеры, однако и эти эмиссары довольно быстро вычислялись НКВД. В итоге более-менее ориентироваться в обстановке на местах стало возможно только после того, как агентура СВБ пришла на «восточные территории» вслед за немецкими оккупационными властями в 1941 г.

К тому же надо учитывать и тот фактор, что в соответствии с политикой СССР к формированию советских органов власти, а также организации общественной и культурной жизни на бывших «восточных окраинах» привлекались представители всех национальностей. А если среди таковых наблюдалось больше украинцев, белорусов и евреев, чем поляков, то только потому, что к последним было меньше доверия, как к лицам, связанным с прежней, «панской» властью. И именно то обстоятельство, что жизнью на местах управляли слои населения, прежде подвергавшиеся дискриминации, и определило столь оперативную ликвидацию польского подполья. Ибо, как и в случае с польской армией, оно могло опираться только на польское население, да

и то не полностью, и в отличие от территорий, подконтрольных фашистской Германии, не имело своих людей в советских административных структурах.

Отдельно стоит вопрос с польским подпольем в ряде регионов Западной Белоруссии. Хотя НКВД в конечном итоге и там удалось в значительной степени взять ситуацию под контроль, все же вплоть до самого начала Великой Отечественной войны положение оставалось весьма серьезным. Причина тому — большое количество польского населения, компактно проживавшего, в том числе, и в сельской местности. Кроме того, с 1939 г. в состав республики вошла Белостокская область с преобладанием поляков. Также способствовали формированию нелегальных польских вооруженных формирований крупные лесные массивы и заболоченные местности.

В лесах Западной Белоруссии продолжало скрываться значительное количество вооруженных групп, сложившихся из остатков разбитых польских военных частей. В одном только Августовском уезде Белостокской области таковых насчитывалось около 50. Так называемые «партизаны» действовали до июля 1941 г. в Налибокской пуще и в лесах Щучинского района. Все они занимались обычным террором против представителей советской власти и получали свое довольствие от местного польского населения. И хотя эти отряды возникли сами по себе, СВБ приложил максимум усилий к тому, чтобы использовать их на полную катушку.

В целом же в регионе Белосток — Гродно к ноябрю 1940 г., по данным немецкого историка Б. Киари, только в подпольных структурах СВБ, включая вооруженные бандформирования, насчитывалось около 4000 человек. В том же 1940 г. отмечается усиление террористической деятельности польского подполья. Так, начиная с января 1940 г. в районах северо-восточнее от г. Новогрудок вооруженные группы нападали на советские патрули, производили расстрелы лиц, подозреваемых в сотрудничестве с Советами, грабили магазины. В Барановичах и Слониме НКВД обнаруживает склады оружия в школах, которые создаются членами польских молодежных организаций. Остатки ушедших в леса польских воинских формирований тоже не только скрывались в лесах. В особенности это касалось все той же Белостокской области.

Вот как выглядят отчеты о ликвидации в конце июня 1940 г. штаба польского подполья в урочище Кобельно на стыке Едвабненского и Моньковского районов Белостокской области (кстати, польские историки ныне подробнейшим образом исследуют эту «героическую страницу польского партизанского движения»):

«... сообщая: в ходе допроса арестованных бандитов — Веселовского, Мацевевского и Домбровского, а также в результате агентурных действий» было определено точное местопребывание руководящего штаба банды... в густом лесу, окруженном болотами.

В соответствии с ранее разработанным планом операции с целью ликвидации банды в эту местность была брошена опергруппа содружников НКВД, солдат наших войск и батальона крупнокалиберных пулеметов РККА.

23 июня в 8.00 утра оперативная группа окружила место дислокации банды. В ходе имевшей место перестрелки между нашей группой и бандитами руководящий штаб банды был полностью разбит: убито 9 человек, взято в плен 7 человек. С нашей стороны потерь не было»⁵.

К слову, обратите внимание, что в сообщении отмечается, что почти все убитые и задержанные были бывшими военнослужащими польской армии.

Ну а дабы развеять последние сомнения в том, что НКВД имел дело отнюдь не с прекраснодушными революционными мечтателями, дадим высказаться участнику тех же самых событий, только с противоположной стороны, пану С. Каролькевичу, теперешнему председателю Всемирного Союза Солдат Армии Крайовой: «... в период советской оккупации я оказался на территориях, присоединенных Советским Союзом в 1939—40 гг. — после нашего возвращения с войны — это был период подготовки оружия и амуниции, того, что польская армия оставила в Беловежской пуще. Нам было важно, чтобы это можно было перевезти зимой 1940 г. на территорию Черного болота, Бебжа-Долистово... в район, где остатки отрядов с 39 г. еще не сложили оружия.

Русские приняли решение ликвидировать эти последние очаги сопротивления и в феврале 1940 г., когда болота замерзли,

начали наступление. Они вытеснили нас на немецкую сторону. Так как я и еще восемь человек находились на посту на другой стороне Августовского канала, то мы попали в советский плен. Я попал в советскую тюрьму, был в Белостоке и в Бресте»⁶. Недвусмысленность намерений «бело-красных и пушистых» подтверждает и основательный исследователь жизни западнобелорусской деревни из Гродно В.А. Белозорович: «Накануне Великой Отечественной войны наблюдался всплеск антисоветских выступлений. В Августовском районе в середине марта 1941 года перешла границу “вооруженная банда”, отмечались случаи нападения на местный актив. 3 мая в д. Макаровичи Марновского сельского совета Кнышинского района были вывешены три польских флага и лозунги...»⁷. Но если бы только это. В той же Августовской пуше из солдат разбитой польской армии создавались весьма крупные структуры. Такой, например, была уже упоминавшаяся «Польская освободительная армия», организованная неким Э. Станкевичем, которая в 1940 г. вошла в состав СВБ. Сам Станкевич конце сентября 1940 г. был обнаружен и ликвидирован НКВД, но его последователь А. Полубинский еще 11 месяцев терроризировал округу. Известный польский историк Т. Стшембош (профессор Католического института в г. Люблин) приводит сведения о героических деяниях борцов за независимость, с воодушевлением рассказывая о том, как в мае 1940 г. организатор колхоза в одном из селений Августовского района был остановлен двумя «партизанами» в масках, вылезшими из-под моста, по которому он ехал, и расстрелян. Правда, все это стало известно из открывшихся советских архивов.

А теперь к вопросу об ужасных, нарушающих права человека депортациях. Так вот, тем же Стшембошем сообщается, что уже упомянутая «Польская освободительная армия» в течение полутора лет выносила приговоры в отношении лиц, которых она считала коллаборантами, и сама же осуществляла их ликвидацию. Восхищается пан Стшембош и истинной «народностью» этой «армии», утверждая, что ее командирами были местные ребята, только что окончившие школу, и участковый полицейский с пятью классами образования. Это они, руководствуясь исключительно патриотическим чувством справедливости, без всяких там военных трибуналов, не привлекая ни судей, ни адвокатов,

выявляли врагов польского народа и государства и выносили им приговоры. И никто из поляков не протестовал против того, что они делали. А что, разве не прогрессивно: никакого разрыва в юридическом процессе, одни и те же лица и судят, и наказания исполняют. Вполне в духе революционной законности первых лет Великой Октябрьской. Вот только стоит ли после этого жаловаться на НКВД? Так нет же, польские историки одновременно восхищаются организованными в селах в районе реки Бебжа конспиративными ячейками с активным участием недобитых польских вояк и местного учительства и возмущаются репрессиями со стороны Советов. Никак в толк не возьмут, с чего бы это кровожадному НКВД столь славных людей ущемлять.

Но лучше всего сослаться на данные самого НКВД за тот же 1940 г., благо теперь они стали доступны. В своем отчете начальник Августовского райотдела НКВД лейтенант госбезопасности Жадовский⁸ писал, что за период существования отдела были раскрыты контрреволюционные организации: «Польская Военная Организация», «Польская Повстанческая Армия» и «Легион смерти». Причем «Польская Повстанческая Армия», как оказалось, была сформирована из учеников старших классов гимназии и лицея и насчитывала 66 человек, из которых удалось арестовать 35.

Кроме того, была ликвидирована «Польская освободительная армия», арестовано 137 человек. Была раскрыта бандгруппа примерно из 60 участников, которая в период с апреля по июнь 1940 г. убила 6 человек, в том числе интенданта РККА, милиционера, председателя сельсовета и председателя колхоза. Числились за ними и другие подвиги, вроде грабежей магазинов сельхозкооперации, поджогов и т.п. 10 июля 1940 г. был ликвидирован штаб бандгруппы и задержано 10 бандитов. Кроме того, на месте было захвачено вооружение, состоящее из 12 станковых пулеметов, 9 карабинов, взрывчатки и прочего. Вообще же в этом районе в результате разгрома подпольных организаций и конфискации у населения изъяли 19 станковых и ручных пулеметов, 450 карабинов, 280 гранат, 36 пистолетов, 24 000 шт. патронов.

Со стороны поляков это безусловно может рассматриваться как патриотическая деятельность, имеющая святой целью

борьбу за «восточные границы». Но это их точка зрения, т.е. *точка зрения противника*, и надо быть полным идиотом, чтобы оценивать задачи и интересы СССР, используя в качестве инструмента оценки прицел врага. А потому с точки зрения СССР (который в глазах поляков был «Россией», или нечеловеческой землей) логически и абсолютно верно «польская борьба за независимость» представлялась не более, чем диверсией и бандитизмом, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде подавления, а иногда и уничтожения и самих борцов и всей их инфраструктуры. И как раз-таки эта задача на НКВД и возлагалась. И он ее исполнял, в общем и целом неплохо, хотя, как принято говорить, отдельные недоработки все же имели место. Что и немудрено, когда сталкиваешься с врагом, в багаже у которого большой опыт конспиративной и террористической деятельности.

Тем не менее высокую эффективность действий НКВД отмечал некто иной, как комендант военного округа СВБ генерал Ровецкий в своем отчете центральному руководству (при этом имеет место очень интересное наименование начала войны с СССР):

«Раздел С.

Советская оккупация

1. До начала советско-немецкого конфликта 22.VI.1941 г.

Б) Округ Белосток.

На почти все конспиративные квартиры командования округа были произведены налеты НКВД. То же самое имело место также и на периферии, в подотделах и на постах.

Аресты начались в январе с.г. и охватили территорию округов Белосток, Ломжа...

18.01 сего года в Гродно был арестован начальник штаба округа гр. «Каликст», который, по всей вероятности, «сдал» коменданта округа гр. «Правдзица» и прочих. Через несколько дней после ареста гр. «Каликста» были взяты гр. «Правдзиц» и руководитель сети связи гр. «Марта».

В феврале на квартире гр. «Мщчислава» провалились курьеры главного командования — гр. «Казик» и гр. «Борута».

В марте с.г. смертью героя с оружием в руках погиб гр. Яцковский, комендант округа Ломжа (застрелил двух энкаведешников).

В апреле арестован комендант округа Щучин — гр. “Заремба”, комендант округа Белосток — гр. “Оскар”. В мае смертью героя погиб комендант округа Ломжа — гр. “Ястжомб” и его заместитель Рожаловский. В апреле арестован комендант округа Ломжа — гр. “Вонсик”. Кроме того, арестовано много комендантов районов, постов и членов организации.

После ареста гр. “Правдзица” командование округом взял на себя гр. “Мшчислав”. В округе Белосток было организовано 11 подокругов...

...после серии арестов на территории округа... часть наших солдат и значительное число молодежи вынуждены были покинуть места своего проживания и укрыться в лесах. Чтобы не допустить напрасных потерь или же их вступления в коммунистические банды было начато формирование партизанских отрядов при территориальных подразделениях: Щучин около Ломжи, Августов, Белосток — уезд...⁹ Ну и в качестве иллюстрации к тезису о бывших у НКВД отдельных недоработках. В частности, гражданин под псевдонимом «Правдзиц», хоть и был арестован, но вынырнул снова на старом месте в период гитлеровской оккупации, уже на посту командующего новогрудского отдела, где под его чутким руководством начались боестолкновения польских партизан АК с советскими, как с врагом № 2, а потом и вовсе началось братание с врагом № 1 — немцами. Кстати, Советы хоть и значились в списке польских врагов под почетным вторым номером, но были, пожалуй, «поприоритетней». Что же до гражданина «Правдзица», то его, если кто не обратил внимания, «головорезы» из НКВД почему-то не расстреляли. Так же, впрочем, как и генерала Токажевского. А ведь основания-то были. Не иначе, масштаб для НКВД мелковат показался, поскольку там все больше по массовым «убиениям невинных» специализировались. Да, кроме того, кое-кто из отловленных подпольщиков записывался в ряды товарищей по оружию, чтобы, влившись в армию Андерса, повоевать теперь уже с врагом № 1, по-настоящему, на фронте. И им поверили, дали такую возможность. А вот что из этого вышло — посмотрим далее.

Что посеяли и что пожали

Между тем обобщенные данные НКВД говорят о продолжающемся росте польского подполья. Из них следует, что с октября 1939 г. по январь 1940 г. на территории одной только Западной Украины было ликвидировано 332 конспиративные организации и арестовано почти 10 тыс. их членов. В свою очередь, в Западной Белоруссии усилиями НКВД перестали существовать 149 польских подпольных групп, число арестованных составило более 3500 человек. На Виленщине цифры были поменьше: 26 и 500 соответственно. Всего же с сентября 1939 г. по начало второго квартала 1941 г. на территориях западных областей Украины и Белоруссии, а также в Литве, были ликвидированы 568 конспиративных организаций и групп.

Интересно, что среди арестованных в те дни подпольщиков оказались известные польские генералы и офицеры, старые знакомые по польской агрессии против Советской России в 1920 г. и организаторы разного рода тайных военных организаций, такие как В. Андерс, М. Янушайтис-Жегота, М. Борута-Спехович, Л. Окулицкий. Именно они-то в 1941 г. и составили костяк командования Польской Армии, формировавшейся до 1942 г. на территории СССР и получившей позднее название армии Андерса. Кроме того, от них и вездесущее НКВД, и высшее советское руководство узнали, что называется, из первых уст об истинных намерениях «национально-освободительного» движения. А особенно разговорчивый генерал Окулицкий (ставший в 1944 г. последним командующим АК и в 1945 г. снова встретившийся со старыми знакомыми из НКВД) сообщил, к примеру, вот что:

«... указания по деятельности СВБ были следующие:

1) Бороться с обоими оккупантами — Германией и Россией, не вступать ни в какие отношения, изолировать общество от какого-либо сотрудничества.

2) Подготовить отряды, готовые к боевым действиям.

3) Подготовить план диверсионной деятельности в тылу, но не приводить его в действие, чтобы уберечь население от последствий репрессий.

4) Заниматься саботажем, но так, чтобы не подвергнуть опасности население (тихо).

СВБ был признан правительством в качестве единственной организации, уполномоченной к проведению подпольной работы».

Тогда же пан Окулицкий сделал и неожиданный для легионера вывод о том, что в условиях борьбы, говоря современным языком, за передел мира, поляки должны пристать к одной из противостоящих сторон, прозвучавший дословно: «Будет Польша красной, хорошо, пусть будет, лишь бы только была»¹⁰. Под нажимом чекистов, не иначе. И то верно, гордость она, конечно, гордостью, да только кому ж охота в советских застенках помирать? А кроме того, за ради «святого дела», на которое «романтики» рангом пониже должны идти без страха и упрека, другой раз и соврать не грех. Особенно большевикам.

Кстати, этой же замечательно удобной философии пан Окулицкий придерживался и дальше, а потому, не моргнув глазом, примкнул к небезызвестной Армии Андерса, повоевав в которой на «самом опасном и кровавом» в 1942 г. иракском и сирийском фронте, мало-помалу пришел в себя настолько, что решил-таки продолжить свою «бескомпромиссную» борьбу с врагом № 2. Для чего перебрался в оккупированную Польшу, унаследовав пост командующего Армией Крайовой после разгрома Варшавского восстания, а в 1945 г. в своем последнем приказе по АК прописал в стиле Троцкого в Бресте: «...Борьбы с Советами вести не хотим, но никогда не согласимся на иную жизнь, как только в совершенно суверенном, независимом и имеющем справедливое общественное устройство государстве. **Советская победа теперь войны не кончает...**» Что было после, догадаться нетрудно: НКВД принял врунишку в свои объятия и больше уже не выпустил. Тем более, что его не менее «шаловливые» подчиненные из упраздненной АК, не сдержав соблазна, стали стрелять по врагу № 2, помогая тем самым врагу № 1, плавно перешедшему в разряд друзей. А впрочем, это мы еще отдельно обсудим при случае.

А пока еще несколько слов по поводу героических польских деяний, мимо которых никак не пройти в связи с недавней шумной истории вокруг Едвабнэ, громким эхом прокатившейся и по самой Польше, и по всей Европе, когда выяснилось, что тамошние сограждане-поляки после ухода Советов в 1941 г. практически поголовно уничтожили своих же сограждан-евреев. И произошло это, между прочим, под лозунгом все того же народного Сопротивления.

Тем не менее многие в Польше считают, что именно эта местность вполне достойна стать символом героической борьбы польского народа с Советами. Даже количество героических борцов досконально подсчитано: 1500 человек. А для примера — образчик одного из их многочисленных подвигов в польской же интерпретации: «Особенно известным стало покушение на крайне антипольского еврейского коллаборанта — Лейбу Гутовского, агента НКВД. Гутовский с начала 1940 г. занимал должность директора школы... и одновременно должность секретаря партийной ячейки... Во время первомайской демонстрации в 1940 г. он обратился к согнанным силой полякам: "...вы должны раз и навсегда запомнить, что Польша никогда не вернется. Великий Советский Союз и мы являемся хозяевами этой земли..." А потом Гутовский уж совсем обнаглел и даже кричал: "Да здравствует Красная Армия!", "Да здравствует великий Сталин!" Докричался — польские борцы за независимость застрелили его по дороге домой. Или другое героическое деяние: гранату кинули в окно дома культуры, где в это время красноармейцы время проводили. Убито 4 человека. Но и НКВД не спало, и 17 июня 1940 г. арестовало около 70 героев-подпольщиков»¹¹.

Подобное «зверство» со стороны советских органов вкупе с депортациями и по сей день возмущает поляков. Тогда чего они, спрашивается, добивались, если свою патриотическую деятельность в печально знаменитом Едвабне начали с убийства начальника НКВД лейтенанта Шевелева 10 мая 1940 г. А продолжили в 1941 г. уже известным поголовным уничтожением соседей-евреев в Едвабне за то, что они якобы все как один работали на НКВД. Так сказать, реализовали в инициативном порядке «окончательное решение еврейского вопроса» в отдельно взятом населенном пункте, обскакав при этом даже ребят Гимmlера, «невинно баляющихся» концлагерями.

Репрессии, или отражение в кривом зеркале

А теперь поподробнее остановимся на вопросе о так называемых репрессиях по отношению к польскому населению «восточных окраин» в период 1939—1941 гг., о которых в Польше в

настоящее время иначе как об этнических чистках и не говорят. В «Альманахе общих знаний 1998» (Варшава, 1998) в категорической форме утверждается: «Одним из самых трагических последствий нападения СССР на Польшу были начавшиеся в октябре 1939 г. ссылки сотен тысяч поляков в глубь советской империи (офицеров запаса, военнопленных, заключенных, депортированных — от младенца до старика, гражданских лиц, особенно интеллигенции и членов любых, вплоть до военных, польских организаций, госадминистарции и владельцев земель). Главной целью этих этнических чисток являлось стремление советских властей к очистке новых территорий от естественно настроенного враждебно к агрессорам польского населения. Все граждане, оставшиеся на завоеванных польских территориях, были силой принуждены к принятию советского гражданства».

После подобных пассажей только и остается, что удивляться необыкновенным польским младенцам, уже с рождения враждебно настроенным к агрессорам, принудившим население к принятию советского гражданства. Так если бы Советы на этом остановились, а то придумали еще более изощренную форму репрессий: в соответствии с законом СССР о всеобщей воинской обязанности в начале 1940 г. стали призывать поляков на службу в Красную армию. Всего таким образом, по разным польским оценкам, под ружье было поставлено от 100 до 150 тыс. человек. Часть поляков попала служить аж на Дальний Восток, о чем со священным ужасом сообщают польские исследователи. Оно и понятно, ведь у истинного европейца одно упоминание о Сибири вызывает дрожь в коленках, а что уж говорить о том, что еще дальше находится. К тому же есть и еще одно «смягчающее» обстоятельство: не каждому понравится служить в армии, с которой до этого пришлось повоевать. И тем не менее даже на этом фоне «открытие» польских историков, заявляющих, что призыв в РККА был одной из форм последовательного уничтожения польского народа, выглядит не очень-то убедительно. Поскольку легко опровергается элементарной логикой: да если бы СССР и в самом деле видел во всех поляках (не путать с разномастными подпольщиками) исключительно врагов, то уж точно не стал бы укомплектовывать ими армию. Хотя, с другой стороны, при наличии богатой фантазии объяснить можно все что угодно.

В том числе и такой версией, к примеру: а ну как унылая советская униформа из хэбэ, и близко не идущая в сравнение с блестящими уланскими мундирами, доводила чувствительных польских юношей до депрессии, а то и — страшно подумать — до суицида?! А? То-то же!

Однако пойдем дальше и сопоставим вышеприведенные «ужасы» с положением поляков в гитлеровской зоне оккупации, после чего, вне всякого сомнения, антигуманность советского режима проявится особенно выпукло. Ибо как истинные европейцы фашисты не были такими варварами и к принятию немецкого гражданства никого из поляков на территории Генерал-губернаторства не принуждали и в вермахт насильно не загоняли. Да и в репрессиях своих задач не видели — не мелочились, одним словом. Губернатор Ганс Франк, ключевая фигура в организации террора против поляков, прямодушно говаривал, что ему доверено управлять этой страной с единственной целью — превратить ее с точки зрения экономики, политики и культуры «в груды руин». Именно этот «цивилизованный» европеец устроил для гордых поляков на их же собственной земле что-то вроде апартеида в Южной Африке.

С его легкой руки в учреждениях, куда поляков принимали на работу, их официально делили на две группы: «работающих под немецким надзором» (не совсем быдло) и «туземную рабочую силу» (окончательное быдло). Кроме того, были отдельные магазины для немцев и для «туземцев», так же как и отдельные вагоны и отделения в средствах транспорта. В немецких ресторанах в оккупированной Польше висели объявления: «Für Hunde und Polen verboten» — «Вход для собак и поляков воспрещен». Этот же самый запрет распространялся и на скамейки в парках, на которых в большинстве своем тоже прикреплялись таблички с надписями «Только для немцев». И все же, судя по рассуждениям польских радетелей исторической справедливости, эти «невинные» ограничения для свободолюбивой польской натуры были менее оскорбительными, чем принятие советского гражданства, ибо исходили не от русских «лапотников», а от братьев-европейцев.

Тем не менее как раз-таки наличие столь ненавистного советского гражданства позволило специальной группе поляков в

1940 г. героически прокатиться по местам поселения соплеменников, депортированных из бывших восточных окраин, чтобы затем составить отчет для руководства «подпольного государства». Куда при этом смотрел демонический НКВД, в голове не укладывается! А посему совсем уж непонятно бездействие разведки дальнего действия того же «СВБ-АК», о которой, кстати, весьма высокого мнения были англичане, не воспользовавшейся оказией для выяснения ситуации в лагерях польских военнопленных в России. А заодно и для раскрытия тайны Катыни еще до того, как это сделал один из ярчайших европейских «гуманистов», лучший «друг» поляков партайгеноссе Геббельс.

Тем более что, как гордо заявляют члены объединения ветеранов Армии Крайовой в США, разведка АК действовала даже в Германии и в Советском Союзе вплоть до Ленинграда, Москвы и Кавказа, благодаря услугам железнодорожников, водивших поезда в глубину обеих стран. Да и польский ученый, профессор А. Пачковский, в своей работе о вкладе Польши и поляков в победу союзников во Второй мировой войне, сочиненной по заказу министра иностранных дел Польши, утверждает, что после начала советско-немецкой войны было произведено распространение зоны действия разведки АК на востоке посредством организации разведывательных ячеек, в том числе в Смоленске, Харькове, Риге и Динабурге (в настоящее время Даугавпилс в Латвии)¹². Это ж надо, агентура-то, оказывается, была именно там, где и нужно, в непосредственной близости от лагерей польских военнопленных в Харьковской и Смоленской областях. А потому вдвойне непонятно, почему тогда в армии Андерса корпели над составлением списков по лагерям в Катыни (под Смоленском) и под Харьковом, а свою же собственную разведку подобными задачами не отягощали. Может, ждали, когда «душка» Геббельс все оформит за них в лучшем виде?

В последнее время у исследователей появилась возможность работать с архивами НКВД-НКГБ СССР и уточнить все, относящееся к репрессиям, в том числе и тем, что якобы были направлены исключительно против поляков. Однако вопреки заявлениям польских «держателей» истины в последней инстанции, никаких «специальных притеснений», судя по открывшимся архивным сведениям, на поляках не практиковалось. В частнос-

ти, по данным НКВД, уже к 27 ноября 1939 г. на бывших польских территориях было арестовано 11 817 человек, из которых 278 польских офицеров, 1181 белогвардейских офицеров и петлюровцев, 218 участников вооруженного сопротивления Красной армии и партизанских отрядов, 3544 жандармов, полицейских, агентов полиции и тайной полиции и т.н. провокаторов, 324 помещиков, купцов и фабрикантов, 94 чиновника, 1024 беженцев, 2103 членов контрреволюционных партий и организаций (включая украинских националистов) и др. Другими словами, «всякой твари по паре».

Впрочем, справедливости ради надо отметить, с польской стороны еще присутствует порой понимание того, что игнорировать факты целиком и полностью нельзя (правда, исказить все-таки можно). В доказательство чему можно привести следующую, польскую (!), точку зрения на обсуждаемый вопрос: «Представляется, что советские власти не считали лиц польской национальности всех скопом своими противниками. Острые репрессий направлялось не против всех, а только против отдельных поляков, против “польской национальной контрреволюции”. А к ней, добавим, относили членов польских политических партий и общественных организаций с ориентацией на независимость, как-то: Польская социалистическая партия, Национальная партия, Лагерь национального объединения, Беспартийный блок сотрудничества с правительством, Польская армейская организация, Союз легионеров, Союз офицеров запаса, “Стрелок”. Враждебным элементом Советы считали также лиц, формирующих госаппарат или же связанных с польским государством: высших чиновников, работников юстиции, офицеров Войска Польского, полицейских, жандармов, солдат Корпуса охраны границы, военных поселенцев (осадников). Репрессии также захватывали и тех, кто каким-либо образом оказывал сопротивление советской власти, например, принимал участие в нелегальной деятельности или же высказывал мнения, квалифицируемые как “анти-советские”».

А теперь попробуем присмотреться к некоторым из перечисленных категорий «враждебного элемента», чтобы понять, были ли они такими уж невинными жертвами. Да взять хотя бы тот же «Корпус охраны границы», в функции которого входило, в том

числе, и ведение разведывательной и контрразведывательной деятельности на приграничной территории. При этом его разведывательные структуры подчинялись соответствующим подразделениям 2-го отдела польского Генштаба. Наиболее показательными в этом смысле являются действия НКВД против Корпуса в Тернопольском воеводстве (юго-запад Украины). Там оперативной группе НКВД удалось захватить полностью весь архив разведывательного подразделения Корпуса, так как поляки по невыясненным причинам не смогли его ни уничтожить, ни укрыть. Тогда же в результате следственных действий были получены данные о структурах польской разведки и контрразведки, а также об агентуре, осведомителях и владельцах конспиративных квартир. После чего НКВД разоблачил и арестовал около 100 агентов польской разведки в регионе Винницы и Каменец-Подольского, 300 агентов и сотрудников контрразведки на территории тернопольского воеводства, а также 80 агентов — во Львовском и Станиславовском. В связи с чем возникает законный вопрос: а что бы делали с чужой разведывательной агентурой — ну, скажем, советской — в других странах, например, в той же Польше? Неужто представили бы к орденам и медалям? Что-то не верится.

А ведь это мы только на одном пункте из перечня остановились. Положа руку на сердце, довольно обширного и впрямь наводящего на мысль о тотальных репрессиях. Если, конечно, не знать, что творилось на так называемых «восточных окраинах» в продолжении 20 лет до описываемых событий. Когда на исконные территории Западных Украины и Белоруссии из Польши хлынули массы «носителей» истинной культуры и цивилизации. Этаких «культуртрегеров» в белых манишках, которые исполняли свою «высокую миссию» с таким рвением, что едва только польское правительство драпануло за границу, «окультуриваемые» стали в них стрелять. Впрочем, не будем отвлекаться, лучше очередной польский источник процитируем: «Большое количество поляков попало в тюрьмы после операций НКВД, направленных против польского подполья. Конспирация с целью достижения независимости развивалась на “восточных окраинах” весьма бурно. Наряду с “правительственными” “Службой победе Польши” и затем “Союза Вооруженной Борьбы” суще-

ствовали сотни организаций локального характера. В состав польских конспиративных организаций входили офицеры и унтер-офицеры польской армии, полицейские, военные осадники, ученики, но численно преобладало крестьянское население».

Да кто бы отпирался, НКВД действительно, как ему и положено, вывозил всех, кто занимался нелегальной антигосударственной деятельностью. Ну а тем, кому уж очень хочется визжать, что «восточные окраины» Советы аннексировали вследствие агрессии, что встреча частей Красной армии и последующие решения о присоединении к соответствующим советским республикам — происки «коммуны» и НКВД, можно ответить: да сами ж поляки для этого почву и подготовили. Кто еще, если не «стремящаяся к демократии» 2-я Жечпосполита Польша (2-я Польская Республика) так хорошо поработала на национальных окраинах, что соответствующим советским органам надо было лишь самую малость «попиариться» и — дело в шляпе. Тем паче, что предыдущая польская власть, не мудрствуя лукаво, всем «пиарам» плетку предпочитало. И еще одно лыко в строку, между прочим, из арсенала всемирного оплота демократии, на который усердно равняется сегодняшняя Польша. О наших старших американских братьях, которые, если кто не в курсе, после начала войны с Японией поступили следующим образом: без долгих разбирательств на предмет существования японского подполья взяли да изолировали всех американских японцев до конца войны. От греха подальше, как говорится. При этом условия у изолированных были далеко не санаторно-курортного типа. Извинения по этому поводу, правда, последовали, лет этак через 50, а, значит, так надо понимать, светлый демократический образ не потускнел.

Однако бог с ними, с американцами и их невинными детскими шалостями, вернемся-ка лучше к нашим ужасным репрессиям и приведем очередное свидетельство «угнетенной» стороны из уст пани Ирены Андерс, жены героического генерала Владыслава Андерса, возглавившего ту самую сформированную в СССР армию, которая «отважно» повоевав на Сирийском фронте, в 1943 г. драпанула на Запад. Так вот что вспоминала пани Ирена об адовых муках, выпавших на ее долю в Советском Союзе: «...разразившаяся война поставила крест на моих планах от-

носительно учебы в вузе, и, естественно, как и у всех — перевернула всю жизнь. В 1940 г. известные артисты и музыканты массово убегали от немцев и очутились во Львове, в западне у большевистского врага. Но русские тогда кое-какое уважение к искусству имели и относились к артистам-беженцам достаточно терпимо. Удостоверение артиста спасало жизнь. Артистов эстрады, к которым я относилась, разделили на 4 ансамбля, которые обязаны были ездить по всей России до самой Сибири, чтобы, как им было сказано, “пропагандировать польское искусство”. ...Одиннадцать месяцев я ездила с группой великолепного композитора Хенрыка Варса, “пропагандируя искусство” и размышляя, а не был ли это попросту прием, чтобы добить нас. Мы жили в поездах, полных вшей и клопов, выходили на сцену с бурчащими от голода животами»¹³.

Да, не позавидуешь бедной пани Ирене! Опрометчиво же она поступила, сбежав от фашистов к большевикам. А осталась бы в Генерал-Губернаторстве, каталась бы как сыр в масле. Там и поезда, не в пример советским, без клопов и вшей были, и поляки изнемогали не от голода, а от сытой отрыжки. Единственный недостаток — для гитлеровцев не то что польской культуры, но и страны с названием «Польша» не существовало в принципе. Какие художники, музыканты и артисты могли быть у расово неполноценного народа, предназначение которого вкалывать, вкалывать и еще раз вкалывать. Естественно, под чутким руководством арийцев. Что подтверждает запись, сделанная верным соратником Гитлера Мартином Борманом во время совещания у фюрера по будущему Польши 2 октября 1940 г.: «Генерал-губернаторство ни в коем случае не должно стать единой и консолидированной экономической территорией, которое само производит или создает все необходимые ему промышленные продукты или их части. Наоборот, Генерал-губернаторство будет массовым заповедником рабочей силы для простых работ». Вот поляков и избавляли от всего, что не укладывалось в эту схему: от доступа к книгам, высшему образованию, науке и культуре. Большинство библиотек было закрыто, из оставшихся изъяли все книги по исторической тематике и т.п. Закрыли все драматические театры, из развлечений оставив одни только кабаре. Под запретом для поляков оказалось посещение музеев и картинных га-

лерей. Запрещена была и деятельность спортивных клубов, а спортивными объектами могли пользоваться только немцы.

И все ж, если верить пани Ирене Андерс, даже на столь безрадостном фоне козни большевиков потрясали до глубины души. Ибо они в своих неслыханных изуверствах превзошли фашистов с их газовыми камерами. Да сами посудите, это ж какими садистами надо быть, чтобы сживать несчастных польских артистов со свету, нещадно гоняя их по концертным турне! Да лучше в варшавском кабаре перед гитлеровцами выступать. Те, хоть и оккупанты, а все ж свои, европейцы. Правда, в Кракове сразу же после разгрома Польши арестовали и поместили в концлагеря 183 человека местной профессуры, в том числе и имевших мировые имена. Да в 1941., войдя во Львов и получив от ОУН список наиболее известных деятелей польской культуры и профессоров львовских ВУЗов, разом пустили всех в расход. Но так, опять же, куда Советы смотрели? Вывезли бы профессуру заходя в Сибирь да Казахстан — глядишь, и остался бы в живых цвет польской культуры. А у их «благодарных» потомков появился бы отличный повод предъявить России счет за «репрессии».

Ладно, будем считать, что с трагическими судьбами польской культуры в Советском Союзе мы более-менее разобрались. Тогда, может быть, исключительно для сравнения, помянем о них же, но уже в другом европейском государстве, а именно в Литве, которая, несмотря на свой, даже по тогдашним показателям, тоталитарный режим, в предвоенный период считалась демократической, пока не вошла в состав СССР. Как известно, «тоталитарный» СССР в 1939 г. передал «демократической» Литве город Вильно с приграничной территорией. И Литовское государство тогда не усмотрело в этом акте нарушения каких-либо международных норм, что, впрочем, неудивительно: в довоенной Европе отхватить «кусочек» от соседа считалось чуть ли не признаком хорошего тона. Вот и Литва, получив такую «халяву», незамедлительно провела на переданной ей территории ряд демократических мероприятий, выразившихся в ликвидации польских школ, театров, молодежных организаций и организаций самоуправления. Уже 15 декабря 1939 г. был закрыт Университет им. Стефана Батория, а его сотрудников выбросили из университетских квартир на улицу, студентов же отправили в трудовые

лагеря. В подобное же учреждение в целях «трудового перевоспитания» пристроили и часть профессуры. Повсеместно проводилась политика вытеснения польского языка. Короче, наблюдался типичный расцвет демократии.

А вот варвары-большевики польских учителей почему-то под корень не извели, как и некоторых склонных к коллаборации с Советами деятелей искусства и литературы. Школы, от начальной и до высшей, при них продолжали работать, правда, с другими программами и не на одном только польском языке. Тем не менее, некто пан З. Поплавский в своем фундаментальном труде «Репрессии оккупантов во Львовском политехническом институте (1939—1945 гг.)» рисует просто «душераздирающие» сцены репрессий со стороны Советов. Вот вскоре после занятия Львова большевики созвали всю профессуру и доцентов на собрание. Те, памятуя о печальной участи коллег из Ягеллонского университета в захваченном фашистами Кракове, попрощались с родными и близкими, укрепились сердцем и двинулись на казнь, почему-то не помышляя о конспирации и сопротивлении. Пришли, а им — представьте себе, объявляют — что советская власть удовлетворена высоким уровнем преподавания в университете, а посему всех подтверждают в должностях, и даже проректором по научной части оставляют работать поляка. Казалось бы, чего же тут плохого? Ан нет, пан Поплавский недрогнувшей рукой заносит данный факт в длинный список советских преступлений. Послушать его, так Советы и здесь хуже гитлеровцев оказались. Те всего-то «гуманно» расстреливали да бросали в концлагеря, а русские применяли издевательства в самой изощренной форме. В результате польским преподавательским кадрам пришлось посещать курсы русского и украинского языков и натаскиваться по истории ВКП(б). А уж то, что Рождество и Пасха, по милости большевиков, перестали быть выходными днями, — так вообще зверство чистой воды. Во всяком случае, немцы на такое не сподобились. А потому у поляков-мучеников, угнетенных политическим и идеологическим террором, оставалась одна надежда: ждать, когда придут освободители с Запада. И дождались: нагрянувшие в 1941 г. «спасители» прикрыли славный политехнический институт и разогнали его вольнолюбивых сотрудников¹⁴. Но, надо полагать, маленькое утешение у обманутой в луч-

ших чувствах польской профессуры все-таки имелось: по крайней мере курсов обязательного изучения «Майн Кампф» немцы для них не открывали.

Однако обида на братьев-европейцев все равно осталась, поэтому даже пани профессор М. Павловичова в своем русофобском и националистическом опусе «Этапы уничтожения поляков и их культуры на восточных землях после 1939 г.» вынуждена писать: «Немцы на завоеванных территориях проводили политику *иную* (выделено автором). Для них польский учитель, ученый — это враги»¹⁵. Казалось бы, можно перевести дух: ну, наконец-то! Но не тут-то было, ибо скоро выясняется, что судьба польских учителей при Советах, по мнению пани Павловичовой, сложилась не менее трагично. Поскольку этих несчастных напропалую использовали в пропагандистских целях, вынуждали преподавать по советским учебным программам и — что самое ужасное — на украинском, белорусском и русском языках. Странно только, что несмотря на столь беспрецедентные притеснения, до сих пор не известно о каком-либо герое, гордо бросившем в лицо советских оккупантов: «Стреляйте нас, вешайте, а преподавать по вашим большевистским указкам ваши дубовые предметы на ваших неполноценных языках не будем!» Хотя кто знает, может, все еще впереди, и не сегодня-завтра дотошные польские историки сочинят на досуге подходящие «воспоминания».

Тем более, опыт у них в этом деле богатый. Да и подход более чем «научный», из области «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Отсюда и соответствующие трактовочки, мягко выражаясь, странные с позиции элементарной логики. Ну, вот вам, хотя бы, образчик, с экскурсом в историю польского учительства в городе Станиславове (сегодняшний Ивано-Франковск на Украине), где герр (а может, пан?) Ганс Крюгер, начальник тамошнего гестапо, взял да и пустил в расход две с половиной сотни человек, практически всех преподавателей начальных и средних школ, врачей, адвокатов, судей. Тех самых, что незадолго до описываемых событий истомились от советского (а может, и русского, — как кому из ясновельможных панов историков больше понравится) гнета, и только было облегченно вздохнули... и вдруг на тебе!

А теперь отгадайте с трех раз, кто в этом злодеянии виноват? Правильно: русские! Это они своим восточным фронтом лишили немцев возможности ссылать польских патриотов, в итоге пришлось расстреливать, куда ж деваться. Что, скажете, абсурд? А вот и не торопитесь. Ибо предыдущий пассаж — не более чем развитие мысли «прогрессивных» польских интеллектуалов, которые к 60-летию Победы не гнушались философствованиями типа: «На завоеванных территориях оба оккупанта применяют свою собственную политику. Немцы на Западе посиживают в кафе, подбивают клинья под девушек и иногда ради принципа расстреливают членов движения Сопротивления. В генерал-губернаторстве уже не так спокойно, но... немцы выселяют тысячи поляков из Поморья, Великопольши и Силезии. Куда? В центральную Польшу. Русские выселяют миллионы и вывозят их на тысячи километров на восток. ...Всё лучше русских»¹⁶.

Да, кстати, о «миллионах». В вышедшей в свет — к сожалению, уж очень малым тиражом — книге «Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г.» приводится следующее количество выселенных в течение периода февраль — июнь 1940 г. поляков — 292 513 человек. Но это так, к слову. Хотя понятно, что даже за этой цифрой, неизмеримо меньшей, чем та, которой спекулируют польские борцы за «историческую справедливость», — конкретные трагедии конкретных людей, в том числе и не имевших отношения к подполью, приведем, однако, и другие сведения из уже упомянутой книги. Выдержки из оперативной сводки НКВД: «По имеющимся сведениям, бедняцкое население, особенно украинское, положительно относится к проводимой операции; имели случаи задержания населением бежавших осадников». Или высказывания людей, из того же источника:

«В течение 10-ти лет они пили нашу кровь, следили за каждым нашим движением и доносили польским жандармам и помещикам. От них не было нам жизни, и лишь теперь мы от них навсегда избавились».

«Осадники...издевались над украинцами, позабирали у нас лучшие земли»¹⁷.

Можно, конечно, утверждать, что все это — беззастенчивая ложь, состряпанная НКВД в пропагандистских целях. И сегод-

ня с польской стороны слышны призывы не верить ни одной из цифр НКВД уже потому, что просто не может такого быть, чтобы репрессированные не исчислялись миллионами! (Дай им волю, они бы и сотни миллионов насчитали, жаль, столько поляков во всем мире не наберется.) И что ты им возразишь? Разве процитируешь русскую поговорку «на каждый роток не накинешь платок», а от себя добавишь, что бывают такие «ротки», которые и простыней-то не прикроешь. Тем более, что депортации сами по себе — лишь торчащая над водой верхушка айсберга, а в глубине еще много чего скрывается. Вроде большей частью замалчиваемых жертв междоусобных стычек, что охватили «восточные окраины» во время немецкой оккупации. Ведь гитлеровцы, в отличие от варваров-большевиков, царившую в этих краях застарелую ненависть поляков и украинцам друг к другу не только не подавляли, но даже и поощряли. Впрочем, у нас еще будет возможность обсудить этот вопрос в деталях.

Что же касается собственно репрессированных поляков, то, повторимся, никто не умаляет их страданий. Жизнь депортированных была не сахар, кто же будет это отрицать. К тому же не стоит забывать, что практически все населяющие СССР народы, в том числе и русский, сами хлебнули их вдосталь. Но, опять же, не все так однозначно. Во-первых, потому что, как мы уже неоднократно отмечали, ни одно, даже самое раздемократическое, государство не потерпит деятельности, направленной ему во вред, которую — и этим они сейчас только гордятся — вели многие из депортированных поляков. А во-вторых, репрессии репрессиям рознь. Как в случае со следующим гонением, учиненным над поляками под флагом тоталитарной советской идеологии, когда польское слово «жид» (*żyd*), которое, собственно, и означает «еврей», безо всякого уничижительного значения, было запрещено в употреблении как антисемитское. Взамен же полякам предписывалось использовать русский аналог — «еврей», а иначе можно было и пять лет схлопотать. Так, борясь с антисемитизмом, Советский Союз одновременно преследовал поляков.

Глава 3

“Советско-немецкий конфликт”, или чем заниматься истинным патриотам Польши

И еще немного о «невинно» угнетенных. О борцах невидимого фронта из растущих, как грибы после дождя, под эгидой СВБ «освободительных армий» и «войсковых организаций». Чего они хотели, чего добивались, о чем мечтали, забившись в щели? Ответ на этот вопрос можно найти в директиве командующего СВБ генерала С. Ровецкого (псевдоним «Грот») от 28 сентября 1940 г.: «Исход ожидаемого конфликта между Россией и Германией в настоящий момент предугадать невозможно. Для нас было бы лучше всего, если бы немцы атаковали Россию, уничтожили ее вооруженные силы и облегчили тем самым для нас решение в будущем вопроса о нашей восточной границе». В той же директиве определялось положение СССР как врага, даже если СССР и Англия станут союзниками. В отношении вступления советских войск на польские территории директива тоже была недвусмысленной: «быть готовыми исполнить специальный приказ по проведению массовых диверсий и организации партизанского движения в тылу у Советов»¹. Вот какой он истинный, без псевдолиберальных прикрас, облик у «коварно преданного Советами союзника», над которым усердными стараниями польских историков уже начинает светиться нимб.

Поэтому прежде чем мы начнем рассматривать действия польских формирований разного рода, так или иначе подконт-

рольных польскому правительству в эмиграции, следует напомнить о том, что широчайшие слои польского населения на «восточных окраинах» находились под воздействием не только антисоветской, но и антирусской пропаганды, как со стороны основных звеньев польского подполья, так и со стороны гитлеровцев. Также нельзя не учитывать и поддержку этих враждебных установок и со стороны католического духовенства. При этом не имело значения, как называлось государство, с которым поляки имели дело — СССР, или как-нибудь иначе — главное, что оно представляло собой очередную ипостась основного врага Польши — России.

В результате грянувшая в 1941 г. Великая Отечественная война для поляков, оказавшихся в СССР, стала долгожданным исполнением заветных желаний. Тем неожиданнее может показаться, что именно она резко изменила положение арестованных польских подпольщиков. Наивные Советы понадеялись, что общая беда станет крепкой основой для возможного союза, и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. амнистировали и освободили 389 041 человек — граждан Польши, из них 200 828 поляков. При том, что в подавляющем большинстве это были действительно активные враги СССР.

Стоит ли уточнять, что большевики сильно просчитались. Вместо того чтобы примкнуть к противостоящим фашистской армаде советским патриотам, встретившие «советско-польский конфликт» с энтузиазмом поляки продолжили свою подрывную подпольную деятельность против СССР. Так, существовавшая к тому моменту на крайнем правом фланге довоенного политического ландшафта Польши Стронництво Народовэ (Национальная партия), имеющая свою подпольную вооруженную структуру — Национальную военную организацию (НВО) (потом эта организация войдет в состав АК и введет своих представителей в Делегатуру правительства в стране), поместила в одном из своих печатных изданий следующий отклик на начало войны между Германией и СССР:

«...То, что произошло 22 июня 1941 г., следует рассматривать как исключительное счастье. Руки одного из наших врагов разят другого, а оба — победитель и побежденный — истекут кровью,

уничтожат и истощат друг друга... То, что случилось 22 июня, освобождает нас от призрака неравной схватки с Москвой на следующий же день после того, как рухнет рейх...»

Да и Бюро информации и пропаганды СВБ сообщало в конце июня 1941 г.: «Слава Господу Богу и благодарность за то, что рука одного из наших врагов режет другого и оба они — победитель и побежденный — истекут кровью и ослабеют».

Не менее любопытны и «рвущие душу» излияния уже известного нам пана Т. Стшембоша, так описывающего первые дни войны в Белостокской области (в 1941 г. в составе БССР): «Встречали ли польские жители Едвабне и окрестных сел немцев с энтузиазмом и как избавителей? Да! Встречали! Если кто-то вытаскивает меня из горящего дома, в котором я через минуту могу сгореть, то я брошусь ему на шею и буду благодарить. Даже если завтра мне придется признать его следующим врагом. Немцы спасли сотни жителей окрестных сел... Спасли от депортации на смерть, куда-то в казахстанскую пустыню или в сибирскую тайгу... Поэтому не стоит удивляться их радости и тем “бандам”... что атаковали уходящие с этой земли группы советских солдат...»².

Кто не радовался «освободителям», так это евреи. Ибо, вопреки заявлениям того же Стшембоша и иже с ним, хоть и не испытывали большого восторга от реалий советской действительности в Западной Белоруссии, прекрасно понимали, чем им грозит новая власть. Профессор Израэль Гутман так в свое время ответил Стшембошу: «В оккупационной зоне евреи, также как и другие, как и все, страдают под советской властью. Гитлеризм же заранее и сразу вводит обездоленность, изоляцию в гетто и уничтожение евреев... Евреи, в общем-то, осознавали то, что падение свободной Польши является для них огромным несчастьем, но в структуре оккупационных режимов в отношении к евреям возникла... огромная разница, и то, что евреи испытали облегчение ввиду того, что перед лицом поражения польского государства территории, на которых они проживали, переходят под советскую власть, представляет собой явление естественное и ожидаемое. Альтернативой ведь было гитлеровское рабство.

... В этом контексте следует указать на исторический парадокс, непредвиденное стечение обстоятельств, что как раз евреи,

изгнанные и сосланные советскими властями в глубь Советского Союза, спаслись в значительном большинстве, и это они, освобожденные после войны в процессе репатриации, составляют преобладающую часть спасенных остатков польских евреев. *Это явление отражает разницу между двумя тоталитарными режимами, если речь идет о судьбе евреев*³ (выделено автором).

Но есть и не менее любопытные сведения, которые можно найти на страницах недавно опубликованной в Польше «Хроники сестер-бенедиктинок аббатства Св. Троицы в г. Ломжа» (до 1941 г. входил в состав Белостокской области Белоруссии): «22 июня 1941 г. Ранним утром послышался гул самолетов и время от времени грохот разрывающихся над городом. бомб... Несколько немецких бомб упало на ключевые советские учреждения. Среди Советов поднялась неописуемая паника. Они начали в беспорядке убегать. Поляки жутко радовались. Грохот каждой разрывающейся бомбы наполнял души невыразимой радостью. Через несколько часов в городе не было ни одного совета, евреи попрятались где-то по погребам и подвалам. До обеда заключенные покинули камеры. Люди на улицах бросались в объятия друг другу и плакали от радости. Советы отступали без оружия, ни одним выстрелом не отвечая наступающим немцам.

Вечером того же дня в Ломже не было ни одного Совета. Ситуация, однако, оставалась неясной — Советы сбежали, а немцы еще не вошли. На следующий день, 23 июня, такая же пустота в городе. Гражданское население занялось грабежами. Были разгромлены и разграблены все советские склады, базы и магазины. Вечером 23 июня в город вошло несколько немцев — население вздохнуло с облегчением»⁴.

Следует отметить, что польские историки в настоящее время — и в этом надо им отдать должное — без всяких оговорок (так как для большинства из них, даже в отличие от доктрины Армии Крайовой, и Россия и Германия равно ненавистные враги) утверждают, что и в Вильно, и во Львове немецкая оккупация принесла на определенное время облегчение. Объясняют они это очень просто: агрессия СССР отдала польское общество на «восточных окраинах» в лапы советским варварам, прославившимся кровавыми чистками. Отсюда и радость, что варваров прогнали носители европейской цивилизации. «После русских

мы при немце зато чувствовали себя как в раю», «Я радовался, как все», — вот цитаты из сборника Польской Академии наук «Европа непровиницальная», посвященного переменам на восточных землях прежней Польской республики.

Что ж, получается, причина подобных, прямо скажем, отрицательных эмоций в адрес русских все-таки в ненависти, которую вызвали в поляках советские реалии, насаждавшиеся на бывших «восточных окраинах» с включением их в состав СССР? Так же как и лучшие надежды, возлагаемые на приход фашистов? Ведь судя по запискам носительниц католической морали, такие чувства испытывали представители всех слоев польского населения! Что, между прочим, резко отличает их от советских современников, в которых даже проклятый сталинский тоталитаризм не вытравил человеческого сопереживания «униженным и оскорбленным». А чтобы проиллюстрировать эту мысль, снова вспомним Константина Симонова, написавшего вскоре после нападения Германии на Польшу:

«Когда началась война немцев с Польшей, все мое сочувствие, так же как и сочувствие моих товарищей из редакции военной газеты, где мы вместе работали, было на стороне поляков, потому что сильнейший напал на слабейшего и потому, что пакт о ненападении пактом, а кто же из нас хотел победы фашистской Германии в начавшейся европейской войне, тем более легкой победы?»⁵

А ведь при этом тот же К. Симонов остается честным и не скрывает своего отношения к довоенной Польше: «...А то, что там, в Европе, наши войска вступают в Западную Украину и Белоруссию, мною, например, было встречено с чувством безоговорочной радости. Надо представить себе атмосферу всех предыдущих лет, советско-польскую войну 1920 года, последующие десятилетия напряженных отношений с Польшей, осадничество, переселение польского кулачества в так называемые восточные коресы, попытки колонизации украинского и в особенности белорусского населения, белогвардейские банды, действовавшие с территории Польши в двадцатые годы... В общем, если вспомнить всю эту атмосферу, то почему же мне было тогда не радоваться тому, что мы идем освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию?»⁶

Да, именно так. Хотя возвращение в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии Константин Симонов приветствовал, вторжение в Польшу фашистской Германии с негодованием осуждал. И, можно быть уверенными, не он один. В отличие от не знающих сомнений польских патриотов, которые почти до самого конца войны выжидали, чья возьмет, а когда наконец поняли, чья, в лучших «коммерческих» традициях прикинулись союзником сильнеешего, то бишь СССР.

Ладно, пусть так. Но тогда, может, поляки, не попавшие под советский гнет и, соответственно, не подвергшиеся репрессиям, вели себя как-нибудь по-другому? Пусть теперь выскажутся те, которым «посчастливилось» оказаться в зоне гитлеровской оккупации, так надо понимать, более «европейской» и «гуманной», по сравнению с людоедской большевистской. Возможно, это многое прояснит в вопросе, почему не задалось советско-польское товарищество по оружию на равных.

Владыслав Студницкий, польский общественный деятель, практически неизвестный в России, но зато не забытый в Польше и пользующийся там до сих пор репутацией «истинного патриота Польши» (а патриоты наверняка знают, что нужно для блага страны, и стремятся все для этого делать) осенью 1939 г. писал следующее: «Ко мне приходили преимущественно люди старшего поколения, имевшие разное социальное происхождение и являвшиеся представителями разных политических направлений. Тут были рабочие, ремесленники, члены крестьянской партии, представители профессиональной интеллигенции, прежде всего юристы, журналисты, предприниматели, много дворян. Они высказывали мнение, что с Германией надо договариваться, надо сформировать национальный комитет, послать делегацию в Берлин, надо спасать то, что можно спасти». И, по мнению самого Студницкого, основой для взаимопонимания между Германией и польским обществом должен был стать предполагавшийся и ожидаемый советско-немецкий конфликт. В беседе с немецким комендантом Варшавы Карлом фон Нойманн-Нойроде Студницкий заявил: «Вы проиграете войну без возрождения Польши, без создания польской армии».

Тот же Студницкий уже 20 ноября 1939 г. составил и передал немецким властям «Памятную записку о польской армии и на-

ступающей советско-немецкой войне». По его замыслу, новую польскую армию должно было создать временное правительство Польши. С помощью этой армии предполагалось отбросить большевиков на восток до Днепра. При этом территории до Дона и Кавказа предназначалась Германии. «Если пароль звучит как “Война против России”, то нет оснований для каких-либо опасений и сомнений, так как величайшим несчастьем для польского народа было бы, если бы вся Польша попала под пяту Советской России»⁷. Точно такие же настроения, вкупе с готовностью «дружить» с немцами против России, гнездились и в головах руководителей Армии Крайовой, большая часть которых «прославилась» еще в польско-советской войне 1920 г.

Кстати, Студницкий оставался при своих убеждениях вплоть до 1945 г., когда, казалось бы, каждому мало-мальски мыслящему человеку был уже ясен исход войны, и предлагал немцам освободить поляков из немецких лагерей, вооружить их и единым фронтом выступить против большевиков. Ну а чтобы дело его не умерло, он оставил свои заветы польским (и не только) историкам, заявив в одном из своих трудов: «Азия имеет одинаковую склонность как к устранению, так и к творению беззакония. Отсутствует понимание прав человека, нет того благородного индивидуализма, которое является рыцарским наследством в Европе. Россия — это неизлечимый калека».

Похожие тенденции зафиксированы и в дневниках летописца оккупации Людвика Ландау «Хроника войны и оккупации», которые тот вел в захваченной фашистами Варшаве вплоть до своей гибели и которые являются настоящим кладом информации о жизни поляков под немецкой оккупацией. «Существует действительно множество людей, которые пытаются приобрести благорасположение оккупантов, и в той же мере, как ухудшается ситуация, их будет еще больше. Из Кракова доходят слухи, что этот феномен там достиг существенных размеров — люди, имевшие какие-либо заслуги еще по австрийским временам, выкапывают старые документы и таким образом стараются завоевать благорасположение новых господ». Когда в 1940 г. отношения между СССР и Германией начинают портиться, Ландау отмечает, что появление громкоговорителей на улицах Варшавы в простом народе подпитывало надежду, что «вскорости по гром-

коговорителям должен будет передан призыв к вступлению в польскую армию, в какие-то части, направленные против большевиков, настоящих врагов Польши»⁸. Однако надеждам этим не суждено было сбыться. По той простой причине, что и сидевшее в Лондоне эмигрантское польское правительство, и Армия Крайова финансировались британским правительством, которое, в отличие от поляков, к гитлеровцам симпатий не испытывало. В связи с чем польским вождям пришлось делать трудный выбор между английскими деньгами и старинной ненавистью к России. И в этот раз, как, впрочем, и всегда, возобладал «здоровый коммерческий подход».

Подтверждением чему — очередное свидетельство из далекого 1941 г., одного из членов АК на Украине: «Прежде всего речь шла о том, чтобы противодействовать братанию на завоеванных землях, чтобы на Востоке не возникло никакого союза в пользу участия польского населения в немецких вооруженных силах... Опасение, что молодежь с охотой присоединится к немецким войскам в борьбе против большевиков, было небезосновательным. Немцев приветствовали с воодушевлением. Случалось, что хозяева из благодарности выводили к ним своих коров. Когда испанская “Голубая дивизия” пришла в наши места, ей был устроен сердечный прием, солдат запаивали водкой... В первые дни своего наступления немцы освободили из советских тюрем множество поляков...”. Правда, к этому надо добавить, что сами немцы видеть поляков в качестве какой-либо вооруженной силы в составе своей армии ничуть не желали, но, как пишет тот же свидетель, «.. с удовольствием пользовались их помощью для вылавливания красноармейцев, местных коммунистов и евреев»⁹.

А вот и интереснейшее послание в духе знаменитого письма запорожцев турецкому султану, с той разницей, что адресовалось оно Адольфу Гитлеру, а его подписантами были члены подпольной польской организации «Меч и плуг», основанной активистами той самой Национальной партии — «прародительницы» НВО: «Его Превосходительству господину канцлеру и верховному главнокомандующему вооруженных сил Рейха — Адольфу Гитлеру, вождю народов Европы и Вождю борьбы с большевизмом.

...Мы ломаем сегодня все устаревшие и из-за войны неизбежные противоречия и, опираясь на столь важную для польского

народа действительность, обращаемся к Вашему Превосходительству предоставить нам возможность принять участие в борьбе Европы против большевизма... С помощью Германии, германских вооруженных сил и органов безопасности желаем:

1. создать под немецким командованием польские вооруженные силы для борьбы с большевизмом;

2. лояльно сотрудничать в области использования рабочей силы;

3. тесно взаимодействовать в хозяйственной области;

4. разгрузить немецкую администрацию;

5. безжалостно сражаться с бандитизмом, партизанским движением, с евреями и масонством;

6. вести пропаганду среди военных формирований наших врагов;

7. бороться с чужой агентурой;

8. продолжать борьбу против всех саботажных и террористических групп в стране;

9. умиротворить враждебные Германии элементы на территориях, включенных в Рейх;

10. политически готовить польский народ к послевоенным задачам:

- а) повторного направления нации на восток,

- б) признания немецкого руководства в Европе.

Обращаясь к Вашему Превосходительству, в полном осознании нашего шага отмечаем, что не можем ставить Вашему Превосходительству никаких требований и условий и только жертвуя кровью можем встать в шеренги новой Европы...»

Сразу же, ради объективности, следует сказать, что «Меч и Плуг» не представлял собой какой-либо серьезной силы. И все же не стоит забывать, что и в данной организации, и в АК были выходцы из одной и той же партии. Что же касается реакции немцев на польские инициативы, то ее можно найти в записке Гимmlера, направленной шефу варшавского гестапо в 1943г.:

«... Считаю в данной ситуации достаточным, чтобы контакт с «Мечом и плугом» поддерживался и далее в прежней форме через функционеров полиции безопасности, которые эту организацию используют на территории Генерал-губернаторства и **присоединенных восточных территорий** (выделено автором) для раз-

ведывательно-шпионской деятельности против коммунистических и прочих национальных групп польского сопротивления...»¹⁰

Можно, конечно, и дальше приводить факты и цитировать источники, но вряд ли это изменит уже сложившуюся картину отсутствия прямой зависимости между советскими репрессиями и отношением поляков к России и русским. Тем более, что к началу Великой Отечественной Войны граница между СССР и Германией была действительно на замке, а потому информация о том, что за ней происходило, в Генерал-Губернаторство попросту не просачивалась. Так что и в данном случае мы имеем дело не более чем с извечным польским стремлением «нашкодить» восточному соседу, а при возможности и кусочек территории оторвать. Видимо, хорошо понимал это и Гитлер, раз уж даже он, как ни напрашивались ему в союзники «гнуснейшие из гнусных» (выражение Черчилля), «братской» польской помощью откровенно побрезговал. А вот Сталин, к сожалению, не был столь разборчив, и сильно обжегся.

«...Нарушая соглашение и солдатское слово», или сага о поисках места сражения за Польшу

И все же вопреки заветным чаяниям поляков «конфликт» между врагом Польши № 1 и врагом Польши № 2 привел не совсем к тому сценарию, на который они рассчитывали, ибо СССР стал союзником Франции и Англии, что круто меняло и положение эмигрантского правительства в Лондоне. Определенную роль сыграл, конечно, и террор фашистских оккупантов в Польше, как постоянный фактор оккупационной действительности. Как следствие этого изменения ситуации 30 июля 1941 г. в Лондоне между эмигрантским правительством и СССР было подписано польско-советское соглашение, согласно которому восстанавливались дипломатические отношения между двумя странами, обе стороны брали на себя взаимные обязательства «оказания всякого рода помощи и поддержки в войне против гитлеровской Германии», и уже в декабре 1941 г. Сикорский встретился со Сталиным и договорился о формировании польской армии на Востоке. Предполагалось также, что эта армия позже пополнится

польскими подразделениями с Запада, что представлялось естественным, ведь не было короче пути обратно в Польшу, чем путь из СССР на Запад. Кроме того, ради общего дела борьбы с агрессором планировалось задействовать и вооруженные формирования подполья в самой оккупированной Польше.

Сикорский, несмотря на все свое легионерское прошлое, был не только здравомыслящим человеком, но и национально мыслящим политиком, умевшим отделять жизненно важные для своего народа задачи в период страшной борьбы с фашистской Германией от жажды восстановления прежнего, довоенного *status quo*. В польско-советском договоре от 30 июля 1941 г. советская сторона признавала, что все советско-немецкие соглашения относительно территориальных изменений в Польше теряют свою силу. Но при всем этом Сталин, несмотря на критическое военное положение, никоим образом не собирался отказываться от Западной Украины и Белоруссии. А основанием столь твердой позиции были итоги референдумов 1940 г., в результате которых данные территории вошли в состав Советского Союза в качестве УССР, БССР и ЛитССР.

Однако что же было дальше? А вот что: и польская и советская стороны продемонстрировали, что готовы пойти дальше, и 14 августа 1941 г. заключили военное соглашение, в соответствии с которым на территории СССР началось формирование польской армии во главе с генералом Владыславом Андерсом. Именно для создания этой армии, как подразумевалось, предназначенной для военных действий совместно с РККА, а следовательно, реальной союзницы, Сталин пошел на ряд последовательных действий. Была объявлена амнистия польским военнопленным и интернированным польской армии, всем участникам антисоветского подполья в СССР — первая в истории Советского Союза — и коснулась она ни много ни мало 391 545 человек.

Освобожденным польским гражданам разрешалось свободное проживание на всей территории СССР, за исключением пограничных и режимных территорий. В соответствии с постановлением об амнистии местные советские и партийные органы должны были содействовать амнистированным, и в первую очередь женщинам с детьми, в устройстве на работу и предоставлении жилплощади. Начала оказываться существенная для условий ведущей-

ся войны материальная помощь польским гражданам. Выделение специальных фондов позволило создать 589 учреждений для удовлетворения нужд польских граждан (столовые, детские учреждения, школы, дома инвалидов и т.п.). Было разрешено открытие 20 представительств польского посольства, назначено 421 доверенное лицо, начали организовываться пункты выдачи одежды и продовольствия, поступавшего из США и Англии.

Несмотря на тяжелейшую ситуацию, в которой находился СССР в 1941—1942 гг. после вторжения немецких войск, польских военнослужащих полностью обеспечивали всем необходимым. Питание, обмундирование, а также вооружение армии Андерса осуществлялось за счет предоставленного эмигрантскому правительству кредита в 65 млн рублей, который оно должно было погасить в течение 10 лет после окончания войны. Каждому бывшему польскому военнопленному при освобождении из лагеря выдавалось единовременное пособие. Рядовые получили по 500 руб., офицеры же — существенно больше: подполковники и майоры — по 3 тыс. руб., полковники — по 5 тыс. руб., генералы — по 10 тыс. руб., а персонально генерал Андерс — 25 тыс. руб. Всего было выдано пособий на сумму 15 млн рублей. В следующем году Советский Союз предоставил правительству Сикорского еще один беспроцентный кредит на сумму 300 млн рублей¹¹. 25 декабря 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление 1064 сс, по которому предполагалось увеличить польскую армию до 6 дивизий общей численностью 96 тыс. человек.

А что же Андерс? А вот что пишет о нем и его армии генерал С.Г. Поплавский, командовавший сформированными после ухода армии Андерса дивизиями другой польской армии — Войска Польского (впрочем, с точки зрения разномастных историков правого толка, верить этому «наймиту советов», конечно же, нельзя, хотя в отличие от того же Андерса он воевал с немцами с самого начала и дошел через Польшу до Берлина, а не до Боломьи) в своей книге «Товарищи в борьбе»:

«На посту командующего Андерс, по старой привычке, повел разгульную жизнь, тратя большие деньги на приемы и изысканные обеды. А позже вообще пустился на всякие грязные махинации: подставные доверенные лица скупали для него на ка-

зенные деньги золото, бриллианты, иностранную валюту. Ценности переправлялись за границу и вкладывались там в иностранные банки.

О лицемерии и коварстве Андерса, о его отношении к советским властям поведал мне Зигмунд Берлинг, занимавший в то время пост начальника 5-й дивизии и часто встречавшийся с Андерсом.

— Бросьте думать о военном союзе с СССР! — откровенничая, поучал Берлинга Андерс. — Красная Армия все равно потерпит поражение. Ей не одолеть Германию, которая уже завоевала всю Европу. Наше счастье, что польская армия формируется в глубоком тылу у русских. Если нам будет грозить опасность, мы уйдем еще дальше на восток. Самое главное для нас — сохранить армию».

Небезынтересны также приводимые в этой книге свидетельства Ежи Климовского, бывшего адъютанта Андерса в Советском Союзе, о высказываниях Андерса осенью 1941 г. на одном из совещаний штаба: «Немецкие войска имеют большие успехи, и дни Москвы сочтены... В связи с тем что на советско-германском фронте положение тяжелое, польскую армию следует передислоцировать на юг, по возможности ближе в Афганистану, а в случае катастрофы на советском фронте — вывести ее в Персию, Индию или Афганистан...»¹²

Дело в том, что у генерала Андерса с первого же дня вторжения Германии в Советский Союз сформировалось твердое убеждение, что победа будет за немцами. У него все было расписано четко и просто: сначала Германия разобьет Россию, потом англичане с американцами с участием мощной польской армии разобьют Германию. Так к чему же «в таком разе» проливать «голубую» польскую кровь за «большевистское быдло» в донских степях или под Сталинградом? И даже потом, когда стало окончательно ясно, что ненавистные советы каким-то непостижимым образом бьют немцев без чьей-либо военной помощи, он не только не вразумился, но немедленно разработал новую теорию, по которой через пару лет после победы над Германией Англия и США начнут третью мировую войну с СССР ради освобождения Польши от ига красных головорезов. И «как раз-таки» во имя этой идеи он — на средства Великобритании — упорно дер-

жал свой корпус в Италии, все надеялся пригодиться Западу в будущей «рубке» с Советами. Однако мечтам «бесстрашного» польского вояки не суждено было сбыться: в 1946 г. англичане расформировали польский корпус за ненадобностью. И то верно, зачем поляки нужны были англичанам после войны, у них ведь и своя армия имелась.

Впрочем, не будем забежать вперед. По заключенному в 1941 г. в Лондоне соглашению, вооружение для польской армии должна была поставлять Англия. Тем не менее время шло, а из туманного Альбиона ничего, кроме тумана, не поступало. В конце концов советское командование выдало из своих запасов вооружение на оснащение целой дивизии, чтобы, завершив формирование, она могла быть направлена на фронт. В течение нескольких месяцев в учебных лагерях в Бузулуке и Татищеве были сформированы сразу две дивизии, потом еще четыре, по 11 тысяч человек каждая. Планировалось также сформировать и 30-тысячный контингент вспомогательных и резервных частей. Но не стоит забывать, что это был самый тяжелый период войны, а потому снабжать, обучать и вооружать польские войска было весьма непросто и не все шло гладко и в срок. В результате только лишь в феврале 1942 г. наиболее укомплектованная 5-я дивизия стала достаточно беспособной, и естественно, что советская сторона выдвинула требование об отправке ее на фронт. Чему воспротивился Андерс, выдвинувший в качестве аргумента тот, что данная дивизия не обладает всем вооружением, полагающимся по штату. Тем временем ситуация на фронтах, где в одиночку сражалась Красная армия, становилась все напряженнее.

В отличие от своих несговорчивых подчиненных премьер-министр эмиграционного правительства и главнокомандующий генерал Сикорский мыслил на перспективу и понимал, что означает участие польской армии в боях вместе с РККА. Хотя и он, вне всяких сомнений, не был другом СССР, но находил в себе мудрость преодолевать неприязнь ради главной цели. А потому создание и содержание в СССР сильной польской армии было с его точки зрения, необходимым, так как по окончании немецкой оккупации данный фактор сыграл бы несомненно важную роль в послевоенном государственном устройстве Польши. Увы, ни ослепленный ненавистью и к СССР и к России Андерс, ни

большинство его офицеров этого шанса не разглядели. Именно в 1942 г. Сталин был как никогда заинтересован в военной помощи: немцы продвигались к Кавказу и Волге, а потому участие польских вооруженных сил в обороне юга СССР в создавшейся критической ситуации было бы оценено по достоинству. Но Андерсу было не до этого. А после уже и сам Сталин не склонен был к особым компромиссам. Что и понятно, война ведь малопомалу разворачивалась в сторону Германии и без поляков, и без второго фронта.

А спустя каких-то девять месяцев уходящая в Иран «доблестная» польская армия уничтожала в Красноводском порту ненужное ей снаряжение, а польские офицеры с презрением швыряли в воды Каспия ставшие им ненужными «большевицкие» рубли. Позднее этот «акт героизма» — не купишь, мол, нас большевицкими «деревянными» — даже воспел советский поэт Б. Слуцкий. Не ведал, наверное, сколь сильны были антисемитские настроения в андерсовской армии, как в лесах Белоруссии партизаны-поляки стреляли партизан-евреев. А знал бы, глядишь, не вдохновился. И хотя поэзия — штука тонкая, возвышенная и подвластная порывам, неплохо было б тому же Слуцкому и еще один факт учесть: тогда же, перед уходом в Иран, польские «романтики» из 5-й дивизии Андерса сдали оружие, которым они ни разу не воспользовались и которое получили от большевиков в дни битвы под Москвой, когда в нем, этом оружии, так нуждались и части Красной армии, и плохо вооруженные ополченцы.

Так может, настроения в среде военнослужащих армии Андерса не были известны советским органам до последнего? Вряд ли, потому что формирование армии из бывших врагов без надзора оставлено быть не могло. Так что на сей счет и раньше имелась информация, и теперь ее в различных публикациях более чем достаточно. Некий поручик Корабельский заявлял: «Мы, поляки, направим оружие на Советы... Мы вместе с Америкой используем слабость Красной Армии и будем господствовать на советской территории»¹³ и пр.)

То что это были не просто слова или бравада отдельных антисоветски настроенных офицеров, говорят и поздние исследования немецкого историка М. Фёдровица. По его данным, начи-

ная с октября 1942 г. между подразделением безопасности Делегатуры эмигрантского правительства и спецподразделением гестапо проводились постоянные тайные консультации, которые наряду со снятием местных проблем, вроде перевода гестаповцев, отличившихся особой жестокостью, и т.п., привели к раскручиванию истории с захоронениями в Катыни¹⁴. Британские правительственные круги опасались в этой связи, что польское движение сопротивления может пойти на военный союз с немцами. Как, впрочем, и советские. И опасения эти покажутся отнюдь не безновательными, если вспомнить, что Сталин знал о попытках поляков еще в 1935 г. сколотить союз с немцами, чтобы вместе воевать против СССР. Советский резидент доносил в 1935 г. о переговорах между поляками и гитлеровцами: «Конкретные цели состоят в следующем: предрешиено вооруженное столкновение с СССР. Вероятным плацдармом его считается: ...на северо-западе (район действия германской армии) — Нарва, Псков, Полоцк, Лепель; район действия польской Пармии — Лепель — Минск, Олевск — Залещики...»¹⁵.

В данном случае особую активность проявлял абвер, который в глазах поляков не был столь одиозной организацией, как СД или гестапо. Таким образом, подразделения абвера при поддержке польской стороны смогли разработать план, согласно которому польская армия под командованием Андерса в 1942 г. должна была ударить в спину Красной армии. Немудрено, что результаты подобных исследований сегодня начисто опровергаются и польскими историками, и ветеранами польского некоммунистического Сопротивления, объявляющими их авторов клеветниками, льющими воду на мельницы КГБ и Моссад, при финансовой поддержке евреев. Вот если бы они еще потрудились столь же складно объяснить один маленький эпизод. Весной 1944 г., когда большой знаток географии генерал Андерс определил наконец самый короткий путь из России на родину, проходящий почему-то через монастырь Монте Кассино, последние подразделения 2-го польского корпуса высаживались в Италии. Там-то американскому генералу Паттону и довелось свидеться со своим польским коллегой и непринужденно перекинуться с ним парой фраз, впоследствии запечатленных в воспоминаниях: «...улыбаясь он (Андерс. — Прим. авт.) сказал мне, что если его

корпус попадет между немецкой и русской армиями, то ему будет трудновато определиться, с какой из них ему больше хотелось бы сражаться»¹⁶.

Ну, что ж, по крайней мере, в чем генералу Андерсу не откажешь, так это в постоянстве его ненависти к России. Допустим, у него имелись для этого основания — репрессии и прочее, о чем мы уже неоднократно говорили. Больше того, вполне вероятно, что подобные же чувства бушевали многих из его армии, поскольку значительное время они провели в лагерях, тюрьмах и в спецпоселениях, недоедали, страдали от болезней и принудительного труда. И все же не следует упускать из вида и то обстоятельство, что подавляющее число этих людей изначально, еще в межвоенной Польше, росло и воспитывалось в атмосфере антирусских настроений, как в семье, так и школе, о чем свидетельствуют, к примеру, откровенные высказывания бывшего президента Польши Войцеха Ярузельского: «Моя семья по происхождению с востока Польши; наш настрой всегда был антирусским и позднее антисоветским»¹⁷. И, как теперь видится еще более ясно, этого своего отношения к СССР/России они, за редким исключением, не изменили и изменять не собирались, несмотря даже на общего врага. Характерно в этом смысле донесение начальника политуправления Западного фронта о настроениях поляков, мобилизованных в РККА и служивших в ней в 1941 г.: «Красноармейцы 232 стрелковой дивизии Козловский, Колнацкий, Тревуловский (все поляки) восхваляли Гитлера»¹⁸.

Не делает чести полякам и то лицемерие, которое они демонстрировали, находясь в советском тылу и получая такое же довольствие, как и действующие части РККА, однако же полагая его недостаточным. Будто бы в крайне тяжелых условиях 1941—1942 гг. советская сторона была в состоянии создать им, причем сразу же, идеальные условия для формирования частей. Да у Сталина, независимо от того, как он относился к Андерсу и Сикорскому, при всем желании не было таких возможностей. Потому и только потому большая часть солдат жила в палатках, имелись сложности с питанием. Кстати, при этом нельзя не учитывать, что в места формирования польских частей начался стихийный наплыв не только желающих вступить в польскую армию, но и большого количества гражданских лиц, в том числе и женщин с детьми, которых

также надо было кормить и одевать (к слову сказать, после вывода армии Андерса на Ближний Восток англичане сразу же отделили гражданское население от военных). Тем не менее вместо того чтобы оценить по достоинству широту русских, отрывающих куски у своих голодающих для поляков, Андерс раздувал действительно существующие проблемы, намеренно их преувеличивая, с целью добиться вывода польской армии с территории СССР.

В ответ на это советские власти, уступая требованиям привередливого Андерса, произвели передислокацию формируемых частей в южные районы СССР с более теплым климатом. Что, впрочем, не пошло полякам на пользу. Выведенные в феврале — марте в Киргизию и Узбекистан, они сразу же попали в районы распространения различных заболеваний. С наступлением жары на польские части навалились тиф, дизинтерия и малярия, которые вызвали весьма высокую смертность. Так, к июню 1942 г. от эпидемий скончалось около 3500 человек (для сравнения, за все время боевых действий в Италии корпус Андерса потерял убитыми менее 3000. Благодаря военному гению Андерса, не иначе). Но, видно, гибель в неравной схватке с диареей в армии Андерса считали более достойной настоящего воина, чем смерть от немецкой пули под Сталинградом в одном окопе с русским солдатом. К тому же сам Андерс ради благородной цели драпа от советско-германского фронта, похоже, пошел бы и не на такие жертвы. Во всяком случае, косившие его «героев» кишечные инфекции дали ему основания в очередной раз решительно потребовать вывода доблестных польских войск и опять же из-за климата. А он, в «нечеловеческой», по мнению поляков, стране, воюющей один на один с «объединенной Европой» гитлеровского образца 1942 г., был просто ужасный. И Советы его как будто специально использовали как оружие против них. Сначала тонкой польской конституции армии Андерса угрожало вымерзание, а затем — мучительная смерть от жары и лихорадки.

Понятно, что от таких вояк Советскому Союзу проку не было. Только лишняя обуза для НКВД, отслеживающего ситуацию в частях Андерса и информирующего высшее руководство СССР о ненадежности и антисоветской настроенности польской армии. А потому достигнутое во время встречи Сталина с Сикорским 18 марта 1942 г. соглашение о переброске войс-

ковых соединений в количестве 44 тыс. человек в Иран устроило всех. Что было связано в том числе и с большими трудностями со снабжением армии Андерса продовольствием, поскольку Англия и США его в достаточном объеме не поставляли, тем самым косвенно способствуя выводу польских войск из СССР. А когда это наконец произошло, взявшие на себя заботу о корпусе Андерса англичане сначала направили его в Ирак для охраны нефтяных месторождений (лишь бы не посылать туда собственных солдат), а затем перебросили в Италию, где, знамо дело, имелось все, что нужно культурному польскому солдату для того, чтобы храбро воевать: климат средиземноморский, вино итальянское! Это тебе не «немытая Россия»!

Только в качестве комментария хочется добавить, почему же в таком случае, Сикорский, когда Андерс еще в июне 1942 г. поставил перед ним вопрос об эвакуации всей польской армии из СССР, предложил ему ради высших политических целей не уходить и воевать вместе с Красной армией? Наверное, он просто понимал, чем это может обернуться для Польши на перспективу. Чего не скажешь об Андерсе, гонор и непомерные амбиции которого не знали удержу.

А впрочем, несмотря на весьма сомнительное боевое прошлое пана генерала Андерса, его значение в современной Польше, наконец-то «освободившейся» от рабства, как коммунистического, так и советского (что у поляков ныне равнозначно понятию «русский») все растет и растет. Дескать, как на него ни посмотри, а все-то он делал мудро и прозорливо, и даже по этой части самого Иосифа Виссарионовича переплюнул. И вот пишет некто Ромуальд Буры в статейке «Воспитание ложью» в польском интернет-издании «Польское завтра» о том, что 22 июня 1941 г. Сталин стал искать спасения на Западе, и ради спасения своего владычества он вынужден был пойти на некоторые уступки, в том числе он принял решение объявить «амнистию» для поляков и позволил им формировать польскую армию во главе с генералом Владыславом Андерсом. Правда, вследствие разных обстоятельств эта армия, называемая по имени своего командира «армией Андерса», была выведена польскими властями из СССР вместе с несколькими тысячами гражданских лиц, и в том числе семьями солдат и офицеров.

Пан Буры считает, что это было хорошо, так как Сталин задумал в действительности уничтожение армии Андерса. Ибо иной судьбы на фронте у ее частей, недостаточно обученных, вооруженных и накормленных, и не предвиделось. В то время как поляки уже достаточно засвидетельствовали свои заслуги в «борьбе с немцами» с сентября 1939 г. и сверх того ничего и не было нужно¹⁹.

Ну, чем не замечательная логика! Малость повоевали, свидетельство оставили, и будя! Пусть теперь русские пупы себе развязывают, а мы со стороны поглядим. Не сидеть же с ними в окопах, или, того хуже, под их командованием идти на немецкие штыки. Вот если бы против них, тогда еще туда-сюда. В общем, отцы-командиры свои «прынцыпы» выдержали, а вот простой солдат, как всегда, остался в дураках. Он ведь в армии Андерса был в основном родом как раз-таки с «восточных окраин», и Андерс обещал ему счастливое возвращение домой, когда выводил армию куда потеплее и побезопаснее. Армию, о которой в СССР небезосновательно осталась только недобрая память. А потому те из андерсовцев, что после 1945 г. вернулись в родные пенаты, оказавшиеся уже на территории советских Украины и Белоруссии, снова двинулись дальше на восток, по печально известному маршруту. За что им нужно сказать отдельное спасибо пану Андерсу.

Что же до поминаемого в польском Интернете кровопролития, на которое «головорез» Сталин, скрежеща зубами, замышлял обречь славных польских сынов из армии Андерса, так ведь на нет и суда нет. Пролить свою «голубую» кровь в России им так и не довелось, зато пан Андерс «на халяву» обучил своих солдат, вооружил, откормил и бросил в бой под Монте Кассино в Италии. И была это фактически одна-единственная значительная боевая операция его армии (как, впрочем, и других польских частей, долгие годы готовившихся к сражениям и использованных, дай бог, единожды, и то в самом конце войны), потому что положил он там всю свою доблестную пехоту. Так что Сталин, может, и планировал, а Андерс осуществил — истек кровью его солдат. Да так, что это чуть не привело к расформированию пехотных частей, хотя при численности корпуса более чем в 100 000 человек потери под Монте Кассино составили около 1000.

Тем не менее пропагандистское обеспечение этой операции было на высоте, вплоть до песни о красных маках под Монте Кассино. Однако мертвые, как известно, «сраму не имеют», а потому о погибших польских солдатах можно сказать одно: они свой воинский долг выполнили и тем самым, хотели они того или нет, отчасти помогли русским солдатам. Что касается военного значения этой операции, то итальянский фронт и для вермахта, и для союзных войск никогда не был основным направлением удара. Под большим вопросом и «героические» деяния «генерала на белом коне», как его любовно величают паны польские историки, горячо защищающие «великого» польского полководца от русских наветов. А чтобы доказать это, приведем слова великолепного американского (!!!) журналиста Александра Верта, работавшего в России в то самое время, когда воины Андерса самоотверженно охраняли нефтяные поля в Ираке: «...в чисто военном отношении значение итальянской компании было ничтожным»²⁰. Хотя с другой стороны, чем черт не шутит, а вдруг как германские войска в Италии и впрямь так боялись генерала Андерса, что из страха попасть к нему в плен капитулировали только 29 апреля 1945 г.?

А если серьезно, то сколько б сегодня не ерничали на эту тему наши польские «друзья», армия Андерса — самая крупная из упущенных их дедами возможностей не только проявить себя на полях сражений, но и, что тоже не исключено, направить по другому руслу историю послевоенной Польши. Ведь она, эта армия, создавалась пусть и в СССР, но самими поляками. Ее предназначением было воевать вместе с Красной армией, однако же под командованием офицеров из предвоенной польской армии. И хотя, уж простите за банальность, история сослагательного наклонения не имеет, сделать попытку представить, как все могло бы обернуться, будь это не так, никому не возбраняется. Так вот, если бы армия Андерса вместо армии Берлинга пришла в Польшу, у бойцов подпольной Армии Крайовой не было бы тяжелого выбора: приносить или нет присягу во второй раз, уже в другой армии, к тому же явно прокоммунистического толка. Кроме того, у нее оставался бы шанс дойти до Берлина, а при таком длительном боевом сотрудничестве и Сикорский со Сталиным наверняка с более выигрышной бы позиции разговаривал. А самое глав-

ное, солдаты армии Андерса вернулись бы к родным очагам сотоварищами по борьбе с общим врагом, а не подозрительными личностями из вражеского лагеря.

Да только вряд ли подобные расклады устроили бы давних «союзников» Польши англичан, которым, как и бравым легионерам, не нужна была польская армия, воюющая вместе с СССР, а значит, на благо ненавистных Советов. Как не нужен был прагматик Сикорский, склонявшийся к отличной от британской точке зрения. Потому, вероятно, он и погиб в 1943 г. при таинственных обстоятельствах, к разгадке которых ближе всех подошел адъютант Андерса Климковский, который считал, что без английских спецслужб тут не обошлось. Того же мнения придерживался и известный польский историк С. Штрумф-Войткевич, участвовавший в формировании армии Андерса. Штрумф-Войткевич высказал предположение, что у англичан возникли опасения, будто Сикорский, как патриот Польши и реалист в политике, руководствуясь начинавшей вырисовываться военной ситуацией, намеревался пойти собственным путем и каким-то образом договориться со Сталиным. А последнее не устраивало Британию уже по той причине, что, исходя из понятных эгоистических соображений, она желала иметь польские подразделения на своем театре боевых действий. И впрямь, зачем терять собственных солдат, когда в случае подобной надобности, наряду с колониальными войсками, можно бросить на немцев поляков? В результате Андерс, бывший и антикоммунистом и русофобом одновременно, пришлось англичанам по душе уже потому, что им легче было манипулировать. Жаль только, его «белый конь» так и остался невостребованным.

«А ведь после выхода Восточной Армии из пределов Советского Союза правительство генерала Сикорского потеряло очень многое. Собственно говоря, рушилась его политика. Попросту Черчилль мог теперь умыть руки, а Сталин тоже не обязан был считаться с союзником, который бросает общий фронт, нарушая соглашение и солдатское слово *(выделено автором)*. Можно, конечно, разным образом оправдывать акт ухода из России, но остается истина: польская армия сама вычеркнула себя из боевых порядков Красной Армии и оказалась под британским командованием, еще дальше от поля сражения и от страны»²¹, — писал об этом польский историк Штрумф-Войткевич.

И что добавишь к этим вещим словам? Разве что подивишься отдельным современным историкам, естественно, не заставшим ни Сикорского, ни Андерса, которые шипят на первого — не мог, дескать, жестко требовать со Сталина — и восхищенно сюсюкают в адрес второго, героически спасшего своих солдат от боев за Польшу в «цивилизационно далекой» России.

Польская борьба на «освобожденных» от оккупанта № 2 «восточных окраинах»

Ну а пока храбрецы из Армии Андерса усиленно искали, где бы им «скрестить шпаги» с противником, да, так и не найдя, паковали пожитки для отбытия в теплые страны, их соотечественники — бойцы невидимого фронта из «Союза вооруженной борьбы» — после ухода фронта на восток спешно восстанавливали на «восточных землях» разбитую НКВД подпольную сеть. Ситуация там была действительно непростая, на советской территории от всей организации оставались рожки да ножки, за исключением, пожалуй, виленского округа. А вот округ Полесья приходилось создавать практически с нуля, для чего даже на должность его коменданта был послан офицер из Кракова, а для организации территориальной конспиративной сети были выделены офицерские кадры из Генерал-губернаторства. Кроме того, потребовалось заново устанавливать контакты с местным польским населением и налаживать деятельность разведки.

Округ Новоградок также начал вновь организовываться под руководством чудесно объявившегося майора Яна Шульца, известного по псевдониmu «Правджиц». А до того даже диверсионные подразделения не могли действовать ввиду отсутствия профессиональных офицерских кадров. В связи с чем в округ Львов была делегирована целая команда из Варшавы во главе с генералом, и к началу 1942 г. тамошняя организация насчитывала 872 человека, в основном в городах Львов и Дрогобыч. В отличие от округа Тернополь, где, несмотря на все усилия, к тому же периоду времени имелось не более 50 членов подпольной сети СвБ. Что уж говорить об округе Волинь. Там организация существовала только на бумаге, лишь в феврале 1942 г. в Ровно была

направлена группа из шести офицеров. При этом ситуация на оккупированной Волыни не столько для АК, сколько для польского населения в целом, была наиболее угрожающей.

И еще несколько штрихов к групповому портрету руководящих кадров СВБ, которыми последовательно укомплектовались округа на бывших «восточных окраинах». Фактически все они прошли предварительную спецподготовку в центре английской разведки в Шотландии и являлись, по существу, ее агентами. Поэтому стоит ли удивляться, что первым делом командование «Союза вооруженной борьбы» раскинуло разведывательную сеть на восточном направлении, создав с этой целью во 2-м (информационно-разведывательном) отделе штаба АК специальный подотдел «Восток». Последний, в свою очередь, развернул разведывательную деятельность на следующих участках: сектор 1 с базой в Барановичах; сектор 2 с базой в Вильно, имевший подразделения в Минске и Риге; сектор 3, самый крупный, с базой в Киеве и подразделениями в Житомире, Бердичеве, Николаеве, Кировограде и даже в Харькове.

Сейчас в Польше при каждом удобном случае стараются подчеркнуть «особую жертвенность» АК и, соответственно, особую подлость СССР, то бишь России (а для поляков это, собственно говоря, одно и то же), живописуя, как АК с риском для жизни собирала информацию о немецких тылах и расположении войск на Восточном фронте, передавала ее англичанам, а те, в свою очередь, Советам, таким образом попросту «спасая их от немцев». Жаль только, чем конкретно занимались эти бесстрашные джеймсы бонды, что называется, в деталях, до сих пор не известно. Хотя, надо признать, завеса постепенно спадает, благодаря тому, что ободренные горячей поддержкой поборников «исторической справедливости» уцелевшие ветераны пускаются в воспоминания о минувших днях, выдавая подчас «на-гора» и кое-что неожиданно интересное.

Вот, к примеру, этапы большого пути некоего Л. Грынцевича, который он начал в качестве сотрудника польской разведки в родной Литве. Затем, когда рухнула Польша, связался с «Союзом вооруженной борьбы» в Вильно, создал разведгруппу. Стала Литва советской — героически продолжил работу, передавая собранные сведения через японского атташе. Вот только какие это были сведения и кому предназначались, с учетом того обстоятельства,

что японцы поддерживали Гитлера, большой вопрос. В конце концов вездесущие «лапы» НКВД до пана Грынцевича все-таки дотянулись, да вот незадача: сбежал он в сумятице первых дней войны. После чего снова организовал разведывательную сеть АК, ликвидированную лишь по окончании войны в 1945 г. (!). Неудивительно, что, оказавшись в Польше в результате репатриации, Грынцевич опять вышел сухим из воды, ибо польская госбезопасность так и не смогла доказать его разведывательную деятельность против СССР. Уж таким, видно, классным агентом был пан Грынцевич, не по зубам польским органам!¹²²

Именно в свете боевой биографии пана Грынцевича особенно показательным представляется то, с каким «рвением» командование СВБ, а затем и командование Армии Крайовой, в которую он был преобразован, реализовывало политические установки эмигрантского правительства Польши, зачастую «спуская на тормозах» его директивы. Теория двух врагов настолько завладела умами руководства подпольной армии, что даже приказы и распоряжения генерала Сикорского об активизации вооруженной борьбы со стороны СВБ, передававшиеся в Польшу в начале 1942 г. и бывшие по существу реакцией на немецкую оккупацию, а также на требования Великобритании (все же «подпольное государство» существовало в основном на деньги британских налогоплательщиков!), исполнялись ни шатко ни валко. Легионеры копили силы для конца войны, объясняя собственную пассивность заботой о народе: дескать, если не будем особенно высказываться, немцы не станут нас сильно беспокоить. В том же духе высказывался и рупор «Союза Вооруженной Борьбы» подпольный «Бюлетын Информацийны» (Информационный бюллетень) в номере от 4 декабря 1941 г., упорно внушая полякам от Варшавы до Вильно и Львова: «Диверсия, партизанские действия, восстание — были бы сейчас в Польше преступлением против нации и политического разума. В то же время настойчивое пассивное сопротивление, снижение интенсивности труда на предприятиях, работающих на оккупанта, а также умело и старательно проводимый саботаж — это наш существенный и крупный вклад на благо общей победы. ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И ВОЛЫНКА — это оружие для самых широких слоев польского общества на данный момент».

В такой мышиной возне прошел год с лишним. С каждым днем даже самым твердолобым из легионеров становилось все яснее, что войну немцы уже не выиграют. А что же заботливые отцы-командиры из АК? Да все так же пекутся о правильном политвоспитании своих подопечных. А «Бюлетын Информacyjny» в статье «Каждый поляк — солдат», номер от 6 августа 1942 г., как ни в чем не бывало внушает: «Захватнические намерения наших соседей представляют собой явление непреходящее, независимо от формы правления в их странах...» И далее в номере за 11 февраля 1943 г.: «К сожалению, есть еще много поляков, которые не понимают ни ситуации, ни идущей игры. Разогретые немецкими поражениями и террором в стране, они готовы поддаться разрывающим грудь эмоциям и чуть ли не сразу же взяться за оружие. Этих людей поджигает бессовестная и вредная для нации агитация Коминтерна, растекающаяся по волнам так называемой радиостанции “Костюшко”, а также агитация местных коммунистов... На данный момент нашим общим долгом является исполнение приказа Верховного вождя, неоднократно повторяемого уполномоченным правительства, командующим вооруженных сил в стране, а также всеми ответственными польскими элементами: ждать с оружием у ног... Будущее нации требует от нас все еще терпения, самообладания и беспрекословного подчинения».

А вывод из этого словоблудия напрашивается на редкость нехитрый, в стиле: солдат спит — служба идет. Да, каждый поляк — солдат, но воевать ему при этом вовсе не обязательно. А лучше наблюдать со стороны, как это будут делать другие, чтобы, когда все закончится, храбро выскочить из кустов и «оприходовать» чужую победу. И пусть «коммуняки» призывают к борьбе с фашистами, пока не охрипнут, среди истинных патриотов Польши идиотов нет. Зато более чем достаточно исполненных самообладания «премудрых пескарей», для которых, как говаривал Салтыков-Щедрин, «главное вовремя погодить».

Тем временем поляки из Лондона предпринимали титанические усилия по объединению разношерстного, находящегося в постоянном внутреннем брожении подполья под общим руководством. Задача эта, однако, была далеко не простой, поскольку основные вооруженные формирования создавались в

нелегальных условиях политическими партиями, не питавшими друг к другу еще до войны уж очень дружественных чувств и не особенно доверявшими бывшим соратникам Пилсудского. К тому же они, эти партии, впервые имели свои собственные вооруженные отряды в качестве весьма эффективного фактора влияния, расставаться с которым, попутно утрачивая самостоятельность, им совершенно не хотелось. Тем не менее идею объединения все же удалось отстоять. Сформированная в результате этого новая структура получила звучное название «Армия Крайова», подразумевающее, что польские вооруженные силы состоят из двух частей: польской армии на Западе и армии на территории оккупированной страны — «края». Но не все были согласны входить в нее, слишком уж разными были цели, которые ставили перед собой отдельные организации польского подполья.

Первой пошла на объединение своих вооруженных формирований с «СВБ» организация «Свобода-Равенство-Независимость» (польское сокращение «WRN»), образовавшаяся из правого крыла распавшейся Польской Социалистической партии. Народная Партия, представлявшая интересы крестьян, уже с 1940 г. имела в своем распоряжении массовую вооруженную структуру «Крестьянская стража» («Хлопска стража» по-польски, или сокращенно «Chlostra»), позднее переименованную в «Крестьянские батальоны» (польское сокращение «ВCh»). На передачу части своих отрядов она согласилась лишь в 1942 г., и то лишь под нажимом Делегатуры правительства в стране.

Полного объединения, однако, так и не произошло. Неприязнь к организации, находившейся под контролем сторонников Пилсудского, привела к тому, что в отрядах «Крестьянских батальонов» командиров — офицеров довоенной польской армии можно было пересчитать по пальцам, поскольку там предпочитали выдвигать на руководящие должности свои, так сказать, мужицкие кадры. И на то, видно, были веские основания, если такой же точки зрени придерживались и в отрядах Национальной партии, именовавшейся «Национальной военной организацией» (польское сокращение «NOW»), которые начали переходить под объединенное командование только в 1942 г., да и то не полным составом. А подпольные организации крайне правого и

националистического характера, те и вовсе в конце 1942 г. создали свою военную структуру под названием «Национальные вооруженные силы» (польское сокращение «NSZ»), отдельные отряды которой хоть и включились в Армию Крайову, но чисто формально.

Все эти факты свидетельствуют о том, что различные партии имели намерения сыграть самостоятельную и, по возможности, решающую роль на завершающем этапе войны, используя свои вооруженные формирования при дележке новой польской власти. Таким образом, вооруженный конфликт на почве борьбы за министерские портфели в послевоенном правительстве был заранее запрограммирован. Единственное, в чем, несмотря на разногласия в политических программах, сходились все конкурирующие «фирмы», так это в подходе к решению вопроса «восточных окраин». Ибо так же, как и в предвоенный период, рассматривали эти территории, по сути дела, в качестве польских колоний и стремились во что бы то ни стало вернуть их в состав польского государства. Столь же единодушно считались вражескими, а следовательно, подлежащими подавлению все подпольные организации, которые не подчинялись эмигрантскому правительству в Лондоне и сотрудничали с советскими партизанами.

А теперь заострим внимание на том, как объединение польского подполья проходило на «восточных территориях». Так вот, там отдельные территориальные формирования различных организаций включались в АК целиком, тем самым принимая наименование Армии Крайовой, но не меняя политической ориентации. В этом отношении особо следует выделить Национальные вооруженные силы, которые, как уже говорилось, представляли собой крайне правую группировку. В соответствии с принятой в феврале 1943 г. Декларацией НСЗ были поставлены следующие задачи:

— НСЗ собирают в своих рядах... всех поляков, решительно настроенных на беспощадную борьбу с любым врагом за Государство польской нации в причитающихся ей расширенных границах...

— НСЗ ... выдвигают своей первой целью завоевание западных границ на Одере и Нейсе, как наших исторических границ...

— Наши восточные границы, определенные рижским договором, обсуждению подлежать не могут.

— В настоящее время НСЗ ...ведет конспиративную борьбу с оккупантом и ликвидирует коммунистическую диверсию...

— Особые цели, заключающиеся в Декларации НСЗ ...обосновывают сохранение отдельности отрядов НСЗ в рамках вооруженных сил страны.

И хотя командование НСЗ и заявляло о борьбе с немецким оккупантом, более страшным противником считался Советский Союз. Люди, стоящие на этой точке зрения, а также члены родственной НСЗ Национальной военной организации, были достаточно хорошо представлены в Львовском, Волынском и Виленском округах АК. По Белоруссии, к сожалению, таких данных найти не удалось, но характерный почерк — использование связей с оккупантом для разгрома идеологических противников и сталкивание лбами «оккупантов» посредством переодевания — прослеживается и там.

В свое время польский историк Б. Хиллебрандт собрал достаточно много сведений о тесных связях НСЗ с гитлеровцами, за что в нынешней Польше считается клеветником на «невинных младенцев» из этой, так надо полагать, благотворительной организации. Впрочем, это уже личное дело поляков, считающих, видимо, что можно было сотрудничать с немцами и иметь при этом свои собственные, не совпадающие с интересами гитлеровцев цели. Также мы не можем сказать, сколько членов НСЗ было в составе Армии Крайовой в Западной Белоруссии, Украине и Литве, поскольку упоминаний об этом чрезвычайно мало, да и АК, как правило, фигурирует везде как единая организация. К тому же с апреля 1944 г. НСЗ было запрещено размещать информацию о собственных вооруженных подразделениях в своей подпольной прессе по соображениям безопасности. Отмечается также факт необъяснимого исчезновения многих отрядов НСЗ, когда их конспиративные наименования попросту перестают упоминаться, как например, «пропавшие» с 1943 г. структуры НСЗ во Львове. Но люди-то не могли бесследно раствориться, тем более что, по утверждению бывших солдат НСЗ, эта организация насчитывала до 80 тыс. человек. Согласитесь, серьезная цифра. Не говоря уже о намерениях, которые стоящие за ней и не думали скрывать:

«Немцы войну уже проиграли. С Советской Россией борются сегодня только немцы. Поэтому ликвидация в Польше советских агентур... это долг, это необходимость...»²³

Именно для борьбы с «большевистскими сорняками» командование НСЗ организовало специальные отряды, которые должны были против немцев действовать в советском обмундировании, а против «банд» — в немецком. После вступления частей РККА на территорию бывших восточных воеводств Польши в изданном в этой связи Общем приказе № 3 Главнокомандование НСЗ заявило: «Советские войска на территории Польши должны считаться вражескими... Всякое сотрудничество польских граждан с советскими войсками, будучи действиями, противоречащими приказам правительства и интересам польской нации, будут рассматриваться как государственная измена». При этом как польское эмигрантское правительство, так и СССР в одинаковой степени считали и Западную Белоруссию, и Западную Украину частью своей территории, однако вынуждены были придерживаться межгосударственных договоренностей, подписанных в июле и августе 1941 г.

Но вернемся к **Армии Крайовой**, получившей свое официальное название в 1942 г. и собравшей в своих рядах совершенно пестрый контингент под началом чутких отцов-командиров из бывших легионов. Так что же она представляла собой как структура? Ее руководящим органом была так называемая «Коменда Глувна» (Главное командование), имевшая следующий состав: 1 отдел — организационный, 2 отдел — информационно-разведывательный, 3 отдел — операционно-учебный, 4 отдел — интендантский, 5 отдел — связи, 6 отдел — бюро информации и пропаганды, 7 отдел — финансов и контроля, командование диверсионными операциями (сокращенно «Кедыв») и несколько иных подразделений. Территориально структура АК основывалась на довоенном административно-территориальном делении Польши (регион — несколько воеводств, округ — воеводство, район — уезд). В конце 1943 г. непосредственно главному командованию АК подчинялись 4 региона и 8 самостоятельных округов. Из интересующих нас восточных окраин в структуре АК были выделены: регион Белосток — округа Новогрудский, Полесский, регион Львов — округа Львов, Тернополь и Станиславов, самостоя-

тельные округа — Вильно, Волынь. В качестве боевой единицы в АК был принят взвод.

В результате активных действий по объединению вооруженных формирований различных политических организаций в период 1940—1944 гг. в состав СВБ, а потом АК вошли: Тайная Польская Армия, Польская вооруженная организация «Знак», Гвардия Людова ВРН, Тайная Военная Организация, Вооруженная конфедерация, Социалистическая боевая организация, Польский Союз Свободы, а также частично Национальная Военная Организация, Батальоны Хлопске и Национальные Вооруженные Силы. В 1944 г. количество членов АК превысило 300 тыс. человек. В зависимости от необходимости начали формироваться полки, бригады, дивизии и полковые и дивизионные группировки, хотя и по численному составу, и по вооружению они таковыми только считались. Кстати, для преодоления последнего недостатка АК даже удалось в условиях оккупации организовать производство двух типов автоматов, двух типов ручных гранат, огнеметов, взрывчатки. Таким образом, это была действительно серьезная подпольная организация.

Но прежде чем углубиться в изучение деятельности польского «человека с ружьем» на территории СССР, заметим, что без подобающей материальной и финансовой базы она была бы попросту невозможна. Так на что же существовало так называемое «Подпольное государство» в Польше, ибо даже самые пламенные патриоты не могут обойтись без презренного металла для своей борьбы? Что ж, именно для их поддержки после начала Второй мировой войны в Англии было создано так называемое Управление специальных операций. При этом в соответствующей директиве № 13186/761/G говорилось том, что польская Армия Крайова хоть и подчиняется как часть польских вооруженных сил главнокомандующему генералу Соснковскому, но независимо от этого все же находится под оперативным контролем британских начальников штабов²⁴. В итоге, польским подпольщикам приходилось подчиняться, по сути дела, чужим военачальникам, ведь бюджет Армии Крайовой полностью формировался за счет валюты, поступавшей на оккупированную территорию воздушным путем вместе с курьерами из Лондона. Мало того, так как денежные средства поступали через Управление специ-

альных операций, получается, что предназначались они исключительно для разведывательно-диверсионной деятельности. Таким образом, АК рассматривалась англичанами скорее как очень крупная разведывательная организация, отсюда и требования к ней предъявлялись особого свойства. В Лондоне практически не интересовались, на что в АК тратили английские деньги, главное, чтобы они «отрабатывались» разведанными. В том числе и после войны. Что объясняет, почему ни англичане, ни американцы не только не учитывали АК как военную силу, но и реагировали на ее политические цели с явным раздражением: разведывательная организация, даже и столь крупная, воевать не должна. У нее другие задачи.

Косвенно это подтверждается и британским историком польского происхождения Я. Чехановским, бывшим членом АК, по данным которого, АК получала из Великобритании в подавляющем большинстве грузы и вооружения, предназначенные для разведывательно-диверсионной деятельности. При этом англичане ничего не хотели слышать о подготовке какого-либо восстания. Да и все три сотни офицеров польской армии, переправленные в качестве кадрового костяка на польскую территорию, прошли специальную разведывательно-диверсионную подготовку. Как раз за эту разведывательную деятельность в свое время английские спонсоры с чувством поляков поблагодарили, а потом, в 1948 г., уничтожили все архивы, содержащие сообщения польской разведки, как не имеющие ценности. А потому историю разведки Армии Крайовой уже никогда не удастся написать, в то время как история английской разведки Во второй мировой представлена во всей красе.

И еще одно маленькое отступление — насчет денег от английского правительства. То, что англичане платили за разведанные — это нормально, как говаривали еще в советские времена граждане рыночной ориентации, спасибо на хлеб не намажешь. Но иное дело — для чего эти деньги использовались. А так как сегодня в Польше идет дележ «заслуг» между АК и НСЗ, начинают вскрываться совершенно неожиданные факты, вроде следующего. Один из командиров НСЗ, руководивший отрядом специального назначения, поручик Тадэуш Семёнтовский (псевдоним «Мазур»), бывший свидетелем сколачивания АК из разных организаций, рассказал

пару лет тому назад о том, что польское правительство в Лондоне просто покупало эти организации. Т.е., если поначалу подпольщики разной политической масти, сколотив какую-никакую вооруженную структуру, в ответ на предложения об объединении кобенились и выдвигали встречные требования, то после того как на стол выкладывались козыри в виде сумм в твердой валюте, становились не в пример сговорчивее. Другими словами, не подмажешь, не объединишься.

Кроме того, не совсем гражданской и безобидной являлась и **Делегатура** эмиграционного правительства, о которой мы уже неоднократно упоминали. Так, делегат правительства являлся полномочным представителем эмиграционного правительства в оккупированной стране и возглавлял все гражданские конспиративные структуры. Сам аппарат Делегатуры состоял из 13-ти департаментов и по своей структуре совпадал с управлениями довоенного польского государственного аппарата. Наиболее важными были следующие департаменты:

— *департамент внутренних дел* занимался организацией окружных и уездных делегатур. Окружные делегатуры были созданы на территории большинства довоенных воеводств в количестве 15. Именно этот департамент занимался формированием структуры, которая после освобождения должна была стать полицией, — Государственным корпусом безопасности. Таким образом, вооруженная структура в рамках Делегатуры существовала.

— *департамент прессы и информации*: занимался изданием официального органа Делегатуры газеты «Жечпосполита». Кроме того, выходили информационные издания на базе радиопередач. Это подразделение составляло также ежеквартальные сообщения о положении в стране для нужд эмиграционного правительства.

— *департамент просвещения и культуры* занимался организацией подпольной системы образования, пытался спасти произведения польской культуры от уничтожения оккупантом, а также вел учет произведений искусства, реквизированных оккупантом.

— *департамент труда и социального обеспечения* старался оказывать помощь заключенным, помогал деятелям польской науки и искусства.

— *департамент правосудия* — организовывал специальные гражданские суды.

Прочие департаменты: сельского хозяйства, промышленности и торговли, казначейства, связи и т.д. занимались преимущественно сбором сведений о политике оккупанта в данных сферах.

А чтобы читатель получил уж совсем полное представление о сущности этих «гражданских органов» польского «подпольного государства», добавим, что его руководители происходили преимущественно из привилегированных местных или же давно укоренившихся на «восточных окраинах» поляков, которым было что терять как в случае отхождения данных земель к СССР, так и к оуновской Украине. Эти люди проводили польскую колониционную политику и до 1939 г., и не собирались ее менять после войны. Например, делегат львовского округа Ю. Чижевский (псевдоним «Ожехович») вообще открыто выступал за прекращение какой-либо борьбы с гитлеровцами, так как это, по его мнению, идет на пользу Советам и тем самым способствует потере Польшей восточных территорий. Исходя из этих же побуждений, Делегатура всячески противодействовала попыткам вооруженного подполья в составе АК достигнуть каких-либо договоренностей с националистическими элементами украинского и белорусского населения.

Польские фронты на «восточных окраинах», или кругом одни враги — жидаы, украинцы, белорусы, Советы и далее со всеми остановками

Ибо, надо понять, господа мечтательные оптимисты, что современные завоеватели интересуются *не властью над территорией и народом; а властью над территорией, освобожденной или постепенно освобождаемой от народа.*

Иван Ильин. Враг моего врага

Признаться, не очень хочется касаться всего этого, да весьма активная позиция современных польских историков и частично примкнувших к ним отечественных вынуждает. Однако, слава

Богу, есть у нас еще и серьезные историки, за пределами либерального стольного града, которые занимаются польской историей. Так, исследователь Л.Б. Милякова из Самарского государственного университета в своей работе «Разработка концепций моноэтнического государства в Польше (1918—1947)» отмечает: «В период Второй мировой войны в условиях немецкой оккупации национальные проблемы в Польше приобрели новый масштаб... Жизнь человека зависела от того, кем по национальности он являлся в глазах оккупационных властей — поляком, евреем или украинцем... Одновременно война обострила национальные противоречия между различными народами и довершила раскол польского общества по национальному признаку». В этой же связи нелишним будет вспомнить и слова гитлеровского губернатора дистрикта Варшавы Л. Фишера, неплохо изучившего верхушку польского общества за время оккупации:

«Намного важнее было бы, если бы... было прекращено навсегда шельмование польского населения, которое состоит в выстраивании линейки «евреи, поляки, цыгане». Приличная часть польского населения ощущала подобное уподобление евреям и цыганам совершенно справедливо как акт позора и оскорбления, лишаящего чести».

А современный, уже цитировавшийся ранее немецкий историк М. Фёдорович, считает: «Преимущественно элиты подполья были вместе со своей абсолютной враждебностью к немцам столь же решительными врагами русских и большевизма, зачастую в сочетании с антисемитизмом, имевшим религиозную или экономическую мотивировку»²⁴. Запомним эти слова.

Что же, однако, предшествовало этому? Ранее мы уже привели немало примеров реальной польской политики до войны. Пожалуй, стоит присовокупить к ним и емкий подытоживающий вывод российского историка Л.Б. Миляковой: «В 1930-е гг. польская политика... все больше эволюционировала в направлении национализма. ...Велась работа над законами, которые должны были лишить гражданских прав около полумиллиона польских евреев, существовали планы введения принципа национальной пропорциональности в отдельных профессиях». Что же касается польских коллег Л.Б. Миляковой, то они и в подобной ситуации легко находят оправдание самых вопиющих фактов. Так

вот, если верить им, то трагическая судьба, постигшая еврейское население «восточных окраин», выглядит вполне закономерной. Дескать, что делать, раз уж на бесчисленные «благодетения» польского государства значительная часть сограждан ответила предательством: евреи и белорусы в 1939 г. переметнулись на сторону Советов, а украинцы — так вообще террористами стали. И что ж, прикажете такое терпеть?

Но вернемся в тот самый 1939-й, когда массовая «измена», собственно, и началась. Так в чем же она заключалась, с точки зрения «прозревших» после развала советского блока польских историков? По их мнению, выступления против остатков польской власти на территории Западной Белоруссии и Украины были вызваны не напряженными межнациональными отношениями, усиленно создаваемыми поляки, а происками «коммуны» и НКВД. При этом нередки случаи, когда они так увлекаются, что сами же себя и опровергают, иногда в рамках одного и того же исследования. Так, в работе М. Вежбицкого «Польско-белорусские отношения при советской оккупации (1939—1941)» можно прочесть: «Следующим образом характеризовались настроения белорусского населения в преддверии 2-й мировой войны в статье, опубликованной 1.2.1939 г на страницах белорусского журнала «Беларуски Фронт»: Белорусское население ожидает каких угодно перемен... философией крестьянских масс является: ничего не говорить, ничего не знать, ничего не делать. Голодные, оборванные, неграмотные крестьяне не заинтересованы никакими политическими или общественными действиями. Они с энтузиазмом пойдут за любым, кто пообещает им хлеба и больше земли, чтобы производить этот хлеб»²⁵.

И вот приходит Красная армия, и население ее приветствует. Хотя и по-разному, в основном, в зависимости от национальности. Вот как об этом пишет 1-й секретарь ЦК КП (б) Белоруссии П.К. Пономаренко: «Настроения белорусских крестьян великолепные, они поддерживают как могут Красную Армию... За Белостоком (уже на чисто польских землях. — *Прим. авт.*) население приветствует нас более сдержанно, меньше знают русский язык, зато чаще раздаются выстрелы из-за угла и из леса в солдат Красной Армии и их командиров». Просоветские настроения проявлялись в том числе в виде широко распространенных — в

особенности на территориях, населенных белорусами (или евреями) — приветствий отрядов Красной Армии»²⁶.

А что же на этот счет нам сообщают паны польские историки, хотя бы уже знакомый нам М. Вежбицкий? — «В диверсионные действия и бунты (имеются в виду выступления против польских органов власти. — *Прим. авт.*), организованные на этой территории, в основном были вовлечены представители двух национальных меньшинств довоенной Польши: белорусской и **еврейской**, чаще всего происходящих из самых бедных слоев общества окраин». Далее автором лаконично рассказывается, как польские власти подавляли эти антиправительственные выступления, для чего даже однажды брали штурмом захваченный восставшими город Скидель в Белоруссии. Ну и ввиду военного положения каждого схваченного с оружием в руках расстреливали.

Примерно такие же сведения приводятся и у многих других польских историков. Причем о количестве расстрелянных лиц, их национальности, возрасте и т.д. ничего не сообщается. Зато в деталях, эмоционально, и даже так и тянет сказать — со вкусом, расписываются злодеяния «бунтовщиков» и их вдохновителей — головорезов из Красной армии. Ни тени сомнений нет на этот счет и у известной нам пани М. Павловичовой: «Насилия творило местное население, сформированное в отряды так называемой “милиции”, в которых наряду с Советами и украинцами было **много евреев**». И снова Вежбицкий: «Одним из примеров извращения фактов было представление борьбы польских властей с коммунистической диверсией в Гродно. После занятия этого города Красной Армией советские власти представили подавление антипольских диверсионных действий как “антисемитские эксцессы” польских властей, направленные против невинных граждан еврейской национальности ...»

Подобную, мягко выражаясь, одностороннюю трактовку событий на «восточных окраинах» без труда с помощью ярких примеров опровергает израильский историк г-жа Фатал-Кнаани: «...В преддверии вступления советских сил в Гродно, в то время когда гродненские рабочие освободили политических заключенных из местной тюрьмы, вооруженная группа, состоящая из поляков, по инициативе судьи Микульского приняла решение “навести порядок” в городе. Микульский собрал вокруг себя группу людей,

в том числе и полицейских... вооруженных карабинами и пистолетами. Вооруженная группа овладела улицами города, убивала и избивала беззащитное население. Евреев обвиняли в восхищении русским коммунизмом, который занял половину Польши. Результатом погрома было двадцать пять жертв... Были также лица, проявившие инициативу, организованные полувоенным образом для поддержания порядка и безопасности и для того, чтобы предотвратить антиеврейские инциденты и грабежи. На предместье организовалась группа молодых евреев и молодых белорусов (работающих на заводе изделий из стекла), чтобы защищаться от грабителей. Им удалось отобрать оружие у группы хулиганов в мундирах польской армии»²⁷.

Но у поляков, похоже, и здесь свои контраргументы имеются. Тот же профессор Т. Стшембош безо всякого зазрения и смущения режет польскую правду-матку, трактуя расправы над евреями в духе борьбы с предателями и наймитами НКВД: «Это была коллаборация с оружием в руках, переход на сторону врага, предательство, совершенное в дни поражения»²⁸. И опять Стрембош, причем там там же: «Польские евреи, в гражданской одежде, с красными повязками на рукавах и вооруженны карабинами, принимают в большом числе участие в арестах и депортациях. Это было самым жутким, но для польского общества вопиющим был также факт большого количества евреев во всех советских учреждениях и ведомствах. **В особенности, если поляки господствовали тут до войны!**» (выделено автором).

Помимо этого, в своей работе неистовый польский профессор приводит также довольно много примеров поголовной коллаборации евреев с большевиками на основании записанных в армии Андерса устных сообщений поляков, нередко противоречивых. И все же попробуем отдельные из них проанализировать. Вот свидетельство Л. Хойновской: «В Едвабнэ, населенном преимущественно евреями, было только три дома, которые не вывесили красного флага, когда туда вошли русские. В том числе и наш». Или: «...Начались массовые обыски у нелояльных людей, врагов народа... Местное население в большинстве своем отказалось от голосования (на выборах в октябре 1939 г.)», — тоже из Едвабнэ, но уже из уст рабочего К. Соколовского²⁹. Сопоставляем, и что же получается: из 2200 человек в Едвабнэ (по довоен-

ным данным, там было около 60 % еврейского населения) поляки проживали только в трех дома, а, следовательно, если верить Хойновской, статистика довоенной Польши врет? С другой стороны, уже по Соколовскому, тамошнее население в массе своей не настроено было сотрудничать с «большевиками», из чего напрашивается вывод: либо большую его часть составляли поляки — а это противоречит как официальной польской статистике, так и словам Хойновской — либо евреи не поголовно служили НКВД?

Казалось бы, чем не повод переосмыслить научные выкладки, однако профессор Т.Стрембош и ему подобные остаются верны себе и продолжают утверждать, что в любом случае виноваты предатели-евреи, которые к тому же и вели себя по отношению к полякам крайне нагло. А потому из одной работы в другую кочует фраза, ставшая уже чуть ли не классикой польского историко-публицистического жанра и подчеркивающая случаи «издевательства» отдельных евреев над поляками вследствие переворота, случившегося в положении обоих обществ: **«Вы хотели Польшу без евреев, вот Вам евреи без Польши».**

При этом и Стрембоша, и других его братьев «по оружию», особенно задевает за живое тот факт, что с момента прихода Советов поляки перестали быть привилегированной частью общества и были в значительной мере устранены из аппарата власти. И, хотя в порядке объективности они также констатируют и открывшиеся одновременно с этим новые социальные и экономические возможности для белорусов и евреев, все равно продолжают твердить, что евреи заняли место поляков, а кроме того, оказывали активную помощь советским властям в высылке неблагонадежных элементов. А вот на то, что таковые, как это ни обидно, были и среди поляков, почему-то закрывают глаза. Увы, есть примеры, когда гордые сыны Польши сдавали своих так же, как и обвиняемые ими в измене евреи. Был даже некий поляк, который писал идолопоклоннические письма Сталину, что, однако, не помешало ему впоследствии поучаствовать в уничтожении еврейского населения в печально известном Едвабнэ. Так что жизнь, она все же поразнообразнее, чем картинка, открывающаяся из узких бойниц ретивых побоников исторической «справедливости».

И еще одно небольшое отступление, почти лирическое. По поводу установленного наконец авторства расхожого выражения «жидокоммуна». И установленного благодаря пану М. Калускому, с почти большевистской прямоотой излагающему собственное видение событий 1939 г. Он, правда, признает, что большинство евреев в довоенной Польше не были коммунистами. Но было коммунистов среди евреев много, а евреев, сочувствующих советскому большевизму, еще больше. И потому и родился среди поляков термин «жидокоммуна»³⁰. Так что, теперь уже нет никаких сомнений, с чьей «легкой» руки пошел гулять по свету этот, выражаясь модным новоязом, «слоган», а его творцам-распространителям только и осталось подать в суд на многочисленных нарушителей авторских прав, без устали эксплуатирующих их «интеллектуальную собственность». Впрочем, и тут им ненавистные Советы подножку подставили, поскольку главные потенциальные ответчики по данному делу схлопотали высшую меру еще на Нюрнбергском процессе.

Еще раз следует подчеркнуть, что практически во всех работах польских историков в той или иной мере, ясно или закамуфлированно, проглядывает главная претензия к «советским оккупантам»: поляки перестали быть привилегированной группой на «восточных» окраинах как в национальном, так и в социальном смысле. Что, безусловно, явилось шоком для самых широких слоев польского населения, независимо от его статуса. А особенно у тех, кто был связан со структурами прежней администрации. Именно они по вполне понятным причинам и зачастую оправданно вызывали наибольшее недоверие у новой власти, ибо считались ненадежными и даже враждебными. В то же время, вопреки громким заявлениям польских радетелей исторической справедливости, старательно подкрепляемым высказываниями репрессированных в период 1939—1940 гг. поляков, никакими национальными или расовыми подходами или предпочтениями советские органы, в отличие от гитлеровцев, в своих действиях не руководствовались. Подход был исключительно классовым, что доказывают и данные о национальном составе лиц, репрессированных в период 1940—1941 гг., приводимые самими же польскими исследователями, где фигурируют также и евреи, и украинцы, и белорусы, а конкретно: 50—60 % поляков, 15 % украинцев, 5 % белорусов и ок. 30 % евреев³¹.

Что же касается чуть не поголовно записанных поляками в изменники евреев, то ими, как известно, «занимались» не только бойцы АК, но и озабоченные «окончательным решением» еврейского вопроса гитлеровцы. В результате евреям только и оставалось, что организовывать свои партизанские отряды и группы выживания в лесах Белоруссии, а потом и вовсе подаваться к советским партизанам. А так как польско-еврейский фронт для истинных патриотов Польши был не единственный — во враги польской нации автоматически записывались как отдельные лица, так и целые народы, считавшиеся коллаборантами уже потому, что посмели отнять у поляков их «законные» привилегии — евреи влились в дружную семью ненавистных «предателей», вместе с белорусами, украинцами и, конечно же, Советами. Добавим к этому, что против вышеназванных категорий заранее, морально и чуть ли не юридически, оправдывались все меры наказания и даже «возмездия», вплоть до уничтожения.

А теперь поговорим об украинцах, тем паче, что среди них, как водится, тоже немало «виновников» в бесчисленных польских бедах и невзгодах, а как же иначе? Сперва депутаты от украинских избирателей «...после начала войны... в польском Сейме декларировали лояльность в отношении польского государства...» — Организация украинских националистов" (ОУН) отменила запланированное восстание против поляков на Западной Украине... Во Львове и Ходорове ОУН сражалась с Красной Армией...»³² И это несмотря на то, что буквально в преддверии войны, в 1938 г., на Холмщине, поляки на всякий пожарный случай решили возобновить борьбу с православием, что по сути означало и борьбу с самими украинцами, а весной 1939 г. проводили очередное «замирение» украинских регионов, правда, в меньшем масштабе, чем в 1930 г. Но от всего этого, так надо полагать, польско-украинская «дружба» должна была только окрепнуть, а посему особенно поражает «неожиданное вероломство» украинцев, которые не просто поддерживали вступившие советские войска, но и разоружали солдат польской армии. Пришлось даже констатировать польским исследователям, что большинство украинцев было довольно падением польского государства; преобладание же среди нападающих представителей национальных меньшинств, а среди жертв — поляков придавало событиям на «вос-

точных окраинах» антипольский характер. Особо отмечается и то, что украинцы, белорусы и евреи выступали против поляков потому, что те являлись опорой государственного аппарата³³.

Не меньше «сюрпризов» приподнесли полякам и белорусы. Ответили, так сказать, черной неблагодарностью на бесчисленные польские благодеяния. В том числе и мучительно-загадочным для польских историков радостным приветствием частей Красной армии с установкой триумфальных арок и вывешиванием красных флагов. А что самое обидное, при этом белорусы заодно и на самое святое замахнулись, возмущаются некоторые польские исследователи, а именно нагло украли «старопольский» обычай встречать с хлебом-солью. (Ну а покольку точно такая же традиция почему-то имеется и у русских, неровен час и мы претензий дождемся, и, не исключено, что в цифрах со многими нулями, за моральный ущерб.) Ну а что касается неслыханного белорусского радушия, проявленного к «оккупантам», то здесь польские историки, поднатужившись, объяснение все же нашли, типа: а что с них возьмешь, с этих «дикарей», которые встречали Красную армию не только красными знаменами, но и хоругвями и церковными гимнами. Где им понять, что это не на темноту белорусского мужика указывает, а на то, что в приходе Красной армии он видел прежде всего возвращение России, которую помнил еще по дореволюционным годам.

Впрочем, не сами ли поляки отдельными своими высказываниями выражают ту же самую мысль? К. Иранэк-Осмецки, один из высших офицеров АК, свидетельствует: «Евреи, осевшие на восточных польских землях, сохранили со времени разделов (имеются в виду разделы Польши между Российской империей, Австрией и Германией. — *Прим. авт.*) странную — не поддающуюся логичному толкованию — симпатию к России»³⁴. Хотя что ж тут удивительного, если пресловутый «национальный гнет» в Российской Империи не шел ни в какое сравнение с политической колонизацией в демократической Польше. Другое дело, что наступившие вслед за вступлением Красной армии советские преобразования не соответствовали воспоминаниям и ожиданиям, что, конечно же, не украсило оккупационную действительность. Наверное, многие их тех же белоруссов испытали разочарование, убедившись, насколько советская Россия отличается от

прежней, что же до поляков, то они между первой и второй вообще не делали разницы, ибо едва ли не поголовно страдали неизлечимой, несмотря на ход истории, болезнью, под названием «хроническая русофобия».

Известно, что сразу же после развала польского государства и в Белоруссии начались нападения на поляков. Факт, конечно же, прискорбный. «Кто становился жертвой этих эксцессов? С учетом политики довоенных властей, которые фаворизировали поляков, большинство... было польской национальности...» — пишет, к примеру, М. Вежбицкий. Правда, она все же иногда прорывается. Естественно, что оставшиеся на местах польские «силовики» как могли отвечали на выпады белорусов. Все тот же М. Вежбицкий, являющийся достаточно объективным исследователем, приводит в своих работах конкретный пример подобных действий со стороны поляков. Вспоминает один из уланов: «Когда эскадрон тронулся, я остался в охране на пригорке, а когда догонял, у меня произошел случай с крестьянами, которые уже вышли из деревни с красными знаменами и хотели нас приветствовать, думая, что это большевики. Я прошелся по ним саблей в руке и несколькими выстрелами в воздух»³⁵.

В трудах других польских историков похожих случаев днем с огнем не сыщешь. Целиком сосредоточившись на «зверствах», учиняемых над поляками, они помещают в своих работах массу сведений об убийствах поляков, используя как официальные источники, так и воспоминания очевидцев, которые немедленно иссякают, лишь только дело доходит до жертв репрессий со стороны самих «невинно пострадавших». Разве что несравненный Т. Стшембош «порадует» информацией о славных деяниях польских уланов, в частности, из 110 бригады кавалерии: «...Полковник Домбровский подавлял такие бунты в Острыне и в Ежёрах. Уланы не брали в плен схваченных с оружием в руках. Расстреливали их на месте». Да еще в Едвабнэ, входившем тогда в состав Белорусской ССР, остались очевидцы того, как поляки взяли да и прикончили всех соседей еврейской национальности, которые были к тому времени советскими гражданами. Впрочем, возможно, и эта история не вышла бы наружу, если б одна «недостаточно патриотичная» полька не укрыла у себя не-

добитых евреев. Правда, уже после войны, за это же и поплатилась — соотечественники быстро выжили ее из родных мест. Не помогли ни пресловутый НКВД, ни курируемые им польские органы безопасности. Теперь, правда, высасываются из пальца доказательства, позволяющие полякам спихнуть на СС хотя бы часть вины за расправу над евреями. Дескать, она самим фактом своего присутствия сподвигла неискушенных едвабненцев на это убийство. Да и без участия НКВД, путь и косвенного, тут опять же не обошлось. По крайней мере, пан доктор В. Лер-Сплавиньский так объясняет пассивную позицию тех поляков из Едвабнэ, что могли бы остановить резню: «... эта большая часть поляков не имела бы никаких шансов на активное выступление против немцев в Едвабнэ... Впрочем, последнее движение Сопротивления, руководимое СВБ, было ликвидировано НКВД, вроде бы даже соседями тех же поляков». Ну вот, и третий виновник нашелся — евреи, которые сами же и погубили своих возможных спасителей.

И опять самое ужасное и обидное: отстранение от власти поляков с заменой их темными и необразованными белорусами. Ведь советские власти приступили к созданию государственного аппарата с широким привлечением белорусов, что привело к преобладанию в сельсоветах белорусов, и не только на территориях с большинством белорусского населения. А так как до этого в органах администрации на окраинах в большинстве работали до этого поляки, то они, следовательно, наиболее болезненно ощутили последствия этих «чисток». Ужасно еще и то, что и западнобелорусская интеллигенция, которую поляки считали с большой натяжкой, разумеется, но как-то и где-то почти поляками, правда, «отягощенными» дурным языком и столь же дурной культурой, почему-то тоже оказалась на стороне русских, и это после всех демократических завоеваний, коими они были обласканы на основании польской конституции 1935 г. «...Примером может быть заявление, помещенное в январе 1940 г. в органе белорусской христианско-демократической партии “Крыница”, выходящем в Вильно (а тогда Вильно был уже передан Литве. — *Прим. авт.*)» Сентябрьский разгром Польши дал возможность Советскому Союзу выступить в роли защитника Западной Белоруссии и Западной Украины и тем самым **ИСПРАВИТЬ** (выде-

лено в «Крынице») «несправедливость раздела Беларуси и Украины за двадцать лет до этого...» Просоветские настроения белорусской интеллигенции усиливал в том числе и факт освобождения некоторых видных белорусских общественных деятелей Красной армией из концентрационного лагеря в Березе Картузской»³⁶.

Существовал и еще один, уже не столь значительный фронт: польско-литовский. Дело в том, что отношения поляков и литовцев с момента захвата поляками Вильно были более чем натянутыми. Но они еще более ухудшились после оккупации Литовской ССР фашистами, так как литовцы весьма охотно двинулись служить немцам, потеснив поляков и здесь. Правда, организованное специально для борьбы с партизанами войсковое формирование генерала Плехавичюса оказалось совершенно небоеспособным и было в конечном итоге немцами же расформировано, но образование оккупантами чисто литовской администрации попортило АК немало крови уже по той причине, что, по данным немецких источников, на территории Литвы имелось всего около 600 немецких чиновников, которым подчинялось около 20 000 литовских служащих. Естественно, в таких условиях у литовского аппарата было предостаточно возможностей злоупотреблений в свою пользу, прикрываясь потребностями немецких оккупационных властей.

Так поляки в очередной раз оказались не просто не у дел, но и, что особенно обидно, на положении, если так можно выразиться, «бедных родственников», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Крайние формы которых находят свое отражение, в том числе, и в воспоминаниях «истинных польских патриотов» из Национальных вооруженных сил, вроде С. Новицкого: «Наибольшие жертвы понесли поляки... Убивали нас немцы, уничтожали литовцы, белорусы и украинцы как союзники советов... Геенна населения на наших восточных землях весьма отрицательно отразилась на отношениях между теми национальными группами, которые населяли эти территории. На всей этой территории кипели — как в котле — ненависть и месть. Доходило до самых жестоких сцен убийства друг друга, включая распиливания тел живых людей. Жестокость эту проявляли все без исключения. Все национальные группы ненавидели друг друга.

Поляков уничтожали литовцы, белорусы, украинцы, немцы и советы, как элемент коллаборационный, реакционный и ненужный»³⁷.

Не вспоминает только пан Новицкий, как же до этого дошло. А ведь те, кто потом организовывал и Национальную военную организацию, и Тайную польскую армию и, наконец, Национальные вооруженные силы, были до войны членами крайне правых и даже близких к фашистам польских партий (Национальная партия, две партии Национально-радикального лагеря), которые в своих программах имели и принуждение всех евреев к выезду из Польши посредством принятия соответствующих законов, и проведение полонизации украинцев и белорусов. И все эти партии, войдя со своими вооруженными формированиями в АК, имели соответствующее влияние на данную структуру. То же можно сказать и о Национальной Военной организации с ее округами, и о Тайной польской армии. Вместе они образовывали основу АК в Галиции, на Волыни и в Западной Белоруссии, и менять свое отношение к вопросу о народах и границах Польши, под вывеской АК или вне ее, не собирались.

И еще один немаловажный момент, на котором следовало бы особенно заострить внимание — это Генеральный план «ОСТ», разработанный в 1941 г. по распоряжению Гиммлера Управлением имперской безопасности СС и предусматривавший, в частности, онемечивание огромных территорий Восточной Европы. Для чего планировалось провести депортацию коренного населения и поселения на освобожденных землях немцев. Из оставшихся же аборигенов предполагалось онемечить около 50 % чехов, 35 % украинцев, 25 % белорусов. Нетрудно догадаться, что все это было задумано Гиммлером при горячей поддержке Гитлера исключительно ради эксплуатации оккупированных областей. В своей речи перед группенфюрерами СС в Познани 4.10.1943 г. Гиммлер сказал: «То, что имеется в наличии в народах из хорошей крови нашего вида, мы заберем себе, отнимая у них, если необходимо, детей и воспитывая их у нас. Будут ли иные народы жить в благосостоянии, или будут подыхать от голода, это интересует меня всего лишь постольку, поскольку они нужны нам в качестве рабов для нашей культуры, по-иному меня это не интересует»³⁸.

Вроде бы польские исследователи прекрасно об этом осведомлены, но интерпретацию гитлеровским замыслам дают уж больно оригинальную. С одной стороны, признается, что «Генеральный план ОСТ» предполагал выселение немцами 80—85 % поляков с восточных окраин и ЗамоЙщины — региона на востоке современной Польши — с расселением на этих землях, свеженных со всей Европы. Первые действия по заселению этих территорий немцами привели к уничтожению целых сел, депортации населения. Польские партизаны старались противодействовать этому, но силы их были слишком малы. Реализацию этого плана прервало только поражение Германии. Однако же в современной трактовке тех давних событий, активно проповедуемой новым поколением как польских, так и особенно одиозных российских историков, просто «неприлично» упоминать, кто же все-таки нанес поражение Германии. Так как победитель отнюдь не блестящий польский шляхтич с изящными манерами, а неотесанный русский мужлан, фи какой, одним словом! Подумаешь, спас поляков от физического уничтожения, которое им уготовил Гитлер, зато вверг в духовное рабство, а оно, как ясно видно из двадцать первого века, похуже смерти будет! И вот уже, глядишь, пошла гулять по просторам польских страниц правда-матушка: «Во время 2-й оккупации Советы и украинцы добивали остатки поляков»³⁹. Одно только непонятно: откуда же в таком разе, по словам все той же М. Павловичовой, взялись 1,5 млн поляков, переселившихся из СССР в Польшу до 1948 г.

А нет бы Павловичовой и иже с ней спокойно, без русофобской истерии, не признать простую и жестокую истину, состоящую в том, что помимо поляков жертвами войны были все оккупированные народы на востоке Европы. При этом значительная часть их, так сказать, верхов, оставшихся под немецкой оккупацией, за исключением Советов и евреев (и тех и других в юбом случае ждала неминуемая гибель), старалась закрыть глаза на конечные цели гитлеровцев и тешила себя надеждой попасть в число избранных 25—35 %, которых по расовым признакам запишут в нацию господ или привлекут для исполнения грандиозных проектов Третьего рейха.

Как будто бы здраво, во всяком случае, на первый взгляд, рассуждает польский деятель из крайне правых С. Новицкий: «...но

эти победы политически не были использованы Германией. Ибо Гитлер ударил по Советам не ради освобождения народов советской империи, населяющих Россию, чего они ожидали, а с целью ее завоевания и продолжения рабства... Население отдавало себе отчет в том, что произойдет, когда Германия выиграет войну. И потому началось сопротивление... Глупый Гитлер этого не понимал и приговаривал немецкие армии к уничтожению. Ко всем народам, включая поляков, он относился как к недочеловекам... Таким же образом он отнесся к нерусским народам, которые ему сочувствовали и, несмотря на враждебность к ним, стояли на стороне Германии...»⁴⁰

Вот только, как бы «цивилизационно» близкие слои польского населения не пытались его очеловечить, пусть даже и с применением обидных эпитетов, глупым Гитлер уж точно не был. Зато был твердым и решительным в своих целях и убеждениях, которые никогда ни скрывал: «Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если меня спросят, что я подразумеваю под истреблением населения, я отвечу, что я имею в виду уничтожение целых расовых единиц. Именно это я и собираюсь проводить в жизнь, грубо говоря, это моя задача»⁴¹. Так что глупой скорее была националистическая элита завоеванных немцами народов, которая в попытках выдать желаемое за действительное напридумывала себе о нацистах нечто невероятно благостное. Волосы встают дыбом, когда читаешь, что только при немцах начали национально организовываться то украинцы, то белорусы, то прибалты. Будто бы непонятно, что отмеченная кое-где некоторая поправка со стороны оккупационных властей имела место постольку, поскольку все силы вермахта была заняты на Восточном фронте. Кроме того, надорвавшаяся в боях с Красной армией Германия просто вынуждена были до поры до времени для поддержания своей военной мощи использовать «местный материал».

Но если бы гитлеровцы разбили СССР, то всенепременно занялись бы наведением своего(!) порядка на ставшей бы их, именно их, а не польской, украинской и какой-то там еще территории. У находящихся в оккупации это вылилось бы для одних в стремление любыми правдами и неправдами попасть в заветные

25 % «расово пригодных» германской нации, для других — в призрачную надежду отсидеться до лучших времен в подполье, чтобы, поднакопив силы, как в конце Первой мировой войны, использовать свой шанс. Но пока час «икс» еще не наступил, польскому подполью на «восточных окраинах» только и оставалось идти на службу к оккупанту, теша себя иллюзорной возможностью влияния на ситуацию на своих бывших землях. Однако такие же шансы просчитывали для себя и прочие претенденты, с которыми у поляков были не просто натянутые отношения, а настоящая война, как минимум на четыре фронта. И, похоже, только великие стратеги из АК не понимали, что выиграть ее при таком количестве противников полякам не под силу. Как, впрочем, и кому бы то ни было еще.

И это лишний раз доказывает, что у поляков и Советов на востоке понимание войны было весьма различным. Если первые исподволь рассчитывали получить с нее кой-какие дивиденды, то вторые боролись за то, чтобы уцелеть. Как писал немецкий историк С. Хаффнер: «...с того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента был ясен также исход: русские были сильнее... прежде всего потому, что для них решался вопрос **жизни и смерти**»⁴². Впрочем, и это сегодня когда иносказательно, а когда и почти напрямую оспаривается не знающими удержу «праволюбцами» от истории, рассуждающими в таком духе: дескать, «Генеральный план ОСТ» во время оккупации на заборах не расклеивался, так что нечего об этом и говорить. Да, не расклеивался, поскольку был исключительно для «служебного пользования», дабы ознакомившиеся с ним неарийцы поголовно не встали под ружье, убедившись, что ничего, кроме смерти, их не ждет, а вот к исполнению был принят. И живший в Германии после прихода Гитлера к власти русский философ Иван Ильин, который тоже этого плана не читал, тем не менее ясно понимал, к чему дело идет: «Русские люди, прожившие хотя бы несколько лет в Германии между двумя мировыми войнами, видели и знали, что германцы не отказались от “*движения на восток*”, от завоевания Украины, Польши и Прибалтики, и что они готовят новый поход на **РОССИЮ**. ... Цель Германии была совсем не в том, чтобы “освободить мир от коммунист-

тов”, и даже не в том, чтобы присоединить восточные страны, но в том, чтобы **обезлюдить важнейшие области РОССИИ и заселить их немцами**»⁴³.

Можно не сомневаться, наверняка, найдутся те, что скажут: мол, на эту тему нас уже долго и нудно поучали в дремучие советские времена и, вообще, хватит уже коммунистической пропаганды. И все-таки, вопреки подобным суперлиберальным умникам, о войне нужно писать. Писать — чтобы узнали те, кто не знал, и вспомнили те, кто забыл. Чтобы никому больше не пришлось в дурную голову с хамским наслаждением рассказывать ветеранам **НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ** байку про то, что если б они чуть похуже воевали, то пили б сейчас баварское пиво, чему неоднократно был свидетелем автор этой книги. Как раз таким предназначается и очередная цитата из ярого антикоммуниста С. Новицкого, который хоть и был врагом СССР/России, но, побывав под оккупацией потребителей баварского пива, смог на собственной шкуре оценить жизнь под их «опекой»: «Гитлер ведь ударил по Советам не для освобождения народов советской империи, населяющих Россию, чего они ожидали, а с целью ее завоевания и продолжения рабства. ...Население отдавало себе отчет в том, что наступит, если немцы войну выиграют. И тогда началось сопротивление. Количество сдающихся в плен резко сократилось, а десятки тысяч солдат из разбитых армий пошли в леса, уничтожали все, что можно, если это было на пользу Германии...»⁴⁴

В конце концов эти нечеловеческие усилия принесли свои плоды, и тогда на территорию Западной Украины и Белоруссии вступили части Красной армии, быстро разобравшиеся с остатками так называемого польского «национально-освободительного движения» в духе известного лозунга «Враг будет разбит, победа будет за нами». Да и с чего бы им было особенно церемониться с теми, кто после прохождения фронта оставался с оружием в руках в тылах наших войск? Ибо как бы данные формирования ни именовались, по сути своей они могли рассматриваться только в качестве бандформирований. Недаром же в русском языке имеется, пусть и грубоватая, да верная присказка: забор — это не то, что на нем написано. Что, между прочим, распространяется и на прикрывающихся народно-освободительной

риторикой чеченских террористов, получивших почему-то пламенную поддержку в Польше. Видимо, родственные души нашли друг друга, несмотря на «цивилизационную несхожесть». А значит, с точки зрения поляков есть нечто, что объединяет чеченского бандита и аковца с «восточных окраин». Что именно, думаю, объяснять излишне.

И еще один, последний, комментарий на заявленную тему. Насчет того, как поляки ухитрились организовать себе, кроме основных — России и Германии, — еще парочку-другую врагов. На что, напрашивается вопрос, они надеялись, если опыт той же Германии в двух последних мировых войн показал: победить в такой войне невозможно? А только на то, что на помощь им придут милые их сердцу западные «демократии» и во имя прекрасной Польши развяжут третью мировую войну с Россией. Остается только разводить руками и вспоминать описанное Львом Толстым в «Войне и мире» самоутопление польской кавалерии в начале похода против России в 1812 г. И все ради того лишь, чтобы Наполеон эту их европейскую преданность заметил и оценил. И что ж, с тех пор прошли без малого две сотни лет, но ничего не изменилось. Польша по-прежнему строит свою политику, исходя из старого принципа: только б Запад заметил, похвалил и погладил по головке.

Глава 4

Сидение и стояние в тылу врага

В любом конфликте между нациями никогда не бывает так, чтобы негодяи были на одной стороне, а герои на другой.

*Г.В. Вернадский. История России.
Монголы и Русь*

Начнем с А. Трубецкого, отнюдь не сталиниста, к тому же побывавшего и в польском отряде АК, и в советском партизанском отряде, и в лагерях после войны; т.е. приведем слова не просто очевидца, а русского, видевшего жизнь партизан Армии Крайовой изнутри: «Здесь следует сказать несколько слов о польском партизанском движении. Еще в 1939 году, когда разгром польской армии стал очевиден, ее командование организовало так называемую “Армию Крайову” — АК (Армия страны) для борьбы с оккупантами. АК подчинялась польскому правительству в эмиграции в Лондоне, с которым была налажена постоянная связь. Издавались приказы, производились повышения по службе, награждения. Все это, когда Польша была освобождена от оккупации, определило сложную судьбу бывших «Аковцев»....

Отряд жил мирной, размеренной жизнью маленькой воинской части. Изредка проводились занятия с “новобранцами”. Чувствовалось, что здесь нет постоянной напряженной борьбы с немцами, но все же каждый день еще затемно отправлялись в разные стороны патрули смотреть, не обставляют ли

немцы лес для облавы. ... Иногда группа партизан уходила на "акцию", в основном за продуктами, или сделать "внушение", главным образом плеткой, какому нибудь стукачу или фольксдойчу...

Насколько я знаю, другие польские отряды жили такой же размеренной жизнью, сохраняя свои силы и особенно не докучая немцам... А вот боевых действий при мне не было. Но сказать, что их совсем не было — неверно... Были и нападения на немецкие посты. Но все это ограниченные действия. И это можно понять. Немцы жестоко мстили за активные действия, расстреливая и вешая заложников, уничтожая деревни. ...Как, зная все это, нападать, если пострадают твои близкие? Правда, у нас в Белоруссии нападали, и население страдало. Но, может быть, белорусские партизаны были в большом числе не из местных жителей, а направляли их действия из центра?»¹

Такова была «партизантка» (партизанское движение) крупнейшей польской военной организации, Армии Крайовой, на территории до Буга, т.е. до Западной Белоруссии. Что ж, тут была Польша А, или собственно Польша, и ее надо было беречь и действовать так, чтобы не вызвать своими действиями ответных акций со стороны гитлеровцев. А если и воевать, то в самом крайнем случае, к примеру, когда немцы начнут выселять поляков для осуществления своих планов освоения приглянувшихся польских земель на Замойщине. Впрочем, и тут застрельщиками были Крестьянские батальоны, ибо это непосредственно касалось их родных и близких...

О том же и воспоминания командира одного из известнейших в Польше партизанских отрядов М. Солтысяка: «Отношение сельского населения... было разным в разное время. Вначале оно отличалось большим недоверием, проистекающим, как мы это заметили, из отсутствия веры в какие-либо возможности борьбы с немцами...

В своей работе отряд вынужден был учитывать интересы населения, помощью которого он пользовался. Отсюда часто проистекала необходимость ограничения выступлений против оккупанта, в особенности в тех краях, где жили преданные нам люди. Этот своеобразный эгоизм был характерным для тех времен. Иногда он оказывал влияние даже и на серьезные дела»².

И наконец, наиболее яркое свидетельство того, как осторожно, прямо-таки в щадящем режиме, воевали настоящие польские партизаны из АК и Национальных вооруженных сил, можно найти опять же у С. Новицкого. В данном случае, правда, дело происходило уже на западном берегу Буга, но, судя по разным источникам, тамошняя ситуация была весьма типичной для всей Польши. «Однажды ко мне ворвался мой приятель, — записывает он со слов участника тех событий, — старший лесничий лесов в Замоищине, Ян Папроцки, и сказал, что к нему приходило Гестапо. Интересный это был разговор. Они ему сказали, что такое состояние с анархией в уезде долго продолжаться не может.

— Немецкие войска сражаются под Сталинградом и нуждаются в постоянном снабжении. А здесь ведется саботаж, уничтожаются железнодорожные мосты, сходят с рельс поезда, крадутся вагоны, военное снаряжение и оружие. Такое положение далее продолжаться не может. Мы знаем, что у Вас есть контакты с партизанами. Обращаемся к Вам с просьбой, чтобы Вы приложили руку к прекращению этой деятельности, вредной для немецкой армии. Если спокойствия не наступит, то произойдет кровавое усмирение. Что делать? — спрашивает меня мой приятель. На данной территории действовали: отряд АК, отряд Национальных вооруженных сил, отряд Крестьянских Батальонов и лучше всего вооруженные советские партизаны. Командиры всех отрядов согласились, что любая диверсионная акция вредна и принесет гражданскому населению суровые репрессии, если ее вести»³.

Так что, можно сказать, в своей «непримиримой» борьбе с фашистскими оккупантами польские партизаны руководствовались мудрым пацифистским принципом: чем реже беспокоить немцев, тем меньше будет жертв. Видимо, полагая, что сидючи по лесам, они одним этим фактом поднимают как собственный патриотический дух, так и окрестного населения. Вот если б еще и гитлеровцы подобную же сознательность проявляли, а то взяли и начали массовое выселение того самого населения, что так сильно укрепило патриотический дух, да еще и с большими жертвами. Пришлось воевать, куда денешься. А нет бы чинно-благородно: польские партизаны — себе в лесочке, гестаповцы — где-нибудь на Восточном фронте. Эх, и как бы всем хорошо-то было!

Однако, увы и ах, порушили немцы всю партизанскую идиллию, и вот уже даже суровая к измучившим Польшу репрессиями Советам М. Павловичева констатирует: «Когда в 1941 г. Германия включила воеводства восточных окраин в Генерал-Губернаторство, то эти территории затронула акция вывоза населения на работы в Германию. В общем, по подсчетам, принудительные работы охватили в Генерал-Губернаторстве 1,3 млн чел., в том числе значительное количество — ок. 700 000 чел. — было выслано с восточных окраин»⁴. Ну да верно, вывозили-то в основном украинцев с белорусами — они же, будучи «на поводку у НКВД», с немцами все-таки воевали — в то время как хорошие польские парни прислушивались к правильным советам гестапо или «кантовались» во вспомогательной полиции и самообороне. А потому бояться им было нечего, разве только «красной заразы», как сейчас польские поэты пишут.

ИНЫМИ СЛОВАМИ, у поляков была своя война, своя опора, свои приоритеты, свои взаимоотношения со своим же населением, в основе которых (даже на уровне командиров партизанских отрядов) лежали чисто национальные интересы. С точки зрения поляков, это, разумеется, было совершенно нормально. При этом их, конечно же, меньше всего занимал вопрос, а есть ли у кого-нибудь еще иные национальные интересы — непольские? О так называемых «общечеловеческих ценностях» во время войны вообще говорить не приходится, хотя и тогда были люди, которые думали о чем-то подобном, но вряд ли от них что-нибудь зависело. Вот и типичный командир польского отряда, который заботился о провианте для своих бойцов, был бы последним идиотом, если б голова у него болела о том, что едят, к примеру, Советы, или литовская полиция.

Тем удивительнее выглядят нынешние попытки некоторых либеральных деятелей сравнить храбрых воинов из АК с советскими партизанами, не пользу последних, конечно же. Послушать их, так первые защищали своих несущих цивилизацию на Восток соплеменников, а вторые — сплошь бандиты из НКВД — всячески препятствовали их благородной миссии. Но оставим подобные сентенции на научной совести горе-историков и предоставим нашу «трибуну» белорусским исследователям из

Польши, над которыми, важно заметить, уже не висит дамоклов меч коммунистической идеологии, поскольку живут они в освободившейся от «советского рабства» стране: «Не производили зато на население никакого впечатления лозунги об освобождении из-под большевистского ига. Публичные казни, зачастую случайных людей, производившиеся вермахтом и отрядами полиции, вызывали больший ужас, чем сталинские преступления тридцатых годов»⁵. *(выделено автором)*.

Кстати, белорусы, в отличие от поляков, в массе своей разницу между Советами и гитлеровцами видели, и, не зная, естественно, ничего о «Генеральном плане ОСТ», но оказавшись «под крылом» арийских «освободителей», быстро поняли, что речь идет о физическом существовании всей нации, а не о репрессиях против отдельных слоев населения. Подтверждает это и уже упоминавшийся нами Белозорович: «Позиция населения западных областей Беларуси по отношению к немецко-фашистским оккупантам была неоднозначной... В деревне господствовал дух настороженности, пассивности, неуверенности. Крестьяне, прежде всего белорусы, не спешили в объятия немецких властей, так как опасались мести со стороны поляков за депортации и аграрные преобразования 1939—1941 годов»⁶.

Страшно сказать, но даже среди поляков нашелся «отступник», рассуждающий в том же ключе. Хотите верьте, хотите нет, но это ни разу не замеченный в приверженности «красной заразе» польский профессор Пётровский из Вроцлава, испытавший на себе в латышском городке Краслава и «советскую оккупацию», и немецкую, которые он характеризует следующим образом: «Новым властям в Латвии обещали достаточно широкое самоуправление. Через несколько месяцев немцы отказались от этих обещаний и поставили сверху власти... Лопнул миф о возникновении Латвии, обладающей существенным суверенитетом. Всех латышских деятелей, которые на это рассчитывали, сместили со своих должностей, а значительную часть арестовали и вывезли в концентрационные лагеря. Немецкие войска, входящие в Латвию как освободители латышского народа из-под советской оккупации, начали оккупацию еще более чувствительную, чем советская»⁷ *(выделено автором)*.

О польских делах диверсионных и партизанских вообще и на восточных окраинах в частности

«Уже в первые дни немецко-фашистской агрессии в ряде районов западных областей Белоруссии наблюдались случаи нападения польского подполья на отступающие части Красной Армии, а в некоторых местах они провели расправу над партийно-советским активом. Подобные случаи произошли в Лунинецком, Несвижском, Пинском и других районах...»⁸. Это опять же к слову о так называемых «союзниках», а также в разъяснение «искреннего» недоумения поляков, почему замечательное польское подполье Сталин упорно не желал считать таковым. А все дело в том, что союзнички уж очень горазды были пакостить при первой представившейся возможности.

А впрочем, не будем перегружать читателя комментариями. Вернемся к беспристрастным фактам, по понятным причинам безрадостным для советских войск, которым под натиском фашистов пришлось оставить так называемые «восточные окраины». После чего ситуация на этих территориях коренным образом изменилась. Поскольку фронт все больше удалялся на восток, то и насыщение этих территорий войсками вермахта постепенно уменьшалось, что естественным образом создавало более благоприятную ситуацию для мероприятий, наносящих ущерб оккупанту. Казалось бы, польскому подполью все карты в руки. Как говорится, налетай, не зевай. Однако оно, такое прыткое по части добивания загнанных в угол Советов, в этот раз с подвигами не торопилось, с головой погрузившись в бюрократическую возню.

Так как подпольной Польшей руководили два организации: ZWZ (позднейшая АК) и Делегатура правительства, то в организации «непримиримой» борьбы имела место, говоря современным языком, ведомственность: по военной части этим занималась организация ZO (Союз возмездия) — проведение диверсий, актов саботажа, действий боевого и репрессивного характера, а по гражданской — KWC (так называемое Управление гражданской борьбы) — все виды саботажа, а также приведение в исполнение приговоров подпольных судов в отношении предателей и немецких агентов. В 1942 г. «Союз возмездия» имел свои подразделения на территории бывших восточных окраин, например в

дистрикте Галиция. Затем АК решила расширить свои доселе теоретические диверсионные действия и преобразовала Союз возмездия в «Управление диверсией», более известное под своим сокращением «Кедыв», которое прославилось исполнением ряда покушений на высших функционеров. (Наиболее известные из них: ликвидации бригаденфюрера СС Франца Кучеры и обергруппенфюрера СС Вильгельма Коппе в Варшаве.) Организацию «Кедыва» и командование им осуществлял полковник Аугуст Эмиль Фельдорф (псевдоним «Ниль»), имевший в своем багаже службу в легионах Пилсудского в период Первой мировой войны, а также участие в агрессии свежеевозродившейся Польши против всех ее тогдашних соседей, включая, естественно, и Советскую Россию. В боях за Вильно, Двинск (Даугавпилс) и Киев «Ниль» был четырежды награжден и получил звание капитана. С ним мы еще «встретимся» позже, а пока отметим, что пан Фельдорф был крупным специалистом в рамках уже упомянутой выше программы «диверсии за линией фронта».

Отдельные действия партизанского характера происходили в Польше, как мы видели, еще в 1941-м, но партизанские отряды АК на так называемых «северо-восточных» землях, как, впрочем, и на собственно территории Польши к западу от Буга, начали создаваться только в 1943 г. Основой для их формирования служили диверсионные группы и местные подпольные организации. В более ранний период, как уже и отмечалось выше, командование АК воздерживалось от формирования партизанских отрядов в связи с опасениями, что это повлечет за собой карательные меры со стороны как немецких оккупационных властей, так и созданных ими на территории Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины специальных подразделений. Кроме того, база для создания крупных партизанских соединений была ограничена, в том числе и по той причине, что польское население составляло здесь, за исключением некоторых районов, абсолютное меньшинство. К тому же в Галиции поляки проживали в основном в городах, на Волыни же они вообще, по самым оптимистичным оценкам, составляли 15 % населения. Несколько лучше дело обстояло в Белоруссии и Литве, так как там полякам удалось привлечь в свои партизанские формирования значительное количество белорусов, в основном католиков.

Ситуация с польским партизанским движением усугублялась еще и тем, что командующий АК генерал Ровецкий (псевдоним «Грот») требовал подчинения Армии Крайовой всех партизанских отрядов, действующих на территории предвоенной Польши, а следовательно, и советских партизан, и это изначально порождало конфликт. Такое, разумеется, чисто политическое решение, естественно, никаких перспектив на успешное осуществление не имело. В результате вплоть до начала 1944 г. партизанская составляющая в действиях АК была весьма скромной, при том, что эта подпольная организация располагала весьма приличными людскими и материальными ресурсами. Во второй половине 1943 г., когда немцы уже сильно завязли в тяжелых боях с Красной армией на значительном удалении от территории действий АК и не могли уже свободно распоряжаться своими войсками с целью борьбы с партизанским движением, количество партизан АК в восточных землях, по данным самой же АК, составляло около 2000 человек. (То есть при средней численности партизанского отряда от 30 до 100 бойцов — менее 1 % всех сил Армии Крайовой!)

На «восточных окраинах» картина была следующей:

- округ Белосток: формирование отрядов в уезде Щучин и в районе Гродно только начато;
- округ Полесье: 4 партизанских центра;
- округ Новогрудок: 8 партизанских отрядов;
- округ Вильно: 2 партизанских отряда;
- округ Волинь: ряд партизанских отрядов оперативного reagирования и отрядов местной самообороны.

В районе Львова, Дрогобыча партизан у АК вообще до момента подхода Красной армии не было⁹.

Это значит, что партизанские отряды АК никоим образом не определяли общую картину партизанского движения в данных регионах и о каком-либо заметном вкладе с их стороны в разгром немцев в этом смысле говорить не приходится. И вообще, основным направлением в их деятельности до середины 1943 г. являлось преимущественно диверсионное. Командование виленского, новогрудского и полесского округов занималось размещением своих людей в оккупационных учреждениях, на железной дороге, в лесном хозяйстве, а также и в полиции.

Отсюда вывод: первые польские партизанские отряды создавались, несмотря на совершенно естественное и понятное желание рядовых бойцов и командиров сражаться с гитлеровцами, с понятной целью продемонстрировать наличие польского хозяина на территориях, входивших до 1939 г. в состав Польши. А такие намерения в любом случае неизбежно должны были привести к обострению отношений с советскими партизанами и подпольщиками, ибо на советской территории польский хозяин не предусматривался. Кто-то должен был либо подчиниться, либо выселиться.

Глава 5

«Малая русско-польская война» от Виленского края до Полесья

«Белоруссия родная...»

Начнем эту главу с цитирования слов архиепископа Афанасия Мартоса (Белоруссия) о том, как же жилось населению Белоруссии под оккупантом:

«Хотя фронт военных действий между немецкой и советской армиями находился на востоке далеко от границ Беларуси, но в стране не было спокойствия. Мирные жители тяжело страдали от немцев и от советских партизан, которые обычно скрывались в лесах, а ночью нападали на немецкие сторожевые и административные пункты, взрывали поезда и железнодорожные линии, убивали неудобных им лиц, грабили сельских жителей, забирая у них скот, лучшую одежду и продукты. Белорусские деревни обнищали и не могли прокормить голодавшее городское население. Еврейское население, составлявшее большой процент населения белорусских городов и местечек, было немцами зверски уничтожено, а дома сожжены. Беларусь представляла печальную картину нищеты и разрушения.

Небольшие немецкие отряды и местная белорусская полиция боролись с партизанами, но от этой борьбы страдало местное население.

Кроме советской партизанщины в 1942—1943 гг., буйствовали в западно-белорусских районах и польские партизаны. Они

замучали насмерть несколько православных священников, убили их семьи и многих православных белорусов. Эти жертвы безвременья заслуживают особого исследования историков»¹.

Над этими словами православного иерарха стоит призадуматься всем тем, кто так или иначе пытается рисовать картину оккупации, используя всего лишь две краски — черную и белую. Свидетельства Мартоса и других очевидцев отменяют последние сомнения на этот счет: как мы уже говорили, у каждой из противоборствующих сторон была своя война, в которой во имя своей же победы чужих не жалели. Что лишний раз подтверждают и исследования, пожалуй, крупнейшего на сегодняшний день немецкого исследователя деяний Армии Крайовой в целом и на территории Белоруссии в частности Бернхарда Киари, который в своей работе «Будни за линией фронта. Оккупация, коллаборация и сопротивление в Белоруссии 1941—1944 гг.» проводит тезис, что в Белоруссии в период 1941—1944 гг. одновременно разворачивались следующие войны:

- немцев против русских;
- немцев, белоруссов и поляков против евреев;
- белорусов, литовцев и украинцев против поляков².

Однако из этой схемы видно, что уважаемый г-н Киари, более многих других современных историков приблизившись к истине, «просмотрел» еще одну войну. Ту, что поляки вели фактически против всех, кто с их точки зрения представлял опасность для будущей польской государственности, о чем мы уже упоминали выше. Немцы же, в свою очередь, не имея достаточно собственных сил для полного контроля над ситуацией, применяли принцип «разделяй и властвуй» в политике, касающейся местного населения, и воевали собственно против советских партизан или русских, по терминологии Киари, а также евреев, привлекая к этому и поляков, и белоруссов, и литовцев. При этом стоит отметить, что задача максимально использовать в своих репрессивно-карательных действиях «туземцев», чтобы не отвлекать без нужды немецкие формирования, столь необходимые для ведения войны против СССР, на «восточных кресах» реализовалась ими достаточно успешно.

На захваченной территории СССР представлены были сразу несколько ведомств и структур гитлеровской Германии: оккупа-

ционная администрация, СС, министерство 4-летнего плана Германии и т.д. Так как каждая из этих организаций, наряду с неукоснительно исполняемыми задачами по обеспечению Германии средствами по ведению войны за счет эксплуатации оккупированных территорий, имела свои «ведомственные» интересы, то решения относительно взаимодействия с местным населением принимались руководством каждой структуры отдельно и не отличалось единством. Руководство СС и полиции делало ставку на чисто силовые методы управления и потому занималось формированием вспомогательной полиции из имевшегося под рукой контингента, невзирая на его национальность. Генеральный комиссар Кубе в той же Белоруссии, к примеру, в большей степени делал ставку на привлечение к управлению именно белорусских националистов. Не обошлось и без пресловутого «человеческого» фактора. Но из каких бы принципов ни исходили немецкие оккупанты при формировании марионеточной власти на захваченных территориях, в конечном итоге цель у них была неизменная — эксплуатация всех местных ресурсов для разгрома СССР и обеспечения жизнедеятельности Германии.

Итак, немцы, пусть и разными способами, в разное время и в разных условиях, методично били в одну точку. Чего не скажешь о национальных элитах «восточных окраин», в стане которых творились не просто разброд и шатания, а неприкрытая вражда. Впрочем, справедливости ради, надо отметить, что кое-какие усилия по сближению интересов все же предпринимались. Так, ряд белорусских общественно-политических деятелей германской ориентации, объединившихся вокруг белорусских политиков и общественных деятелей предвоенной Польши В. Ивановского и Я. Станкевича, делали попытки установить контакты и найти точки взаимопонимания с поляками относительно будущей белорусской государственности. Дело доходило даже до предложения образовать после войны польско-белорусскую федерацию. В. Ивановский, назначенный оккупационными властями бургомистром Минска, оказывал содействие польскому подполью и даже имел в штате своих сотрудников двух офицеров разведки АК. Тем не менее на том все и заглохло, ввиду совершенно различного видения решения территориальных вопросов.

Главное командование АК, как мы это уже знаем, придерживалось тактики ограниченной борьбы. До середины 1943 г. его лозунгом было вооружаться, организовываться и выжидать. Прежде всего ставились задачи самообороны, проведения диверсий, организации разведывательной деятельности, а вовсе не развертывания широкого партизанского движения. Как раз этим объясняется и та активность, с которой поляки повалили в оккупационные органы администрации. «На начальном этапе оккупации поляки стали занимать главные должности в местном аппарате управления. Они принимали активное участие в работе городских, районных, волостных, повтовых управ, становились старостами, солтысами и войтами»¹. Причем в данном случае место имели сразу две тенденции: стремление подчинить административный аппарат оккупантов влиянию АК (это как-то еще можно понять, ибо и советское подполье действовало подобным образом) и острое желание поляков вернуть свои «исконные» позиции панов среди темной недоцивилизованной ими белорусской массы.

Командование Виленского, Новогрудского, Белостокского и Полесского округов АК прямо рекомендовало согражданам занимать должности в органах власти, организованных оккупантом. Люди АК работали на железной дороге, почте, в лесничествах, в местном самоуправлении и даже в полиции. На первый взгляд, тактика такая же, как и у советских подпольщиков и партизан — и там старались внедрять своих людей в оккупационные органы управления и в полицию с разведывательными и диверсионными задачами. Но все же разница была. Как сообщал начальник штаба Новогрудского округа АК, с самого начала немецкой оккупации прилагались старания, чтобы поляки получили как можно больше мест в административных структурах, создававшихся оккупантами, чтобы затем использовать свои должности для целей польского подполья. Ведь собственно немцев в местной власти было немного, и, заняв весь средний управленческий уровень, люди АК располагали существенными ресурсами не только для организации разведывательно-диверсионной деятельности, но и для проведения своей — насколько это возможно в условиях оккупации — политики на данных территориях.

Рапорт Департамента внутренних дел Делегатуры сообщал в то время следующее: «Общее настроение сейчас среди польско-

го населения — это радость по поводу освобождения от большевистского террора и соединения с остальной частью страны. На этом фоне в первые месяцы к немцам скорее относились с симпатией, сохраняя, в общем и целом, дистанцию и не проявляя активного политического участия. Происходили, однако, случаи, в особенности в Белостокской области, на белорусских территориях, что часть молодежи с фашистскими убеждениями, и даже ряд давнишних членов организаций национально-освободительного направления пошли на службу к немцам, создавая отряды милиции (...). В настоящий момент почти все административные посты, за исключением руководящих, занятых немцами, оказались в руках поляков, потому что оккупант занял позицию возвращения на работу тех людей, которые на этих местах находились до 1939 г. Впрочем, отсутствие белорусских специалистов вынудило оккупанта опираться на польский элемент»⁴. К слову, по некоторым данным, доля поляков в оккупационных полицейских формированиях в Белоруссии составила не менее 10 %.

Более того, можно даже сказать, что на оккупированных территориях между поляками и белорусами (таково было положение и на Украине) шла борьба за то, кто возьмет верх на уровне местных администраций. И в ходе этого соревнования случилось так, что на северо-восточных землях эти органы в значительной мере оказались в польских руках. В частности, такие регионы, как Вилейка и Новогрудок, становятся чисто польскими центрами. Так, начальник штаба Новогрудского округа АК в своем отчете в конце 1943 г. приводил данные, в соответствии с которыми на территории бывшего новогрудского воеводства под фактическим руководством АК находилось около трети всех оккупационных организаций и учреждений (городские управы, типографии, управление дорог и лесов, а также белорусская полиция и так называемая «Центральная Восточная торговая компания»).

Более того, строгие польские начальники запрещают даже подчиненным из белорусских полицейских формирований носить на головных уборах белорусский герб, разрешенный оккупационными войсками. Однако ряд белорусских групп, ориентированных на создание национальных белорусских структур, опирающихся на оккупационные власти, старались этому про-

тивоедействовать. Вследствие чего, начиная со второй половины лета 1941 г., в Лиде и Вилейке польской полицией по обвинению в сотрудничестве с Советами были расстреляны сотни белорусов. Также повсеместно на белорусских служащих поступали состряпанные поляками доносы. А в Воложине поляки выступили с требованиями удалить со своих постов и должностей всех белорусских лесничих, учителей и даже священников.

Вплоть до весны 1942 г. немецкие оккупационные власти, осведомленные в раскладе сил и настроениях именно польского населения, предпочитали назначать бургомистрами, волостными старостами, солтысами бывших польских граждан, учитывая их враждебное отношение к советской власти. В Гродненском, Пинском, Брестском, Барановичском округах это были бывшие польские чиновники, удравшие в 1939 г. в Литву, Латвию и Эстонию. Сюда возвратились также и бывшие польские помещики, управляющие экономиями, поместьями, владельцы мельниц, мелких предприятий и т.д. К тому же с ноября 1941 г. на территорию Белоруссии стали прибывать значительные массы поляков из генерал-губернаторства, так как считалось, что в Белоруссии легче прожить. Этот фактор, безусловно, сильно сказался на усилении позиций польского подполья. Известный белорусский исследователь АК А. Литвин дает емкую характеристику этого процесса: «Необходимо отметить, что правительство Сикорского и Главнокомандование СВЗ в Варшаве с первых дней оккупации Беларуси широко использовали условия, которые сложились, для укрепления своих позиций на восточных территориях бывшей Польши. **Вслед за немецкими войсками** (*выделено автором*) в Беларусь потянулись польские довоенные чиновники с Западной Беларуси и разные деятели из центральных районов Польши, иных стран»⁵.

«Активное участие в создании администрации и полиции создавало полякам шанс восстановления кадров, уничтоженных в период советской власти, а в дальнейшей перспективе облегчало появление структур польского подпольного государства. (...) Поэтому вскоре борьба за доступ к чиновничьим должностям между поляками и белорусами станет для представителей этих обоих обществ элементом реализации собственных национальных целей»⁶. Кстати, борьба эта приобретала настолько ожесточенные

формы, что, например, после того как поляки попытались захватить ключевые места в администациях городов Лида, Браслав, Столпцы, Щучин и Воложин, белорусские националисты тут же выдвинули требования о белоруссизации данных регионов. Эти же настроения горячо поддерживали и поборники идеи белорусского самоуправления в Минске, выступающие за создание чисто белорусских органов исполнительной власти с целью очистки территории от враждебных элементов, под которыми прежде всего подразумевались поляки.

То и дело перехватить польские инициативы пытались белорусские националисты из Белорусского комитета самопомощи (БКС), затем началось формирование вооруженных частей белорусской самообороны («Самааховы»), кроме того, немцы организовывали различные белорусские полицейские батальоны. Идя на создание белорусских организаций, оккупанты рассчитывали таким образом устранить советское влияние среди населения, а также высвободить собственные вооруженные силы для Восточного фронта путем привлечения местного населения для антипартизанских акций. Но даже и в казалось бы чисто белорусские формирования настойчиво, упорно старались вступать поляки, особенно предпочитая офицерские должности, чтобы получить оружие или же подчинить себе эти части с целью последующего использования их в качестве резерва отрядов АК. В ряде случаев им это удавалось, и эти spektakyлярные операции затем рекламировались как большие успехи.

Как бы то ни было, а активность белорусских националистов по перетягиванию на себя немецкого «одеяла» все больше и больше раздражала поляков, и ответные меры с их стороны не заставили себя ждать. В мае 1942 г. в Воложине по обвинению в проникновении в местную власть советских элементов из Восточной Белоруссии, выдвинутому поляками, немцы поголовно арестовывают белорусский управленческий аппарат. Помимо этого для эффективной борьбы с белорусским влиянием поляки начали массово выдавать себя за «фольксдойче», т.е. лиц немецкого происхождения, и тем самым использовать в своих целях проистекавшие из данного факта определенные привилегии. Вследствие чего немногие попытки наладить хоть какое-то взаимопонимание были заранее обечены на провал. В Браславе, на конференции учите-

лей, вице-бургомистр выступил с призывом к тому, чтобы русские, белоруссы и поляки жили мирно. Однако это предложение было отвергнуто в издававшейся под оккупацией «Беларуской газете» как противоречащее национальному духу.

А впрочем, чтобы хотя бы отчасти представить себе атмосферу на оккупированных немцами территориях и взаимоотношения между поляками и белорусами (про столь «любимых» современными польскими историками и публицистами партизан из НКВД и говорить не стоит!), ознакомимся с воспоминаниями тех, кому «посчастливилось» вариться в этом котле. Вот что рассказывает П.И.Клемантович: «...а как пришли немцы, повсюду польские полицейские из народовцев (имеются в виду члены правой “Национальной партии”) заняли места. Эти народовцы при Польше против жидов боролись... Людей стреляли народовцы. Моего двоюродного брата расстреляли в Черемшицах...»⁷

О том же свидетельствует и Петр Решетник, бывший тогда студентом в Новогрудке:

«В полицию в Несвиже позаписывались поляки. С немцами налаживали связь через баб, подкладывая их под немцев. После могли осуществлять свои замыслы. Немцы — это разведка абвера.

Много белорусов было арестовано. Михась Мицкевич (брат известного белорусского поэта Я. Коласа) также из-за навета поляков был арестован. Но в Барановичах была СД (немецкая служба безопасности), в которую обратился бургомистр Войтенко. Узнав об ущемлениях белорусов, из Барановичей выехали немцы вместе с Войтенко.

В Несвиже Войтенко сказал:

— Что же вы делаете, вы ж арестовываете тех, кто веками жил на этой земле!

Все белорусы были выпущены по приказу барановического СД, а их места заняли поляки из полиции»⁸.

Запомним это: там, где поляки видели Польшу, белорусы видели Белоруссию. А оккупант, не желавший отвлекать немецкие подразделения для поддержания необходимого ему порядка, это прекрасно осознавал и попеременно разыгрывал то польскую, то белорусскую карту. При этом поляки, используя свое положение, избавлялись от белорусских конкурентов, работавших в

администрации оккупанта, представляя их сочувствующими большевикам. Понятно, что белорусские националисты отвечали им «взаимностью». И те и другие, однако, были всего лишь марионетками в руках немцев, которых они дергали за веревочки, исходя из собственных интересов. А потому, учреждая как военные, так и гражданские органы управления на местах, в первую очередь стремились к созданию эффективной административной системы, способной безукоризненно выполнять поставленные перед ней задачи. В связи с чем решения по использованию «туземных» кадров принимались по большей части в зависимости от квалификации, а не от национальности. Подобное, на общих началах, обращение с поляками практиковалось генеральным комиссаром в Минске, в то время как немецкий гебитскомиссар (областной комиссар) в Вилейке защищает поляков от вывоза на принудительные работы, выдавая им свидетельства о том, что они приняты на работу в так называемое «Центральное торговое общество Восток»⁹.

Уже в первые недели оккупации в Белоруссии возникло сопротивление нацистам. Вначале оно было разрозненным, но постепенно набирало силу. В составе его участников были представлены все народы, проживающие на этой территории. В западных районах были созданы как польские, белорусские, русские, так и смешанные белорусско-польские очаги сопротивления. По политической направленности они были также не однородными. Какая-то часть польских антифашистских групп даже считала возможным поддерживать белорусских партизан. Прекрасные примеры такого взаимодействия приведены в книге Героя Советского Союза Линькова «Война в тылу врага», вышедшей впервые в 1948 г.

В 1942 г. в Белоруссии начали активно действовать советские партизаны-десантники. Связано это было с необходимостью дезорганизовать тылы немецкой армии в связи с ожидаемыми наступательными действиями. Затем эти специально подготовленные группы за счет подключения местного населения развертывались в крупные партизанские отряды. Кроме того, отмечено явление достаточно массового ухода в леса еврейского населения и создание еврейских партизанских отрядов, которые со временем перешли в подчинение советским партизанам, ввиду

полного отсутствия каких-либо иных сил, на которые еврейские отряды могли бы опереться. (Кстати, этот аспект партизанского движения на бывших «восточных окраинах» долго игнорировался советскими историками.) Ну а так как с точки зрения поляков евреи, являясь польскими гражданами и сотрудничая с Советами, автоматически становились предателями, то вопрос об отношении АК к подобным отрядам был однозначным.

В связи с усилением террора со стороны оккупантов, активизацией действий советских партизан, а также с усилением влияния коммунистов на общество командующий АК генерал «Грот» (Ровецкий) предпринял действия, направленные на расширение с сентября 1942 г. диверсионных акций на «восточных окраинах». (Собственно партизанское движение поляками на тот период времени не предусматривалось.) Что же касается диверсионной деятельности, то подготовка к ее развертыванию началась еще летом 1941 г.: сразу после нападения Германии на СССР поляками была создана отдельная диверсионная организация, получившая в конечном итоге название «Веер» (Wachlarz). Зоной действий данной диверсионной организации была, однако, назначена не территория Польши, а необъятные пространства к востоку от довоенной границы Польши с СССР от Балтийского моря до Днепропетровска и даже до Изюма на Донце. Одно из подразделений «Веера», под руководством Ф. Пукацкого (псевдоним «Зимс»), весьма активно действовало, например, в Харькове. Что лишний раз доказывает последовательность Армии Крайовой в ее бескомпромиссной борьбе с врагом № 1 (Россией), во вред которой она шпионила для врага № 2 (Германии). Потому и к составу групп «Веера» предъявлялись особые требования: в них набирали молодых людей, не имеющих семьи, знающих русский, украинский или белорусский языки и хорошо ориентирующихся на территории Западной Белоруссии и Украины.

Как мы уже говорили, «Веер» предназначался для диверсий. Поэтому и публика в его рядах была смешанная: бывшие офицеры польской армии, спецназовцы, прошедшие подготовку в Англии (командовали наиболее крупными диверсионными центрами), бывшие служащие Корпуса охраны приграничных земель и местная молодежь. Но всем им руководство «Веера» внушало главный незыблемый принцип: все диверсионные акты должны

происходить за пределами бывшей восточной границы Польши. Что касается целей подобных действий, то ими по плану предполагавшегося, согласно концепции АК, всеобщего вооруженного восстания, были транспортные артерии, по которым производилось снабжение немецкой армии. Помимо этого, диверсии на коммуникациях должны были не только лишить гитлеровцев «подпитки» с Запада, но и максимально задержать отступающие немецкие войска на территории Советского Союза, тем самым препятствуя их вступлению в Польшу во время восстания. То же самое планировалось предпринять и в случае наступления союзников на западе Европы, чтобы не дать немцам провести переброску части своих сил с Восточного фронта на Западный. Из чего следует, что с помощью действительно отважных солдат из «Веера» отцы-командиры в Варшаве предполагали заставить немцев в любом случае воевать с русскими, уготовив себе и союзникам облегченный вариант за счет России.

По польским оценкам, в рядах «Веера» насчитывалось около 500 человек. О важности этого подразделения говорит тот факт, что в его состав было включено 27 специально подготовленных в Англии польских офицеров, а также около 200 офицеров и солдат АК было переброшено из центральной части Польши. Для более легкого и безопасного пересечения границ внутри оккупированной территории использовались легально действующие польские или немецкие строительные фирмы, занимавшиеся строительными работами для немецкой армии. Половина годового бюджета АК, т.е. около 4 миллионов долларов, направлялась на действия на оккупированной территории СССР. Боевые группы «Веера» провели по данным польских источников более 50 удачных диверсионных операций на железных дорогах в районе Минска и Даугавпилса. Наиболее известна операция по освобождению схваченных офицеров этой организации в г. Пинске. Тем не менее, несмотря на все ухищрения, деятельность «Веера» была достаточно быстро парализована немецкой контрразведкой.

Затем, после длительного перерыва, связанного с провалами, «Веер» был объединен с двумя другими структурами подобного профиля и преобразован в так называемый «Кедыв» (Управление диверсией). В 1943 г. в Бресте было создано подразде-

ление «Комар 2», состоявшее в основном из железнодорожников. Эта диверсионная группа начинала железнодорожные составы разнообразными взрывными устройствами замедленного действия. В результате этого составы взрывались далеко от места их закладки, уже на территории России. После чего немцы искали виновников, устраивали облавы и проводили карательные экспедиции за сотни километров от Польши. Как раз об этом еще во времена Польской Народной Республики с гордостью писал «певец» Армии Крайовой на восточных землях Ц. Хлебовский: «Эти кукушины яйца... выполняли свое назначение под Смоленском и Курском. Немцы устраивали облавы на исполнителей за сотни километров на восток от Бреста, а “Базыли” (командир Кедыва в Бресте) спокойно фаршировал новые транспортные составы»¹⁰.

Не знаю, как у вас, а у меня после подобных откровений двойственное чувство остается. С одной стороны, вроде поляки во время войны и не без дела сидели, но уж больно мудреное изобретение это их Сопротивление, в духе известной русской поговорки «и волки сыты, и овцы целы». Доходило даже до того, что польские железнодорожники в Барановичах, к примеру, разыскивали и удаляли мины, заложенные советскими партизанами, чтобы не вступать в конфликт с немцами и не подвергаться репрессиям. Вот это истинная забота о своей нации — воевать так, чтобы гитлеровцы за эти боевые действия расстреливали русских крестьян под Смоленском или Курском! Ну а пока гитлеровский суд да дело — польские диверсанты продолжали совершать свои большие и маленькие подвиги, не забывая при этом заблаговременно подстраховаться. Ведь это большевики могли плевать на меры предосторожности, поскольку воевали с немцами в открытую. А бойцы «Веера» ребята хоть и храбрые, да скромные, за славою не гонялись.

Так, руководитель брестской организации под псевдонимом «Ваня» (псевдонимчик, кстати, тоже с намеком), вместе с двумя подготовленными в Англии специалистами по диверсионным операциям, однажды все же попался (несмотря на псевдоним, «косил» под союзника-итальянца, но и гитлеровцы были не лыком шиты, даже тевтонам показалось странным, что итальянцы в полевых болотах шляются) и был посажен в тюрьму города Пинс-

ка. Обеспокоенное руководство «Кедыва» приняло решение о спецоперации по его освобождению, для чего в Западную Белоруссию отправились спецназовцы во главе с известным организатором диверсионно-партизанской деятельности Яном Пивником (псевдоним «Понуры»; погиб на территории Западной Белоруссии в бою с гитлеровцами весной 1944 г.). Операция была проведена образцово, молниеносно и увенчалась полным успехом. При этом не обошлось без военной хитрости, причем двойной. Сначала, что вполне логично, чтобы охрана открыла им вход, поляки прикинулись эсэсовцами (хитрость №1). Отобрали ключи, открыли внутренние ворота. На все про все понадобилось 10 минут (это вам не голливудский боевик — это правда!). В тот день, наряду со своими тремя боевыми товарищами, польские спецназовцы великодушно освободили более сорока других заключенных, в том числе и советских партизан. «А затем, чтобы ввести противника в заблуждение, один из участников операции заявил заключенным **по-русски** (*выделено автором*), что благодаря русским партизанам они свободны и должны за нами убегать из тюрьмы... Быстро, среди разных зевак, в том числе пары дезориентированных солдат Вермахта, мы сели в автомобиль и отбыли от тюрьмы в направлении Бреста». А это уже хитрость № 2, надо думать, вызванная скромностью, но что-то сомнения преодолевают...

Как мы увидим далее, страсть вводить оккупантов в заблуждение, выдавая себя за советских партизан, была распространенным явлением в отрядах Армии Крайовой. Что в конечном итоге еще более затрудняет, если не делает невозможной вообще, оценку истинной ситуации на оккупированных территориях Западной Украины и Белоруссии, особенно в части партизанского движения. Даром что польские историки, а в последнее время и кое-кто из российских, пишут, что НКВД, дескать, разжигало партизанскую войну, маскируясь под кого не лень и провоцируя оккупационные власти на репрессии. (При этом, так надо понимать, сами «душки»-оккупанты о репрессиях даже и не помышляли.) Но ведь если все «работали» под противоположную сторону, то заслуги сторон примерно одинаковы, что у НКВД, что у АК. А потому сегодняшние утверждения, что советские партизаны якобы убивали мирных жителей сел и деревень Белоруссии за то, что те отказывались с ними сотрудничать, предстают в не-

сколько неясном свете. А были ли это вообще советские партизаны, ведь форма и русский язык еще ничего не доказывают. Где гарантия, что к этому не причастны «партизаны»?

А впрочем, до того ли специалистам по историко-экспортным операциям? Станут они в таких тонкостях разбираться, когда куда прогрессивнее, засучив рукава, выписывать сатанинский образ НКВД, одновременно пристрачивая ангельские крылья его «оппонентам». Вот только ангелов-то не было ни с той ни с другой стороны, уже потому, что усилия обеих, в конечном итоге, были направлены на одно и то же, а именно физическое уничтожение противника. Правда, под разным идеологическим «соусом». А разбираться сейчас, у кого он был лучше, занятие — глупее не придумаешь. И вообще, к чему это политкорректное словоблудие, если все определяется достигнутыми результатами. А последние на «восточных окраинах» оказались иными, чем на коренной польской территории. Что опять же не случайно.

И еще в качестве иллюстрации к вопросу об ангельских крыльях, с подачи отдельных историков чуть ли не на глазах вырастающих у польских героев-подпольщиков. Мертвые души по-польски. В период оккупации для АК из дружественной Англии на содержание «подпольного государства» с парашютистами прибывали миллионы долларов, предназначенные для покупки оружия и вербовку новых партизан. Но любое государство, пусть даже и подпольное, не может обойтись без чиновников, а бюджетные деньги, как известно, манят. Вот и в «Веере» был такой подполковник, псевдоним «Неджведж» (Медведь), командир сектора IV «Веера», отвечал за направление от Лиды до Орши. Но больше прославился мастерскими отчетами о деятельности своей организации, из которых следовало, что отряд его кавалерии в 2000 сабель наводит на противника ужас на подотчетной территории, пехоты уже почти 4000 человек под ружье поставлено, да и артиллеристы множатся, как грибы после дождя. И все они, естественно, нуждаются в усиленном финансировании. Вот только потом оказалось, что brave вояки подполковника, говоря современным языком, оказались виртуальными. Чего не скажешь о полученной им наличности. Тут уж пришлось «подпольному государству» подключаться, ведь деньги же из бюджета были под конкретные подпольные программы отпущены! Завертелись шестеренки подполь-

ной бюрократии, соответствующие специальные органы провели расследование, и специальный трибунал приговорил расхитителя бюджетных денег к смерти.

Приговор должен был приводить в исполнение грозный «Кеды», тот самый, который немецких палачей, имевших охрану не чета нынешним олигархам, в условиях оккупации, как кабанов на охоте, отстреливал и который в данном случае отчего-то сплеховал. И, как следует из преданий недавнего времени, жил еще пан «Медведь» и здоровствовал уже по окончании Второй мировой. Уж очень страшная сила доллары, даже на войне. Однако вернемся в суровые сороковые, поскольку на этом наша история не закончилась, и после проворовавшегося полковника «Неджведь» бразды правления взял в свои руки его заместитель полковник «Зыгмунт». И что бы вы думали? И у этого нестыковки с отчетностью пошли. Ну, тут его уже вызвали в штаб в Варшаве и сняли с должности, и справедливость как бы восторжествовала. Правда, «Зыгмунт» обиделся и в другую организацию перешел, в уже известные нам «Национальные вооруженные силы», в составе которых во время Варшавского восстания командовал Отдельной моторизованной бригадой «NSZ». Польские историки, впрочем, по этому поводу сквозь зубы замечают, что эта часть при всем своем громком названии практически никакой боевой силы из себя не представляла, так как ничего, кроме пары пистолетов, на вооружении не имела, не говоря уже о моторизованных средствах. Что опять же наводит на мысли об очередных махинациях с отчетностью. А в результате — как будет рассказано ниже, — дело дошло до того, что партизанам этого сектора пришлось даже к немцам за помощью обращаться. Те дали. Проявили, так сказать, понимание. И то верно: что же это за партизаны без оружия?

Как поляки двинулись в партизаны...

Безусловно, фашистский террор, затрагивавший на западных территориях все без исключения социальные группы и национальности, в конечном итоге с неумолимой логикой приводил к созданию вооруженных формирований для отпора оккупантам,

а также к взаимным действиям разных организаций с этой же целью. Некоторое сближение польских и белорусских подпольщиков и согласование отдельных мероприятий видели и признавали и оккупационные власти. И хотя в результате польско-советского соглашения 1941 г. договоренность о будущих границах так и не была достигнута, оно так или иначе создавало определенную базу для взаимодействий структур АК и советских партизан. Между командирами подразделений АК и советских отрядов заключались договоренности относительно взаимоотношений, зон размещения и снабжения. Время от времени дело доходило и до совместных боевых акций. Однако такое совершенно естественное и необходимое сотрудничество продолжалось до тех пор, пока в дело не вмешалась большая политика.

Кстати, примеров взаимодействия между советскими партизанами и формированиями АК в Западной Белоруссии и в Восточной Литве ввиду большей или меньшей, но все же доступности архивов в последнее время приводится достаточно. Весной 1943 г. польская подпольная организация, которой руководили братья Юзеф и Вацлав Шейко, установила связь с советским партизанским отрядом им. Кирова, помогала в снабжении оружием, взрывчаткой и продовольствием. В Пинской области отряд им. Орджоникидзе использовал разведданные, оружие, боеприпасы и медикаменты, которые поступали от польских групп Лоишина, Иванова, Любешова и Пинска. В Жабчицком районе действовали антифашистские группы под руководством Мечислава Юхневича и Леона Онихимовского. В Логищенском районе такую же группу, поддерживающую связь с партизанской бригадой им. Молотова, возглавляли учителя Алексей Жилевич и Ежи Ваховский.

Партизанам Западной Белоруссии сочувствовали и помогали зажиточные крестьяне и даже некоторые польские помещики. Уполномоченные ЦК КП(б) по Глубокскому и Мирскому районам докладывали в Центральный штаб партизанского движения в Москве о неоднократных случаях предложений со стороны помещиков о помощи обмундированием, продовольствием и оружием. Помещик Каверский содействовал в распространении листовок. В Ракове с партизанами поддерживал связь ксендз Ганусевич. Он передавал им не только одежду, продукты и медикаменты, но и необходимую информацию.

В отчете о деятельности айнзатцгруппы (оперативной группы) «А» в Белоруссии за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. отмечалось, что польское и советское подполье объединяют свои усилия.:

«Из отчета оперативной группы А полиции безопасности о положении в Прибалтике, Белоруссии, Ленинградской области, за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

5. Белорутения

Несмотря на идеологические и политические противоречия, русские и польские движения сопротивления сумели наладить сотрудничество»¹¹.

В июне 1943 г. партизаны АК брали штурмом поселок Ивенец, а белорусские партизанские отряды им. Кузнецова, им. Кирова, «За Советскую Родину» по их просьбе перекрыли дорогу Воложин — Раков — Ивенец, не допустив немецкое подкрепление. В июле и августе 1943 г. белорусские партизаны и польские отряды АК сдерживали натиск 60 тысяч карателей во время блокады Налибокской пущи и с боями прорвались из окружения.¹² И что тут, казалось бы, плохого? В том, что польские и советские патриоты совместно боролись против общего врага? Ан нет, наступили новые времена единственно верного либерального направления в исторической науке бывших стран соцлагеря и бывших республик СССР, и со стороны наших польских соседей послышались новые песни, а, может, и подзабытые старые. Например, о том, как во время боев в Налибокской пуще партизаны из АК стойко выдержали удар карателей, а советские — позорно покинули поле боя. Ну, да бог этим «исследователям» судья.

Однако нейдет уже и многим «историкам» на постсоветском пространстве, так и раздрает осветить «темные страницы» войны в тылу врага, а заодно сделать пару-другую «открытий», типа следующего: нет, не воевали советские партизаны в западных областях Литвы, Беларуси и Украины. Они выполняли директивы партийных и государственных органов, в первую очередь демонического НКВД, а значит, не с оккупантом боролись, а занимались репрессиями против патриотов-поляков, славных ребят из Украинской повстанческой армии и т.д. и т.п. Ну а попутно, само собою, предавались пьянству, мародерству

и насилию. А особенно мощно в этом слаженном хоре «правдолюбив» звучит голос Б. Соколова, можно даже сказать, что он в нем солирует. Ну а та старательность, с которой он выводит свою «партию», нет-нет да и натолкнет на мысль, уж не является ли Б. Соколов как минимум почетным сотрудником польского Института Национальной памяти (естественно, на общественных началах).

Возьмем хотя бы его книгу «Оккупация. Правды и мифы», Москва, «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2002 г.) и поинтересуемся мнением автора относительно «восточных окраин» Польши. Так вот оно, как выясняется, удивительным образом совпадает с соответствующими суждениями и польских историков и польских околосторических публицистов:

— после евреев и цыган немцы хуже всего относились к полякам;

— отряды Армии Крайовой в Западных областях Украины и Белоруссии вели активную и успешную борьбу с немцами и полицейскими;

— бои польских партизан с советскими — вымысел Советов, польские партизаны всего лишь защищали своих соплеменников;

— советские партизаны грабили беззащитных крестьян, польские жили на довольствии благодарного населения.

О взгляде г-на Соколова на еврейско-польские отношения под оккупацией — геноцид в Едвабне и т.п. — второй раз распространяться не хочется: г-н Соколов придерживается польской точки зрения на данный вопрос, а ее мы уже рассматривали в предыдущих главах. И сводится она — в телеграфном стиле — к тому, что евреи сами же во всем и виноваты, поскольку неправильно себя повели. А враждебное отношение к евреям среди польского населения «восточных окраин» и бойцов АК представляется чуть ли не закономерным следствием их участия в партизанском движении на советской стороне.

Хочется только отметить, что, наверное, не случайно г-н Соколов обошел при этом стороной межнациональные отношения на оккупированной Украине. Уж очень неблагоприятная это тема для российского историка либерального разлива: вопрос-то политкорректно осветить надо, да только как? Ладно, с Советами

все ясно, бандиты они и есть бандиты, а вот что с УПА и АК делать? С одной стороны, обе эти организации антисоветские и антикоммунистические, что само по себе отрадный факт, и даже как будто для борьбы с фашистами создавались (картина становится все благостней), а с другой, так между собой передрались, что никакая общая русофобская платформа так и не свела их в один лагерь. Помимо всего, нельзя не учитывать мнение братьев с Украины, усилиями которых героям из УПА, типа Клыма Савура — того самого, что не только призывал, но и приказывал резать поляков, — уже устанавливают памятники как борцам за «вильну и самостийну Украину» и даже собираются присвоить статус ветеранов Великой Отечественной войны. Да и уважаемых польских братьев по единственно верному либерально-демократическому учению опять же не проигнорируешь, а они — вот незадача — трактуют волинские события 1943 г. как геноцид и, вопреки не желающим каяться украинцам, твердо стоят на этой позиции. А впрочем, соответствующие комиссии уже работают и взаимоприемлемые тексты согласовываются, так чтобы можно было извиниться, да ничем при этом не поступиться, и когда-нибудь наверняка придут к какому-нибудь консенсусу. И даже если произойдет это не очень скоро, не сам Соколов, так кто-нибудь из его последователей сможет наконец со спокойной душой раздать всем сестрам по серьгам, как водится, сопроводив это действие ритуальным плевком в адрес бывшего «старшего брата».

Но достаточно уже чести г-ну Соколову, поговорим-ка лучше о польских партизанах, к чему нас обязывает название главы. Итак, по понятной причине польские партизанские отряды формировались и действовали прежде всего на тех территориях, где преобладало польское население. Так, к примеру, на Виленщине это касалось местностей к югу от Вильно, соответственно в Белоруссии — районов, расположенных в основном к северу от Немана, а именно: Щучинского, Лидского, Столбцовского и Ивьевского. Первые партизанские отряды АК на территории Новогрудского округа АК заявили о себе в 1942 г. Летом этого года в Щучинском районе оперировал отряд под командованием поручика Яна Скорба (псевдоним «Пушчык»), деятельность которого ограничилась организацией нескольких засад на нем-

цев. Правда, примечательных тем, что при этом отряд маскировался под советских партизан, используя обмундирование военнослужащих Красной армии и русский язык. И только 3 мая 1943 г. по приказу командования округа отряд — уж позволим себе модное словечко — стал позиционировать себя как явно польский.

Поневоле возникает вопрос: а к чему было такой огород гордить? И хотя с подобными случаями маскировки мы уже сталкивались в предыдущей главе, здесь, как выяснилось, особая статья, поскольку как отряд Пушчыка отличился «боевым содружеством» с силовыми структурами оккупантов. Дело в том, что именно летом 1942 г. для подавления «деятельности русских террористов» в Новогрудский округ было направлено несколько полицейских батальонов, сформированных гитлеровцами из латышей. Приводим краткий отрывочек из описания «славного боевого пути» 24-го Талсинского полицейского батальона «в деревне Налибоки (запомним эту деревню, она потом снова возникнет! — *Прим. авт.*) у батальона установился контакт с польскими национальными партизанами. Этим польским партизанам командование батальона помогло оружием и боеприпасами, так как немецкая администрация преследовала поляков больше, чем белорусов»¹³. Ничего не скажешь, трогательная забота о преследуемых со всех сторон польских партизанах и даже как бы в пику оккупанту.

Затем, в 1943 г., был сформирован еще один отряд под командованием Чеслава Зайончковского («Рагнер») в районе Белицы, далее отряд под командованием Виктора Балаховича («Здруй») в районе Трабы и Юратишки, отряд под командованием Яна Борысевича («Крыся») в Лидском районе и отряд под командованием Казимежа Бобковского («Михал») в Барановичском районе. Для укрепления местных структур АК перебрасывались и подразделения из Центральной Польши. Так, в октябре 1943 г. был переброшен «Ударный кадровый батальон» под командованием Станислава Каролькевича, затем поочередно и другие подразделения УКБ, которые были подчинены командованию Новогрудского округа АК. Из всего этого, на первый взгляд, складывается более чем внушительная картина, тем не менее немцы давали несколько иную оценку походу поляков в партизаны.

«Из отчета оперативной группы А полиции безопасности о положении в Прибалтике, Белоруссии, Ленинградской области за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

3. Литва

Польское движение сопротивления

...Из польских тайных организаций, действовавших еще в советское время, сегодня доказано существование следующих:

1. ПОВ — Польская организация войска

2. Млода Польша — Молодая Польша

3. ЦВП — Связь вольных поляков (имеется в виду Союз... —

Прим. авт.)

4. Блок сражающейся Польши

Эти организации в большинстве своем возглавляются бывшими офицерами. Однако и польские священнослужители широко представлены в их руководстве. Главной организацией является ПОВ. Она обучает свои подразделения военному делу и готовит их к партизанской войне...

Польские группы сопротивления по указанию из Лондона и Варшавы в настоящее время проводят немного актов саботажа и стараются обращать на себя как можно меньше внимания.... На их счет нужно отнести и участвовавшие случаи нападения на литовцев и белорусов. Целью этих нападений является, видимо, обучение членов групп на практике, а также выявление решимости литовских и немецких властей давать отпор таким явлениям» *(выделено автором)* ¹⁴. Комментарии, как говорится, излишни. Скромность — она всегда украшает.

Начиная с того же 1942 г. в том же округе началась организация разведки и контрразведки. С весны 1943 г. организовано специальное подразделение для ведения разведки против советских партизан. Чтобы обеспечить безопасность организации АК и карать функционеров оккупационных властей, коллаборантов среди местного населения (т.е. белорусов, пытавшихся по согласованию с немецкими оккупационными властями создать свои национальные структуры управления), а также представителей советского подполья и советских партизан, были назначены специальные военные трибуналы. В Виленском округе было создано контрразведывательное подразделение во главе с неким паном М. Глэмбоцким (псевдоним «Цецилия»), которое специа-

лизировалось на «коммунистической угрозе». Так что союзники союзниками, а разведку друг против друга вести надо. К тому же пан М. Глэмбоцкий являлся одновременно и судьей Особого военного суда.

Кстати, данная структура АК также представляет интерес. В Вильно этот суд, руководимый мастером правосудия на все руки паном С. Охоцким (личный юридический советник командующего округом, председатель подпольного суда и т.д. и т.п.), трудился прямо-таки в поте лица: в соответствии с вынесенными им смертными приговорами были казнены агенты гестапо, как поляки, так и литовцы, и коллаборанты, в числе которых и один известный польский писатель. В одном только Вильно сотрудники так называемой «Эгзекутивы» (подразделение по исполнению приговоров) АК привели в исполнение несколько десятков приговоров. И хотя эти суды и назывались военными, занимались они и делами гражданского характера, т.е. фактически полностью вершили подпольное правосудие, распространяя его и на сотрудников советских спецслужб, что было явным перебором со стороны польских «союзников». Разумеется, НКВД убийства своих сотрудников в период 1941—1942 гг. безнаказанными не оставил. Правда, председатель суда, взятый таки с поличным после освобождения Литвы, столь эффективно ушел в «непризнанку» (классный был юрист все же!), что даже НКВД засомневался — а вдруг и в самом деле невинный гражданин? — и дал ему всего-то 10 лет.

Повторимся, что АК своими действиями неустанно множил ряды своих противников, в число которых мало-помалу влились и белорусские националисты, что им в принципе достаточно дорого обошлось. Увидев, что лидеры белорусских националистов (Островский, Ивановский и ряд других), вполне благожелательно настроенные к довоенной польской власти, устанавливают все более тесные отношения с оккупантами на предмет создания под эгидой немцев хотя бы иллюзии белорусской государственности, АК начала в широком масштабе использовать против них тактику террора. Ведь с точки зрения поляков, как лондонских, так и местных, подобного нельзя было допустить. По имеющимся сведениям, в некоторых районах (например, в Лидском) им удалось физически уничтожить все кадры белорусской админист-

рации. И хотя это и затронуло не столь большую в количественном отношении группу, закономерно привело к резкому усилению враждебного отношения к польскому вооруженному подполью.

Лиды, кстати, являет собой образцовый пример действий АК в ее стремлении сохранить за Польшей данную территорию. С целью создания перевеса сил и соответствующей атмосферы в среде местного населения в этот регион массово направлялись поляки из Виленской области и Белостока, для обоснования пребывания которых предусмотрительно подготавливались фальшивые документы. Что же до попыток белорусов занять администрацию региона, то они не увенчались успехом, всюду доминировали поляки, и даже бургомистр был из них. В результате взаимоотношения между белорусами и поляками накалились до предела. Польские полицейские всячески расправлялась с белорусами, поддерживавшими Белорусский комитет самопомощи; в соответствующие немецкие инстанции и органы шли доносы на белорусов как на просоветские элементы. Дело доходило до того, что поляки из вспомогательной полиции избивали людей, если они обращались или отвечали им по-белорусски.

«В отношении нарастающего белорусского преобладания в структурах оккупационной власти АК ответила антибелорусским террором. В Лидском округе конфликт переродился в войну на уничтожение элит. Взаимодействие АК и господствующей в этом округе польской вспомогательной полиции привело к физической ликвидации большинства организаторов белорусской национальной жизни — учителей, чиновников, деятелей Союза белорусской молодежи. Солдаты Новогрудского округа АК только во второй половине 1943 г. исполнили более 300 смертных приговоров в отношении белорусов, а на 80 отправили доносы в гестапо как на коммунистов»¹⁵.

Поворот во взаимоотношениях АК и белорусских советских партизан наступил после разрыва дипломатических отношений между СССР и эмигрантским правительством в Лондоне 25 апреля 1943 г. Именно тогда полякам, доселе играющим в этой войне роль в лучшем случае вспомогательной, ничего не определяющей силы, вздумалось поиграть в большую политику. Для чего был использован старый, известный еще по роману Ильфа и

Петрова лозунг — «мужайтесь, заграница нам поможет». С той только разницей, что в бессмертном произведении советских классиков жанра вклады были дензнаками, а тут пришлось платить кровью и жизнями.

Толчком для подобных перемен стало приближение Красной армии к границам Польши до 1 сентября 1939 г., а формальным поводом — трагедия в Катыни, усиленно раскручиваемая Геббельсом. Таким образом, на и без того относительно союзничестве с поляками был поставлен крест. Что касается боготворимой поляками заграницы, то она продолжала платить за разведданные с оккупированной территории, позволяла польским гражданам воевать за свои территории, но поддержку в борьбе против СССР оказывала исключительно в форме просьб и запросов. В мае 1943 г. Сталин писал Черчиллю:

«...Я думаю, что с точки зрения духа нашего договора было бы вполне естественно удержать одного из союзников от нанесения удара другому союзнику, особенно когда такой удар оказывает прямую помощь нашему общему врагу. Во всяком случае, я так понимаю обязанности союзника... Поскольку поляки продолжали все больше раздувать клеветническую анти-советскую компанию, не встречая сопротивления в Лондоне, нельзя было ожидать, что терпение Советского Правительства может быть безграничным»¹⁶. Ну а для тех, кому не люб Сталин, можем предложить размышления на эту же тему из дневника Людвика Ландау, который на тот момент находился не в далеком и относительно безопасном Лондоне, а в оккупированной Варшаве, где почти ежедневно происходили облавы и расстрелы:

«...немцы все же питают какие-то надежды, чтобы использовать поляков в “борьбе против большевизма для защиты Европы”. Ибо какой иной смысл должна иметь недавняя шумиха по катынскому делу?»¹⁷.

И тем не менее поляки из Лондона даже в таких условиях предпринимали попытки навязать свое мнение СССР. 26 мая 1943 г. в Москву был отправлен посол Ромер с посланием Сталину относительно того, что Рижский договор 1920 г. должен остаться в силе, а польские границы 1939 г. — неизменными. Но, это не возымело никакого действия, так как Сталин, в свою оче-

редь, не собирався отступать от идеи воссоединения украинских и белорусских земель. Когда Ромер заявил, что нет такого поляка, который отрекся бы от Львова и Вильно, то Сталин ответил, что польская точка зрения ему понятна, но у него на сей счет есть своя, и тем самым закрыл вопрос.

В западные области Белоруссии тем временем прибывали офицеры довоенного Войска Польского, которые после поражения Польши через Румынию, Венгрию и Францию пробрались в Великобританию и прошли там соответствующую спецподготовку под руководством британской разведки. Затем их сбрасывали на территорию оккупированной Польши и направляли на наиболее важные участки. Так, в Белоруссии они, как правило, отстраняли от руководства отрядов АК командиров, хоть как-то сотрудничавших с советскими партизанами. С начала 1943 г., т.е. еще до официального конфликта лондонских поляков с Москвой, Армия Крайова развернула операцию по установлению своего контроля над довольно значительными районами Западной Белоруссии и Юго-Восточной Литвы. При этом дело не ограничивалось одной лишь дискриминацией белорусского населения и преследованием сочувствующих «коммуне» людей, повсеместно чинились настоящие расправы, основанием для которых было наличие подозрений в сочувствии к Советам.

В этот же период АК начинает «укреплять» свои ряды за счет притока поляков, служащих в белорусской полиции. Именно они, прекрасно разбираясь в местных условиях, переносят террор из крупных населенных пунктов в сельскую местность, действуя не только против советских партизан и деревень, «сочувствующих Советам», но и занимаясь уничтожением скрывающихся в лесах евреев, а также поляков и белорусов, подозреваемых в просоветских настроениях. Причем с такой жестокостью, что отмечались даже случаи глумления над телами убитых. Таким образом, тлевший до этого конфликт между АК и советскими партизанами перешел в неприкрытую войну.¹⁸

Положение в Западной Белоруссии стало предметом обсуждения на Пленуме ЦК КП(б) Б 22 июня 1943 г. Вот что о тех событиях сообщает известный белорусский историк и крупный специалист по АК на территории Белоруссии А. Литвин: «В июне 1943 г. было принято постановление ЦК КП(б) Б “О дальнейшем

развитии партизанского движения в западных областях Белоруссии», а также закрытое письмо ЦК КП(б) Б «О военно-политических задачах работы в западных областях БССР». В этих документах подчеркивалось, что западные области БССР являются неотъемлемой частью БССР и что тут допустимо существование только групп и организаций, которые руководствуются интересами СССР. Существование всех прочих организаций следует рассматривать как вмешательство в интересы СССР. В секретном письме имелись конкретные установки в отношении к польским формированиям:

1. Создавать советские партизанские отряды и вытеснять польские с этих территорий.
2. Внедрять в польские отряды своих агентов, деморализовать их, разлагать их изнутри.
3. Привлекать к сотрудничеству людей, которые находятся в польских отрядах и вызывают доверие. Из них создавать польские советские партизанские отряды.

Там где советское партизанское движение было достаточно сильным, предлагалось:

1. Без шума ликвидировать руководителей польского подполья.
2. Польские отряды разоружать, оружие со складов реквизируют; рядовых партизан, если есть возможность, включать в борьбу с немцами под советским руководством.
3. Среди разоруженных и рассредоточенных по советским отрядам поляков выявлять вражеские элементы.

Преимущественно было взято направление на разоружение польских формирований»¹⁹.

Таково было решение советской стороны. А что же поляки? Позволим себе еще раз напомнить сведения польского исследователя Ежи Кирхмайера: «...главнокомандующий АК, генерал Ровецкий (псевдоним «Грот») требовал подчинения всех партизанских отрядов, действующих уже на этой территории (имеется в виду территории к востоку от Буга и Сана. — *Прим. авт.*), а, значит, и подчинения себе также и советских партизан»²⁰. После чего был еще один приказ, теперь уже относительно борьбы с «бандо-

ми враждебных полякам грабителей»: всеми имеющимися средствами беспощадно уничтожать всех, без различия национальности или политических убеждений, кто предпринимает любые действия против поляков, недопустимые с точки зрения местных структур АК.

Соединения АК препятствовали передвижениям советских партизан, заготовкам продовольствия, устраивали засады. 7 июля 1943 г. в д. Мачульное Волковыского района выстрелом из засады был убит секретарь подпольного райкома комсомола И. Климченя. В Щучинском районе засады на партизан устраивали подчиненные отрядов «Крысы» и «Рагнера». Они разыскивали лесные стоянки партизан, убивали связных, сжигали хутора и деревни в партизанской зоне. В Виленской зоне в 1943 г. в столкновениях с отрядами АК белорусские партизаны потеряли 150 человек убитыми, а 100 человек пропали без вести. Частыми были столкновения с польскими отрядами у партизан бригады им. Щорса. Они сообщали, что отряды АК уничтожили в Заславльском и Дзержинском районах 11 белорусских деревень, убив 200 мирных жителей, включая стариков, женщин, детей. В 1943 г. в Ивенецком районе отряд подхорунжего 27-го уланского полка Столбцовского соединения АК Здзислава Нуркевича (псевдоним «Ноц»), который насчитывал 250 человек, терроризировал мирных жителей и нападал на партизан. Были убиты командир партизанского отряда им. Фрунзе И. Г. Иванов, начальник особого отдела П. Н. Губа, несколько бойцов и комиссар отряда им. Фурманова П. П. Данилин, три партизана бригады им. Жукова.

Осенью 1943 г. отмечают первые временные взаимодействия на самом нижнем уровне между немцами и командирами формирований АК. В районе того же Ивенца бригады АК в своих акциях ориентируются на распоряжения немецких оккупационных органов. И эти временные союзы дают советским партизанам повод начать планомерные операции против поляков. Так, для реализации вышеуказанных постановлений ЦК КП(б) Б на территорию Западной Белоруссии было переброшено 40 советских партизанских отрядов. Но и поляки начали укреплять свои позиции и направлять из Центральной Польши пополнения АК во главе со спецназовцами, сброшенными из Англии, а также целые отряды, вроде 8-го Ударного Кадрового Батальона Б. Пя-

сэцкого. Однако, несмотря на активное сопротивление поляков, процесс их вытеснения с театра боевых действий на территории бывших «восточных окраин» уже набирал обороты. В августе 1943 г. партизаны бригады им. Ворошилова разоружили отряд АК под командованием подхорунжего А. Бужиньского (псевдоним «Кмичиц»),

На этом событии остановимся несколько подробнее, поскольку сегодня участь отряда Бужиньского представляется поляками как история мучеников, пострадавших от Советов за святое дело борьбы с оккупантами. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что данный отряд был сформирован и ушел в лес 25 марта 1943 г. с исключительно благородной задачей продемонстрировать «присутствие польского солдата на Земле Виленской». И все бы ничего, если б при этом командование Виленского округа АК не обязало его во всех своих действиях **маскироваться, как они говорили, «под русских»**, что выражалось в ношении красноармейского обмундирования и использовании русского языка на боевых заданиях. Тем не менее, по утверждениям польских источников, Бужиньский якобы считал необходимым взаимодействие с советскими партизанами. Те же источники сообщают, что отряд этот весьма быстро разрастался, принимая в свои ряды как бывших военнослужащих польской армии, так и гражданское население, а также поляков и белорусов, служивших в различных полицейских частях, сформированных немцами.

Впрочем, следует отметить, что к тому времени срок пребывания Бужиньского в должности командира отряда уже заканчивался. А потому на его место был отправлен некий ротмистр Зыгмунт Шенджелаж (псевдоним «Лупашко», или «Лупашка»), который должен был найти отряд Бужиньского, имевший базу в районе озера Нароч, и взять командование на себя. «Лупашко» считал, что наличие сильных польских формирований на территории Виленщины заставит советских партизан отказаться от репрессивных акций в отношении польского населения, достаточно лояльно настроенного к оккупационным властям и не желавшего помогать Советам. Но «Лупашко» не успел, командир советского партизанского отряда им. Ворошилова Ф. Марков 26 августа 1943 г. пригласил Бужиньского на переговоры. По при-

бытии Бужиньский с двумя младшими офицерами был арестован и разоружен, после чего лагерь отряда Бужиньского окружили и разоружили его бойцов.

Впоследствии на базе отряда Бужиньского была произведена попытка создания польского партизанского отряда им. Б. Гловацкого, подчиненного отряду Маркова. Отряд этот, однако, быстро развалился по причине дезертирства большинства бойцов. Часть партизан отряда Бужиньского (данные о количестве сильно отличаются, но максимальная цифра не превышает 80 чел.) была расстреляна. Следует, впрочем, отметить, что первая группа была отправлена на базу литовских партизан и расстреляна там после проведения следствия. Сейчас, конечно, вряд ли можно узнать, каковы были его итоги, но нельзя не учитывать, что у польского подполья отмечались стычки с литовской полицией уже в тот период, когда СССР передал Вильно и Виленщину Литве. Да и у АК с литовским населением всегда были исключительно враждебные отношения, а начиная с мая 1942 г. участились боестолкновения между литовскими оккупационными военизированными соединениями и формированиями АК. Кроме того, к моменту появления польских партизан ситуация дошла до того, что поляки начали ненавидеть литовцев больше, чем немецких оккупантов или советских партизан²¹. А так как в данном случае у Бужиньского значительную часть отряда составляли к тому же и бывшие польские полицейские, то удивляться их судьбе в условиях войны особенно не приходится. Тем более, что известна особая ненависть советских партизан именно к членам различных вспомогательных формирований оккупанта, в которых в Западной Белоруссии, как мы видим, особо высок был процент поляков. Кроме того, историки совершенно не учитывают атмосферу взаимоотношений, преобладающую на оккупированной территории, а зря. Интересно высказался об этом деятель «Национальных вооруженных сил» С. Новицкий: «Трагическая эта история не для всех понятна, но жизнь человека небольшую для нас имела ценность. Сколько было личных счетов, сколько разногласий в оглашении приговоров смерти от “имени Речи Посполитой”. Людей отстреливали как уток...»²² Это надо иметь в виду, а не судить с позиций сегодняшнего дня.

«Партизаны» и общечеловеческие ценности

Мы уже отмечали, что у партизан АК за пределами собственно польской территории «любимым» занятием было воевать в чужих мундирах, особенно тогда, когда их действия дурно пахли. Даже в конце войны их тянуло маскироваться под красноармейцев. А потому, несколько отклоняясь от темы, хотелось бы привести данные совсем уж незаинтересованной стороны, чешского историка Иржи Фридля, из его книги «Нежеланные гости»²³. 6 июля 1945 г. поручик чехословацкой разведки Йозеф Шинделярж во время обычного патрулирования в окрестностях городка Слукнов, недалеко от границы с Германией, наткнулся на группу более чем из 20-ти вооруженных солдат. Они показались ему подозрительными, так как говорили по-польски, а **одеты были в советские мундиры** и ехали в грузовике с белой звездой американской армии. Чешский офицер усомнился в их уверениях в том, что они представляют собой подразделение польской армии и находятся в Чехословакии по делам репатриации. Для выяснения всех обстоятельств поручик предложил им проехать в ближайшую советскую комендатуру, после чего и он, и его водитель были убиты. Сами же лжекрасноармейцы скрылись в американской зоне, откуда позже были выданы, пытались еще раз сбежать, но в этот раз получили по заслугам: семь из них были убиты. В конечном же итоге паны в советских мундирах оказались отрядом Армии Крайовой, пытавшимся прорваться к своим соотечественникам из Бригады Св. Креста Национальных Вооруженных Сил, которая героически в сопровождении немцев прошла из Польши в Чехословакию, в американскую оккупационную зону, намереваясь заступить на службу к новым хозяевам из армии США.

Еще один момент, хочешь-не хочешь, а осветить придется, тем более, что вытекает он из польских публикаций, на страницах которых, похоже, начался дележ былой «боевой славы» между героями из Национальных Вооруженных Сил и АК. И, надо сказать, проходит он отнюдь не полюбовно, поскольку одни и те же подвиги норовят себе приписать обе стороны одновременно. При этом даже самому беспристрастному арбитру вряд ли под силу разобраться, кто из них храбро воевал, а кто по кустам отсиживался, зато другое неоспоримо: и там и там были весьма коло-

ритные фигуры типа Чапаева, правда, не из народа, а из польской шляхты, о которых стоит рассказать.

Для того, хотя бы, чтобы порассуждать на тему «чужеродности» советских партизан, вошедшую уже в инструментарий польских, а также националистических украинских и белорусских исследователей. А обосновывается эта замечательная теория присутствием в партизанских отрядах большого количества русских бойцов, а также присланных работников НКВД. Из чего делается вывод о том, что эти «чужаки» не учитывали интересов местного населения и тем самым подвергали его опасности гитлеровских репрессий. Однако тезис о приносимом советскими партизанами вреде оборачивается против самих же поляков, ибо для укрепления «польскости» «восточных окраин», организации вооруженного подполья и контроля за жизнью общества на оккупированных территориях как польское правительство в Лондоне, так и АК направляли в Западную Украину и Белоруссию, а также в Южную Литву кадры преимущественно не местного происхождения. И большая часть из них совершенно не собиралась договариваться о чем-либо не только с советскими партизанами, но и местным непольским населением.

Так вот, в среде различных польских сил, стремившихся сохранить за Польшей бывшие «восточные окраины», наиболее интересной, хотя и весьма неоднозначной личностью в Белоруссии был как раз человек не из АК. И замечателен он уже тем, что командовал, пожалуй, одним из немногих польских партизанских соединений, которое по-настоящему воевало с немцами, в то время как другие годами «героически» готовились к будущим победам. Вот что о его партизанских делах сообщает Гжегож Мищяковский, уроженец новогрудской земли и очевидец: «Значительным укреплением партизанских сил было прибытие на территорию Новогрудчины осенью 1943 г. Ударных кадровых батальонов (УКБ). Командиром отряда был Болеслав Пясэцки (псевдоним «Саблевски»). В период Польской Народной Республики он создал объединение «ПАКС» (католическая организация. — *Прим. авт.*) и считался одной из наиболее спорных политических фигур народной Польши»²⁴.

Повторим вслед за Мищяковским, Пясэцки был действительно более чем спорной фигурой. Поскольку входил в весьма приме-

чательную группу товарищей, этаких партайгеноссе на польский лад, которая еще в самом начале немецкой оккупации Польши пыталась создать нечто вроде польской национал-социалистической партии, а также намеревалась, опять же опираясь на немцев, создать некое подобие польского государства. Важно отметить, что руководство этого образования, называемого Национально-радикальной организацией, до определенного времени считало возможным использовать нацистов, в ответ на предлагаемое содействие получая от них вооружение, чтобы в соответствующий момент обратить его против них же. Похоже, этим польским деятелям не давала спать спокойно слава Пилсудского, проделавшего подобный трюк в конце Первой мировой, раз уж они так и не придумали ничего лучше.

А впрочем, что бы их ни вдохновляло, немцам государственность расово неполноценных славян была не нужна, а потому они сами использовали выскочек из Национально-радикальной организации, уничтожив в 1940 г. практически весь цвет польского общества, не ушедшего в подполье. По большей части профилактически, чтобы потом хлопот меньше было. После чего Б. Пясецки, которому своя нация была дороже политических теорий, мгновенно протрезвел и понял — по всей видимости, один из немногих, — что в данной войне речь идет не просто о разгроме польского государства и оккупации, как это с Польшей уже случалось раньше, а — ни много, ни мало — о биологическом существовании польского народа. Потому-то он и создал подпольную организацию «Конфедерация Нации», впоследствии вошедшую в АК, но, несмотря на это, сохранившую свою отдельную организационную структуру. Кроме того, ею в 1943 г. была создана сеть вооруженных формирований «Удар», в состав которой входили так называемые «Ударные кадровые батальоны» (УКБ) под командованием самого Б. Пясецкого. Эти батальоны в том же 1943 г. нанесли удар по немецкой территории в качестве возмездия за уничтожение гитлеровцами польских деревень. Затем, опять же в 1943 г., 8-й батальон УКБ под командованием Пясецкого (псевдоним «Саблевский») двинулся в Западную Белоруссию.

Немецкий историк М. Фёдорович, правда, делает намеки о насилиях со стороны УКБ, говоря о том, что насильственные дей-

ствия в отношении евреев... в Литве, могли быть совершены Ударными батальонами фашистского экс-предводителя Болеслава Пясецкого, Национальными вооруженными силами правой ориентации, русскими националистами или кем угодно. Ведь по его утверждению, и и АК допускала злоупотребления своей властью. Он приводит высказывание г-жи Яффа Элиах, профессора в Нью Йорке о нападении на Эйшишкес (в настоящее время городок в Литве) и изнасиловании живших там еврейских женщин и девушек²⁵. Впрочем, каких-либо доказательств он не приводит, хотя до войны Пясецкий был несомненным и притом активным антисемитом. Также не совсем понятно, кого он имеет в виду под русскими националистами. Если власовцев, то они свое уже давно получили. По мнению же самого командования АК, как раз УКБ были наиболее дисциплинированным и боеспособным формированием на «восточных окраинах». Пясецкий, в отличие от прочих «местных» аковцев, воевал по-настоящему. В то время как остальные командиры АК собачились с советскими партизанами, он абсолютно прагматично взаимодействовал с соседней партизанской бригадой Мартиросова на взаимовыгодной основе: ты мне оружие, боеприпасы и медикаменты, я тебе сопровождение для диверсий на железной дороге.

Более того, для избежания конфликтов Пясецкий даже провел частичную мобилизацию на подконтрольной территории на следующих условиях: половина мужского населения идет к нему, половина к Советам. С немцами же он воевал, как свидетельствует тот же Мартиросов, с такой отчаянной лихостью, что сумел всего за три месяца добыть в боях в качестве трофея достойное оружие для своих бойцов. Не боялся нападать даже на довольно крупные подразделения СС. Как сообщает белорусский исследователь А. Чобат, лучше вооруженного батальона, чем «варшавский», поляки на «восточных окраинах» не имели. «Саблевский» бил немца и брал оружие у убитых, а еще получал это оружие от советского отряда Мартиросова, так как он пропускал его для проведения диверсий на железную дорогу через контролируемую польскими партизанами территорию и помогал отбивать немецкую погоню за ним»²⁶.

Батальон Пясецкого мужественно дрался во время штурма Вильно в 1944 г. и сразу же после этого, рассредоточившись на

мелкие группки, ушел в Польшу. Пясецки прекрасно понимал, что набиваться в еще одни союзники Сталину смысла нет. «Шакалить» же на «восточных окраинах» он не желал, поскольку хотел сохранить своих честно исполнивших долг бойцов и единомышленников. О вступлении в армию Берлинга речи тоже не было, ибо Пясецкого в нее никто бы попросту не принял. В то же время он совершенно четко понимал, что в создавшихся условиях вооруженное противостояние Советам приведет к бесполезным жертвам. И, надо сказать, занятая им взвешенная позиция возымела свое действие: хотя Пясецки и был арестован, вскоре его выпустили на свободу. Между прочим, после многочасовых бесед с известным генералом НКВД И. Серовым, на которого он произвел впечатление. Затем Пясецки жил и работал в Польше, и, несмотря на то что он принимал участие в судьбе многих людей из некоммунистического лагеря, никто его не преследовал.

А теперь от отдельных ярких личностей — снова к собственно партизанскому движению на бывших «восточных окраинах», в период немецкой оккупации, помимо всего прочего, кишевших конфликтами, связанными с распоряжением ресурсами данной территории, как человеческими, так и продовольственными. И поскольку на них претендовали сразу четыре силы — оккупанты, польские и советские партизаны, а также разного рода мародеры, — положение тамошнего крестьянства было крайне тяжелым. Правда, и тут, если верить небезызвестному Б. Соколову, польские орлы выгодно отличались от советских партизан, руководимых кровавыми палачами из НКВД, так как всегда платили населению за продовольствие. Не иначе, рейхсмарками, а то и долларами, ведь бюджет АК, как мы знаем, был в надежной твердой валюте. Не то что у большевиков, с их деревянными рублями.

Вот только стоит заглянуть в польские материалы, и благостная картинка заметно тускнеет, утрачивая приятный романтический глянец. А то и предстает в совсем уж мрачных красках суровой военно-оккупационной действительности, по большей части не предусматривающей рыночной схемы «товар — деньги — товар». Итак, с одной стороны, сообщается, что на территориях, контролируемых подразделениями АК, больших проблем со снабжением продовольствием и одеждой не было, так как

имений и государственных мельниц польские партизаны не жгли, только их продукцию себе забирали. Затем они защищали местное население от жестоких реквизиций со стороны банд грабителей, советских отрядов и немецких оккупантов, чем завоевали благорасположение местных крестьян. По этой причине для солдат из отрядов АК еды не жалели. В более трудном положении находилась Столбцовская группировка АК (уже хорошо нам знакомая. — *Прим. авт.*). Она действовала на территории, на которой немцами была проведена карательная антипартизанская операция «Герман», кроме того, местных крестьян регулярно «грабили» советские партизаны из Налибокской пущи и с Востока. И тут уже признается, что польские партизаны продуктами питания в основном обеспечивали себя на территориях, расположенных за восточной границей Польши и за счет семей местных советских партизан» (*выделено автором*)²⁷.

Неудивительно, что после подобных цитат из польских (!) источников становится уж совсем не понятно, откуда у отдельных исследователей данного вопроса такая неодолимая тяга усиленно восхвалять польских партизан, якобы своим невиданным благородством превосходящих всех остальных, а особенно советских. Да откройте уже, наконец, глаза пошире: «белых и пушистых» на войне не бывает, вследствие чего несчастного мужика обирали все, а он всех кормил, да еще и — куда деваться — недюжинные дипломатические способности проявлял. Чему свидетельством и вывешенное в Интернете интервью с одной из жительниц Западной Белоруссии Л.И. Лаботской:

«...когда началось партизанское движение, параллельно с ним началось жесточайшее мародерство. Из соседних деревень ночью приходили туда, где их меньше знают, и забирали абсолютно все. Вначале по-крупному: лошадь, корову, то, что было. Потом — мелкие вещи: белье, посуду, зерно, ну, абсолютно все. Когда уже больше тащить было нечего, так ставили к стенке и требовали: “Дай самогонки, дай сало!” Того, чего давным-давно не было и в помине. .

... Но были моменты и пострашней, которые держали всех в жесточайшем напряжении. Допустим, приходят переодетые полицаи — в полицаи часть населения пошла — и начинают спрашивать, как вы тут к немцам относитесь, пособничаете им и так

далее? То есть под видом партизан. И если кто-то что-то не так сказал, значит... Забирают. Приходили партизаны, переодетые в полицаев, так, чтобы не бросаться в глаза, и то же самое. Надо было быть какими-то супердипломатами, чтобы остаться в живых»²⁸.

О том же самом без всякой похвальбы и рисовки говорит и упоминавшийся нами выше в связи с сотрудничеством с «экс-фашистом» Б. Пясецким Мартиросов: «... тот кормил, на чьей земле стояли. Землероб кормил. Кто же еще? Как-то еще и немцу налог платил, и самому хватало... Голодать начали после войны. При колхозах, без земли, коня и коровки. Мне было хуже, чем полякам. И гражданским подо мной было хуже, чем под аковцами. Так как они были, за исключением “Саблевского”, поголовно из местных, под конец оккупации даже православных мобилизовали в своей зоне. У меня же были со всего света: окруженцы 1941 г., парашютисты, “маршевики” с Восточной Белоруссии, также местные... Последних меньше всего. Люди разные, одним словом... Поляки отличались большей сплоченностью, единой культурой, лучшим взаимопониманием между собой, а также между собой и гражданскими.

Нас кормили и поили не из любви... так как мужика держали под дулом. Одно, на что хозяин был согласен и что терпел, это приказ командира, порядок. Не терпел и не принимал он своего мародеров — и тогда бежал к немцу с доносом, также и на меня, хоть своих мародеров я брал и расстреливал... собственно...»²⁹

Что тут скажешь, искренен товарищ Мартиросов. Искренен и Герой Советского Союза Линьков в своих воспоминаниях, вышедших еще в 1949 г., когда рассказывает без прикрас и о партизанском быте, и о трудностях партизанской войны. И, кстати, о деморализации в партизанских отрядах и о том, как он лично расстреливал забывших о целях народной войны командиров³⁰. А еще о том, как советские партизаны делились с населением отбитым у немцев продовольствием. Вот только от польских командиров АК на «восточных окраинах» таких слов не услышишь. У них все было в порядке. Видимо, и православных мобилизовывали не под дулом, и харч у неполяков на коленях вымаливали, потрясая пачками «зеленых».

При этом в современных польских публикациях уже совершенно открыто говорится о том, что в данные о столкновениях между советскими партизанами и отрядами АК стоило бы включить и столкновения советских партизан с сельскими и местечковыми организациями самообороны (которые, кстати, имели поддержку оккупационных властей) на том основании, что они включали в себя и поляков, сотрудничающих с АК. Причем польские источники особенно упирают на то, что именно в таких столкновениях отмечалось наибольшее количество жертв. А ведь по лесам помимо партизан бродило достаточно обыкновенных бандитов, которые тоже грабили местное население. Не говоря уже о том, что партизаны всех мастей, пополняя свои продовольственные запасы, не слишком заботились о том, как жилось людям, у которых они забирали, возможно даже, и последнее, сколько у них было детей и стариков. Ведь это была война всех против всех, на которой в какой-то степени еще щадили «своих», но опять же за счет «чужих».

Так или иначе, а в лесах Белоруссии польским и советским партизанам становилось все теснее. Тем более что с конца 1943 г. АК начала брать под свой контроль небольшие населенные пункты, из которых изгонялась и белорусская, и литовская полиция и устанавливался польский порядок с соответствующими репрессиями и поборами в отношении непольского населения. Естественно, что при этом партизаны из АК опирались на польское население и делиться своим влиянием с советскими партизанами не желали. К тому же с 1942 г. польские формирования начали переходить к практике «защиты» определенных, преданных «польскому делу» крестьянских подворий с тем, чтобы русские и еврейские партизаны не могли в них обеспечивать себя продовольствием. В результате в польских селах и местечках советские партизаны натывались на сопротивление, и снабжение проводилось немирным путем. Что, в свою очередь, враждебно воспринималось польским населением, не желавшим кормить чужих. Вследствие таких действий отмечались значительные потери среди населения, которое поддерживало ту или иную сторону. По неполным данным, с весны 1943 г. по апрель 1944 г., т.е. в период наибольшего противостояния АК и советских партизан, только на территории Барановичской области советскими партизанами было расстреляно более 500 жителей за оказание сопротивления в рядах АК.

В качестве примера рассмотрим события в местечке Налибоки. Тамошние польские крестьяне наотрез отказывались снабжать продовольствием «большевистских бандитов». С начала оккупации в Налибоках существовал пост белорусской полиции. В 1942 г. по распоряжению оккупационных властей с целью борьбы с партизанами там был организован отряд самообороны, которому немцы к тому же передали оружие. Одновременно с этим белорусская полиция из Налибок была выведена, а командование самообороной было поручено Э. Климовичу, который, так же как и члены его отряда, являлся членом АК, что, впрочем, было весьма характерно для всей Западной Белоруссии и Виленщины. Однако нам в этой связи иной аспект интересен, а именно имевшая место попытка договориться с этим отрядом самообороны о переходе его на сторону советских партизан.

Существуют различные версии итогов переговоров. Так, по одной из них, отрицательная позиция АК, а также имевшие место враждебные действия отряда местной самообороны привели к тому, что Налибоки были атакованы подразделениями трех советских отрядов (польские исследователи опять-таки настойчиво подчеркивают, что в этих отрядах было уж слишком много евреев), а это, в свою очередь, повлекло за собой многочисленные жертвы. По другой, причина кровопролития — убийство белорусскими полицейскими комиссара входившей в Налибоки советской партизанской бригады. В целом же сведения о произошедшем в Налибоках столь противоречивы (данные, приводимые конфликтующими сторонами, зачастую диаметрально противоположны), что правды, пожалуй, узнать уже не удастся. По крайней мере, во время расследования, имевшего место в Польше через несколько лет после данных событий, всерьез обсуждалось предположение, что командир Налибокской самообороны, для видимости соглашаясь на сотрудничество с советскими партизанами, в действительности готовил для них западню.

А в сегодняшней Польше дело о нападении советских партизан на Налибоки снова передано в прокуратуру, с выдвижением обвинения в геноциде. Вопреки существующим свидетельствам как минимум нейтральной латышской стороны о том, что «невинные» жертвы из Налибок оказывали всяческую помощь оккупантам в борьбе с «красными», приведенным в летописи слав-

ного боевого пути 24-го Талсинского полицейского батальона из Латвии, орудовавшего в данном районе против партизан и установившего контакты с местными структурами АК. Оказывается, как только поляки вникали в отношения между латышскими солдатами и немцами, то они всячески содействовали латышам разведанными о советских партизанах, которых латыши, естественно, не иначе как «красными террористами» не называли³¹. Кроме того, не стоит забывать и об имеющихся фактах преследования евреев со стороны налибокских крестьян, не исключаяющих вероятности мести.

Многократно цитируемый нами ранее немецкий историк Б. Кари также отмечает, что среди польских партизан быстро распространялся антисемитизм, поскольку еврейские партизаны были их конкурентами по части снабжения продовольствием на крестьянских подворьях: «В то время как захваченные в плен русские партизаны хотя и разоружались и избивались, но затем в большинстве случаев отпускались, то люди Милашевского все более жестоко выступали против еврейских партизан и гражданских лиц, которые находились в регионе. Обнаруженные евреи в большинстве случаев расстреливались. Предлогом для подобных акций служили реквизиции еврейских партизан в деревнях». В отряде уже упоминавшегося нами Линькова, действовавшего на территории как Западной Белоруссии, так и Западной Украины, в котором воевали в том числе и местные евреи, напротив, имелись прекрасные примеры сотрудничества с польскими железнодорожниками для проведения диверсий.

Но подобное было скорее исключением, а правилом — то, что произошло в октябре 1943 г. в районе Налибокской пуши, когда эскадрон 27-го уланского полка из Столбцовского соединения АК под командованием Здзислава Нуркевича (псевдоним «Ноц») расстрелял группу партизан из так называемого еврейского отряда Семена (Шолома) Зорина, так как один из польских крестьян пожаловался Нуркевичу, что «жида грабят!» (Опять конфликт по простой причине — кто-то у кого-то что-то отнимает!) Захваченных в плен партизан всю ночь пытали, а под утро решили убить. Надо понимать, в отместку за «Кмичица», да и, кроме того, в АК не принято было «цацкаться» с евреями, поголовно считавшимися потенциальными агентами НКВД и преда-

телями польского народа. Двое случайно уцелевших партизан добрались до своих и сообщили о случившемся. Руководство советской партизанской группировки в Налибокской пуще потребовало у командования АК выдать Нуркевича, что, естественно, сделано не было. Больше того, Нуркевич и Пильх, заключив сделку с комендантами немецких гарнизонов в Ивенце и Ракове, получили для борьбы с белорусскими партизанами 1000 единиц амуниции, 2 станковых пулемета и 4 миномета (Об этой славной странице в истории Армии Крайовой мы еще расскажем в отдельной главе.)³² Тем поразительнее читать сегодня в польской прессе сообщения о том, что гражданское население на Новогрудчине подвергалось террору со стороны советских партизан, помимо всего прочего, предательски разоружавших благородных польских.

Действительно, участь батальона Столбцовской группировки АК была именно таковой: в декабре 1943 г. его разоружили. Насколько незаслуженно, судите сами. Тогда же были арестованы командир группировки В. Пэлка вместе с пятью офицерами. Всего разоружили около 400 человек, несколько из них, пытавшихся оказать сопротивление, были убиты. Естественно, сразу же обнаружилось, что среди командования отряда было два профессиональных диверсанта — поручик Рыдзевский и подпоручик Лось, — прошедших обучение в Англии. Панов офицеров отправили для расследования на Лубянку, а рядовых солдат распределили по советским отрядам. К сожалению, сам Нуркевич вместе с группой своих улан и 30 бойцов Пильха из окружения ускользнули. Примерно в то же время была окружена и другая польская бригада в составе 9 офицеров и 135 солдат, именовавшаяся «легионом». В ходе операции разоружения были убиты 4 офицера и 19 солдат.

Особого внимания к себе требует и следующий немаловажный факт: за период своего существования (сентябрь 1943 — август 1944 г.) отряд пресловутого Пильха-«Гуры» не провел ни одного боя с немцами, зато целых 32 с советскими партизанами. Что же до польских объяснений по этому поводу, то они, как всегда, наготове и выдержаны в лучших традициях: ввиду его окружения Советами в Налибокской пуще Пильху пришлось времен-

но прекратить борьбу с немцами, так как в этой ситуации борьба на два фронта была бы безнадежной. По всей вероятности, ровно теми же доводами руководствовался и командир 5-й бригады АК Зыгмунт Шендзеляж (псевдоним «Лупашко»), также получивший оружие и боеприпасы от немцев и постоянно нападавший на партизанские соединения Федора Маркова и бригады Виктора Манохина, дислоцированные в Нарочанском крае, который поляки, конечно же, считали своим.

А вот как на все это смотрела другая сторона, а именно белорусские националисты, подобно их украинским коллегам, мечтавшие создать под эгидой оккупантов свое национальное государство, и заодно с поляками, мягко говоря, не жаловшие советскую сторону. Из воспоминаний Язепа (Иосифа) Малецкого: «Другими помощниками немцев на наших землях были польские военные части, польская полиция... Хотя польские правительство в Лондоне и польское подполье в Генерал-губернаторстве вели войну с немцами, на землях Западной Белоруссии они решили с немцами сотрудничать. Намеревались таким образом завладеть администрацией и под покровительством немцев создавать свои военные части, как это во время Первой мировой войны делал Ю. Пилсудский. Польские вооруженные силы на территории Беларуси приблизительно насчитывали: в районе Гродно 200 человек, в районе Лиды 250—300 человек со “штабом” в Воронове, в Налибоках — 250, в Столбцах — 150, в Рубежовичах — 100, в Городище Барановического округа — 150, в Вилейском районе — 150 и на Виленщине — 350. Всего 1600—2000 чел. До весны 1944 года немцы давали им продовольствие, вооружение, транспорт и инструкции действий и не трогали, когда они, вопреки договоренности, нападали не на коммунистических партизан, а на белорусских культурных и общественных деятелей, которых отстреливали преимущественно из-за угла.

Только весной 1944 года... генерал Бор-Коморовский... отдал приказ всем своим отрядам в Западной Беларуси подчиниться приказам штаба Армии Крайовой (АК), нарастить свои боевые силы и наносить удары по тылам немецкой армии.

Тогда немцы вместе с белорусами поразбивали опорные пункты польской диверсии. После этого только небольшая часть поляков осталась на службе у немцев. Прочие пошли в партизан-

щину и старались соединяться с коммунистическими бандами. А советское партизанское руководство имело приказ от штаба Пономаренко уничтожать солдат АК как немецких коллаборантов, что, вопреки договоренности с Миколайчиком, не признают Западной Беларуси за Советами»³³.

В Лидском районе с ведома и при поддержке немцев действовали отряды аковцев под командованием Чеслава Зайончковского (подпольная кличка «Рагнер»). Батальон поляков под его руководством за двое суток разгромил советское партизанское соединение в лесу у деревни Кобыльники. В связи с чем опять же ради объективности приведем выдержки из биографической справки, подготовленной «Мемориалом» на одного из бывших бойцов Рагнера, который сам был уроженцем тех мест и после прихода Советов, естественно, стал «жертвой» сталинизма: «...Осенью 1939 г. Эдвард Мозолевски вернулся домой. Затем он продолжил военную службу в 5-м батальоне 77 пехотного полка АК. Командиром батальона был поручик “Рагнер” (Зайончковски). Его батальону пришлось несколько раз вступать в бой с советскими диверсионными группами, которые закрепились в районе Лиды. После того как Кремль разорвал отношения с правительством Польши, эти группы начали военные действия против частей АК.

Командиром группы, где служил Эдвард Мозолевски, был Пазуркевич. Была ли это его настоящая фамилия, неизвестно. Роте ни разу не пришлось участвовать в боях с гитлеровскими войсками...

Летом 1943 г. батальон атаковал советскую группировку в дер. Ольховка, на левом берегу Немана. Операция оказалась не слишком удачной: первым в атаку пошел кавалерийский взвод и понес большие потери...

5.03.44 г. рота Пазуркевича ночевала в деревне Филёновцы. Утром этого дня она была неожиданно атакована из-за Немана советским десантным отрядом. Рота отбила атаку и перешла в наступление, нанеся противнику значительные потери. Однако советская группировка совершила обходной маневр и захватила деревню, после чего роте Пазуркевича пришлось отходить в сторону Лиды... В конце лета 1944 г., перед приходом советских войск, батальон “Рагнера» был демобилизован»³⁴.

Казалось бы, исключительно объективные сведения собрал «Мемориал», и если чего из них не ясно, так только чем же пан Мозолевски до вступления в соединение «Рагнера» занимался. А не в полиции ли немецкой служил, или на другой какой службе «реквизировал» у белорусского мужика самогонку и сало? А что, такое очень даже возможно, поскольку ребята из АК частенько этим баловались. Да и в самом, на первый взгляд беспристрастном, тексте, составленном «Мемориалом», отдельные неувязочки все же наличествуют. Следующая, к примеру: не демобилизовал «Рагнер» своего батальона ни до ни после прихода Красной армии. Тут уж «жертва сталинских репрессий», выражаясь народным языком, привирает. А кроме того, в отличие от активистов «Мемориала», не будем закрывать глаза и на личность командира отряда, в рядах которого Эдвард Мозолевски прошел свой славный боевой путь, известного как «Пазуркевич». Так вот, «Пазуркевич» — офицер 6-го (а не 5-го) батальона 77-го пехотного полка АК, его настоящее имя Ежи Баклажец, и он вместе с «Рагнером» препятствовал проникновению советских партизан за Неман. В ноябре 1944 г. задержан НКВД и за свои многочисленные «подвиги» казнен в г. Лида.

Не менее показательны и попытки польского подполья и «партизантки» (польский термин, обозначающий «партизанское движение» вообще) полонизировать белорусские села, которые приводили к большому количеству убитых и раненых с обеих сторон. При этом поляки наносили удары не столько по вооруженным отрядам белорусской самообороны, сколько по мирному населению, и особенно по белорусским православным священникам. В Турейском приходе Щучинского повета поляками были зверски убиты священник И. Алехнович с матушкой, близ Новогрудка был сожжен живьем иеромонах Лукаш. В местечке Крева «партизанты» расправились со священником М. Леванчуком и его дочерью и племянницей только за то, что те отпевали белорусов, убитых поляками. Кроме того, ему припомнили старые счеты еще с довоенных времен, так как, будучи православным священником, он выступал за сохранение белорусского языка и образования, а посему автоматически становился врагом полячества. К вышесказанному следует добавить, что враждебные акты против православных священников на белорусских землях,

а также их убийства польскими вооруженными формированиями были явлениями отнюдь не случайными, ибо фронт, если так можно выразиться, проходил в том числе и по конфессиональной линии. Анатолий Слоневский в статье «Армия Крайова: выстрел из прошлого?» («Звезда», февраль 1993 г.) приводит отрывок из отчета референта Барановичского гебитскомиссариата: «...Бандиты грабят и убивают только белорусов, но не поляков. Ни с одним ксендзом ничего не случилось, тогда как за это время множество православных священников-белорусов было зверски убито вместе с семьями или же изувечено и ограблено...»

Что же касается истории убийства священника Леванчука, то предшествующие ему события не менее показательны. Как мы знаем, произошло это в белорусском местечке Крево, куда во время оккупации немцы поставили гарнизон литовских полицейских, по воспоминаниям тамошних жителей, занимавшихся грабежом населения и беспробудным пьянством и ни о каких героических деяниях не помышлявших. Особенно когда им предъявили ультиматум окружившие Крево в 1944 г. две партизанские бригады АК — «Тура» и «Нетопежа». Хотя, если верить воспоминаниям «героев» из АК, литовский гарнизон — де оказал сопротивление, разгорелся жаркий бой. В то время как по свидетельствам очевидцев из местных жителей, литовцы, хорошо относившиеся к местной «гарэлке» (самогонке) были настолько пьяны, что «операция» прошла без жертв с обеих сторон. Не считая отнятой поляками у литовцев вместе с оружием самогонки. В общем, можно было бы и посмеяться, не случись вслед за этим страшное злодеяние, о котором мы уже говорили, — расстрел священника Леванчука и его семьи.

Пищу для размышлений дают и собранные в Беларуси воспоминания о «героях» АК. Вот бесхитростный рассказ Л. Петровой, проживавшей во время войны вблизи г. Лида: «Во время оккупации мы были на хуторе... Многие жили по деревням. Это была зона красных партизан... Аковцы не были такими. Они с оружием в руках могли сделать что угодно. Детей убивали. Аковцы имели две цели — освободиться от всех красных и даже чуть розовых. Из одной семьи убили двух братьев. Убили на крыльце дома, где была свадьба... Ворвались на свадьбу. Свадьба на отшибе. Темная ночь... Разбили стекла и всунули в окна автоматы: "Руки вверх". ...Стали

проверять мужчин. Парубок — он был черненький, “Ты, — говорят, — еврей”. Приказали ему расстегнуться и показать. Стали женщин ощупывать... У калитки один труп, в доме другой. От дяди осталось двое детей. Разрывной пулей убили. Три трупа сразу в деревне. Мне плохо сделалось. Была также Галина — ее сыновей убили. За что — не знаю. Может, были связными красных партизан».

А вот что рассказывает Петр Якимович:

«В нашей местности ходило много группировок. Были аковцы — польские партизаны, немцев они не трогали...»³⁵

Да и сами поляки в то время не очень-то утруждали себя хоть какой-либо видимостью «исторической справедливости», о которой они ныне столь громогласно трубят на каждом антироссийском шабаше. Так, в директиве для польских легионов от 14 мая 1943 г. прямо говорилось: «Целью польских легионов есть освобождение Западной Белоруссии от большевизма. Каждый поляк должен помнить, что белорусы — это враги польского народа... Поляки должны всеми способами компрометировать белорусов перед немцами, добиваться арестов белорусов для того, чтобы потери белорусов были наибольшими».

Даже в тяжелейшие дни второй мировой войны польское правительство, сформированное из «патриотов», удачливо избежавших даже ограниченной ответственности за банкротство руководимого ими «акционерного общества» «Жечпосполита Польша», ни на йоту не отступает от своих претензий на «восточные окраины» (кто же хочет расставаться добровольно со своими активами, говоря современным языком). Вместо того чтобы создавать единый фронт против оккупантов, оно, используя патриотические чувства проживающих на восточных землях поляков, полным ходом ведет подготовку к будущему возрождению на потерянной территории польских государственных органов, прежде всего в основных центрах — в Вильно и во Львове, включая, естественно, и вооруженные формирования. Ради такой «священной» цели польские стратеги не гнушались в том числе и «взаимовыгодным сотрудничеством» с гитлеровцами. Они же организуют борьбу отрядов АК против партизан на территории западных областей Беларуси и продолжают ее и после освобождения этих земель советскими войсками, убивая мирных жителей и представителей властей на местах.

Вот что рассказывает об этом бывший редактор подпольной газеты «Народный мститель» Геннадий Будаи: «Группа “Гуры” (настоящее имя Адольф Пильх — кадровый разведчик и диверсант, прошедший спецподготовку в Англии) стала насильно забирать в свою банду поляков, а тех кто не соглашался сотрудничать с ними, расстреливать. Она провоцировала стычки с нашими партизанами, убивала из-за угла, открыто пошла на сотрудничество с гитлеровцами»³⁶. Отнюдь не противоречит ему противоположная сторона в лице главного коменданта АК генерала Тадеуша Комаровского (подпольная кличка «Бур»), который в своем рапорте в Лондон от 1 марта 1944 г., характеризую ситуацию в Новогрудском округе АК, сообщает: «В округе на первый план нашей деятельности выдвинулась самозащита от враждебной советской партизанщины и жидовско-коммунистических банд».

Происходившие на почве различного представления о принадлежности восточных территорий конфликты между советскими и польскими партизанами, зачастую весьма кровавые, в Новогрудском округе АК были особенно острыми. О серьезности положения говорит хотя бы тот факт, что с 1943 по 1944 г. польские отряды имели на своем счету в общей сложности 83 боестолкновения с советскими партизанами, составляющих около трети всех военных действий, проведенных отрядами АК во время немецкой оккупации. Всего же, по данным исследователя Я. Эрдмана, за период с 01.01.1942 г. по апрель 1944 г. из 185 боевых операций, имевших место в Новогрудском округе АК, 102 были проведены против немцев, а 81 (45 %) — против советских партизан³⁷.

При этом необходимо уточнить, что сколько-нибудь значительных военных акций, включавших в себя боестолкновения с вооруженными силами оккупанта, было около двух десятков — и все они относятся к 1944 г. — остальные же представляли собой набеги на различные учреждения оккупационной администрации, изначально не предполагавшие серьезного сопротивления.

На этом фоне довольно странным представляется демонстрируемый особенно “совестливыми” представителями разнообразной творческой интеллигенции современный подход к рас-

смаатриваемому вопросу. Логика, которой они при этом руководствуются, крайне незамысловата: поскольку героев из Советов не может быть в принципе (ну, не вписываются они в общечеловеческие ценности, и все тут!), значит, искать их нужно в противоположном лагере, т.е. среди поляков. Видимо, в «творческом» сознании подобных прекраснотушних идеалистов не укладывается элементарное: в любой войне, в том числе и почти виртуальных нынешних, существуют только национальные ценности и интересы. А так называемые общечеловеческие используются исключительно для их оправдания. За примером далеко ходить не нужно, достаточно вспомнить те же Ирак и Югославию.

Правда, кое-кто наверняка захочет с этим поспорить и, возможно, даже приведет свидетельства непосредственных участников давних событий на оккупированных Германией восточных территориях. Вроде тех, что оставил белорусский литератор Валентин Тарас, сам с 13 лет бывший в партизанах. «В 1944 г... точно не помню, наша бригада разоружила и нейтрализовала отряды польской Армии Крайовой (АК), какие действовали в Налибокской пуще... До поры до времени отряды АК, созданные на территории Западной Белоруссии, воевали только с немцами, нередко совместно с советскими партизанами. Но на исходе 1943 г. между ними начались стычки: польское правительство в Лондоне заявило о своих правах на Западную Белоруссию как неотъемлемую часть Польши. Если на территории самой Польши в отрядах АК сражалось четыреста тысяч солдат, то в белорусских лесах их было совсем мало. В Налибокской пуще их разоружили в течение нескольких дней. Так если бы только разоружили!.. Командира налибокской аковской бригады и весь его штаб отправили самолетом в Москву, а младших офицеров расстреляли...» Далее В. Тарас рассказывает, какое тяжелое впечатление произвел на него расстрел. Потом оказалось, что один из расстрелянных выжил и спасся бегством, что обнаружилось по следам его босых ног на снегу, которые так прочно отпечатались в детской памяти, что позволили В. Тарасу сделать вывод: поляки правы, Катынь — дело рук НКВД и руководства СССР.

Понятно, что поборники умозрительной исторической справедливости воспоминания В. Тараса будут трактовать как очевидное доказательство бесчисленных кровавых злодеяний совет-

ского режима. Мы же попробуем взглянуть на них под иным углом зрения, предварительно сделав два отступления. Первое, менее существенное, состоит в том, что утверждение В. Тараса о сражавшихся в рядах Армии Крайовой четырехстах тысячах солдат представляется маловероятным, поскольку, несмотря на строгий учет и контроль своих сил, АК вряд ли могла мобилизовать столько даже к концу войны. В качестве второго, прямо перекликающегося с детскими впечатлениями В. Тараса, процитируем бойца Армии Крайовой, так описывающего свои военные будни на Волыни в том же 1944 г. «...отряд АК задержал двух украинцев, отца и сына. Оружия у них не было. Когда они увидели аковцев, то сами начали готовиться к смерти. Перед тем как их расстреляли, им приказали снять рубаху, штаны, а под конец и сапоги»³⁸.

И какие же выводы отсюда напрашиваются? Помимо лежащих на поверхности и состоящих в том, что война приносит неисчислимые несчастья и оставляет рубцы в детских сердцах? А такие, например, что потрясение В. Тараса расстрелом поляков, совершенно естественное для ребенка, зиждется в том числе и на подспудном ощущении: «наши» не могут быть жестокими и несправедливыми, а иначе, какие же они «наши»! Собственно, это же самое глубинное чувство руководит сегодня и большинством из отечественных искателей чистой правды о войне, разумеется, за исключением тех, что специализируются на откровенном оплевывании собственной Родины. И все бы ничего, если бы противоположная, в данном случае польская, сторона исходила из похожих убеждений, но, увы, там предпочитают «базироваться» на старом проверенном принципе: поляки всегда и во всем правы, как принято говорить, по определению.

По крайней мере именно в этом ключе рассуждают современные польские историки, те, что до глубины души возмущаются «бандитскими действиями партизан из НКВД» и не просто оправдывают, но и всячески обосновывают «гуманистические» рейды бойцов АК по Западной Украине и Белоруссии. Впрочем, не будем заикливаться и привлечем к рассмотрению этой проблемы третью сторону, к тому же, как принято считать, также пострадавшую от Советов и НКВД и, по счастью, избавившуюся от коммунистического гнета. Речь идет о Литве, которая ныне в

ЕС вместе с Польшей, в связи с чем и та и другая, казалось бы, должны наконец взглянуть на чувствительные вопросы из прошлого с высоты возжеленной исторической справедливости. Однако что же мы видим в действительности? Известный нам профессор Т. Стшембош по-прежнему считает, что, несмотря на все перипетии 1939—1944 гг., на территории Виленщины продолжало иметь место (чему, видимо, и репрессии НКВД не помешали) Польское подпольное государство как правопреемник 2-й Польской республики. Причем из этой чисто научной, на первый взгляд, точки зрения проистекает весьма практический вывод: все проживающие на данной территории (то есть Литвы), независимо от национальности, являлись гражданами упомянутой 2-й Польской республики, а следовательно, на них распространялись польские законы, в соответствии с которыми в период оккупации их можно было судить за коллаборационизм подпольными польскими судами и даже приговаривать к смерти. И вот тот же Т. Стшембош считает, что драматичность событий заключалась как раз в том, что виленские поляки были вынуждены вести борьбу не только с двумя оккупантами, но также и с согражданами, солидаризирующимися с этими оккупантами, в том числе и с литовцами и белорусами. Согласитесь, позиция более чем прозрачная, а о ее развитии мы еще поговорим.

Как и прежде, камень преткновения — сотрудничество литовцев с оккупантами. Ведь так называемая «Саугума» (Служба безопасности, организованная в Литве в период оккупации), действовавшая под руководством гестапо, поляков не жаловала за то, что они считали Вильно польским городом, или в лучшем случае, столицей Великого Княжества Литовского, но опять же в составе Польши. Кроме того, с партизанами, как советскими, так и польскими из АК, боролся, а вернее, пытался бороться, вспомогательный корпус генерала Повиласа Плехавичюса «*Vietine Rinktime*», специально сформированный оккупационными властями. Правда, формирование генерала Плехавичюса особых успехов на этом поприще не сыскало и было практически разгромлено в 1944 г. отрядами АК в сражении под местечком Мурованая Ошмянка. Но тем не менее в пику полякам, сам факт существования этого подразделения, пусть и созданного оккупантами, воспринимается в нынешней Литве с воодушевлением. Как-никак,

это было единственное формирование коллаборационистского толка, которым командовал не немец, а туземец! Неважно, что проку от него было мало, и в конце концов, ввиду отсутствия каких-либо результатов, немцы его расформировали, факт остается фактом. Да, все что удалось генералу, это разгромить пару-другую польских и белорусских деревенок, зато сегодня памятник ему стоит неподалеку от Понар (Панеряй) под Вильно. Там, где «герои» из добровольческого отряда понарских стрелков *Ypatingas Burys*, созданного на базе националистической организации *Lietuvos Šiaulių Sąjunga* (Союз Литовских Стрелков) с июля 1941 г. по июль 1944 г. уничтожили около 100 тыс. бывших граждан Польши, в основном евреев, но также и поляков: ксендзов, ученых, профессоров, студентов, членов польского подполья. Кого, среди жертв не было, так это членов АК, и, видимо, по этой причине «партизаны» понарских стрелков не донимали.

Так, может, все-таки война между двумя «цивилизационно близкими» европейскими народами велась как-то иначе, особенно в сравнении с варварскими действиями в тех же местах «азиатских орд» советских партизан. Увы, и тут ничего утешительного. Похоже, своего будущего членства в единой Европе исторические соседи не предчувствовали. Вот опять же и Делегатура эмигрантского польского правительства сообщает в отчетах в мае 1942 г.: «...Литовцы обманулись в своих надеждах на немцев и еще больше жаждут мести над поверженными поляками. Постоянно угрожают, что после уничтожения евреев придет очередь поляков». И в августе того же года: «...Виленица и далее является местом самого тяжелого политического террора на территории восточных земель Польской Республики, в котором литовцы соревнуются с немцами». Уже после распада СССР попробовали бывшие солдаты АК (опять, получается, НКВД плохо работал, раз уж они там еще оставались!) основать свой клуб ветеранов, да министерство юстиции Литвы отказало. Под тем предлогом, что деятельность АК была направлена против литовского государства (ау, специалисты, найдите на карте 1941—1944 гг. литовское государство, а заодно и латвийское с эстонским! — *Прим. авт.*), а кроме того, существует достаточно много доказательств ее преступлений в Литве. А кончилось это все так называемым «общественным судом» над АК 8 октября 1993 г.

Естественно, историки из Польши не пропустили удара, стали дружно оспаривать наличие антилитовской позиции у АК. Она, мол, с немецкими и советскими оккупантами, а также их пособниками, сражалась, и вообще документально подтвержден только расстрел литовцами 38 поляков в июне 1944 г. в местечке Глинцишки (сейчас Глантишкес в Литве) в отместку за то, что бойцы АК, в свою очередь, убили двух литовских полицейских. Возмездие не заставило себя ждать. «Легендарный» (этот эпитет уже навечно присвоен ему не только историками, но и искателями «истинных» героев новой Польши) командир Зыгмунт Шендзяж — «Лупашко» двинул свой отряд на местечко Дубинки (в настоящее время Дубингяй), где вследствие этой акции погибло 50 литовцев (по некоторым данным, среди погибших были и поляки). Причем среди жертв с обеих сторон были и ни в чем не повинные жители, женщины и дети. А так как этот самый «Лупашко» (или «Лупашка») фигурирует сегодня в польской истории почти как национальный герой, боровшийся исключительно с коммуной и головорезами из НКВД, есть смысл привести свидетельства тех, кто еще жив и помнит реальные партизанские похождения этого «Робин Гуда». Несмотря на то, что происходило это уже на западном берегу Буга, а потому выходит за рамки данной книги. Речь пойдет об исчезнувшей белорусской деревне Сыпни Новые, которую «навешали» бойцы «Лупашки». Данные собрала и опубликовала белорусская исследовательница В. Лоевская. Вот краткие выдержки, к которым и комментарии-то никаких не требуется.

«...Помню ту ночь, — говорит пан Миколай, — как раз после Рождества сорок пятого года, мороз тогда был. Тогда в январский вечер 1945 г. бандиты забрали пять мужиков... А мать моя все видела, они ж были соседи. Мама говорила, что били их прикладами, проволокой руки и ноги повязали и положили на сани, так кровь за ними лилась... повезли... а куда, никто не знает. Говорили, к Бугу, под воду попихали, и все...

— Кто были эти люди, которые приходили...забирали имущество, приказывали уезжать к Сталину? — спрашиваю жителей села Сыпни Новые.

— Ходили и в мундирах и в гражданской одежде... Говорили, что они из Армии Крайовой... все с бело-красными повязками

на рукавах, где черными буквами написано “АК”, — говорит пан Миколай.

— А Ромек Бабулевич (погибший житель села) все говорил: АК — это Армия Катов (“кат” и по-белорусски и по-польски значит “палач” — *Прим. авт.*), потому что его батьку они забрали с конем... держали в подвале и там мучили, а Ромека убили на поле (он был калека, хромой...) осенью в 45 году... а батьку весной за то, что он кацап, они нас поиному и не называли, только кацапами...

Пану Борису было тогда, в 1945 г., 15 лет:

— ...тогда они все приходили и говорили — вам тут не место, если не уедете отсюда, то пуля в лоб. Как только смеркалось, то мы, все православные, убегали, прятались где кто мог, где кто какую дыру найдет»³⁹.

Да только польских публицистов-историков ничем не смутить, а потому пишут они, что «партизаны» за погибших от рук НКВД товарищей мстили. А некоторые даже вопрошают, указывая в музеях на снимки симпатичных молодых людей из банды «Лупашки»: «Посмотрите на эти лица. Разве это лица бандитов?» Ответ им В. Лоевская дала безыскусным и верным названием своей статьи: «Не смотрите на фотографии».

Солидарен с В. Лоевской и современный белорусский историк Юрий Туронок, весьма плодотворно и интересно разрабатывающий тему оккупации в Белоруссии, и считающий, что для большинства населения Беларуси и в особенности сельского, основной целью было выжить. И эта борьба за собственное существование по мере разрастания грабежей и реквизиций как со стороны оккупационных властей, так и со стороны партизан самых разных мастей давалась ему все трудней. Жаль только, что тогда, что теперь этой странице жизни под оккупацией уделяется гораздо меньше внимания, чем описанию партизанских вылазок и следующих за ними операций карателей...

Пусть также выскажется и тот, кто сам не понаслышке и не из архивных документов знал партизанскую жизнь, русский писатель Константин Воробьев. Уж он-то не готовился к «Буре», а, бежав из немецкого плена, воевал в партизанском отряде, и именно в Литве. «Будничная изнанка партизанской жизни неприятна, даже отвратительна, — писал он. — Голод, чесотка, вши, отсутствие медикаментов и врачебной помощи, как-то объяснимые в этих ус-

ловиях случаи грабежей и мародерства... Это никому не надо знать, потому что неинтересно. Хвастаться тут нечем». Кстати, практически о том же самом рассуждает и воевавший в тех же местах поляк: «... нельзя людей многие годы держать в подполье, оно деформирует, деморализует; нельзя держать людей в подполье 5, 8 лет, и не дай Боже, еще и в вооруженном подполье...»⁴⁰

Вот она, чистая правда о войне, для тех, кто действительно в ней заинтересован, а не занимается словоблудием на тему исторической справедливости и общечеловеческих ценностей. Нельзя судить участников тех трагических событий по меркам сегодняшнего дня, а если кому уж очень хочется, пусть для начала попробует поставить себя на их место.

Граждане сопротивляются, или некоторые штрихи жизни и деятельности Делегатуры

Так как в Белоруссии и на Виленщине польское подполье по своим возможностям было наиболее сильным, имеющим существенную базу среди польского населения, составлявшего здесь значительную часть жителей, рассмотрим деятельность «гражданского подполья» на примере Делегатуры правительства в Виленском округе. Именно в Виленском округе ситуация складывалась наиболее показательно, поскольку там в 1941 г., после преобразования Службы победы Польши в СВЗ, во главе гражданских конспиративных структур, впоследствии Делегатуры, оказались военные, а в конечном итоге — с апреля 1941 г. — наш старый знакомый, полковник «Вильк».

В 1943 г. Делегатура и АК создали в Вильно Управление подпольной борьбы. В состав руководства этого подразделения опять же входил «Вильк», делегат правительства З. Федрович (псевдоним «Альбин»), начальник штаба командования округа АК подполковник Л. Кшешовский (псевдоним «Людвик») и др. Задачей этого Управления было руководство как гражданской, так и военной деятельностью в необходимом направлении. На заседаниях руководства рассматривались, как правило, вопросы отношения АК с местным населением, с нацменьшинствами, с советскими партизанами и с оккупантом.

Кроме того, существовало бюро Делегата, занимавшееся текущими техническими и организационными вопросами, а также осуществлявшее руководство деятельностью так называемого подразделения легализации, в действительности специализирующегося на изготовлении фальшивых документов, отличавшихся очень высоким качеством. Позднее умельцам из этого подразделения с их «высококачественными» подделками придется противостоять уже НКВД, причем не всегда успешно.

Важное место в структуре Делегатуры, как мы уже упоминали, занимал отдел (департамент) безопасности. К задачам этого отдела в Вильно относилось следующее: политическая разведка (сбор и обработка информации о настроениях в обществе, о национальных меньшинствах и их отношении к польскому населению), взаимодействие с разведкой и другими структурами АК в области получения сведений военного характера, борьбы с информаторами и агентами гестапо, а также литовской «Saugumas» (полиции безопасности), передача данных о деятельности коммунистических структур, а также охрана Делегатуры. Кроме того, отдел безопасности должен был готовить кадры для послевоенной полиции (Государственный корпус безопасности). В рамках этого же отдела существовало также разведывательное подразделение, называвшееся следственным отделом и располагавшее многочисленной агентурной сетью. По польским источникам, в одном лишь Вильно информационно-разведывательная сеть включала в себя более 100 человек. Эта структура занималась активным сбором информации о коммунистическом и советском подполье.

Отдельно следует упомянуть деятельность так называемого Особого карательного суда, сформированного в 1943 г. В основном рассмотрением преступлений против Польши и поляков на оккупированной территории, в том числе и в Беларуси и на Виленщине, занимались Особые военные суды, как структуры АК. Что касается Особого суда Делегатуры, то в его сферу попадали по большей части преступления, не относившиеся к категории тяжких.

Глава 6

Когда враг остается один...

Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания.

У. Черчилль. Вторая мировая война

Как известно, 1943 г. стал переломным на восточном фронте. Впрочем, гитлеровские «языковеды» предпочитали другую трактовку, называя сложившуюся к тому времени неблагоприятную для 3-го рейха военную обстановку «спрямлением линии фронта». Однако спрямление следовало за спрямлением, и фронт мало-помалу стал приближаться к Беларуси и Украине. А это не устраивало не только немцев, но и поляков, ибо противоречило официальной теории Армии Крайовой, в соответствии с которой враг № 1 и враг № 2 должны были истечь кровью в борьбе друг с другом, тем самым освободив для польских патриотов авансцену истории. Вот только, на беду стратегов из АК, их расчеты не оправдались: вместо того чтобы корчиться в предсмертных судорогах, один из ненавистных им исполинов продолжал упорно сопротивляться, а другой неотвратимо наращивал силы и активизировал действия своих вооруженных формирований на оккупированных территориях. Что в конце концов и заставило «глубоко идейных» аковских подпольщиков посмотреть на свои прежние выкладки под новым углом зрения, явно противоречащим самозабвенно отстаиваемому польской стороной тезису об уни-

кальности Польши, в которой-де не было своих квислингов и коллаборантов.

На самом деле понять апологетов польского «чуда» не так уж и трудно: кому бы не хотелось чувствовать себя единственным и неповторимым. Кроме того, незапятнанность сотрудничеством с оккупантами — беспроегрешный козырь, который можно эффектно вытаскивать из колоды по случаю славных юбилеев, чтобы восточные соседи с их мелкой картой в полной мере осознали свою ничтожность. Дескать, пока безупречная во всех смыслах Польша отчаянно сражалась с фашистами, ее сначала подло оккупировали в 1939 г., а потом не давали ее гордым сынам за демократию сражаться, норовя их вместо этого в окопы спровадить, а на тех что не хотели идти на запад вместе с кровавадной Красной армией, так и вовсе головорезов из НКВД насылали!!!

В действительности же, как только перед отцами-командирами из АК высветилась весьма нежеланная перспектива того, что освобождение от гитлеровцев придет с Востока, в Варшаве и в Лондоне настолько обеспокоились, что начали кампанию по привлечению внимания общественности на Западе к факту своего существования. В 1943 г. в «Информационном бюллетене» впервые появляется термин «Польское подпольное государство», а в западных изданиях — англоязычных польских и стран антигитлеровской коалиции — публикации, достаточно подробно описывающие структуру подпольной администрации во главе с вице-премьером эмигрантского правительства, так называемым делегатом правительства в стране, и деятельность подпольной армии.

Помимо этого, 16 ноября 1943 г. эмигрантское правительство в Лондоне направило всем правительствам союзников обращение с просьбой помочь в возобновлении советско-польских отношений и возобновлении обсуждения территориальных вопросов с учетом того, что получение Польшей территории Пруссии и Силезии не может считаться возмещением ущерба за Львов, Вильно и «восточные территории». Образно выражаясь, поляки начали понимать, что на восточных окраинах для них запахло жареным.

В создавшихся угрожающих условиях не дремала и немецкая администрация на оккупированных бывших польских «восточ-

ных окраинах», в отличие от своей верхушки достаточно хорошо осведомленная в раскладах действовавших на подотчетной территории «бандформирований». С 1943 г. немцами предпринимаются усилия к тому, чтобы, используя противостояние между структурами АК и Советами, по крайней мере нейтрализовать действия советских партизан, а заодно направить активность польских «партизантов» в нужное им русло. А там, глядишь, и войну в тылу Красной армии организовать, благо опыт у поляков по этой части уже имелся. В воспоминаниях очевидцев тех событий с польской стороны даже приводится совершенно курьезный факт: после стычки одного из польских отрядов в браславском округе АК с крупным советским партизанским отрядом полякам пришлось в спешном порядке удирать через небольшое местечко. «Драп» проходил мимо немецкого поста. Так немцы не только не атаковали бегущих мимо вооруженных поляков, но даже и козыряли им. Что и неудивительно: ситуация, когда поляки и Советы уничтожали друг друга, была гитлеровцам на руку.

Кстати, основания к тому, чтобы при случае рассчитывать на поляков, у немцев были. Это и польские исследователи, освободившиеся от советского рабства, теперь признают. В частности, в одной из работ о национальных взаимоотношениях во время немецкой оккупации делается весьма ценное признание. Высказывается не лишнее основания предположение, что возникновению среди поляков надежд в отношении немцев содействовало то, что несмотря на все ужасы оккупации, поляки чувствовали, что их с немцами тем не менее сближает принадлежность к одной и той же цивилизации, в то время как Советы были в любом случае чужаками, ибо в глазах поляков они были представителями «азиатской» цивилизации. Так что гитлеровский оккупант был, грубо говоря, приемлемее¹.

Другими словами, уже под немецкой оккупацией поляки поняли, что рано или поздно им придется жить с немцами в единой Европе, куда русских азиатов пускать никак нельзя. На то она и цивилизационная близость, чтобы обязывать даже перед разверстыми газовыми камерами. Тем более сам вождь тысячелетнего рейха А. Гитлер предупреждал поляков: «Поляки должны работать, а немецкий солдат будет защищать как их, так и всю Европу от большевизма». Да и немецкая пропаганда свое дело знала

туго. Во Львове, к примеру, в 1944 г. даже плакаты на польском языке по городу вывешивали: «К оружию — за лопаты. Все на борьбу и на труд против общего врага». Однако, несмотря на то, что отцам-командирам из АК и хотелось внести свой вклад в дело борьбы с большевизмом, в особенности на «восточных окраинах», лопатами они брезговали: дескать, несподручно таким инвентарем с советскими партизанами воевать. И то верно, не на УПА же им было ориентироваться, которая, видимо, из экономики, тех же поляков как раз лопатами и убивала. Отсюда вывод: не знали в АК старую русскую пословицу — не рой яму другому, сам в нее попадешь. Тем более если польская яма роется гитлеровской лопатой.

Итак, первые попытки установить контакты и наладить сотрудничество с отрядами Армии Крайовой, по разным сообщениям, предпринимались немецкой стороной уже в 1943 г. Начальник СС и полиции в Белоруссии Готтберг осенью 1943 г. делал первые шаги в этом направлении. В отличие от наместника в Белоруссии Вильгельма Кубе, считавшего, что в Белоруссии необходимо создать национальные формирования, которые могли бы противостоять партизанам. Готтберг же рассуждал иначе: к чему новые структуры, если есть Армия Крайова, у которой имеются и люди, и желание бороться с Советами, разве что оружия не хватает. Как сообщает А. Литвин, «...генеральный комиссар Белоруссии фон Готтберг не разрешил проводить мобилизацию местного населения в Белорусскую Краевую Оборону (вооруженные силы из белорусских коллаборантов, созданные оккупантами) на территории Лидского округа, районов Узда, Ивенец, Воложин, Браслав, Мядель, Козловщина и части Деречинского района, где фактически проводилась мобилизация в АК. Особенно открытый характер мобилизация в АК, с позволения немцев, приняла на территории лидского округа, там даже людей повестками в АК призывали. А как же, все честь честью, — «подпольное государство ведь». Да и гитлеровцы по сравнению с Советами, так надо полагать, были истинными демократами, даже мобилизацию в якобы вражескую армию в зоне своей оккупации провести позволяли. Видимо, чувствовалось уже дыхание объединенной Европы, а потому цивилизационная близость начинала проявляться все больше.

Чуть позже, в 1944 г., Советы тоже хотели мобилизацию среди поляков провести — только в свою армию, — история о том, что из этого получилось, еще впереди.

Пока же продолжим рассказ о непогрешимых польских героях-подпольщиках. Рассмотрим поподробнее первые попытки установления контактов между немецкими оккупантами и отдельными подразделениями АК в Белоруссии. Так вот, на них сразу же клюнули избежавшие разоружения подразделения Столбцовской группировки АК, в том числе небезызвестные нам А. Пильх и З. Нуркевич. К ним через старосту местечка Раков обратилась немецкая жандармерия с предложением заключить договор о том, чтобы избегать любых враждебных действий друг против друга. Кроме того, немцы предлагали помощь оружием и амуницией. 9 января 1943 г. капитан Адольф Пильх (псевдоним «Гура»), ставший командиром «Столбцовской группировки» в новогрудском округе АК, заключил с немцами такой договор и получал практически до самого конца оккупации оружие и боеприпасы из Минска. Интересен также и малоизвестный факт, что еще ранее поляки установили контакты с латышскими вспомогательными батальонами, использовавшимися гитлеровцами в Белоруссии. В частности, 24-й Талсинский батальон, базировавшийся в Столбцах, регулярно получал от польского подполья данные о расположении «красных террористов».

А теперь, похоже, подошел момент отдельно поговорить о Пильхе, поскольку уж очень часто его имя встречается в данном тексте. Так кто же он такой? Родился в Силезии, учился в гимназии и институте в Варшаве. Был направлен в училище подхорунжих запаса, однако в армию во время войны 1939 г. почему-то призван не был. Уехал на Запад, повоевал во Франции, после разгрома Франции переправился в Англию, где благополучно прошел разведывательно-диверсионную подготовку и был переброшен в оккупированную Польшу. Покомандовал партизанскими отрядами в белостокском округе АК, затем был переведен в Белоруссию. Его «Столбцовская группировка» располагалась на одной территории с советским партизанским отрядом в районе г. Ивенец. Между «соседями» часто возникали стычки, по большей части по вопросу снабжения продовольствием у местного населения. Как мы знаем, в конце концов в декабре 1943 г.

«большевики», видимо, не могли уже больше с этим мириться и разоружили большую часть польских отрядов. Не обошлось без жертв. В результате потрепанная под Ивеньцом группировка Пильха вообще прекратила какие-либо столкновения с оккупантом вплоть до июня 1944 г.

Комендант округа, уже известный нам под псевдонимом «Правджиц», ничего не имел против того, чтобы немцы помогали пострадавшему отряду оружием, боеприпасами и медикаментами. Однако дело это пахивало плохо, так как 24 апреля 1943 г. СССР порвал дипотношения с правительством в Лондоне из-за катынской истории, а потому складывалось впечатление, что поляки начинают «брататься» с немцами в отместку. Кроме того, к этому времени польской стороне стало известно решение о разоружении польских отрядов и включении их в состав советских: после одной из стычек с советскими партизанами соответствующие документы были обнаружены при захваченном трупe одного из политработников. Ввиду такой перспективы на сотрудничество с оккупантами в г. Лида пошел и командир «Наднеманской группировки» АК поручик Юзеф Свида (псевдоним «Лех»). Ориентировочно в январе 1944 г. он установил контакты с немцами и заключил с ними договор о ненападении. Причем об этом им были официально извещены не только командиры, но и солдаты подчиненных ему формирований. В результате соглашения Наднеманская группировка в период января — марта 1944 г. пять раз получала вооружения от немцев. А оба командира — Пильх и Свида — впоследствии утверждали, что все это происходило с согласия командование новогрудского округа АК. При этом с комендантом округа подполковником «Правджицем» было условлено, что получаемыми от немцев оружием и боеприпасами самолично распоряжаться нельзя, распределением будет заниматься командование округа. Ну а поскольку в данном случае сотрудничество с немцами носило уж слишком явный и вызывающий характер, то для порядка — надо же было успокаивать начальство в Варшаве, — в марте 1944 г. «Леха» судили и даже приговорили к смерти. Впрочем, казнь так и не состоялась. М. Каленкевич (псевдоним «Котвич»), уполномоченный штабквартиры АК, отложил исполнение приговора до конца войны и предоставил «Леху» возможность оправдать себя на поле боя.

«Леха» отправили подальше, а возглавивший его формирование Каленкевич от стычек с советскими партизанами, к слову сказать, также не воздерживался.

Что касается поступавшего от немцев оружия, то, как оно распределялось и использовалось в деталях, не изучено, зато общеизвестно, что ряды бойцов АК на Новогрудчине и Виленщине именно в конце 1943 — начале 1944 г. заметно расширились. Тогда же началось вытеснение советских партизан и борьба с безоружным населением, не сочувствующим польскому делу. Весной 1944 г. были даже созданы и продержались вплоть до прихода советских властей две «партизанские республики АК» — Дзевенишская и Тургельская, названные так по двум местечкам — Дзевенишки и Тургели — на юге и юго-востоке от Вильно. На Новогрудчине отряды АК полностью захватили два уезда — Юратишки и Ивье, — а также частично Щучинский и Лидский уезды, где под полным контролем оккупационной власти оставались только города Лида и Щучин. Хотя и тут не все шло гладко. Особенно когда полякам приходилось иметь дело не с литовскими полицейскими или же вспомогательной полицией, состоящей сплошь из «засланных аковских казачков». «В апреле 1944 г. 8-й батальон 77 пехотного полка АК пытался штурмом овладеть местечком Вселюб в 15 километрах от Новогрудка. Небольшой местный гарнизон БКА (Белорусской Краевой Обороны) отбил нападение, в ходе которого белорусами был убит командир польского батальона»². Что и говорить, трудно воевать с частями, которыми не командуют поляки. А еще следует добавить, что в данном случае речь идет о 8-м батальоне из бывшей группировки Ю. Свида («Леха»), который за все время своего существования сподобился всего лишь на эту операцию, закончившуюся столь бесславно.

Местные полицейские силы, со своей стороны, 8 января 1944 г. заключили договор с насчитывающей в своем составе около 400 человек и действовавшей в регионе между Белостоком и Литвой 3-й польской партизанской бригадой АК под командованием «Шчербца», в соответствии с которым вся эта группировка была полностью подчинена приказам немецкого командования и противостояла советскому партизанскому формированию Маркова. Кроме того, в обязанности отрядов «Шчербца» входило обеспечение охраны нескольких железнодорожных ли-

ний для вермахта. Создание же так называемых «партизанских республик АК» означало одно: из данных районов были выбиты не только советские партизанские отряды, но и уничтожено все советское подполье и сочувствующее ему население. А установленный таким образом польский порядок вполне устраивал немецкие оккупационные власти.

Кстати, наводился этот порядок, что называется, железной рукой. Можно даже сказать, посредством репрессий. (Уж так и быть, употребим любимое словечко польских историков, подразумевающих под ним любое действие, не соответствующее интересам польского населения.) Так, в Заславльском и Дзержинском районах отряды АК уничтожили 11 белорусских деревушек, убив 200 мирных жителей. А в районе города Лида «аковцы», по их собственным признаниям, опубликованным в нынешней Польше, в 1944 г. убили и зверски замучили около 6 тысяч мирных жителей, которые, естественно, были объявлены коммунистами и коммунистическими прихвостнями. И это при том, что тогда во всей округе и сотни коммунистов не набралось бы. Уничтожая, а по возможности и предавая немцам партизан, аковцы высвободили для фронта — и не только Восточного, но и Западного — десятки немецких подразделений.

Видимо, в качестве поощрения и благодарности от немцев brave партизаны из АК к лету 1944 г. получили в свое полное владение два местечка в Щучинском районе — Желудок и Василишки, где они заменили выведенные немецкие гарнизоны. И тут же приступили к очистке территории от большевистской заразы, да с таким рвением, какое и гитлеровцам не снилось. «Герои» из АК занимались грабежами подозреваемых в сочувствии к советским партизанам, сжигали их дома, не гнушались и убийствами. В марте 1944 г. аковцы сожгли 28 хуторов и одну деревню в Василишском районе, расстреляли 30 крестьян. Имеются и другие примеры, в которых то и дело фигурирует г. Лида и ее окрестности. Что и не удивительно, ведь именно там орудовал знаменитый партизанский командир пан «Рагнер», само собою, ныне ставший в Польше легендарным. Вот уж где он всласть погулял!

По оценкам белорусской стороны, с февраля по середину апреля 1944 г. в районе Лиды от рук солдат АК погибло несколько тысяч человек, в том числе только в одном Белицком уезде —

480 человек. Особенно ожесточенный характер носили столкновения между польскими партизанскими бригадами и советскими партизанами в районе Новогрудка и в Юго-Восточной Литве. Начались расстрелы русских гражданских лиц, убивались выявленные местной сетью АК родственники офицеров Красной армии и советские учителя, посланные в свое время на работу в эти районы. При этом в случае захвата в плен немецких солдат и офицеров, рыцари из АК, обобрав врага до нитки, все же не лишали его последнего достоинства — жизни, а отпускали, заявляя, что солдаты АК — это «польские борцы за свободу, а не большевики». Известны даже случаи освобождения эсэсовцев.

Так что уже в марте 1944 г. генерал Готтберг на проводившемся совещании в Минске не без гордости мог отчитаться о том, что на сторону оккупантов перешли три польские банды и всю бьют красных — это и были банды А. Пильха, Ю. Свида и Ч. Зайончковского.

Такие действия вызвали «неудовольствие» как командования АК в Варшаве, так и лондонских властей. Был отдан приказ о прекращении сотрудничества с немцами и принятии мер к запятнавшим себя лицам. В итоге Свиды был переведен с глаз долой из новогрудского округа. Но Пильх на приказ наплевал и от сотрудничества не отказался. Не иначе в соответствии со старой доброй традицией, заложенной еще генералом Желиговским: тот ведь тоже учинил бунт и в нарушение всех правил приличия, принятых в международном сообществе, взял да и завоевал Вильню! И, как потом оказалось, правильно сделал! Ну, пожурили Польшу чуток на международном уровне, ну, с Литвой поссорились (правда, в 1939 г. все, кто мог, драпанули в Литву, спасаясь от Красной армии), зато какое благо государству польскому! Вероятно, рассчитывая на что-то подобное, Пильх не уговорился и продолжил свою оплаченную войну с «красной заразой». По его же собственным сообщениям, с января 1943 по апрель 1944 г. бойцы возглавляемой им группировки ликвидировали около 6 тысяч «большевиков». Можно предположить, что жертвами этой «войны» в основном становилось белорусское население, которое подозревали в поддержке Советов. Поскольку, если бы это были партизаны, то в этом районе о них наверняка уже не было бы слышно.

Непосредственно же перед освобождением Вильно, в котором в рамках плана «Буря» должна была принимать участие и «Столбцовская группировка», пан Пильх решил прорываться в Польшу. Видимо, у него как «человека чести» не поднималась рука направить на «благодетелей» дареное ими же оружие, тем более, что оно еще против «большевиков» сгодится! А потому постоял он, постоял в боевой готовности со своими бойцами, а гонца-то от командования нет. Значит, надо отступать. А чтобы было легче, захватил с собой пленных немецких жандармов. А затем, дабы не испортить мундир, не стал форсировать Буг вплавь, а перешел его спокойно среди отступающих подразделений немецкой армии. Как прозрачно намекают остроумные польские исследователи, отважных бойцов польского Джеймса Бонда — Пильха, увешанных немецким оружием (офицеры АК Белостокского округа, встретившие затем соединение Пильха, с завистью отмечали необычно большое количество нового немецкого автоматического оружия), но непреклонно одетых в польские мундиры с бело-красными петлицами польских улан на воротничках да с польскими орлами на фуражках, отступавшие в панике немцы, сильно изнуренные боями с Советами и потерявшие остроту зрения, по-видимому, приняли за своих. Что, в общем-то, так и было. Ведь в кармане у Пильха на всякий случай лежала справочка, составленная в минском СД, что его отряд является противопартизанской частью. Хотя это и усиленно опровергается польскими историками как коммунистический навет, под тем предлогом, что командующий АК пан Комаровский (псевдоним «Бур») двукратно наградил Пильха высшей польской военной наградой. Сам же Пильх, незадолго до смерти посетивший Польшу, освободившуюся наконец от «большевиков», был приятно удивлен, что его встречали как легендарного партизанского вожака, а не как коллаборанта.

Но это сегодняшние игры демократов, а в далеком 1943 г. все было по-другому. Тогда терпящие Восточном фронте поражение за поражением и в связи с этим настроенные на сотрудничество с АК, немцы прекрасно понимали, что договариваться с каждым партизанским вожаком по отдельности — настоящая морока. Да и время поджимало — дело шло к широкомасштабному наступлению польского врага № 2. А потому гитлеровское руководство

в Польше развивает бурную деятельность, весьма любопытная картина которой вырисовывается в исследованиях последнего времени, проведенных М. Федровицем, Б. Кьяри, а также рядом других. Так вот, согласно этим исследованиям, взять быка за рога решил абвер. Летом 1943 г. руководитель абвера в Литве доктор Юлиус Кристиансен пригласил руководство виленского округа АК на обед, чтобы поговорить о возможном сотрудничестве в связи с усилением действий советских партизан. Контакты продолжились и оказались успешными. Для полного ажюра командующий Виленского округа АК Кшыжановский даже получил от немцев в целях сохранения тайны истинно миротворческий псевдоним для прикрытия — «Цветочек». Кстати, на переговорах, на которых помимо прочего было достигнуто соглашение о передаче польским отрядам оружия для борьбы с советскими партизанами, присутствовал и сотрудник британской разведывательной службы, имевший псевдоним «Роберт», поскольку англичане не меньше поляков были заинтересованы в том, чтобы задержать продвижение Красной армии на старой польско-советской границе. (Уже после войны за ним долго и, к сожалению, безуспешно, гонялись спецслужбы СССР.)

Так, уже с конца лета 1943 г., выполняя немецкий заказ, польские отряды начали операции против Советов. В итоге в том же году в Виленской области в столкновениях с отрядами АК советские партизаны потеряли 150 человек убитыми и ранеными, около 100 человек пропало без вести. Да и письма Кристиансена в январе 1944 г. подтверждают успех его миссии. Затем к этому делу попыталась подключиться также и служба безопасности рейха. 19 января 1944 г. сотрудник минского СД Зайдлер встретился с комендантом виленского округа АК полковником Александром Кшыжановским (псевдоним «Вильк» — волк). Однако Кшыжановский получил предложение о сотрудничестве от командования вермахта на территории Литвы и потому прервал контакты со службой безопасности. Да и чего бы ему не поторговаться, имея такой богатый выбор предложений, одно заманчивее другого?

Как нам уже известно, большинство польских партизан имело немецкое вооружение, частично доставшееся в качестве военной добычи, но в подавляющем количестве случаев конспиративно переданное им немецкими службами, чтобы бороться с

Советами. Также в качестве встречной услуги из немецкого ареста освобождались и польские пленные. Примером здесь может служить партизанский батальон поручика Чеслава Зайончковского, псевдоним «Рагнер» (уже неоднократно поминаемый. — *Прим. авт.*), который договорился о перемирии в новогрудском округе АК. Трофейные немецкие документы также говорят о выгоде сотрудничества с АК. Так, оберштурмбанфюрер СС Штраух докладывал: «Отряд в 300 человек в Ракове и Ивенце оказался очень полезен. Переговоры с бандой “Рагнера” в одну тысячу человек закончены. Банда “Рагнера” умирят территорию между Неманом и железной дорогой Волковыск — Молодечно, между Мостами и Ивье. Установлена связь с другими польскими бандами». (Между прочим, очень правильное определение!) Что касается Зайончковского, то он погиб 8 декабря 1944 г. в бою с НКВД. Похоже, не помогло «народному мстителю» из АК немецкое оружие.

В начале февраля 1944 г. Кристианзен даже посетил штаб «Вилька», взаимопонимание было налицо, атмосфера хорошей, настроение оживленное. Даже СС поддерживало данный проект. Но «Вильк» выставил требования: 1. Признание Польши в границах 1939 г.; 2. Компенсация за военный ущерб в 1939 г.; 3. Освобождение всех польских пленных и вывезенных на принудительные работы; 4. Передача оружия на 30 000 человек, в том числе танков и артиллерии руководителю виленского округа АК. Известный принцип — проси по максимуму, если в тебе нуждаются. В середине февраля «Вильк» снова встретился с Кристианзеном и получил от него теперь уже условия немецкой стороны: прекращение нападений поляков на части вермахта и немецкую администрацию, совместное очищение области от коммунистических банд, в том числе и при взаимодействии с частями вермахта. При этом в политическом плане ничего не должно было меняться. Таковы данные немецкого исследователя М. Федровица³.

По сведениям другого немецкого знатока предмета Б. Киари, Кшыжановский дал честное слово офицера, что нападения на немецких военнослужащих будут исключены, а немецкое оружие при неудаче согласованных военных акций возвращено. Кроме того, было согласовано официальное подчинение польских бригад немецкому командованию, а также выделение

немецких инструкторов для обучения польских частей обращению с современным немецким вооружением. Помимо этого, оговаривалось, что поляки при задержании не расстреливаются и защищаются от «литовских элементов» (!), раненые поляки получают соответствующее лечение в немецких лазаретах.

Правда, «Вильк» не хотел иметь дело ни с гестапо, ни с СД, но поддерживать отношения с абвером он был не против — все ж свой брат, офицер-разведчик. СД же намеревалось предложить АК 120 000 единиц патронов, 12—15 пулеметов и минометы. Бригада Пильха уже получила к тому времени 10 000 единиц боеприпасов, а также пулеметы и минометы. К переговорам подключилась и Делегатура правительства. И хотя на сотрудничество с немцами согласились не все командиры АК, успех был налицо: значительная часть отрядов АК вышла из игры и против немцев не воевала, и даже более того, всячески противодействовала советским партизанам, что существенно облегчало для гитлеровцев ситуацию в оккупированных областях Виленщины. По некоторым данным, советская разведка имела своего агента в штабе Кристианзена и потому знала о польско-немецких переговорах. Уже это создавало весьма серьезную основу для недоверия к полякам и соответствующих выводов, которые и были сделаны в 1944 г. после освобождения Литвы Красной армией.

Но все же в результате проведенных в Вильно и в Каунасе немецко-польских переговоров взаимоотношения «Вилька» и гитлеровского командования приобрели весьма конкретные очертания:

- нападения на вермахт, немецкую полицию и подчиненные ей соединения прекращаются;

- устанавливается сотрудничество польской и немецкой разведки против агентуры НКВД;

- Кшыжановский положительно решает немецкие требования относительно поставок продовольствия и рабочей силы для выезда в Германию. Эти задачи должны выполнять польские командиры на местах (вывозились с польской помощью белорусы, так как полякам обеспечивались надлежащие документы, по которым они вывозу в Германию не подлежали);

- немецкая сторона обещает помощь в удалении с должностей наиболее ненавистных литовцев.

В качестве «пробной акции» по приказу немецкой стороны 25 февраля 1944 г. на основании немецких разведданных польскими формированиями проводится операция против советских партизан в Налибокском лесу⁴.

А вот какие комментарии на эту тему из журнала «Шпигель» приводит Станислав Куняев:

«Польская Армия Крайова временно сотрудничала во Второй мировой войне с частями СС и вермахта. Это подтверждают документы из московского архива, которые историк Бернхард Чиари (правильно — Киари. — *Прим. авт.*) опубликовал в журнале “Остойропа”. Армия Крайова (АК) ...воевала вначале против немецких оккупантов за свободную Польшу. Однако в 1943 г. бойцы Армии Крайовой развязали на глазах у немецких оккупантов жестокую гражданскую войну против советских партизан в Восточной Польше, Белоруссии и Литве. Поляки были озлоблены тем, что Сталин приказал расстрелять в 1940 г. в Катыни тысячи польских офицеров. В начале 1944 г. АК в Вильно предложила немцам провести переговоры о сотрудничестве: “Ненависть к большевизму” у поляков так же “велика”, как и у немцев. Армия Крайова, подчеркивал оберфюрер СС Вильгельм Фукс, — “единственная сила, способная подавлять большевистско-еврейские банды”. 7 февраля 1944 г. полковник АК Александр Крыжановски (ошибка, Кшыжановски. — *Прим. авт.*) заключил с немцами сделку о сотрудничестве в регионе Вильно: немцы снабжали поляков оружием, медикаментами, лечили раненых, а поляки выразили готовность оказать в долговременном плане помощь Гитлеру в войне против Советов, выделив для этой цели 18 пехотных батальонов. За это они потребовали прекращения немецкого террора и признания польских границ по состоянию на 1939 г. Для “испытания на прочность немецко-польского сотрудничества” АК передала в подчинение немецкому командованию “3-ю польскую партизанскую бригаду”. Получив от немцев карты и разведданные, бригада, по приказу немецкого командования, атаковала советских партизан. Однако до создания прочного союза не дошло. Лондонское правительство в эмиграции отклонило широкое сотрудничество с нацистами. Только небольшие соединения АК продолжали после этого взаимодействие с немцами. Когда в 1944 г. Сталин захватил

Вильно, он приказал депортировать руководителей АК. Многие бойцы АК были арестованы»⁵.

Та же участь в 1944 г. постигла и Кшыжановского. И хотя ему удалось бежать из лагеря в Грязовце, позже он снова был арестован в Польше и во время допроса признал, что в январе 1944 г. в районе населенного пункта Микулишки действительно встречался с неким лейтенантом вермахта. Однако, по словам Кшыжановского, он отверг предложение о сотрудничестве. Что же касается контактов с немцами, то с их стороны предложение о сотрудничестве было вызвано тем, что за несколько недель до этого в районе Налибокской пуши в результате столкновения с советскими партизанами был разбит отряд АК под командованием поручика с псевдонимом «Гура». После этого этот отряд АК пошел на сотрудничество с немцами. Далее Кшыжановский добавил, что отряды АК в то время (имелся в виду конец 1943 г.) были плохо вооружены и только создавались. Положение их усугубляло то, что с ними боролись как немецкие оккупационные власти, так и советские партизаны⁶.

Что бы там ни рассказывал Кшыжановский, а итогом «взаимопонимания» между Армией Крайовой и оккупантами в Западной Белоруссии и Южной Литве стало увеличение численности вооруженных партизанских формирований почти до 8 тысяч человек, так как у поляков появилось не только оружие, но и возможность проводить на контролируемых АК территориях призыв мужского населения в ряды своих формирований. Тем не менее пойти до конца в своем сотрудничестве с гитлеровцами польская сторона не решилась, а потому последние предложили полякам «джентльменское соглашение», ударив по рукам и согласившись произвести довооружение польских отрядов. Причем довольно оригинальным способом. В частности, в зоне действия поляков появилось большое количество складов с оружием и снаряжением, которые охранялись очень слабо, и по согласованию с немцами легко становились добычей АК. Гебитс-комиссар Вульф, управлявший Вильненским регионом, также снабжал польские отряды в своей зоне для «очистки» ее от большевиков. Однако генерал СС Хинце приказал судить его за это полевым судом, и Вульф был расстрелян. В вину ему вменялась передача оружия полякам, когда подразделения АК получили тайные инструкции о формах взаимодействия с частями Крас-

ной армии в рамках операции «Буря». Об этом свидетельствовал в свое время известный польский писатель Ю. Мацкевич, два раза приговаривавшийся АК к смерти.

Но если Вульф не удалось уйти от ответственности, в том числе и исторической, то командующий Виленским округом АК А.А. Кшыжановский — «Вильк» — уже в наши дни оправдан в Польше по всем пунктам. И это при том, что в списке предъявленных ему в 1949 г. обвинений значились содействие немецкой оккупационной власти, организация контрразведывательной ячейки, которая разрабатывала и убивала коммунистических деятелей, информирование немцев о концентрациях и дислокации советских партизанских отрядов, ведение переговоров с представителями вермахта о довооружении бригад виленской АК для совместной борьбы с советскими партизанами. Из чего следует, что в современной Польше само понятие «коллорабационизм», по всей видимости, утратило свое истинное значение. И в самом деле, если назвать предателя героем, то вроде и предательства никакого не было. Другой вопрос, стоит ли этим так уж кичиться?

А то как-то нехорошо получается, когда миф о непогрешимости доблестных польских патриотов, может, и не желая того, между делом развенчивает немецкий историк Бернхард Киари, на которого мы не раз уже ссылались. Будучи специалистом по Армии Крайовой, он, судя по некоторым высказываниям, скорее уж симпатизирует польскому подполью, и все же в своей статье «Победа в поражении?», изящно избегая слова «коллорабационизм», проговаривается: «Советские органы вели переговоры с национальными силами на местах и от случая к случаю поддерживали их в их борьбе против немецких оккупационных властей. Однако одновременно НКВД, основываясь на опыте аннексии 1939 г., разрабатывал Армию Крайову, и притом с большим успехом, чем немецкий абвер. В последней фазе войны разведка и разложение вылились в более крупные военные столкновения между частями польского сопротивления и советским партизанским движением. Время от времени на фоне новой советизации Восточной Польши (автор так называет западные районы Белоруссии), которой польская сторона по праву опасалась, даже доходило до **сближения** между местными командирами Армии Крайовой и немецкими оккупационными войсками»⁷.

Глава 7

«Украина золотая...»

УПА против АК, АК против УПА

На оккупированной Украине ситуация радикально отличалась от ситуации в белорусских областях и на Виленщине ввиду значительно меньшей прослойки польского населения как базы для развития структур АК, а также из-за наличия значительно более сильного, непримиримого, сплоченного и хорошо организованного врага — украинских националистов. Эта сила проявила себя, и весьма однозначно, уже осенью 1939 г., о чем позже сообщал комендант АК уезда Бжежаны (Бережаны) в Тернопольском округе Я. Чисэк, по словам которого, во второй половине сентября 1939 г. на территории уезда отмечались вооруженные выступления украинских отрядов, нападавших на польские части с целью завладения оружием. Для справки: в 1938 г. в Организации Украинских Националистов после ликвидации НКВД ее руководителя Евгена Коновальца состоялся раскол. На руководство ОУН претендовали две группы: одна из действующих в эмиграции в Европе националистов во главе с Андреем Мельником и вторая — из так называемых «молодых» националистов во главе со Степаном Бандерой, орудовавших в Польше. Идеологически обе группы практически не имели между собой никаких различий.

Что касается польского подполья, то оно на Волыни и в Галиции, как и везде, стало создаваться в конце 1939 — начале 1940 г. Так, в январе 1940 г. были организованы командования

округов «Союза Вооруженной Борьбы» во Львове, а затем на Волыни, которая в оперативном отношении подчинялась Львову. Однако, как уже мы знаем, ужасный НКВД никогда не дремал, и в том же 1940 г. вся конспиративная сеть СВБ была раскрыта. При этом ровно таким же образом НКВД действовал и против ОУН, так что непростые отношения между украинцами и поляками были под полным контролем кровожадных чекистов и более-менее уравновешены. Но только до той поры, пока на спорной территории не появились гитлеровцы.

Начало войны между СССР и Германией было воспринято ОУН в качестве исторического шанса для создания своего государства, поэтому нисколько не поражает тот факт, что на основании своих довоенных связей с немецкими учреждениями украинские националисты считали немцев своими соратниками. Правда, как оказалось позже, немцы подходили к этому вопросу несколько иначе, рассматривая украинских националистов как инструмент, которым можно было пользоваться в зависимости от планов и потребностей. Отсюда и кажущиеся странными взаимоотношения между обеими сторонами — немцы своих «маленьких украинских друзей» то поддерживали, то преследовали. В том же причина и нарастающей непримиримости украинских националистов к польским и наоборот.

В самом начале войны немцы видели в украинских националистах ценный источник кадров для ведения диверсионных действий как против поляков, так и против Советов. Поддерживая украинцев, немцы стремились к основательному подрыву позиций поляков и польского подполья на оккупированной территории. Да и ОУН тогда считала подобное сотрудничество перспективным. Генерал Франк публично поблагодарил украинцев за лояльность и преданность Третьему рейху. Украинцы же массово начали вступать в создаваемые немцами вспомогательные военизированные формирования для диверсии на территории СССР.

В связи с чем весьма любопытен тот факт, что кадры для борьбы за независимую Украину были взращены в Генштабе польской армии. Дело в том, что поляки приютили у себя офицеров из армии Петлюры, имевших опыт боевых действий против советских войск в давние годы Гражданской войны. Как-никак таки-

ми специалистами не бросаются. Вот только, получая довольствие от польской казны, эти офицеры не были на польской стороне и после разгрома Польши создали команду для разработки плана формирования вооруженных сил повстанческого назначения. Во главе этой группы встал бывший командующий петлюровской армии и военный министр петлюровского правительства генерал Владимир Сальский. За основу плана была взята разработка Тараса Боровца..

В 1941 г. во Львов вошел украинский батальон «Нахтигаль» под командованием Романа Шухевича, товарища Бандеры. 30 июня 1941 г. бандеровцы через радиостанцию во Львове передали сообщение о провозглашении Украинского государства. В этой декларации было высказано желание о сотрудничестве с Германским рейхом, благодаря которому Украина обрела свободу. Возглавить новоиспеченное правительство должен был близкий соратник Бандеры Ярослав Стецько. При этом бандеровцы были настолько уверены в своем успехе, что направили просьбы об официальном признании своего государства в правительства нескольких государств, том числе Италии, Румынии, Венгрии, Словакии и Японии, и даже обратились в Ватикан. Возможно, они рассчитывали, что немцы смирятся с этим фактом. Однако те никакое украинское государство терпеть не собирались и тут же потребовали аннулировать декларацию, после чего арестовали руководителей ОУН Стецько и Бандеру и посадили их в концлагерь Заксенхаузен. Восточная Галиция была включена в состав Генерал-губернаторства. Волынь с частью Полесья вошел в состав рейхскомиссариата «Украина».

Боровец в рамках выполнения своего плана создал уже в июле 1941 г. военное формирование под названием «Полесская Сечь УПА». Штаб находился в местечке Олевск. Немцам Боровец заявил, что организовал самооборону от блуждавших в полесских лесах разбитых частей Красной армии. Таким образом, под контролем УПА оказался треугольник Пинск — Коростень — Мозырь, который к ноябрю того же года она очистила от остатков советских войск. Но одновременно это была и территория действий Тайной Польской Армии (одна из многочисленных организаций, из которых методом закупки была сколочена Армия Крайова). «Полесскую Сечь» немцы приказали расформировать,

и УПА «Бульбы» (такой псевдоним избрал себе Тарас Боровец) якобы вынуждена была уйти в подполье и в леса. Полякам же сразу же после прихода немцев пришлось, как и везде, воссоздавать почти с нуля разбитое НКВД подполье, и к 1942 г. они создали новую сеть, но только базовую.

До этого же польская Волынь была фактически беззащитна. Из рейдовых советских партизанских отрядов там действовал только Д. Медведев со своими 170 партизанами, лишь позже появились другие советские партизанские формирования. Делегат правительства в Лондоне на Волыни сообщал, что систематические организационные мероприятия армия проводит в Дубненском инспекторате, охватывающем Здолбуновский, Ровненский, Дубненский уезды и часть Кременецкого уезда. В результате был сформирован Корпус безопасности и самообороны, включающий примерно 250 постов и участков, объединявших под своей эгидой около 4000 человек. В соответствии с донесениями делегата правительства, в случае необходимости можно было отмобилизовать в состав польской вооруженной группировки до 15 000 человек. Правда, потом оказалось, что эта цифра почти в два раза завышена. Да и с оружием, как и везде, дело обстояло не очень-то хорошо. Другими словами, гладко было на бумаге...

Надо сказать, что оккупанты достаточно реально оценивали вес польского подполья на Западной Украине:

«Сообщения IV отдела главного управления СД за октябрь — ноябрь 1942 г. о событиях государственной важности (случаи саботажа; движение сопротивления на Украине, в Чехословакии, Польше...

В результате операции по ликвидации польской сопротивленческой группировки “PZP” (Союз польских повстанцев), проведенной начальником охранной полиции и СД в генеральном округе Волынь-Подолье, были арестованы 16 функционеров организации. Наряду с денежными средствами, предназначенными для нужд организации, были конфискованы приказы, инструкции, отчеты, списки адресов пунктов сбора и явок, текст присяги, конспиративные обозначения окружного руководства, находившегося на Волыни, инспекций, округов и т.д. Цель организации в Ровенском округе состояла в том, чтобы в случае отступления немецкой армии захватить там власть. “PZP” также

занималась созданием вооруженных военизированных польских подразделений и сбором информации военного, экономического и политического характера. За исключением изъятых инструкций, данных о том, что военизированные подразделения уже созданы, не имеется»¹. В общем, контора, как говорится, писала, ибо какое государство, пусть даже и подпольное, может существовать без бюрократии. Беда только в том, что в своем крючкотворческом раже она проглядела, что ОУН, не в пример меньше занимавшаяся бюрократической возней, уже вовсю сколачивала свои отряды.

Так как на территории Генерал-губернаторства действовал сотрудничавший с немцами Украинский Центральный Комитет, а ОУН рассматривала этот регион как свои тылы, активных боевых действий против поляков там поначалу не велось. Тем не менее немцы все равно, умело разыгрывая национальную карту, использовали украинцев в противовес полякам в различных вспомогательных формированиях. На Волыни же политика оккупанта была иной. Оттуда весной 1942 г. начался массовый вывоз населения на принудительные работы в Германию, спровоцировавший не менее массовый исход в леса как польской, так и украинской молодежи. Казалось бы, вот она, возможность взаимодействия против общего врага. Тем более, что выбитые к этому моменту с данных территорий Советы как будто бы сделали все возможное для устранения препятствий для взаимопонимания, выселив с «восточных окраин» наиболее националистически настроенные элементы польского населения. Однако не тут-то было...

И вот уже волынский делегат (представитель) эмигрантского правительства сообщает:

«Территории, расположенные вдали от действующих железнодорожных линий, являются диким полем, на котором организуются украинские республики, где фактором, регулирующим все стороны жизни, являются лесные банды... Сильнейшая умиротворяющая акция, проведенная немцами... никаких результатов не дала... В итоге все, кто могут бежать, спасаются в лесу и увеличивают силы банд».

С другой стороны, немало украинцев вступало в ряды организованных немцами «охранных» подразделений, которые заменяли немецкие части, требовавшиеся на Восточном фронте. ОУН

до поры до времени этому не препятствовало, считая, что таким образом украинская молодежь получит военное обучение и оружие. В эти же формирования вступали и поляки. Из Польши были переброшены подразделения так называемой «синей» полиции, а также организована школа для ее кадров (польская полиция, организованная немцами, называлась «синей» по цвету формы). Кроме того, поляки составляли основу местных полицейских формирований, полагая, что так они убивают сразу двух зайцев: служат оккупанту, оставаясь при этом своими для польского населения. Иллюстрацией чему такие, к примеру, наблюдения польского обывателя:

«Приятно было посмотреть на эти отряды, хоть и в немецких мундирах, как они четко маршировали с польской песней на устах. Видя это, украинцы совершенно опустили головы, а на лицах можно было наблюдать понурость и страх...»²

Мало-помалу начала вырисовываться ситуация, весьма схожая с белорусской. Будучи несомненно такими же жертвами гитлеровцев, как и другие народы Восточной Европы, поляки на «восточных территориях» стали сотрудничать именно с ними. В отчете о положении дел представитель эмигрантского правительства на Волыни писал: «Находясь на немецкой службе на должностях управляющих имениями, на лесной и дорожной службе, поляки прислуживали немцам. Не раз из-за чрезмерной услужливости могли случаться злоупотребления в ущерб местному населению, за что оно индивидуально платило смертью. Поляки пробирались в немецкие органы власти и учреждения, где действовали вопреки интересам населения — с тем же самым результатом. Кроме полиции, немцы принимали поляков в жандармерию, переводили отряды, сформированные из поляков — вероятно, из военнопленных 1939 г. ...эти польские отряды под немецким покровительством начали вырезать украинские села, а немцы подчеркивали, что это наказание за убийства поляков»³.

То же самое воочию видели и советские партизаны: «И конец февраля и март сорок третьего года знаменателен организацией польских полицейских батальонов. Не к чести их надо сказать, что ответили они на акцию украинских националистов тем же. Словом, весной и летом такая пошла резня, что страшно становилось жить в этом благословенном краю и поляку и украин-

цу»⁴... Также и польские исследователи заявляли ранее (сейчас настрой уже иной), что поляки, поступавшие на службу в эти вспомогательные формирования (исключая засланных агентов АК), с самого начала представляли собой отбросы общества и явных предателей. При этом немцы, прекрасно ориентировавшиеся в отношениях между поляками и украинцами, умело их использовали, заставляя первых контролировать вторых, и наоборот. Польские полицейские батальоны были размещены в Кобрине, Ковеле, Клевани, Ружичах и т.д. Кроме того, на Украине действовали два батальона вспомогательной полиции, сформированные из поляков, 107-й и 202-й, которые принимали активное участие в карательных акциях против украинского населения. Особо отличился в этом деле 202-й батальон, укомплектованный выходцами из западных районов Польши. Что касается 107-го, то он впоследствии полностью перешел в ряды АК, составив, по польским данным, около 10 % состава позднейшей 27-й Волынской дивизии пехоты АК.

Справедливости ради следует отметить, что, формируя польские полицейские части, немцы рассчитывали задействовать их в борьбе не только против украинских националистов, но и против советских партизан, однако в последнем случае их ожидания не оправдались. Тот же Вершигора отмечает, что польские полицейские не оказывали советским партизанам никакого вооруженного сопротивления. В отличие от руководства АК и националистически настроенных историков уже в современной Польше, польское население на оккупированной Украине в советских партизанах врагов не видело. Потому что враги у него в то жестокое время совсем другие были. Гитлеровцы и активно подстрекаемые ими украинские националисты. Так же как у мирных украинцев — польские. Ибо, в соответствии с немецкими замыслами, им надлежало уничтожать друг друга не покладая рук. Неподаром же во время своего выступления перед аппаратом рейхскомиссариата в Ровно в конце 1943 г. гауляйтер Э. Кох поставил задачу четко и недвусмысленно: «Нам необходимо добиться, чтобы поляк при встрече с украинцем хотел его убить, чтобы украинец, завидев поляка, тоже горел желанием убить его. Если же по пути они встретят еврея и убьют его, то это будет как раз то, что нам необходимо».

Тем временем, вследствие того что много молодежи ушло в леса, стали быстро расти ряды так называемой «первой» Украинской повстанческой армии Тараса Бульбы-Боровца. В 1942—43 гг. тактика ОУН изменилась. Ставка была сделана на собственные силы, и с этой целью на базе уже существовавшей одноименной организации Бульбы-Боровца в начале 1943 г. формируется Украинская Повстанческая армия (УПА). Параллельно с этим, с учетом того обстоятельства, что в сложившихся условиях главным препятствием для создания западноукраинскими националистами своего государства были СССР и Германия, начались поиски возможных союзников. Попытки ОУН договориться на предмет подобных перспектив с польским подпольем ничего не дали, поскольку АК рассматривало земли Волыни и Галиции как неотъемлемую часть Польши. Столь же высок был уровень взаимного недоверия и между большинством поляков и украинцев. В декабре 1943 г. в информационной справке командования АК Львовского округа для эмигрантского правительства в Лондоне сообщалось, что отношение к украинцам остается враждебным и население оказывает поддержку только тем силам, которые обещают власть на этих землях полякам. В результате возникла ситуация, в конечном итоге выразившаяся в лозунгах: «Украинцев — за Збруч!» с польской стороны и «Ляхов за Сан и Буг!» — с украинской.

В равной мере уход молодежи в леса облегчил развитие партизанских отрядов как Армии Крайовой, которых, однако, было совсем немного, так и советских отрядов. Появлялось также множество так называемых ««диких» отрядов, никому не подчинявшихся и зачастую мало отличавшихся от обычных банд, с которыми боролись и польские, и советские партизаны. Кроме того, в лесах скрывались и группы дезертиров. Все они существовали за счет местного сельского населения, называли себя «армиями», а простым крестьянам, так же как и в Белоруссии, практически невозможно было отличить партизан от бандитов, что, конечно же, никак не улучшало общую напряженную ситуацию. И это, кстати, признают в том числе и польские авторы.

После уничтожения в 1941 г. первых партизан из остатков соединений Красной армии на Волыни и в Полесье в 1942 г. появились отряды советских партизан, организованные штабом

партизанского движения. Так как поляков на Украине насчитывалось намного меньше, чем в Белоруссии или на Виленщине (по различным оценкам, максимально 15—20 % населения), а структуры АК были настолько слабы, что, в отличие от той же Белоруссии, не могли обеспечить вооруженный контроль над всеми районами проживания польского населения, то последнее, находясь в подверженном влиянию УПА украинском окружении, было вынуждено сотрудничать с советскими партизанами. В свою очередь, советским партизанам предоставлялась возможность направлять в нужное русло антинемецкие настроения украинских поляков, которые не без основания видели в УПА союзников гитлеровцев. А потому и надежно базироваться советские партизаны могли только в районах проживания польского населения, неподконтрольных ОУН, а затем и вооруженным формированиям УПА.

Важно также и то, что взаимодействие между поляками и советскими партизанами не ограничивалось помощью с информацией и продовольствием. В городах Волыни поляки сотрудничали с советскими разведывательно-диверсионными структурами. В этой связи весьма примечательным, хотя и единичным фактом, является участие членов разведывательной структуры АК в г. Ровно в похищении генерала Ильгена советским разведчиком Николаем Кузнецовым⁵. Но и это еще не все: в конце концов в составе советских партизанских отрядов появились польские подразделения, противодействовать чему АК эффективно не могла, так как простые поляки поддерживали советских партизан, часто являвшихся их единственной защитой от УПА. Впрочем, и структуры АК до 1943 г. в определенной степени сотрудничали с советскими партизанами, но, так же как и в Белоруссии, отказались от всяких контактов на равных после разрыва отношений между СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне.

Таким образом, в 1943 г. на Западной Украине, подобно Западной Белоруссии, сформировалось что-то вроде зон влияния: советские партизаны в основном базировались в районах, прилегающих к Белоруссии, а УПА и Армия Крайова действовали в Полесье, на Волыни и в Подолии. Причем повсюду на западных украинских землях повторялась уже знакомая нам по Белорус-

сии картина — нарастающая война внутри войны. Разве что расклад сил был несколько иным, и в этом случае полякам помимо немцев противостоял наиболее сплоченный и непримиримый противник — украинские националисты, упорно проводящие линию на создание собственного государства.

Существуют предположения, что в УПА при этом ставили на ту же карту, что и в АК, а именно серьезно рассчитывали на повторение ситуации, сложившейся после Первой мировой войны. То есть предполагали падение истощивших себя войной СССР и Германии, после чего украинская государственность станет наконец возможной. Больше того, в УПА на такой случай даже сделали соответствующие выводы из событий 1919—1920 гг., сопровождавших оформление польского государства. Как раз в этой связи в 1943 г. украинскими националистами и было принято решение очистить от поляков все спорные территории, что в будущем весьма облегчило бы осуществление их грандиозных планов.

Задумано — сделано. К 1943—1944 гг. УПА удалось поставить под ружье, по разным оценкам, до 40 тыс. человек, помимо этого в подполье в качестве резерва еще около 150 тыс. человек. Что касается АК, то она, ввиду незначительной численности своих вооруженных структур, не располагала силой, способной хотя бы нейтрализовать данную угрозу для польского населения. При этом Делегатура на Волыни понимала существующую опасность и сообщала и в Варшаву и в Лондон, что отношения между поляками и украинцами настолько пропитаны ненавистью, что при соотношении пять украинцев на одного поляка восстание без военной помощи из Центральной Польши будет для поляков могилой. Что, собственно, очень скоро и подтвердилось.

В марте 1943 г. бандеровцы издали распоряжение, по которому все украинцы, служащие в немецкой полиции, должны были перейти на их сторону, в противном же случае они считались дезертирами со всеми вытекающими из этого последствиями. Как следствие, структура УПА была значительно усилена, в ее ряды влилось около 5000 чел. А с 1943 г. УПА начала вести партизанскую войну против поляков. И хотя бандеровская ОУН жонглировала лозунгами борьбы как с Советами, так и с немцами, в практической плоскости она прежде всего воевала с совет-

скими партизанами, а потом с поляками, поскольку считала их союзниками Советов. Как писал об этом П. Вершигора, «ушли в леса, на весь мир разгласив свое желание бить немцев. Немцев они били на словах и в декларациях, в листовках, на одной из которых оказалась даже виза немецкой типографии в Луцке. А на деле занимались резней мирных поляков»⁶.

По всей вероятности, приказ о начале этой войны против поляков был отдан на 3-м съезде ОУН. Так началось массовое уничтожение польского населения, охватившее Волынь, а затем и Восточную Галицию, с расчетом убить разом двух зайцев: избавиться от нежелательного польского населения и имеющих у него поддержку польских партизан. Как это ни странно, но командование АК, создававшее с такой настойчивостью широкомасштабную разведывательную сеть на потребу англичан, не имело реального представления о том, что творится на Западной Украине, и потому начало террора со стороны УПА было для нее полной неожиданностью. Проходившие ни шатко ни валко с 1941 г. переговоры между Делегатурой правительства и Организацией украинских националистов, оказавшиеся совершенно безрезультатными, только притупили на время бдительность АК. Тем более что даже в польском руководстве в Лондоне не было никого, кто имел хотя бы сколько-нибудь отличные взгляды на выстраивание отношений с украинцами с учетом их намерений создать национальное государственное образование. А поскольку ОУН была прекрасно осведомлена относительно планов АК по возвращению к довоенному государственному устройству с полуколониальным режимом на украинских землях, это знание облегчало ей антипольскую пропаганду среди украинского населения. В то же время программа эмиграционного правительства и действия АК фактически утверждали ОУН во мнении, что АК будет воевать не с немцами, а с УПА для возврата себе всей полноты власти на прежних условиях. А робкие попытки внести хоть что-то позитивное в отношения между ОУН и АК торпедировались на разных уровнях польских властей: и лондонских, и подпольных.

Офицер АК М. Голембёвский приводит, кстати, интереснейшие сведения о взглядах польского руководства на перспективы украинской части «восточных окраин»: «Генерал Сикорский

28 августа 1942 г. в Одли Энд в Англии на встрече со спецназовцами, которые в количестве 36 человек уже были готовы к переброске на родину, а среди них были и профессиональные офицеры, в том числе и дипломированные, инженеры, юристы, доценты, на наши вопросы ответил: «О, я вижу, что вас интересует большая политика», а на повторно поставленные вопросы, касавшиеся польско-украинских отношений, добавил: «Украинцев я продам Сталину»⁷. И это характеризует Сикорского как реального политика, который понимал, что «восточные окраины» вряд ли уже будут польскими, и стремился в этой ситуации хоть что-то выиграть. Скорее всего, речь могла идти об оставлении за Польшей Львова и части Галиции взамен на согласие признать все прочие территории с польским населением входящими в состав Советской Украины. Однако генерал Сикорский погиб, так и не успев как следует поторговаться со Сталиным. И, видимо, без соотечественников генерала тут не обошлось, так как считалось, что он недостаточно жестко отстаивает польские интересы на переговорах с советским руководством.

Итак, с Советами поляки не договорились. С украинцами тоже. Что и не удивительно, поскольку тон в обсуждении проблемы «восточных окраин» и с польской, и с украинской стороны задавали националисты. В Варшаве в 1943 г. был организован так называемый «Комитет восточных земель» (польское сокращение «KZW»), которым руководила правая польская «Национальная партия», считающая так называемый «украинский вопрос» основополагающим. Так вот, этот Комитет, естественно, стоявший на позиции неприкосновенности границ Польши до 1939 г., разработал программу его решения в самом что ни на есть «незамысловатом» стиле. А конкретно: стратеги из Комитета планировали выселить с «восточных окраин» все национальные меньшинства, и прежде всего украинцев. При этом последних предполагалось «разбросать» по районам компактного проживания поляков из расчета 2—3 украинские семьи в одной польской деревне с последующей полной ассимиляцией. Украинцы как народ должны были в Польше исчезнуть⁸. И потому даже В. Мудрый, украинец, бывший вице-спикером польского сейма, в силу этого лояльный к Польше и в 1939 г. присягавший на верность Польской республике, говорил в 1943 г. о том, что с поляками

вести переговоры на предмет мирного сосуществования можно только в том случае, если располагаешь такой же силой, что и они⁹.

Кроме того, налаживанию взаимопонимания между поляками и украинцами не способствовало и то обстоятельство, что эти попытки имели подчас и трагические последствия. В частности, двух делегатов польского подполья, искавших контакта с такой же, по их мнению, как и АК, «партизанской армией» УПА, летом 1943 г. в селе Кустычи бандеровцы попросту привязали к лошадям и разорвали.

Да и с чего бы украинским националистам было считаться с поляками, если до 1943 г. на Волыни никаких польских партизанских отрядов Армия Крайова вообще не имела, в Галиции же как таковые они появились лишь накануне приближения советских войск. Что вполне объяснимо, ибо на базе местного польского подполья создать эти формирования было невозможно по причине малочисленности структур АК и недостатка оружия. А потому первые боестолкновения между отрядами АК и УПА произошли только в декабре 1943 г. — январе 1944 г., когда основная часть операции УПА по уничтожению и изгнанию польского населения на Волыни была уже завершена.

Преимущественно жертвами данной акции становились поляки, но затронула она также и несогласных с националистическим подпольем украинцев, а также евреев. В феврале 1943 г. начались первые массовые расправы над поляками на Волыни, унесшие жизни около 7 тыс. человек. В июле нападениям подверглось около 100 районов компактного проживания поляков, причем наибольшей интенсивности они достигли 11 июля, когда было атаковано одновременно 167 поселений. По разным оценкам, в результате действия УПА в течение двух месяцев погибло до 20 тыс. человек.

Реакция на зверства украинских националистов со стороны польского населения была в основном двух видов: бегство в крупные населенные пункты под охрану имевшихся там немецких или венгерских гарнизонов и наплыв польского мужского населения в советские партизанские отряды — ведь альтернативы в виде отрядов АК в этот период просто не существовало. При этом наплыв поляков был столь велик, что пришлось фор-

мировать из них отдельные партизанские отряды под советским командованием. В целом участие поляков в действиях партизанских отрядов и отрядов вспомогательной полиции было единственной реальной возможностью как-то ответить на нападения УПА.

В августе 1943 г. на Волыни действовали 4 польских партизанских отряда просоветской ориентации: им. Костюшко, им. Траугутта, им. Василевской и «Смерть фашизму», которые, как и советские партизаны, вели бои и против УПА, и против немцев. Кроме того, много поляков сражалось в составе партизанской бригады им. Фрунзе под командованием известного польского партизана Ю. Собесяка. Эта бригада в 1944 г. после переформирования продолжала воевать на территории Келецкого воеводства в Польше. Таким образом, в отличие от Белоруссии, на Украине поляки вынуждены были подчиняться Советам, чтобы попросту остаться в живых. Так как любая попытка начать войну еще и с советскими партизанами привела бы к полной катастрофе. Поэтому все, что оставалось простым людям из польских сел на Волыни, это цепляться за жизнь, приспосабливаясь к тогдашним обстоятельствам и меньше всего заботясь о том, что лет через шестьдесят будут говорить о них не в меру прогрессивные польские исследователи. Так, например, И. Шитов, командир одного из советских партизанских отрядов, сообщал в Украинский штаб партизанского движения, что в районе дислокации его отряда в 14 польских селах организованы польские формирования общей численностью до 600 чел. По его словам, поляки держатся стойко и отбивают все атаки УПА, сетуя только на недостаток оружия. Командиром одного из польских партизанских отрядов был Р. Сатановский, будущий известный польский композитор и дирижер. Во время войны Сатановский сотрудничал с Украинским штабом партизанского движения и по его заданию сформировал крупный партизанский отряд под наименованием «Еще Польша не погибла», который действовал в составе соединения А. Сабурова. Отряд этот получил право иметь собственное национальное знамя, кроме того, личный состав его был одет в польские мундиры. Казалось бы, чем плохо? Ан нет, выясняется нынче. И называться так отряд не имел права, считает, в частности, польский

профессор Р. Бендер (уж не родственник ли некоего Остапа?), поскольку, дескать, подобным манером наивных патриотов Польши обманом заманивали в подлые и — как любят говорить польские спецы от истории — «большевизированные» ряды¹⁰. Практически вторит ему в своем интервью и маститый знаток проблемы пан Гжегож Мотыка:

«А что насчет коммунистических партизанских отрядов, которые в значительной степени состояли из поляков?

— Это была четвертая сторона (наряду с поляками, украинцами и немцами) — Советский Союз.

— Однако в воспоминаниях, касающихся этих событий, повторяется мотив защиты польских селений не только отрядами национально-освободительной ориентации, но и коммунистами; польские отряды самообороны сотрудничали с ними против УПА. Например, отряд Сатановского с Волыни окутан легендой защитника поляков.

— Да, но это были советские партизанские отряды, выполняющие распоряжения Москвы, даже если в их состав входили поляки. Отряд Сатановского был направлен против АК. Он должен был произвести ее разработку. К счастью для его легенды, УПА начала очищать Волынь, и отряд быстро вырос. Люди шли к нему, чтобы сражаться с украинцами, и таким образом возникло крупное польское формирование. Его члены говорят, что они создали отряд, чтобы сражаться с УПА. В их индивидуальном случае это самая что ни на есть правда, но отнюдь не такой была изначальная цель создания этой части»¹¹. Другими словами, умри, поляк, но с Советами, даже ради жизни своей семьи и детей не сотрудничай! А Сатановскому просто неожиданное счастье привалило, когда бандеровцы начали его соотечественников резать и тем самым дали ему возможность прославиться! А иначе быть бы ему в «памяти народной» паршивым советским наймитом. А впрочем, «позорные» факты в биографии Сатановского все-таки имеются — это советские награды, не дающие покоя профессору Бендеру — ведь это уже для истинного польского патриота не иначе как каиново пятно В общем, старая песня на новый лад. Ведь еще в том же 1943 г. Делегатура на Волыни, крайне встревоженная вступлением большого числа поляков в партизанские отряды под советским руководством,

взывала в своем обращении к соотечественникам: «Сотрудничество с большевиками является таким же самым преступлением, как и сотрудничество с немцами. Вступление в советские партизанские отряды является преступлением. Ни один поляк не должен там находиться».

И это при том, что на Волыни чисто аковских вооруженных подразделений вообще не имелось, так как их формирование было равносильно выходу из подполья и деконспирации, противоречащих концепции командования АК. А потому Армия Крайова начала хоть как-то вмешиваться в события, только обнаружив, что ситуация выходит из под контроля пресловутого «польского подпольного государства». В этой связи стоит ли удивляться, что поляки с Волыни, видящие полную беспомощность своего родного подполья, массово хлынули в польские отряды, сформированные при советских. Кстати, особенно сильный приток отмечался в отряде майора Сатановского, который в своих донесениях в Украинский штаб партизанского движения совершенно справедливо указывал на то, что причиной тому террор УПА, воспринимаемой поляками в качестве основного врага. Что же касается взаимодействия с собственно отрядами АК, то оно, так же как и в Белоруссии, имело место время от времени и лишь до разрыва отношений Кремля с польским правительством в Лондоне. После чего началось разоружение отрядов АК и подчинение их советским партизанам. Причем командный состав данных формирований в таких случаях переправлялся за линию фронта и передавался в органы советской разведки. На Волыни в конце 1943 г. это коснулось двух отрядов, находившихся под влиянием АК: поручика Я. Рерутки и капитана В. Коханьского.

Относительно же набивших оскомину «ужастика» о вероломстве советских партизан, засланных энкаведэшников и т.д. и т.п. приведем сведения известнейшего советского партизана П. Вершигоры об отряде того же Коханьского (псевдонимы «Бомба», «Вуйко»): «Недалеко возле Старой Гуты расположился лагерь польского отряда. Это не был партизанский отряд, он не восставал с оружием в руках против немцев, он не был связан с жителями польских деревень, он просто держал их в узде... Верхушка этого отряда прибыла из Лондона в конце 1942 г... Может

быть, защищать своих соотечественников пришли они? Но первое, что они сделали, — это расстреляли всех поляков-коммунистов из советско-польских сел, а потом пригрозили населению: всех, кто будет делать что-либо не по их указке, ждет такая же судьба»¹². Это опять же к слову о «союзниках» и «вероломном разоружении».

Впрочем, так или иначе, а поддержка населению Волыни со стороны «вооруженных сил» родного «подпольного государства» в 1943 г. свелась лишь к тому, что АК откомандировала полтора десятка офицеров для руководства партизанскими отрядами и пообещала вооруженное подкрепление из Польши, оставшееся на словах. Максимум, что делалось, — направлялись небольшие группы, к примеру, из Варшавы, так сказать, в боевые командировки на некоторое время для борьбы со вспомогательными полицейскими формированиями. Никакой помощи оружием и боеприпасами польские центры самообороны населения так и не дождались. Лишь только в марте 1944 г., когда волна нападений УПА существенно спала, из Варшавы прибыл отрядик добровольцев в количестве 57 человек! Вот, собственно, и вся защита соотечественников!

Поневоле вспоминается директива командования АК, которое, в отличие от ненавистных «большевиков», предпочитало помогать своим польским братьям — жертвам межнациональной резни — исключительно патриотическими призывами оставаться на местах, чтобы территории, на которых они жили, не оказались потерянными для Польши. А простые польские крестьяне с Волыни, связанные с этой землей поколениями предков (чего не скажешь об осадниках и прочих чиновниках) верили этому призыву и ждали, когда на помощь к ним придут солдаты с оружием — ведь отстояли же на коренной польской Замойщине отряды АК и Крестьянских батальонов своих соотечественников от выселения в боях с немецкими подразделениями, — ждали и гибли, если не организовывали самооборону и не получали поддержку от того же Сатановского.

А потому, как бы кто ни оценивал деятельность польских партизанских отрядов, созданных при помощи советских партизан, — как преступление (вердикт тогдашней Делегатуры правительства и почти официальная точка зрения в нынешней

Польше) или антиукраинскую акцию (мнение современных украинских историков) — факты от этого менее упрямыми не станут. По разным данным, вместе с советскими партизанами воевало от 5 до 7 тыс. поляков¹³. И что это практически значит? А то, что если принять во внимание заявление АК о возможности мобилизовать в случае необходимости около 15 тыс. человек (в действительности же в ряды 27-й Волынской пехотной дивизии АК мобилизовала менее 8 тыс. человек, хотя потенциал в 15 тыс. действительно имелся), вывод напрашивается однозначный: стратегия АК двух врагов и сбережения сил потерпела явный крах. Когда встал вопрос о жизни и смерти, добрая половина боеспособного польского населения пошла туда, где реально могла воевать и защитить своих близких. И этот единственный выбор поляков, похоже, хорошо виден со стороны бесконечно далекому от сочувствия Советам американскому историку Тимоти Снайдеру: «Находясь в безвыходном положении, поляки начали не только создавать отряды самообороны, но также и вступать в советские партизанские отряды. ...необходимость оттолкнула в сторону обиды... Ибо ОУН-Б, создавая УПА, хоть и удержала часть своих людей от вступления в ряды советских партизан (!), но ее действия толкнули к ним поляков: целых 5—7 тысяч поляков встало в ряды советских партизан на Волыни в 1943 г., присоединяясь тем самым к 900—1500 борцов-евреев, уцелевших от Холокоста»¹⁴.

Другое дело бескомпромиссные польские герои-подпольщики, готовые жертвовать соотечественниками во имя своей одержимой ненависти к Советам. И когда 27-я Волынская дивизия по приказу из Варшавы ушла с Волыни — лишь бы не контактировать с «красной заразой»! — то АК фактически бросила на произвол судьбы оставшееся польское население. Только те, кто сотрудничали с советскими партизанами, пошли в истребительные батальоны и продолжили борьбу с украинскими националистами. Так вот, сегодня как раз эти люди, с оружием в руках защищавшие от уничтожения собственный народ объявлены на Украине и Польше предателями и большевистскими наемниками. Мы же им скажем спасибо. Ибо, каких бы взглядов они не придерживались, в трудный час они были настоящими союзниками СССР, и этим все сказано.

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих, Или закон ружья

Итак, как мы уже убедились, широкой поддержкой АК поляки на Волыни не располагали. Что же касается польской вспомогательной полиции, подключенной немцами, то она неукоснительно исполняла приказания оккупанта, а потому быть реальной силой в борьбе против УПА не могла. Так что полякам оставалось действовать сообразно известному лозунгу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Одни искали его в создаваемых АК структурах самообороны, которые заключались в концентрации польского населения в определенных населенных пунктах для обеспечения его защиты от нападений УПА. По сути, это были попытки организовать то же, что немцы практиковали в Белоруссии: оборонительные базы. В достаточно крупных селах создавались мощные укрепления с системой траншей и валов. Таких самооборон на Волыни и в Восточной Галиции к середине лета 1943-го насчитывалось около 100 (по некоторым данным — 128). Однако по большей части судьба их была трагична — удалось выстоять всего лишь нескольким. Наиболее известными и эффективно действовавшими были центры самообороны в населенных пунктах Панска Долина в Дубненском районе, Гута Стара и Гута Степаньска в Костопольском районе, Пшебраже в Луцком районе, Засмыки в Ковельском районе и некоторые другие. Этим центрам самообороны удалось выстоять вплоть до прихода Красной армии.

Часть центров самообороны тесно сотрудничала с советскими партизанскими отрядами. Тем не менее положение в этих укрепленных пунктах самообороны было очень тяжелым, так как люди стекались в них со всей округи вместе со скотом. Причем прибывали в основном люди, чудом уцелевшие от уничтожения в окрестных селах. Таким образом в Пшебраже, селе, насчитывавшем около 1150 человек и ставшем символом самообороны (сейчас на его месте украинское село Хайнове), а также в Выдранке и Рафалувке, скопилось, по разным данным от 10 000 до 25 000 человек. Вокруг этих сел были отрыты траншеи и окопы, созданы завалы, а непосредственно обороняло их около 500 человек. Прибывшие беженцы размещались в шалашах и землянках. Проблему представляла организация питания, лечения больных и раненых.

Центр Пшебраже отбил множество атак банд УПА. Действовавший в районе Цуманских лесов крупный советский партизанский отряд Н. Прокопюка действовал в тесном контакте с самообороной Пшебраже, которой командовали офицеры АК. Только благодаря этому взаимодействию 31 августа 1943 г. удалось разбить одну из сильных группировок УПА, пытавшуюся уничтожить Пшебраже. Польские отряды самообороны принимали также и контратаки. Так, в том же Пшебраже польские группы нападали на расположенные поблизости украинские деревни, контролируемые отрядами УПА Бандеры. Целью этих нападений было не столько желание мести, сколько обеспечение продуктами питания, которые, естественно, силой отбирались у украинских крестьян. К сожалению, в ходе таких акций имелись также и жертвы среди мирного гражданского населения. Были, однако, и акции, которые направлялись исключительно против структур УПА. Недалеко от Пшебраже находилось село Омельно, в котором действовала школа ОУН для обучения младшего командного состава УПА. Отряд самообороны Пшебраже совместно с отрядом советских партизан уничтожил эту школу, добыв при этом большие запасы продовольствия. Однако много самооборон в конце концов были уничтожены в связи с нехваткой вооружения. Летом 1943 г. УПА разгромило самооборону Гуты Степаньской (украинские историки утверждают, что это сделали немцы, переодетые в форму УПА), в результате чего жертвой банд стало около 500 человек гражданского населения, остатки которого едва успели добраться до Пшебраже.

При этом следует прислушаться к мнению Прокопюка как непосредственного участника тех событий, который заметил, что в междоусобице, спровоцированной гитлеровцами между украинскими и польскими националистами, руководители села Пшебраже играли, к сожалению, недальновидную роль, так как отождествляли УПА и украинский народ. В связи с чем, как отмечает опять же Прокопюк, советским партизанам приходилось пресекать попытки расширения этого противостояния с обеих сторон в виде мести, вымещаемой на мирном населении. Так, во время пребывания отряда Прокопюка в район Пшебраже вылазки польской самообороны против украинских сел прекратились. Да и П. Вершигора свидетельствует о случаях подавления воору-

женного противостояния между поляками и украинцами со стороны советских партизан: «Но затем, за весну и лето сорок третьего года, мы встречались с явлением резни мирного населения и польскими, и немецко-украинскими националистами как с чем-то обыденным. ...Один раз мы спасаем польскую деревушку от украинских националистов, другой — украинцев от польских полицаев... Не все ли равно?»¹⁵

В целом же, по разным источникам, в тех или иных центрах самообороны удалось спастись около 70 тыс. поляков, в том числе не в последнюю очередь благодаря советским партизанам. В качестве еще одного примера можно привести судьбу поселка Гута Стара (ныне не существующего), где в начале 1943 г. образовался сильный центр самообороны, в котором нашли убежище около 10 тыс. поляков. Так вот, он опирался не только на местные структуры АК, но и на действовавшие поблизости советские партизанские отряды. В результате, когда 16 ноября 1943 г. этот поселок подвергся нападению частей УПА, последние были наголову разбиты, что позволило полякам продержаться до лета 1945 г., а затем переселиться в Польшу.

Что же касается отношения немцев к польским пунктам самообороны, то тактику оккупанта по отношению к ним можно, мягко говоря, назвать «вероломной». В «Докладной записке об отношении польского населения к немцам», подготовленной начальником управления НКГБ Львовской области, в частности, отмечается, что при обращении поляков к немцам за помощью от разбоя бандеровцев немцы, как правило, советовали тем создавать отряды самообороны. Оружие при этом они полякам не давали, но в случае самовооружения поляков карательные отряды СД считали их партизанами и обращались с ними соответственно¹⁶. От себя же посоветуем тем, кто все еще нуждается в комментариях, сравнить действия гитлеровцев и советских партизан из отряда Прокопюка, с учетом того обстоятельства, что и первые и вторые по нынешней «классификации» польских, и не только, «прогрессистов» являлись оккупантами. Увы, но не почувствовать между ними разницу будет весьма затруднительно, даже если очень постараться.

Однако вернемся к АК, которая тем временем издала очередную директиву о формировании сильных партизанских групп бы-

строго реагирования, которые должны были взаимодействовать с отрядами самообороны в укрепленных пунктах. Тем самым она оказала хоть какую-то организационную помощь в создании отрядов из местных сил, жаль только, подкрепления, подтянутые из Польши, были уж очень незначительные, а кроме того, слишком запоздалая реакция польского подполья на тяжелое положение поляков на Западной Украине переломить ситуацию уже не могла. В целом на Волыни было сформировано девять партизанских отрядов, общей численностью около 1500 человек, тогда как численность отрядов УПА разными авторами оценивается в 15—20 тыс. человек. Чья брала при таких раскладах, — неверное, уточнять не надо.

И все же, несмотря на явное неравенство сил, беспощадность, с которой действовала УПА, вызывала не менее кровавые ответные рейды со стороны поляков. Польский историк В. Романовский в своей книге об АК на Волыни пишет следующее: «Бесспорно, необходимо также вспомнить о стихийных вылазках возмездия. Они организовывались в особенности... в период максимального усиления деятельности банд УПА. За разрушения, грабеж и смерть платили тем же самым ближайшим деревенькам, которые были под подозрением в содействии нападавшим. Такие экспедиции (несмотря на то что они могли возбуждать моральное беспокойство) пользовались симпатией поляков, так как приносили некоторое удовлетворение за понесенную несправедливость и разрушения. ...ответом на убийства, грабеж были атаки возмездия, убийства... Убийство рассматривалось как доблесть. Парни, которые убивали целые семьи, отмечали количество жертв на прикладах своих винтовок. ...В боях с УПА пленных вообще не брали. Даже захваченные без оружия мужчины не могли рассчитывать на снисхождение. Уговорам и приказам командиров противостояла жажда мести их подчиненных¹⁷».

А вот и воспоминания солдата АК, попавшего на Волынь весной 1944 г. в служебную командировку из Варшавского округа АК, когда волна активных нападений УПА на поляков уже прошла: «...Мы разбили отряд УПА под Корытницей... Я никогда ранее не встречался с таким остервенением среди солдат АК. Мои товарищи по отряду, по происхождению с Волыни, убивали всех украинцев из УПА, не брали пленных вообще. Когда я пробовал противиться,

мне ответили, чтобы я не вмешивался. Раньше я слышал только, что на Волыни происходили страшные вещи, но только тогда узнал потрясающие подробности, рассказанные людьми, у которых УПА поубивала целые семьи. Я понял: это была их месть»¹⁸. Тут дело совершенно понятное, добавлять к этому нечего.

Следует отметить, что польские исследователи проблемы отмечают особую «заслугу» в массовом уничтожении польского населения и несогласных с этим украинцев на Волыни так называемой «Службы Бэзпэки» («Службы безопасности» УПА), контролирующей выходцами из УПА Бандеры в Галиции и в основном формировавшейся из украинцев Галиции. В Восточной Галиции ситуация была несколько иной. Как уже отмечалось, вследствие того, что Львов и Галиция после оккупации немцами были включены в состав Генерал-губернаторства, доступ туда для АК и Делегатуры был несравненно более легким, чем на Волыни, которая входила в «Рейхскомиссариат Украина». Сам этот факт отсутствия административных границ давал возможность отрядам АК оказывать более эффективную помощь польскому населению. К тому же, в отличие от Волыни, АК в основном отстроила там свои структуры уже к 1942 г., объединив в своих рядах такие подпольные формирования, как «Национальная военная организация», «Национальные вооруженные силы», «Конвент национально-освободительных организаций». Базы самообороны, как и на Волыни в Галиции, тоже были, но не такие значительные. К крупнейшим относились Ханачув, Микуличин и т.д. Да и немцы здесь вели себя по-иному, нежели на Волыни, содействуя некоторым центрам самообороны, чтобы исключить сбои в собирании контингентов с продовольствием. Правда, и на территории Генерал-Губернаторства лица, сотрудничавшие с советскими партизанами, немцами же и ликвидировались. А потому ввиду отсутствия какого-либо советского подполья по согласованию со штабом партизанского движения в первый период оккупации на Львовщине действовала польская прокоммунистическая Гвардия Людова, которая со временем преобразовалась в структуру Украинского штаба партизанского движения, но серьезной вооруженной силой так и не стала. Так что и здесь полякам за помощью не к кому было обращаться и приходилось рассчитывать только на себя.

Что касается УПА, то после неудавшегося провозглашения независимого украинского государства она выступала в Галиции под видом так называемой «Украинской Народовой Самообороны» (УНС). На самом деле УНС была всего лишь формой легализации УПА для немцев, поскольку провозглашала своей задачей защиту от советских партизан, которые с 1943 г. начали проникать на территорию Галиции. Но уже в первые месяцы 1944 г. УНС уже открыто стала выступать в виде УПА, тогда же начались нападения на польское население. Особенно в этом отношении отличался отряд некоего «Ризуна» (кличка говорит сама за себя).

В свою очередь ответные меры АК в Восточной Галиции были более решительными и кровавыми, чем на Волыни. Во-первых, УПА открыла здесь свой фронт против польского населения несколько позже и уже не застала АК врасплох, во-вторых, Армия Крайова базировалась в основном во Львове и располагала там несравненно большими возможностями. Однако и тут противостояние между АК и УПА было столь непримиримым, что даже жестокая экспедиция львовского «Кедыва» в апреле 1944 г., когда были уничтожены украинские села Хлебовичи, Черепин и Лопушня и убиты около 130 человек, не смогла остановить террор. Напротив, не успел «Кедыв» вернуться во Львов, как расправы УПА над поляками возобновились и даже усилились.

Польский исследователь данной проблемы Й. Вэнгерский пишет: «... командование Армии Крайовой во Львове приняло решение о проведении репрессивно-превентивных действий. Одной из первых акций должно было стать уничтожение одного из украинских сел, определенного как база УПА... Ввиду непрекращающихся нападений УПА, “Кедыв” округа Львов получил приказ проведения акции усмирения, предупреждения и возмездия на территории инспектората... Акция эта, впрочем, получившая отрицательную оценку польского общества, привела к дальнейшему обострению ситуации...»¹⁹ Нет сомнения, что в ходе таких операций погибали не только боевики УПА, но и невинные украинцы. Массовые убийства населения на Волыни и в Галиции принесли, по разным оценкам, около 70—100 тыс. жертв, привели к бегству значительных масс польского населения в центральные районы Польши. В связи с чем к концу августа 1943 г.

большая часть Полесья, Волыни и Галиции оказалась вне зоны активного влияния АК, так как она могла действовать только в населенных пунктах со значительным польским населением. Конец этой войны на войне положило приближение фронта и занятие спорных территорий Красной армией. Ситуация сразу поменялась, и хотя поляки для УПА не перестали быть врагами, расходовать силы на них уже не имело смысла. Впрочем, и украинцы для поляков тоже врагами быть не перестали. В листовке, появившейся во Львове за несколько дней до освобождения от гитлеровцев, солдат АК призывали: «Только твердая, безжалостная рука польского воина может спасти восточные земли для Польши, истребить преступников, показать, что польский народ достоин независимой жизни». Комментарии, как говорится, излишни.

И еще несколько слов о популяризуемой, в том числе и российскими историками, идее о разжигании партизанской войны провокациями НКВД, который то под видом советских партизан, то под видом боевиков УПА, нападал то на украинцев, то на поляков. Жаль только, современных правдоискателей мало заботит, что, во-первых, сколько-нибудь надежных свидетельств на сей счет не существует, а во-вторых, разжигать межнациональную вражду НКВД не было никакой надобности, поскольку на этом поприще уже преуспела УПА. Что, собственно, и было целью немецких оккупантов — вспомним лаконичную постановку цели Эрихом Кохом. Приведем также мнение по этому поводу польского автора П. Лешчыньского в статье «Польско-украинские отношения на Волыни в годы 2-й мировой войны»: «...советские партизанские отряды... еще в 1942 г. начали прибывать в леса Полесья и Волыни... отряды хорошо вооруженных солдат и офицеров... посылаемых с целью дезорганизации немецкого тыла и ликвидации УПА. Цели эти совпадали с целями польского партизанского движения, как коммунистического, так и АК овского, так как польское население стало естественной опорой для всех партизан, и польских и советских».

А вот и сообщения самих бандеровцев в их издании от июля 1943 г.: «...справедливая рука УПА карает всех прислужников империализма. 9.05 был уничтожен центр большевистской разведки в с. Плотычное. Были схвачены и убиты все большевистские

агенты... Такая же самая участь ждет всех поляков на украинских землях... Строить Польшу пускай едут на чисто польские земли. Поляки — это только начало!» Даже сам Тарас Бульба-Боровец в открытом письме руководству ОУН Бандеры писал: «Вместо соблюдения установленной тактики Организация (имеется в виду ОУН) в последние дни открыла для украинцев еще один фронт — польский». Это к вопросу о коварстве НКВД, искусно подогревающим национальную рознь. И еще специально для тех, у кого в почете точка зрения прогрессивной исторической науки с «беспристрастного» Запада, приведем мнение американца Т. Снайдера: «... украинцы в мундирах немецкой полиции усмиряли польские деревни, а поляки в рядах немецкой полиции усмиряли украинские деревни. Все действовали на пользу немецкой политики поддержания порядка на местах и отражения вылазок советских сил»²⁰. Вот это больше на правду смахивает.

Свой взгляд на эти события имеет и украинская сторона. С ним можно ознакомиться, в частности, прочитав статью «Необъявленная война» («Комсомольская правда» в Украине от 19 марта 2003 г.), где написано следующее: «Львовский профессор Степан Марчук установил, что тогда погибло 40—50 тыс. поляков и 15—20 тыс. украинцев. Конфликт возник на Волыни и позже переместился в Галичину. Происходящее было на руку немецкому оккупационному режиму, который занимался подстрекательством тех и других. Советские партизаны также поддерживали конфликт — вместе с отрядами польской самообороны они воевали против УПА». Похоже, если следовать логике уважаемого профессора, советским партизанам нужно было держаться в стороне и не вступать в разборки украинцев с поляками. Тем более что и польские историки с ним солидарны. Дескать, украинские и польские мужики из соседних деревень слегка повздорили и, как у них заведено, пошли друг на друга с вилами да косами (отсюда и особая жестокость, неудивительная с таким-то инвентарем) и непременно бы помирились, если б большевики своими кознями не помешали им полюбовно дело уладить. Некоторые так даже дальше пошли — вспомнили знаменитую «Жакерию» в средневековой Франции; одно никому не интересно: что по этому поводу думают уцелевшие в той резне. Уж они бы, наверное, сказали, кто кого подстрекал, а кто успокаивал.

Хотя, конечно, не исключено, что многих украинцев тогда соблазнил старый как мир призыв: грабь награбленное. В особенности если это касается земли. Тут УПА весьма ловко сыграла на чувствах крестьянина. И вполне можно поверить, что лозунги «Земля украинцам! Ляхи за Вислу!» были набатом для воłyнского крестьянина и он соответственно воспринял декрет УПА от 15 августа 1943 г. о переходе земель бывших польских помещиков и колонистов в собственность украинских хозяйств²¹. То, что УПА могла сыграть на земельном вопросе и тем самым повязать часть украинского крестьянства с собой кровью за землю — это вполне возможно. Такое мы уже проходили в Октябрьскую революцию и Гражданскую войну.

А чтобы прочувствовать, во что советские партизаны (ставшие сплошь бандитами и пьяню в работах ряда польских, украинских, да и кое-кого из «российских» историков) вмешивались, не давая польским и украинским мужикам между собой по-свойски разобраться, почитаем-ка воспоминания тех, кому удалось уцелеть в этих «соседских размолвках»:

«Прыступа Анатолий Лукашович, 1924 г.р.

Наша семья жила на хуторе Самотишье, который относился к селу Стенжарычи: отец Лукаш Прыступа 1903 г. рождения, мама Ганна и нас шестеро братьев.

Когда к селу приближались польские подразделения, люди из хутора убегали в лес. Это случилось 20 июля 1943 г. Под вечер из Стенжарыч к хозяйству подъехало несколько подвод из полицейской базы, которая была в Стенжарычах. Папа тогда лежал больной, не поднимался с постели, да и мы еще были маленькими, ну так наша семья и осталась. Я неподалеку пас корову с бычком. Услышав выстрелы около хаты, я спрятался в ров. Через некоторое время выглянул и увидел поляка с вилами. Я упал на дно рва, закрыл голову руками и лежу, ожидая удара вилами. Но поляк меня, наверное, не заметил, он погнал корову с бычком. Семилетний Лёня бежал в поле среди полустожков хлеба. Вслед ему стреляли, но ему удалось спрятаться в мак. Шестилетний Женя спрятался на картофельном поле. Когда бандиты уехали, мы втроем подошли поближе к хате. Я увидел, что стенка над окном забрызгана кровью, кровавая дорога ведет к яме. В ней мы нашли мертвых родителей и трех братьев. Лёня и Женя рассказали, что они успели увидеть.

Поляки зашли в хату, вытащили больного папу на двор, прислонили к стене и били прикладами в голову, грудь, в живот, били и лежащего. Маму с шестимесячным Ваней на руках поставили к стене рядом с умирающим папой и выстрелили в голову. Ваня, ударившись землю, заплакал, его тоже застрелили. 12-летнему сыну Федору тут же, у хаты, размозжили голову обухом топора. Вите было 2,5 года. Его топором разрубили от плеча до груди. Он сначала стонал, а потом замолк...»

А теперь воспоминания с польской стороны. Ирена Канице, село Замличе Гороховского уезда: «По моим наблюдениям и по рассказам людей, украинские банды действовали таким образом. Появившись в селе, жителям приказывали зайти в дома под предлогом, что будут делать обыск, потому что у них имеется оружие. Всем членам семьи приказывали ложиться на пол лицом вниз. Затем входила большая группа мужчин и убивала лежащих тупыми предметами, чаще всего били по голове. Часть людей собирали в хлев, там стреляли раненых, затем поджигали хлев, а когда падала крыша, слышны были человеческие стоны...»²²

А вот отдельные свидетельства из книги — сборника воспоминаний «Свидетели говорят», изданной в 1996 г. в Варшаве.

Францишка Косинска: «Я проживала на Волыни в селе Дошно, что в 17 км от Ковеля. Соседние села Велимче и Датынь... С болью в сердце вспоминаю трагический день 28 августа 1943-го... Уже было достаточно светло, когда я с ребенком подошла к окну и увидела страшную картину. Вдоль озера бежит Юзеф Савицкий, а за ним на коне мчится бандеровец с саблей в вытянутой руке. Когда лошадь догнала Савицкого, бандеровец взмахнул саблей, и голова убегающего повисла на плечах...

Я вышла из дома и побежала к лому на две семьи моих дядьев — братьев отца. Мои дядья Флориан и Петр Рубиновские и наш кузен Казимир лежали на полу на животе, пробитые штыками. Под яблоней, недалеко от порога, лежали мертвые тетя Геня с детьми. У нее и ее сына были разрублены головы. Тетя держала в объятиях младшенького. Тетя Сабина, жена другого дяди, была совершенно голая. У нее тоже была разрублена голова, а у груди лежали два восьмимесячных близнеца. Тут же я увидела бабушку Еву. Она стояла, прислонившись к стене лицом. Я подумала,

что она жива. Оказалось, что она пробита штыком и в таком положении умерла, опершись о стену.

Обезумев, я бегала от дома к дому и наконец добежала до своих родителей. Отец лежал на животе в комнате возле кровати в одном белье, пробитый штыком...

Чеслав Кувалек: «29 августа 1943 г. в воскресенье после обеда к нам дошли вести об уничтожении польских сел. Реакция у людей была разная: одни не верили, что кто-то может прийти и без причины уничтожить польское село; другие высказывали намерения выехать с семьями... третьи предлагали оборонять село. Эта мысль стала преобладать, но у нас не было ни одного человека, кто бы хорошо знал военное дело... (а где же славные польские джеймсы бонды в модификации «Пильх 1943», с высшим английским диверсионным образованием? — *Прим. авт.*). В ночь с 29 на 30 августа возле моего дома сформировалась колонна повозок с семьями, которые намеревались покинуть село. К сожалению их вернули обратно и предложили участвовать в обороне села. Это привело к напрасной гибели около 480 человек (значит, АК в селе была и препятствовала бегству населения — директиву-то о сохранении польского характера территории выполнять надо было! — *Прим. авт.*).

...11 ноября 1943 года наша группа самообороны в колониях Ружин и Трускоты отбивала попытки группы УПА ворваться в эти села. На другой день мы покинули Трускоты. Там получил тяжелое ранение Стефан Сковрон... мой хороший товарищ. Мы оказали ему по возможности первую помощь, и он попросил нас оставить его возле дома нашего соседа Гната Юхимчука. На другой день Стах Шимчак пошел забрать Стефана. Оказалось, что его уже нет в живых. У него был распорот живот, вытянуты все внутренности, выколоты глаза, а с ног сняты ботинки...

Большой трагедией для меня стала смерть украинцев Ивана Аксютича и его сына Сергея осенью 1943 года. Человек в годах, он хорошо жил со своими соседями, не вступал ни в какие политические интриги, имел смелость не поддерживать украинских националистов. Убили его в селе Клевцецк при участии племянника Леонида, который для родного дяди избрал страшную смерть — распилил пилой живого. Сына Ивана Аксютича оуновцы застрелили...»²³

А ведь цели-то у обеих сторон какие «благородные»: одна режет другую во имя будущего независимого украинского государства и за то, что с Советами снюхались, другая стремится за столбить старые границы своего государства горами трупов своих земляков, не имея практически никакой возможности переломить ситуацию. А потом, уже после прихода Красной армии, все эти ребята, и из АК и из УПА, понизив ставки, бросились бороться уже просто за свою «национальную независимость» и даже пытались договориться друг с другом. Вот только то обстоятельство, что НКВД этих «борцов» отлавливал и всего лишь на трудовой фронт (это за такие-то зверства!) направлял, теперь почему-то представляется как репрессии, хотя всем известно, что худой мир лучше доброй войны. Однако отстиравшим свою кровавую шкурку уж так хочется стать «бело-красными, жовто-блакитными и пушистыми», что для них, конечно же, проще было забыть то, что они творили, а еще лучше свалить на Россию. Как-никак в единой Европе жить собираются.

Отсюда и сегодняшние сожаления, дескать: нехорошо все-таки вышло, что во время войны не нашли общего языка, когда надо было совместно с русскими сражаться. А ведь и верно, если глядеть с точки зрения защиты «демократических и общеевропейских ценностей», серьезный промах ОУН и АК допустили. Не сообразили, что уже в 1943 г. в единой Европе были. Ибо, как тонко подметил В. Кожин, «в действительности же почти вся континентальная Европа к 1941 году так или иначе, но без особых потрясений вошла в новую империю, возглавляемую Германией... Из существовавших к июню 1941 года двух десятков (если не считать «карликовых») европейских стран почти половина, девять стран, — Испания, Италия, Дания, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия... Финляндия, Хорватия... совместно с Германией вступили в войну с СССР-Россией, послав на Восточный фронт свои вооруженные силы... Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал сказанные 30 июня 1941 года слова Гитлера, констатирующие положение вещей: “Европейское единство в результате совместной войны против России”»²⁴. Что ж, выходит, слова бесноватого фюрера стали в каком-то смысле пророческими, только в основание европейского единства нынче закладывают новый «краеу-

гольный камень», пытаюсь не только примирить польских и украинских националистов, но и приравнять их к тем, кто боролся с фашизмом. Впрочем, это, наверное, можно было бы списать на издержки политкорректности, если б не одно «но»: при всех новых прогрессивных веяниях Россия, как не допущенная в светлый европейский храм, должна стоять у его врат на коленях и слезно отмаливать грехи.

К примеру, такие, как пьянство и грабеж местного населения, якобы распространенные среди советских партизан. Но, что интересно, правдолюбцы всех мастей ссылаются при этом почти исключительно на донесения в Центральный штаб партизанского движения с мест, на рапорты наркома внутренних дел Л. Берии Сталину о беспорядках в советском партизанском движении. Значит, никто действительность тогда не лакировал, и НКВД за ситуацией в партизанских отрядах следил, и в случае необходимости меры принимались. Тех же мародеров беспощадно расстреливали, подтверждение чему можно найти в воспоминаниях действительно легендарных партизанских командиров Линькова, Вершигоры, Ковпака. Зато что-то не слышно сегодня с польской стороны рассказов об изнанке жизни отрядов АК на восточных окраинах. Разве что промелькнет после расписывания того, как Советы польских крестьян грабили, нейтральное сообщение о том, что поляки едой у семей советских партизан запасались, или же подальше на восток за припасами ходили. Ну а бандеровцам, тем, видимо, уже по определению все следует простить, а как же иначе, они ведь борцами за независимую Украину были. Так что, тут, как говорится, по умолчанию все ясно — их просто жаждали кормить и одевать, а потому они, будучи в высшей степени культурными европейцами, не мародерствовали, не пьянствовали и не разбойничали.

Впрочем, это еще цветочки в сравнении с главным российским «грехом», о котором мы уже говорили выше, а именно разжиганием позорной польско-украинской свары. Вешающие на Россию всех собак борцы за историческую справедливость не дают себе труда подумать, а для чего эта склока была нужна советским партизанам и нужна ли вообще. Ведь действия советских отрядов были направлены исключительно на борьбу с фашистами, а потому непосредственное участие в растаскивании

на смерть сцепившихся будущих строителей европейского единства в их планы не входило. Поскольку вынужденное вмешательство советских партизан в украинско-польский конфликт попросту отвлекало их силы от основного противника. Что же до теории о провоцировании Советами межнациональной вражды с целью втягивания поляков в борьбу с немцами на советской стороне, то вряд ли они в таком случае от этого выиграли. Так как поляки шли в леса в первую очередь не с немцами сражаться, а для того, чтобы мстить украинцам.

А если подобная логика кажется кому-то излишне просоветской, то ответ на вопрос, кому все-таки был выгоден этот конфликт, можно найти у командующего Волынского округа АК К. Бомбиньского, который отмечал в сообщении от 22 апреля 1943 г.: «В течение уже двух недель польское население на Волыни подвергается варварскому уничтожению, что применяют в отношении к целым семьям украинские резуны. Мне известна та рука, которая толкает украинское население на самоубийственную борьбу против соотечественников польской национальности на общей родной волынской земле. Совершенно понятно, кто может получить выгоду от этого внутреннего раздора. Это ведь немецкие оккупанты, которым проще подчинить страну, когда остальные группы населения борются между собой». Как видно из этих строк, командующему АК в 1943 г. было вполне ясно то, что по прошествии шестидесяти лет вызывает сомнение у польских и украинских «ученых», которые стройным хором обвиняют в разжигании польско-украинского конфликта наряду с гитлеровцами также и Советы. Ну ладно, пусть их, хорошо хоть существование самого конфликта еще не оспаривают. Хотя по мере дальнейшего объединения Европы такой прогноз очень даже не исключается. А впрочем, об этом позже.

Сейчас же предоставим слово немецкой стороне в лице одного из подчиненных генерала полиции Мюллера, сообщавшего в своем отчете о контактах с бандеровцами: «Один из лидеров бандеровской части ОУН на встрече 12 сентября 1943 г. проинформировал нас, что рейдовые отряды украинских националистов на Волыни в период 29—30 августа провели массовые акции по ликвидации поляков. Согласно его информации, подразделения УПА уничтожили более 15 тыс. поляков в районах волын-

ского воеводства. Начальник полиции и СД Волыни и Подолии — Путц»²⁵. Не кажется ли вам, что подобное «информирование» уж очень сильно смахивает на рапорт начальству о проделанной работе? А если так, то гитлеровцы были напрямую заинтересованы в противостоянии поляков и украинцев, поскольку в условиях межнациональной вражды могли легко манипулировать обеими сторонами в своих интересах.

А теперь о провокациях «советских партизан», между прочим, из польского источника: «ОУН-УПА уничтожала польское население также под вывеской советских партизан, в одном из рапортов в сентябре 1943 г. командир УПА пишет: “Сотня “Негу-са”, маскируясь под Советов, ночью напала на головицкое государственное имение по той причине, что там было размещено около 200 ляхов... Ляхи приняли нас за красных и многие из них готовились идти вместе с нами выпускать скотину из хлевов... некоторая часть ляхов была на крышах. Результаты следующие: пустили красного петуха... забрали 129 голов скотины... один немец и до 15 ляхов убито, сколько их сгорело — неизвестно”»²⁶. Практически о том же в своем сообщении осенью 1943 г. свидетельствует и непосредственный участник событий на Волыни уже известный нам Р. Сатановский, докладывая, что немецкие оккупанты сознательно разжигают межнациональные конфликты, подталкивая польскую полицию на акты мести в отношении украинцев, при этом немецкая пропаганда преступления украинских националистов выдает за дело рук советских партизан.

Так что, сколько теперь не рассуждай на досуге или от нечего делать, кто раньше эту резню начал и у кого ножичек подлиннее был, ответственность за нее лежит в первую очередь на том, кто, овладев данной территорией, не смог или не захотел установить на ней хоть какой-то контроль, препятствующий подобным эксцессам. Однако гитлеровцам требовался лишь такой порядок, который позволял бы им получать с оккупированных земель, как говорится, «все для фронта, все для победы», и не более того. Стремление же ОУН и АК диктовать свои условия населению Волыни, Львовщины и Галиции выливалось в ту самую обсуждаемую нами с разных точек зрения резню, столь выгодную немцам. С той разницей, что гитлеровцы руководствовались при этом расовым подходом, а ОУН и УПА — националистическим, подразумевающим

наличие нации господствующей и нации покоренной, в том числе и путем частичного уничтожения. Никто не спорит, Советы были тоже не сахар, но уж чего за ними точно не водилось, так это сортировки на своих и чужих по расовому или национальному признаку. В этом смысле перед ними все были равны.

Чего не скажешь о современных польских специалистах по исторической справедливости, чуть ли не с упоением разрывающих старые могилы и вездливо классифицирующих лежащие в них косточки по степени голубизны. Вроде профессора М. Павловичовой, с предельной краткостью излагающей свою версию того, что творилось на оккупированной Волыни: «Во время советской оккупации против поляков бок о бок с Советами выступили евреи и украинцы. Во время немецкой оккупации немцы и украинцы уничтожили евреев, а затем поляков. Во время 2-й оккупации Советы и украинцы добивали остатки поляков. Кровь поляков легла позором на руки Советов и немцев, но и украинцы были везде там, где можно было полякам навредить»²⁷. Честно говоря, даже спорить с подобной «научной» точкой зрения скучно, уж больно она напоминает комплекс безмерно любящей мамочки, перезрелый сыночек которой все время от кого-нибудь да страдает: если не от плохой компании, так от змеи-невестки, подсаживающих сослуживцев или самодура-начальника.

Тем не менее наша пани отнюдь не одинока в своем стремлении представить поляков невинными жертвенными агнцами, а всех остальных участников тех трагических событий — жуткими монстрами в стиле звездных войн. При этом материал исследуется до таких мельчайших подробностей, что другой раз остается только благодарить польских исследователей за некоторые практические выводы. В частности, в своем рвении докопаться до истины, кто же все-таки первым пустил в ход нож, они то возвращаются к событиям XVII в. (!), то ностальгируют по «идиллическим» временам до 1939 г., когда поляки якобы жили с украинцами душа в душу, напрочь забывая о том, что при этом творила польская полиция. Но, пожалуй, наиболее оригинальные версии причин позорной «неевропейской» резни на Волыни выдвигает пан доктор А. Корман, который, очень даже не исключено, на долгие годы обеспечит работой не только себя, но и многочисленных коллег. Так вот, причины эти в его изложении самые разнообразные, но

особенно выделяются следующие: а) *религиозная*: УПА действовала через униатскую церковь, которая в проповедях призывала убивать поляков, б) *насильственная*: запугивание и принуждение к участию в убийствах, в) *литературная*: посредством произведений Т. Шевченко возбуждалась ненависть к полякам. Не обошлось и без и *медицинско-патологической*, подающейся в трактовке пана Кормана в духе какого-нибудь «Молчания ягнят», так как он считает, что преступление против человечности, совершенное украинскими террористами, может быть предметом исследований не только историков, но и психиатров. Ибо, по его мнению, головорезы из ОУН-УПА убивали, так как ощущали потребность убивать, издеваться над своими жертвами, получать наслаждение от их мучений²⁸.

Мало того, дело уже дошло до анализа методов и способов, какими боевики УПА убивали своих жертв, с самым тщательным их перечислением. И, что самое интересное, в подобных трудах можно встретить, к примеру, такие пассажи, где в качестве референтной величины используется зловещий НКВД, а в качестве эксперта — известный русский литератор Александр Солженицын. Вот он-то перечислил всего-то чуть более 50 видов пыток, которые использовались НКВД (перечислил по рассказам эков — сам не испытал. — *Прим. авт.*). А бандеровцы в этом НКВД переплюнули, так как применяли более многочисленные и жестокие виды пыток по отношению к полякам. Прочитав такое, так и хочется воскликнуть: слава Богу, хоть тут злодеяния Советов и их демонического НКВД меркнут на фоне подвигов украинских националистов, тем более что сам пан Корман сначала дотошно подсчитал, что они убивали поляков аж 135 способами. Потом этот список вырос до 362²⁹. Однако, скоро выясняется, что радоваться рано, ибо сколь не оригинальны разработки пана Кормана и компании, выводы их оригинальностью как раз-таки не блещут, и во всем опять виноваты Советы: «Без сомнения, пример, какой дал сначала НКВД, а позже гитлеровцы, оказал влияние на использование кровавого террора как средства борьбы с противниками. Советские партизаны нигде и никогда не оказывали положительного воздействия на польско-украинские дела, а немцы постоянно использовали одних против других»³⁰.

Ну вот, опять комплекс мамочки, а мы-то думали, что-нибудь новенькое наконец! Совратил, понимаешь ли, искуситель-НКВД неопытных и морально неокрепших детишек из АК и УПА. Хотя и говорили им аковские отцы-командиры: нехорошо, ребята, не берите пример с НКВД, бяка это. Но ребятки не послушали: мало что с Советами спутались, так еще и с гитлеровцами. В общем, история печальная до слез: убитая горем мать рыдает над провинившимся сыном и посылает проклятия сбившим его с праведного пути злодеям. Одно непонятно, почему бы польским «несмышленищам», помимо плохого, чего-нибудь полезного у большевиков не перенять? Типа обязательной проверки на «моральную устойчивость». А если от красных азиатов тошнит, то хотя бы у «цивилизационно близких» в черной форме с рунами в петлицах и «мертвой головой» на околыше фуражки могли бы позаимствовать практику тщательного отбора в стиле «характер нордический, стойкий». Тогда, глядишь, и дурного влияния НКВД удалось бы избежать

Впрочем, а не увлеклись ли мы подробным анализом новейших польских исследований, от которых дух захватывает? Может, все намного проще? Да взять хотя бы того же американца Т. Снайдера: вот уж кто не мудрствует лукаво и объясняет мотивы резни на Волыне просто и без излишеств. Вкратце это выглядит так. ООН против немцев воевать не хотела — зачем силы тратить, если русские их и так выгонят? При этом командиры УПА, как и положено начальству, должны были обеспечить своих подчиненных каким-либо занятием, чтобы они не разбежались от скуки и безделья. Вот командиры и направили энергию своих рвущихся в бой солдат против поляков, с которыми так и так нужно было что-то делать³¹.

Недалеко от Снайдера в безыскусности видения проблемы ушел и последний главнокомандующий УПА Василий Кук, прямо и доходчиво поведавший о том, что никакого специального решения об уничтожении поляков не было: «...Было просто обращение к полякам — если вы не хотите, чтобы вас уничтожили, уезжайте. Население было очень враждебно к ним настроено, поэтому мы им советовали по-хорошему уезжать, чтобы быть в безопасности. Мы их не выгоняли, а сказали: “Лучше уезжайте в этой ситуации, откуда приехали, так как вас могут уничто-

жить»³². Кстати, когда читаешь такое, на ум поневоле приходит другое «обращение», чрезвычайно популярное в «братских» республиках бывшего СССР образца 1989—1990 гг.: «Чемодан, вокзал, Россия». Вот ведь как, оказывается, намного раньше было: «Чемодан, вокзал, Польша». Получается, опять ничего нового. С той разницей, что на оккупированной Волыни в качестве «средства убеждения» использовался топор, а в теперешнем «ближнем зарубежье» — пресловутая историческая справедливость, с которой, как курица с яйцом, носятся свежее испеченные восточноевропейские демократии вроде польской. А посему стоит ли удивляться их неумному стремлению героизировать «национально мыслящих» деятелей, подобных Бандере.

Имеется, правда, один скользкий момент: борясь за права и независимость собственного народа, они не щадили чужих, попутно спихивая вину за свои преступления то на другую сторону, то вообще на кого придется. Как сделал это герой украинских националистов член центрального руководства бандеровской группы ОУН И. Гринёх (псевдоним «Герасимовский») во время переговоров с СД и полицией в Генерал-Губернаторстве в 1944 г: «Ответственность за террор, который до сих пор продолжается между украинцами и поляками, группа ОУН перелагает исключительно на польскую сторону. Сначала группа ОУН старалась призвать поляков к благоразумию разными конструктивными предложениями. Но поляки недооценили силу украинцев и в особенности силу группы Бандеры. Усиление террора против украинцев вынудило бандеровскую группу ОУН ответить на удар и отдать приказ своим боевым подразделениям ответить на польский террор актами возмездия, за что организация берет полную ответственность на себя. Террор против поляков будет незамедлительно остановлен, как только будут ликвидированы все препятствия на пути к достижению организацией ее главной цели — борьбы против большевизма, а украинцам будет дана гарантия от польского террора со стороны Германии»³³.

Впрочем, если вы заметили, одним только перекладыванием ответственности за межнациональную резню на поляков Гринех не ограничился, подведя свои рассуждения к «логическому» выводу: немцы должны заняться поляками, а уж истинные патриоты Украины и следа от москалей и коммуняк не оставят. И тем

не менее, даже имея за спиной столь «светлое» прошлое, нынешние националисты и с украинской и с польской стороны ищут некую общую оправдательно-спасительную идею, которую, впрочем, они могли бы позаимствовать у литовского историка Ч. Лауринавичюса, утверждающего, что «если какой-то солдат или группа солдат совершила преступление во время войны, это не значит еще, что это был геноцид». После чего им только и останется что быстренько извиниться друг перед другом, да по привычке спихнуть все на НКВД и Советов (понимай — русских). Тем более что УПА и АК еще в 1944—1945 гг. пытались забыть старые распри во имя создания единого польско-украинского фронта против Советов. Да вот беда, ничего у них не получилось, а то бы писали сейчас о совместном боевом братстве, а не о загубленных душах женщин, детей и стариков! Выходит, и здесь им Советы все карты спутали!

Что ж, оно и понятно. Кому охота признавать свои, дипломатично выражаясь, ошибки. Тогда тем более, не пора ли уже успокоиться и прийти наконец к взаимному пониманию жестокой сущности войны, на которой бал правит человек с ружьем. Причем не только тот, кому оружие в руки дало государство, но и тот, кто берет его, руководствуясь собственными побуждениями, обличая себя тем самым законодательной и исполнительной властью одновременно. В итоге с этого момента жизни многих ни в чем не повинных людей зависят не от плохой или хорошей власти, а от того, что в голове у конкретного человека с ружьем. А потому рано или поздно такого вершителя подпольного «правосудия» необходимо обезвредить, противопоставив ему силу и мощь государства. Что и сделал разобравшийся с разнообразными народными мстителями на территории Западной Украины СССР, никого при этом не выделяя: ни поляков, ни украинцев, ни русских. Так что прежде чем поднимать визг о советских репрессиях, следовало бы все-таки учесть, что какими бы тоталитарными не представлялись сегодня законы СССР, только они и положили конец закону ружья и топора.

Глава 8

Поляк везде служит только польскому делу...

В завершение для полноты картины заслуг и возможностей Армии Крайовой следует упомянуть и о малоизвестной странице истории ее деятельности на собственно непольской территории, которую поляки традиционно считают исконно своей — а именно Латвии. Ну, любят они вспоминать о том, что им когда-то, пусть даже и во времена оные, тем или иным образом принадлежало, пусть даже и в качестве отдельных помещичьих владений. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что такая особенность не одним полякам свойственна, правда, не у всех она ведет к практическим выводам о том, что данные земли должны быть непременно возвращены, как это принято в Польше. Отсюда и весьма показательное поведение, которое продемонстрировали во время войны поляки — граждане соседних с Польшей государств. А для них, как показали тогдашние события, гражданство не играло никакой роли, поскольку свое, национальное, они ставили превыше вопроса лояльности к государству.

Так, после разгрома Польши в Латвии, например, по инициативе польских харцерских организаций была создана нелегальная военная структура. Первоначально она занималась переброской в Швецию и Англию интернированных в Латвии польских военнослужащих. После вхождения Латвии в состав СССР данная территория, несмотря на то что в свое время Польше не уда-

лось включить ее в свой состав, стала предметом интереса Союза вооруженной борьбы. В Двинске (Даугавпилсе) в середине 1941 г. было создано его подразделение, организационно подчинявшееся округу в Вильно. Однако в конце того же года оно было раскрыто латвийской политической полицией, являвшейся фактически частью гестапо. В результате 17 членов организации были арестованы, а 10 из них незамедлительно расстреляны.

«Из отчета оперативной группы А полиции безопасности о положении в Прибалтике, Белоруссии, Ленинградской области, за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

2. Латвия

Польское движение сопротивления

Среди польского населения Латгалии численностью примерно 50 000 чел. возрастает распространение слухов и клеветничество против Вермахта и немецкой гражданской администрации. Установлено также, что действует несколько движений сопротивления. В результате успешного расследования было арестовано 14 членов движения «Польска организация войскова», ставившего своей целью добиться создания новой Польши...»¹

В связи с чем нелишне будет напомнить, что вопреки утверждениям латышских знатоков истории в розовых очках, жизнь под гитлеровским оккупантом была отнюдь не безоблачной даже для верных латышей. Власть на территории бывшей Латвии целиком и полностью находилась в руках «Рейхскомиссариата Остланд». Всех латышских деятелей, которые за свою честную службу тысячелетнему рейху надеялись получить награду в виде независимой Латвии, так же как и руководителей ОУН на Украине, которые без разрешения хозяев даже пытались ее строить, быстро убрали из оккупационной администрации, а некоторых, питавших на этот счет особенно гипертрофированные надежды, арестовали и послали в лагеря на перевоспитание. Какова была методика перевоспитания — пусть об этом учебники пишут.

Зимой 1942 г. были организованы новые разведывательные ячейки СБВ в Риге, Двинске, Елгаве и Либаве. С лета 1942 г. в Двинске, что в Восточной Латвии (Латгалии), началась деятельность уже упоминавшейся диверсионной организации «Веер», для которой формировались группы под руководством обученных в Англии диверсантов из состава бывших военнослужащих

польской армии. Осенью 1943 г. почти все ее члены были арестованы и через год казнены. Советские партизанские группы начали действовать в Латвии с весны 1942 г. При этом они, как и польские диверсанты, концентрировались в основном на так называемой «рельсовой войне», то есть занимались подрывом железнодорожной сети и мостов на линии Рига-Двинск (Даугавпилс) — Витебск, так как по ней шли перевозки из Германии на Восточный фронт.

Надо отметить, что подполье, организованное Армией Крайовой, включало в себя не только поляков, оказавшихся на территории Латвии в результате войны 1939 г., но и местных поляков, бывших граждан Латвии, которые в непольском сопротивлении участвовать не желали. Тем не менее находились и менее патриотичные поляки из местных (и было их немало), те, что, желая избежать репрессивных действий со стороны оккупационных властей, меняли национальность на латышскую, вследствие чего привлекались на службу во вспомогательные подразделения немецкой армии и даже в боевые подразделения. И, между прочим, став таким образом латышами, от службы в доблестных немецких вооруженных силах не увиливали. Кто знает, может, рвались в их рядах с ненавистными русскими по-воевать? Впрочем, ответ на этот вопрос мы еще найдем у польских историков.

В любом случае, на этом фоне особенно показателен факт усиленного увливания поляков от призыва в Красную армию после освобождения Латгалии в 1944 г. Многие из них, будучи членами АК, от призыва скрывались или же старались дезертировать из Красной армии при первой возможности. Вполне логично, что НКВД ответило на это арестами с последующими судами и приговорами, ибо поляки в результате вхождения Латвии в состав СССР стали гражданами Латвийской ССР и относились к ее юрисдикции. Что касается поляков, то они по заведенной у них привычке продолжали служить только польскому делу. По крайней мере до 1947 года, пока в Восточной Латвии еще действовала АК, местные структуры которой занимались, как это было на территории бывших «восточных окраин», организацией легального выезда в Польшу еще не попавших в разработку НКВД активистов. Как это случилось в 1947 г. в латышском городке

Краслава, где НКВД раскрыл местную подпольную организацию АК, все активные члены которой получили сроки от 5 до 10 лет, а руководители были приговорены к смерти. Кстати, смысл существования именно этой организации АК вообще непонятен — неужели они вообще верили в возможность установления польской власти в Латвии? Или же продолжали «гнуть спину» на своего старого работодателя еще с войны — Великобританию, снабжая ее полезной информацией в надежде на третью мировую?

Глава 9

Кровь на алтарь лондонской идеи

...И крики повсюду: «Спасти́сь мы не можем!
Русь валит, и нет ей отпора!
Так нет же! Мы сами себя уничтожим —
Погибель нам лучше позора!»

«Прокля́тье тому, кто себя не погуби́т!»
И, жаждая собственной крови,
Те ждут, что им головы тотчас отрубят,
У этих — топор наготове...
А. Мицкевич. Свитезь

«Польское общество обязано вести вооруженную борьбу, защищая независимость, обязано проливать кровь и чтить любое проливание крови как национальный героизм, а своим вождям оно должно воздвигать памятники. В то же время польскому обществу непозволительно ставить вопрос о том, кто, с какой целью довел дело до кровопролития, и была ли необходимость проливать эту кровь, и можно ли было избежать этого, так как кровью нации разбрасываться нельзя!» — Ян Матлаховский, член правления Национальной партии Польши до войны, участник движения Сопротивления, с 1945 г. в эмиграции, в 60-е годы вернулся на родину¹.

Ничего не убавить, ничего не прибавить, страшные и пронзительные слова. Только разве их к одной только Польше отнести можно и только ли к последней мировой войне?

«Пусть сильнее грянет буря...»

Поздней осенью 1943 г. Красная армия вплотную приблизилась к довоенным границам Польши. А еще раньше всем политическим силам и течениям оккупированной Польши стало ясно, что польские территории будут освобождены с Востока, а столь желанное для АК и второй по значению подпольной организации Национальных Вооруженных Сил наступление с запада союзников в лице Англии и США не только откладывается, но и вряд ли вообще произойдет. Что, само собою, резко меняло все предварительные расклады. В частности, планировавшийся вариант всеобщего восстания, подобного тому, что уже было осуществлено в 1918 г., становился, мягко говоря, плодом воспаленного воображения руководства Армии Крайовой, которое никак не могло распрощаться с воспоминаниями прекрасной юности. К тому же и дело теперь приходилось иметь с несколько иными немцами. А потому поднимать восстание в фронтовых условиях, когда Польша, будучи тыловой территорией вермахта, до предела насыщена немецкими войсками и всевозможными тыловыми подразделениями, было равносильно уничтожению в кратчайшие сроки всех боеспособных единиц Армии Крайовой и массовой гибели гражданского населения. Тем более что на помощь союзников рассчитывать не приходилось. Как традиционных — Англии и США — так и СССР, с которым польское правительство прекратило отношения, что, естественно, предполагало также и отсутствие какого-либо взаимодействия в военной области, в том числе и с Армией Крайовой. Однако же, несмотря на то, что в создавшихся условиях реальную поддержку получить можно было все-таки только с Востока, польские стратеги упорно не желали договариваться и с надеждой, граничащей с одержимостью, смотрели на Запад. Что из этого вышло, яснее всего показало восстание в Варшаве, жестоко подавленное немцами.

А ведь союзники еще в 1943 г. недвусмысленно дали понять полякам, что планы с восстанием их не особенно волнуют. Прагматичному Западу было не до романтики: и в США, и в Великобритании прекрасно осознавали, что без СССР немцев не разбить. А потому стихийный порыв народных масс интересовал их

лишь с точки зрения использования движений Соппротивления в оккупированных странах Европы для поддержки вторжения во Францию. По крайней мере этот вопрос рассматривался в октябре 1943 г. начальниками штабов союзнических армий, и мнение было таково, что военные действия Армии Крайовой никакого воздействия на ход боев на Западном фронте иметь не будут. С учетом этого становится ясно, что какие бы военные операции АК ни планировала, они были чисто польским делом и никого более не касались. Великобритания была готова поддерживать только диверсионно-разведывательную деятельность АК. Для чего, в частности, был разработан план действий «Барьер», предполагавший проведение крупномасштабных диверсий на железных дорогах в случае слишком поспешного отступления вермахта с целью **задержания немецкого фронта на востоке и препятствования слишком быстрому наступлению Красной армии**. Известны также и иные намерения командования Армии Крайовой, суть которых заключалась в прекращении каких-либо диверсионных акций в отношении военных эшелонов гитлеровцев, которые направлялись на Восточный фронт.

В конце концов знающие о крайне плохих взаимоотношениях между польским эмигрантским правительством и СССР союзники даже стали опасаться обеспечивать АК оружием в достаточном количестве, подозревая, что оно может быть направлено не только против немцев. А последнее приведет к политическим осложнениям, так как на руках у Советов будут неоспоримые козыри: союзники поставляют оружие врагам СССР. По сообщению польского историка Я. Чехановского, на документах, составленных для подготовки сброса с самолетов оружия для АК, он сам видел приписку: «К сожалению, еще не удалось изобрести пулемета, который убивал бы только немцев, а не русских». Однако, несмотря на прохладное отношение союзников к польским авантюрам, поляки в Лондоне, видимо, продолжали на что-то надеяться, поскольку разработанная 1 октября 1943 г. инструкция для Армии Крайовой содержала в себе следующие пассажи на случай **несанкционированного (!!!)** польским правительством вступления советских войск на территорию Польши:

«Польское правительство направляет протест Объединенным нациям против нарушения польского суверенитета — **вследствие**

вступления Советов на территорию Польши без согласования с польским правительством *(выделено автором)* — одновременно заявляя, что страна с Советами взаимодействовать не будет. Правительство одновременно предостерегает, что в случае ареста представителей подпольного движения и каких-либо репрессий против польских граждан подпольные организации перейдут к самообороне»². Таким образом, уже в 1943 г. лондонские поляки готовили своих соотечественников на оккупированной территории к войне против СССР. В то время как современные польские «правдоискатели» от истории непрерывно талдычат о намерениях АК быть союзником Красной армии и вероломстве Советов. Да уж, склероз — болезнь, конечно, неприятная, но в некотором смысле удобная.

В течение октября 1943 г. в соответствии с вышеуказанными тезисами были разработаны директивы плана «Бужа» (*burza* — буря по-польски). Последние предписывали подпольным структурам Делегатуры правительства в эмиграции и АК при вступлении РККА на территорию Польши выходить из подполья и представляться командирами частей в качестве легальных польских властей. При этом комендантом АК уже изначально предполагалось следующее:

«...Сохранение и поддержание в конспирации нашей в настоящее время широко разветвленной организации под советской оккупацией будет невозможно. Практически я ограничу количество командных органов и отрядов, выходящих из подполья, до необходимого минимума, остальных постараюсь сохранить посредством **формального расформирования** *(выделено автором)*.

1. С максимальной секретностью подготавливаю на случай второй русской оккупации базовую сеть командных кадров новой тайной организации... В любом случае это будет отдельная сеть, не связанная с широкой организацией Армии Крайовой, расшифрованной в значительной мере элементами, остающимися на советской службе»³.

В соответствии с директивами плана «Бужа» от 1 декабря 1943 г. подразделения польского подполья должны были усиливать свою диверсионно-саботажную деятельность непосредственно перед вступлением советских войск.

Эти же директивы определяли отношение польских партизанских формирований к советским войскам и советским органам власти:

«...Отношение к русским. Ни в коем случае не следует затруднять находящимся на наших землях советским партизанским отрядам ведения борьбы с немцами. На данное время избегать стычек с советскими отрядами. Те наши отряды, у которых уже были такие стычки и которые по этой причине не могли бы наладить отношения с советскими отрядами, должны быть передислоцированы на иную территорию. С нашей стороны допустима только операция по самообороне.

2. Надлежит противодействовать тенденции населения восточных территорий бежать на запад от русской опасности. В особенности массовое покидание польским населением районов, где оно образует компактные польские массивы, было бы равнозначно ликвидации польского присутствия на этих территориях.

3. Относительно вступающей на наши земли регулярной русской армии выступать в роли хозяина. Следует стремиться к тому, чтобы навстречу вступающим советским подразделениям выходил польский командир, который имел бы за собой сражение с немцами и вследствие этого истинное право хозяина. В намного более трудных условиях в отношении к русским окажется командир и польское население, освобождение которых от немцев было произведено русскими»⁴.

Как тут не вспомнить записи, которые примерно в то же время, когда разрабатывались подобные проекты, оставил в своем дневнике Людвик Ландау: «...снова была сегодня экзекуция... Непрестанно приходят известия об арестованных...

И потому мы постоянно ждем вестей из внешнего мира, но ничего не предвещает близкого конца. И наиболее удручающе действуют вести с итальянского фронта (имеются в виду подвиги генерала Андерса. — *Прим. авт.*), разрушая веру в то, что союзники по крайней мере в этот момент способны к серьезной и успешной борьбе с немцами... А нам уже совсем невтерпещ! И в силу положения в широком плане взор обращается на восток в поисках надежды. Тут по крайней мере не прекращаются “события” — и притом непрестанно с ущербом для немцев...»⁵

Так писал человек, как говорится, на своей шкуре, познавший гитлеровский режим — уже было невтерпех! Увы, он не дождался, вышел однажды на улицу и не вернулся... Так же думали многие поляки и почти все гражданское население, которое не имело оружия и которому приходилось жить в оккупации без надежды на будущее. Но совсем другие мысли были на уме у отцов-командиров из АК и отцов нации из Лондона. В 1943 г., когда Красная армия перешла в наступление и исход войны начал принимать вполне конкретные формы, они с подачи Геббельса затеяли возню с раскруткой катынского дела, что привело к разрыву дипломатических отношений между СССР и эмигрантским правительством в Лондоне. Вот что писал по этому поводу Сталин У. Черчиллю в своем послании от 21 апреля 1943 г.:

«Поведение Польского правительства в отношении СССР в последнее время Советское правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной немецкими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью. Правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу.

...Для расследования привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер...»

А что же ответил Черчилль? А то, что и всякий разумный человек на его месте в подобных условиях:

«...Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо “расследованию” Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом,

а его выводы были бы получены путем запугивания. Г-н Иден сегодня встречается с Сикорским и будет с возможно большей настойчивостью просить его отказаться от всякой моральной поддержки какого-либо расследования под покровительством нацистов...»⁶

Затем Черчилль писал в своем письме Идену от 28 апреля 1943 г.: «Не следует патологически кружить вокруг могил трехлетней давности под Смоленском»⁷.

Так родина, к которой они стремились, для части поляков стала отдаляться на глазах. И первыми это почувствовали именно солдаты Андерса, по преимуществу с так называемых «восточных окраин». Началось брожение, так как солдаты обоснованно опасались, что после победы над Германией их родные места окажутся уже не в Польше и вряд ли они туда вернуться. Шли разговоры о возможности бунта против Сикорского, даже о том, что Андерс готовит его устранение, поскольку тот не смог добиться от большевиков признания старых границ Польши. И проблема в конце концов решилась: возвращаясь с инспекции корпуса Андерса, Сикорский погиб в авиакатастрофе недалеко от Гибралтара. Но несмотря на то, что ситуация на Восточном фронте разыгрывалась по нежелательному для них сценарию, а союзники, у которых они в приемных высиживали решение о сохранении довоенных границ, не горели желанием портить из-за Польши отношения с Советским Союзом, власти «подпольного польского государства» продолжали хорохориться перед своим собственным населением. Заявляя, что польское государство в конституционном порядке продолжает управляться из Лондона и Варшавы, они призывали население Польши исполнять распоряжения законных властей, а не каких-то там самозванцев типа Берлинга, которые по распоряжению Сталина создали армию, проводят призыв в армию и т.п. И после подобных деклараций они еще рассчитывали, что могут договариваться с Советами о возврате к довоенным реалиям.

Что касается советской стороны, то она четко обозначила платформу для возможных переговоров, опубликовав 11 января 1944 г. официальное заявление правительства СССР о том, что советско-польская граница соответствует чаяниям населения Западной Украины и Белоруссии, выраженным в референдуме

1939 г. Причем это заявление означало не только то, что данная территория была советской, но также и то, что население, проживавшее на ней, имело, соответственно, советское гражданство. Оно же, независимо от того, какого мнения на сей счет придерживалась другая сторона, подразумевало, что все несоветские формирования на данной территории являлись незаконными, а участвующие в них граждане СССР попадали под действие соответствующих советских законов. И именно с этой точки зрения и нужно рассматривать действия советских органов и их формирований на бывших «восточных окраинах», а ни как не с точки зрения конституции Польши 1935 г., кому бы она ни казалась предпочтительней.

Однако тех, кто пришел к руководству польским правительством в Лондоне после смерти Сикорского, такая логика явно не устраивала. Все шло по старой накатанной колее, и разрешать все вопросы польские стратеги намеревались путем будущего военного конфликта между СССР и союзниками. И так горяча была эта надежда, что ради нее отцы-командиры не прочь были принести жертву в виде невинной крови, правда, не своей. Преследовавшие же в этой войне сугубо национальные интересы, тогда еще не поднятые до ранга «общечеловеческих ценностей», практические союзники польских стремлений не разделяли, о чем У. Черчилль недвусмысленно, без какой-либо идеологической подоплеки писал Сталину 1 февраля 1944 г.:

«...я встретился с представителями Польского Правительства в Лондоне. Я им сообщил, что обеспечение безопасности границ России от угрозы со стороны Германии является вопросом, имеющим важное значение для Правительства Его Величества, и что мы, конечно, поддержим Советский Союз во всех мероприятиях, которые мы сочтем необходимыми для достижения этой цели... Я сказал им, что, хотя мы и вступили в войну из-за Польши, мы пошли на это не из-за какой-либо определенной линии границы...

Кроме того, хотя Великобритания, во всяком случае, продолжала бы бороться в течение ряда лет, пока что-либо не произошло бы с Германией, освобождение Польши от германского ига осуществляется главным образом ценой огромных жертв со стороны русских армий. Поэтому союзники имеют право требовать,

чтобы Польша в значительной степени сообразовалась с их мнением в вопросе о границах территории, которую она будет иметь.

...и я советовал им принять линию Керзона в качестве основы для обсуждения».

В этом же письме Сталину Черчилль останавливается на вопросах, которые занимают польское правительство:

«...В частности, они глубоко озабочены вопросом об отношениях между польским подпольным движением и наступающими советскими войсками, причем, конечно, их главное желание состоит в том, чтобы содействовать изгнанию немцев». (Свежо предание, преподнесенное ясновельможными панами, да верится с трудом!)

На что Сталин с подкупающей прямоотой отвечает 1 февраля 1944 г.:

«...Как известно, Советское правительство официально заявило, что оно не считает границу 1939 г. неизменной, и согласилось на линию Керзона. Тем самым мы пошли на весьма большие уступки полякам в вопросе о границе. Мы вправе были ждать соответствующего же заявления от Польского Правительства. ... Тем не менее Польское Правительство в Лондоне не сдвинулось с места, по-прежнему в своих официальных выступлениях высказываясь за то, что граница, которая в трудную минуту навязана нам по Рижскому договору, должна остаться неизменной. Следовательно, здесь нет почвы для соглашения, ибо точка зрения нынешнего Польского Правительства, как видно, исключает возможность соглашения»⁹. Точка зрения изложена недвусмысленно. Или мы договариваемся, или нет. Но договариваться поляки не собирались, а вот прикидываться союзниками, чтобы получить с этого дивиденды, были не против. Вот только со Сталиным такие номера не проходили.

В качестве иллюстрации польских намерений можно привести отрывок из «Сообщения № 243. Рапорт ситуации главного командования АК от 14.07.1944 г.»: «...Предоставляя Советам минимальную военную помощь, мы создаем для них, однако, политическую трудность. АК подчеркивает волю народа в стремлениях к независимости. Это принуждает Советы ломать нашу волю силой и создает им затруднения в разрушении наших устремлений изнутри.

Я отдаю себе отчет, что наш выход из подполья может угрожать уничтожением наиболее идейного элемента в Польше, но это уничтожение Советы не смогут произвести скрытно, и необходимо возникнет явное насилие, что может вызвать протест дружественных нам союзников»¹⁰.

Таким образом, отцы-командиры сделали окончательный выбор в пользу невинно пролитой крови, чтобы рядовые бойцы АК, не дай бог, не пошли в Войско Польское в СССР. Враг номер 1 слабел, его место занимал враг номер 2 — Россия, который на тот момент назывался СССР, что для поляков принципиальной разницы не имело, а потому нужно было срочно предпринимать шаги на опережение. Именно таким шагом и являлась операция «Буря», целью которой — а это в настоящее время никто из современных историков, в том числе и польских, не отрицает — было овладение соответствующими территориями (в рассматриваемых нами случаях — территориями бывших «восточных окраин») до вступления на них Красной армии. А потому местным командирам АК и представителям Делегатуры правительства предписывалось выйти из подполья при появлении Красной армии и взять на себя властные функции как военного, так и гражданского характера на освобожденной от гитлеровских частей территории. При этом, как отмечают все исследователи, ни в одном приказе, касавшемся реализации «Бури», предусмотрительно не указывалась конечная цель данной операции, речь шла только о демонстрации принадлежности территорий конкретных округов к Польше.

А что же отцы-командиры, которым вменялось в обязанность реализовать эти далеко идущие планы? А они, оказывается, шапкозакидательские настроения своих предводителей разделяли совсем не безоглядно. Доказательством чему интересный отрывок из книги пана Дурачыньского «Между Лондоном и Варшавой», выдержки из рапорта курьера МВД польского правительства по итогам его поездки летом 1944 г. в оккупированную Польшу: «...Польская нация держит экзамен в этой войне. Но экзамена этого не сдают руководители нашей подпольной жизни, организаторы конспирации, политические и военные вожди. Я мог бы перечислить среди руководящих нашей подпольной жизнью весьма мало тех, кто ориентируется в международ-

ных событиях, в расстановке сил в мире, и тем самым в наших возможностях. Но и эти особы, которые ориентируются, отбрасывают неблагоприятные известия, основывая свои воззрения, надежды и действия на известиях благоприятных. Когда я говорил, что Россия сейчас является мощью, с которой мы должны считаться, мне отвечали, что это ее последние судороги, что у нее нет ни собственного оружия, ни боеприпасов, что она воюет американским снаряжением и зависит от англосаксонских поставок продовольствия... Что же может быть проще, чем сражаться до последней капли крови за каждую пядь польской земли и погибнуть. То, что общество не пошло на сотрудничество с Германией, обошлось нам смертями миллионов людей. То же, что мы будем героями, которые ни от чего не отступят, может стоить нам потери всей Польши».

А теперь процитируем М. Солтысяка, видевшего вблизи организацию «Бури»:

«Власти... засыпали отряд инструкциями, приказами, проводили все новые и новые инспекции — создавались предпосылки для возникновения эпопеи, в которой многие обязательно хотели поучаствовать. На территорию лагеря... приезжали люди... которые уже в первый день требовали высылать их в разведку, а наряду с ними — ловкачи разной масти, известные близкими отношениями с немцами, люди, которые получали неплохую прибыль за несколько лет оккупации. Теперь же они декларируют свою жажду борьбы, лишь бы только не опоздать в забеге к независимой Польше, лишь бы только в последнее, как они считали, мгновение провозгласить свою солидарность с делом, которого они до сих пор не хотели и замечать. Начались торги самыми святыми ценностями». И этим словам Мариана Солтысяка, воевавшего с оккупантами до последних дней, трудно не доверять, ибо он был по крайней мере здравомыслящим человеком, а потому уже во время проведения операции «Буря» искренне недоумевал, получив приказ: «Двигаясь вслед за арьегардом немцев, впереди передовых советских частей... занимать территорию и создавать условия власти, которую уже готовой обнаружат советские войска...»¹¹

А особенно ценно свидетельство Солтысяка еще и потому, что в сегодняшней Польше нигде, начиная с трудов маститых ис-

следователей и кончая школьными шпаргалками по истории, не встретишь более или менее объективный взгляд на действия «элиты общества» — Армии Крайовой — в рамках «Бури». В основном речь идет о героических деяниях патриотов из Армии Крайовой и предательском поведении Сталина и его военачальников, не говоря уже о преступлениях по отношению к АК со стороны НКВД. Относительно героизма бойцов и части командиров АК спорить не будем — многие из них воевали, в том числе и в Войске Польском, созданном З. Берлингом, и наверняка были среди тех, кто вместе с Красной армией брал Берлин. Только это войско, если верить той «правде» о войне, что несет миру польский Интернет, оказывается, было войском наймитов и истекало кровью ради захватнических интересов Советов. Так на это смотрят сейчас. Но как раз тогда, когда разворачивалась «Буря», среди высших офицеров АК, реалистов, а не отцов-командиров типа коменданта АК Бура-Комаровского, было и другое мнение.

По сообщению полковника Миткевича, польского представителя при главном штабе союзников в Вашингтоне, Сталин в ответ на вопрос союзников, какую позицию он займет в отношении повстанческих действий АК, сказал осенью 1943 г. следующее: *Если эти вооруженные силы не подчинятся заранее советскому командованию, то он их не потерпит в тыловой зоне.* Это был ответ недвусмысленный и с чисто военной точки зрения правильный, хотя его последствия для польской стороны стали весьма тяжкими. АК в конечном итоге приняла решение начать боевые действия самостоятельно и потому не могла рассчитывать на благосклонность Сталина или советскую помощь. Это положение, кстати, прекрасно осознавали штабисты АК — генерал Татар и генерал Пелчыньский. Зам. начальника штаба АК генерал Татар еще осенью 1943 г. составил для командующего АК записку с обоснованием своих предположений относительно ситуации на ближайшее время. Он считал, что в результате военных действий вся Юго-Восточная Европа окажется в советской зоне влияния. Отсюда резонный вывод о том, что следует отказаться от политики двух врагов, следует с Россией договариваться, и как можно быстрее, пока Красная армия не вошла на территорию Польши. Больше того, он считал, что АК должна начать боевые действия по согласованию с советским командованием и подчи-

няясь ему в оперативном плане. Что заранее исключало хозяйскую роль АК на территориях, куда вступала РККА. Безусловно, этот вариант генерала Татара не спас бы Польшу от послевоенного влияния СССР, но, скорее всего, предотвратил бы катастрофу Варшавского восстания, конфронтацию с СССР и трагедию АК в послевоенный период. Потому-то, наверное, он и был выслан в Англию, а его место занял легионер, наш старый знакомый — генерал Окулицкий.

Кстати, как ни странно, в лагере прагматиков оказался и бравый генерал Желиговский, «бунтарь», захвативший для Польши Вильно в 1920 г. В 1942 г. он издал книжку, где призывал к реализму в отношении восточных границ и к дружбе с СССР. А после разрыва дипломатических отношений с СССР он критиковал антисоветский курс польского правительства и в мае 1944 г. писал слова, которые стоило бы «зарубить на носу» многим и, не только в Польше: «Помните, что Красная Армия вместе с армиями союзнических государств не только сражается за свободу мира, но одновременно она является армией славян, а значит, армией наших братьев. Подайте им руку дружбы и вечного согласия. Это братское рукопожатие будет великой угрозой для Германии и надеждой на длительный, а может быть, и вечный мир на земле»¹². Но ни Татар ни Желиговский ничего не решали, потому что призывали решать те задачи, которые диктовала потребность момента — вместе с СССР быстрее закончить войну и тем самым ликвидировать угрозу физическому существованию польского народа. У Комаровского и братии из Лондона задача была иной: спасти Польшу от большевизма ценой любых потерь. Спасти, правда, не удалось, зато потери были огромные. А что касается усиленно муссирующей темы сталинского предательства, то здесь польские борцы за историческую справедливость явно «передергивают». Советы Польшу не предавали уже потому, что не состояли с ней в союзнических отношениях. А Сталин всего лишь выполнил то, что обещал, а обещал он, если кто забыл, что ликвидирует в советском тылу вооруженные формирования, не находящиеся под советским командованием.

О самой же операции «Буря» следует сказать, что вооруженные действия в ее рамках велись командованием АК в основном в период с марта по ноябрь 1944 г. А открыл их в связи с прибли-

жением РККА округ Волинь, начав в январе 1944 г. мобилизацию в 27-ю Волинскую дивизию АК. Затем, в июле 1944 г., отмобилизованными виленскими бригадами и новогрудской группировкой АК было предпринято взятие Вильно (Вильнюса) в соответствии с планом «Остра Брама», а уже в конце июля последовало участие отрядов АК в освобождении Львова. Далее проводилась мобилизация и боевые действия подразделений АК уже на собственно польской территории. По данным польской стороны, всего в ходе операции «Буря» было мобилизовано 80—100 тыс. бойцов АК, т.е. около 30 % всего состава АК, но непосредственное участие в боевых действиях против немецких сил приняло только около 50 тыс. чел. (по другим сведениям, около 80 тыс.). В военном отношении «Буря» внесла достаточно большой вклад в освобождение Польши, хотя ввиду отсутствия тяжелой техники действия отрядов АК в рамках войсковых операций РККА по большей части носили вспомогательный характер.

«Буря» поднимается на Волини

Приказ № 1300 о начале «Бури», которая должна была заменить предполагавшееся ранее всеобщее восстание против немцев, был отдан 20 ноября 1943 г. Красная армия вошла на Волинь 12 января 1944 г., в начале февраля были заняты Луцк и Ровно. Однако затем линия фронта стабилизировалась. Во второй половине января 1944 г. командующий округа Волинь полковник Кажимеж Бомбиньский (псевдоним «Любонь») отдал приказ приступить к выполнению плана «Буря» на тылах немецких войск, а именно к формированию крупной войсковой части АК. Уже упоминавшаяся 27-я Волинская дивизия АК (формирования АК получали названия войсковых подразделений польской армии, дислоцированных в соответствующей местности в 1939 г.) была сформирована в период января — марта 1944 г. на базе отрядов АК, действовавших самостоятельно на территории Волини, а также подразделений самообороны, защищавших польское население от нападений УПА и организованных немцами польских полицейских батальонов. По данным польских источников, 27-я дивизия была крупнейшим формированием

АК, действовавшим под единым командованием. Местом концентрации отдельных партизанских отрядов АК был район населенных пунктов Засмыки и Купичево на юг от Ковеля. Выступление в виде дивизии должно было продемонстрировать частям Красной армии, что они имеют дело не с партизанскими отрядами, а с регулярной армейской частью, находившейся в подполье. В действительности дивизией это формирование можно было назвать с натяжкой, так как она не имела ни тяжелых вооружений, ни соответствующих вспомогательных служб. Единственно, чем эта дивизия отличалась, так это действительно высоким боевым духом и большим боевым опытом, так как вошедшие в ее состав отряды с 1943 г. находились в состоянии перманентной войны с УПА.

На это же время приходится и первые операции НКВД против структур АК, которые продолжали свое нелегальное существование на освобожденной территории Волыни. Так, 9 марта 1944 г. был ликвидирован опорный пункт АК в населенном пункте Рожыше, 29 марта был арестован луцкий инспектор АК капитан Л. Щвиркля (псевдоним «Адам») вместе со своим штабом. Следовательно, заявление Сталина о том, что он не потерпит никаких вооруженных формирований в тылу советских войск, неукоснительно исполнялось. К тому же НКВД наверняка располагал сведениями о том, что немцы выходили на контакты с Делегатурой Волынского округа и через нее предлагали дивизии «боевое содружество» против Советов. В отличие от АК на Беларуси, руководство 27-й дивизии АК на это не пошло. Тем не менее известны факты взаимодействия Армии Крайовой с венгерскими воинскими частями на Волыни (передача оружия, боеприпасов, обмен информацией), вплоть до договоренности о ненападении. Невозможно было отрицать и имевшиеся случаи освобождения взятых поляками в плен немецких солдат. И все это в конечном итоге приводило к законоерному и вполне оправданному недоверию Советов к самопровозглашенным союзникам из АК¹³.

Не способствовало улучшению общей атмосферы и то обстоятельство, что руководство АК в Варшаве, со своей стороны, отнюдь не приветствовало возникших в дивизии после событий 1943 г. на Волыни настроений в пользу сотрудничества с частя-

ми Красной армии. И, дабы пересекать их, последовательно передавало командование дивизией присылавшимся из Варшавы офицерам с английской подготовкой. Последними командирами были подполковник Я. Киверский (псевдоним «Олива»), подполковник Т. Штумберк-Рыхтер («Жегота») и полковник Котович («Тварды»). В апреле 1944 г. дивизия насчитывала около 7300 человек. К концу формирования дивизии ее силы состояли из двух группировок полкового типа (50-й пехотный полк и группировка «Гарды») в составе 9 батальонов, полуторного эскадрона кавалерии, роты связи, саперного батальона, полевого госпиталя и интендатской части. Первый контакт дивизии с Красной армией был установлен 20 марта. В результате состоявшихся переговоров советское командование согласилось на взаимодействие при условии, что 27-я дивизия тактически подчиняется ему, а находящиеся в тыловой зоне РККА группы АК расформируются. Однако это не соответствовало планам командования АК в Варшаве, и оно распорядилось о перемещении частей дивизии на запад при сохранении ограниченных контактов с советскими частями.

В связи с чем дальше дивизии пришлось действовать в чрезвычайно тяжелых условиях. Продолжая вести оборонительные бои с отрядами Украинской Повстанческой Армии, она, имея задачу нанести удар по немецким коммуникациям и по возможности взять Ковель и Владимир Волынский, сконцентрировала свои подразделения в районе этих городов и тем самым оказалась в тылу у немцев. В результате план ведения боев с отступающими немецкими частями пошел насмарку, и 27-я дивизия АК была вынуждена в течение месяца вести бои не партизанского, а чисто фронтового характера с крупными частями вермахта, такими как дивизия СС «Викинг», на отрезке более 50 км в треугольнике Ковель — Владимир-Волынский — Любомль. Поскольку наличие польских вооруженных отрядов в прифронтовой зоне было для него совершенно неприемлемо, немецкое командование не собиралось шутить и выставило против поляков формирования 2-й танковой армии и двух пехотных дивизий вермахта, которые рассекли зону базирования частей 27-й Волынской дивизии. И хотя на помощь полякам пришли части 13-й кавалерийской дивизии Красной армии, положения это не спасло.

Вынужденная в течение трех месяцев вести тяжелейшие бои, не обладая при этом достаточным вооружением, основная часть дивизии (ковельское формирование «Громада») 18 апреля 1944 г. вместе с советскими частями попала в окружение, а затем провалилась в Полесье и с боями перешла на западный берег Буга.

Потери составили 1500 человек, в котле остались госпиталь с ранеными, три польских батальона, остатки кавалерийского полка Красной армии, а также гражданское население, искавшее защиты. Но спасения в мозырских лесах было уже не найти, превосходящие силы вермахта добивали всех без разбору: и «большевиков»-кавалеристов, и поляков из подразделений самообороны, и раненых из госпиталя. Часть дивизии — владими́ро-волы́нская группировка «Основа» под командованием капитана К. Жанныка (псевдоним «Гарда») — при выходе из окружения отстала от основных сил и вышла на советскую сторону, переправившись через Припять. Но так как связи с Красной армией не было, то при прорыве эта группировка подверглась обстрелу не только с немецкой, но и с советской стороны и понесла большие потери. Оставшиеся в живых бойцы «Гарды» были направлены в 1-ю Армию Войска Польского и вскоре двинулись на фронт.

Вот как вспоминал об этом один из солдат «Гарды»: «Из группировки, насчитывавшей более 550 человек, на сбор явилось около 300, 113 ранено, около 100 погибло... Приезжают советские автомашины с продовольствием и обмундированием. Те, у кого одежда изодрана или частично отсутствует, получают новые советские мундиры. За формой идут заверения, что это только пока, потому что нас направят в польскую армию, где нам заменят форму и выдадут оружие»¹⁴. В общем, пошли вчерашние солдаты АК на фронт и воевали вместе с Красной армией до победного конца. Однако то, что вчера было славным делом, сегодня в Польше — позор, а воевавшие вместе с Советами в рядах народного Войска Польского больше не герои и вспоминаются польскими историками-борцами с «коммуной» в лучшем случае как жертвы, которых насильно затащили в армию Берлинга.

При этом, хотя и сквозь зубы, все же признается, что, например, на Волыни, после разоружения частей 27-й Волынской дивизии АК, пробившихся через линию фронта в расположения частей РККА, крупномасштабных репрессий как таковых не

было, только отдельные аресты. Что и понятно, ведь после проведения частями УПА на Волыни массовой этнической чистки оставшиеся поляки либо перешли на польскую территорию, либо активно сотрудничали с Советами, понимая, что только они могут спасти их от полного истребления. Тем более что концентрация сил АК в виде 27-й дивизии означала для поляков на Волыни фактическое усиление опасности, так как батальоны дивизии формировали из тех же отрядов самообороны, оставляя на защите польских сел совершенно недостаточные силы. А потому совершенно естественным выглядит стремление простых поляков найти ее у русских солдат, в одних рядах с которыми сражался З. Залусский, так охарактеризовавший обстановку на Волыни сразу же после вступления на ее территорию частей Красной армии: «Это была Волынь... Мы пошли дальше... туда, где когда-то стояли польские лесничества, дома колонистов, хаты давно осевших польских крестьян, еврейские поселки. Нет их. Ничего не осталось... И тогда впервые на земле, обращенной фашизмом в пепел, раздавались слова, которых не поймет тот, кто не стоял тогда на краю рва, вместившего 30 тысяч в Ровно, или же на пепелище некогда 4-тысячной Софиевки. "Если бы моя семья находилась в Сибири, а не в Лодзи, я был бы счастлив", — сказал автоматчик Ижыцкий из 5 полка пехоты»¹⁵.

Однако совсем по-другому думали отцы нации в Лондоне и Варшаве, а потому оставшиеся четыре батальона, из тех, что вышли из окружения и тоже направлялись на прорыв фронта, были на полдороге повернуты назад на запад — подальше от большевиков. И какую же благодарность они получили от командования за то, что с боями пробившись с Волыни, потеряв более половины своего исходного состава? Да в том-то и дело, что никакую. Напротив, одни упреки за то, что не смогли в должной мере продемонстрировать польскость Волыни, пошли на поводу Советов и не заняли жесткую позицию. К тому же тогдашнее командование АК было разочаровано и по несколько иному поводу. Оно, оказывается, ждало, что участие отрядов АК в освобождении Волыни будет надлежащим образом представлено мировой общественности, которая выразит свое возмущение тем, как коварная Красная армия обращается с истинными хозяевами территории. Но — ах! — где ты, отклик мирового общественного

мнения? Нет его! А потому решено было продолжить битву за привлечение внимания мировой общественности, и в этот раз начать войну не в отсталой сельской местности вроде Воыни, мало кому известной в цивилизованном мире, а брать собственными силами достаточно крупные города — Вильно и Львов, их хотя бы в школьных атласах при желании можно найти.

«Буря» движется на Вильно

Итак, 24 июня 1944 г. из-под Смоленска началось наступление Красной армии на запад, идущее головокружительными темпами. В этой ситуации с целью освобождения Вильно собственными силами до подхода частей Красной армии в июле 1944 г. была произведена мобилизация и концентрация отрядов АК округов Вильно и Новогрудок. Одновременно было произведено подчинение округа Новогрудок командующему округа Вильно полковнику А. Кшыжановскому («Вильку»). При этом, стараясь придать своим партизанским отрядам вид регулярной армии, проводя их переформирование, командование АК присваивало им наименования и номера частей польской армии, базировавшихся в данной местности до 1939 г. Так, к примеру, в новогрудском округе АК на базе всех соединений предполагалось сформировать дивизию пехоты и кавалерийскую бригаду. В конечном итоге удалось сформировать 77-й пехотный полк, 1-й батальон 78-го пехотного полка, а также — в зачаточном состоянии — 23-й и 26-й полки улан. Естественно, что это были регулярные части только по названию, так как по вооружению и оснащению они таковыми не являлись.

Следует отметить, что командиры польских партизанских отрядов понимали, что их похождениям приходит конец, и предпринимали попытки спасти положение. В частности, начали обращаться к советским партизанам с предложениями о перемирии и даже взаимодействии. Командир отряда «Искра» в Барановичской области сообщал о полученном от АК в Новогрудке заявлении о том, что «взаимно пролитая кровь указывает нам дорогу к взаимной договоренности» и что поляки всегда желали «дружбы с кровным и большим славянским народом». Жаль

только, польские «коллеги» советских партизан не уточнили, какую именно «взаимно пролитую» кровь они имели в виду: уж не друг у друга ли?

Операцией «Остра Брама» по взятию Вильно командовал комендант округа Вильно уже известный нам полковник А. Кшыжановский («Вильк»). А участвовали в ней около 9—10 тыс. бойцов АК (по некоторым данным, командованию АК удалось к началу июля собрать около 15 тыс. человек из конспиративных организаций и партизанских отрядов), партизанских группировок «Погорецкого» (командир майор А. Олехнович), «Вэнгельного» (командир майор М. Потоцкий), «Ярэмы» (командир майор Ч. Дэмбицкий). Одако не все командиры партизанских формирований были убеждены в правильности решения о взятии Вильно исключительно силами АК. Кроме того, командиры двух наиболее крупных партизанских соединений А. Пильх («Гура») и З. Шенджеляж («Лупашка») вообще отказались подчиниться приказу «Вилька» и, так не приняв участия в боях за Вильно, ушли на Запад. Они прекрасно осознавали, что их ожидает после многочисленных столкновений с советскими партизанами. К тому же брать города у фронтовых частей вермахта — это совсем не одно и то же, что по деревням кантоваться, да «грызться» с белорусской или литовской полицией.

А посему «Лупашка» со своей 5-й бригадой начал отступать в сторону Немана, где и был окружен подразделениями Красной армии. Но поскольку командиры РККА не имели представления, с каким партизаном они имеют дело, «Лупашка» сумел выкрутиться, представив своих людей отрядом из Центральной Польши, идущим на помощь Варшаве, а затем, сформировав из наиболее преданных головорезов небольшой отряд, снова ушел в леса. Помимо «Лупашки», из сил Новогрудского округа АК ухитрились не прибыть под Вильно в соответствии с приказом 7-й и 2-й батальоны 77-го полка АК, сославшись на более чем замечательны причины. В частности, пан «Правджиц» был загружен административными делами, а пан поручик Я. Борысевич («Крыся») считал участие в этой операции деконспирацией вооруженных формирований АК. Их примеру последовали и другие; а конкретно 4-й батальон, одна из рот 5-го батальона и 8-й батальон. Тем временем под Вильно был пропущен наиболее бла-

гоприятный момент для штурма города, когда в нем находились немецкие части, насчитывавшие в общей сложности всего около 500 чел., да к тому же состоявшие в основном из полицейских и тыловых формирований.

В итоге в ночь на 6 июля 1944 г. только часть партизанских отрядов в составе 4-х бригад и 5-ти батальонов (1-й, 3-й, 5-й и 6-й батальоны 77-го пехотного полка АК, 3-я, 8-я, 9-я и 13-я бригады АК: всего, по разным данным, от 4000 до 5500 бойцов) попытались штурмом взять Вильно, но были отбиты. Дело в том, что накануне в Вильно были подтянуты фронтовые части вермахта, а также был назначен новый командующий обороны города генерал Райнер Штахель. До этого командование АК рассчитывало взять город практически без боя, исходя из своих предыдущих, весьма «продуктивных», контактов с оккупантами. Были начаты переговоры с немецким генералом Пёлем, которые были многообещающими в связи со ставшей известной немцам концентрацией значительных сил АК вокруг Вильно. Но к моменту назначенного штурма гарнизон Вильно вырос до почти 18 тыс. чел. Это означало, что силы вермахта были почти в 4 раза больше подготовленных к штурму отрядов АК.

Неудачей окончилась и следующая попытка взятия города штурмом, вызванная страстным желанием продемонстрировать принадлежность Вильно к Польше, снова победившая здравый смысл. Атаки АК велись с востока, где немцы подготовили укрепления для обороны города от приближающейся Красной армии. Бойцы АК были вооружены исключительно легким стрелковым оружием. Кроме того, они, прекрасно показавшие себя в типично партизанских действиях, были совершенно не подготовлены к ведению боев в городских условиях. Тем более что с немецкой стороны участие в отражении польской атаки принимала авиация, а также случайно застрявший вследствие боевых действий в городе бронепоезд вермахта. В результате немецкую линию обороны смогли пробить в нескольких местах только 3-я бригада «Шчербца», которая в предместье Вильно захватила и удерживала некоторые позиции, что затем позволило ей вместе с частями Красной армии продвинуться в глубь города. Правда, сама бригада, состоящая перед штурмом из 1000 бойцов, к вечеру того же дня насчитывала не более 150-ти. Отличился также и

3-й батальон 77-го полка АК под командованием известного нам подпоручика «Саблевского» (Болеслава Пясецкого), который, несмотря на общий неуспех наступления, сумел взять основной укрепленный узел немецкой обороны. При этом из находящихся в его подчинении 511-ти солдат к концу боя осталось около 280-ти.

Таким образом, в результате атак на систему укреплений Вильно все без исключения отряды АК понесли тяжелые потери убитыми и ранеными, причем в некоторых случаях они доходили до четверти состава. По общей оценке, только количество убитых из числа бойцов АК составило не менее 500 человек. Печальна была и участь вооруженных сил АК, имевшихся в самом городе и состоящих примерно из 1000—1200 человек, имевших на деле из вооружения в основном пистолеты. Несколько таких отрядов из «гарнизона» АК обнаружили и уничтожили немцы, прежде чем они смогли нанести противнику сколько-нибудь значительный урон. Так что проку от безрассудного наступления на Вильно было мало, зато крови, столь необходимой, по мнению аковских стратегов, для демонстрации польской принадлежности Вильнюса, было предостаточно.

Надо отметить, что в боях за Вильно имело место взаимодействие отрядов АК с частями Красной армии, но оно, как и в случае с 27-й Волынской дивизией, носило спорадический характер, обусловленный тяжелыми военными реалиями. Группировка «Вэнгельного», к примеру, без согласования с «Вильком» фактически вошла в подчинение командиру 277-й пехотной дивизии РККА. В результате этого сформировалась боевая польско-советская группировка под командованием генерала С. Гладышева, что было беспрецедентным случаем. В течение нескольких дней бойцы АК исполняли приказы советского командования, для которого, по большому счету, участие сил АК в битве за Вильно значения не имело: оно ведь на них изначально не рассчитывало. К сожалению, позднее в соответствии с приказом «Вилька» польская группировка отделилась от советской, и боевое сотрудничество на этом закончилось. Впрочем, ничего другого от «Вилька» ждать не приходилось, поскольку он установил контакты с Красной армией вынужденно, уже во время боев, попутно под завесой разговоров о союзничестве вынашивая планы

дробления подчиненных ему отрядов с последующим их выводом на базы вне Вильно и отходом на Запад. Да и с чего бы ему вести себя как-нибудь иначе, если вся операция по освобождению Вильно была задумана руководством АК как «товар на экспорт», дабы еще раз показать союзникам свою преданность: а ну как соблаговолят заметить и замолвят словечко у «дядюшки Джо»?

Собственно, о том же 8 июля 1944 г. писал и сам «Вильк», подводя итоги попытки взятия Вильно. По его мнению, Вильно хоть и не было взято АК, однако сражение за него 7 июля все же принесло результаты, так как АК тем самым продемонстрировала всему миру непреклонную волю борьбы с тевтонским агрессором. И «Вильк» даже взял на себя смелость утверждать, что в этот день внимание всего мира было обращено на отряды АК¹⁶. Вот ведь и «Вильку» хотелось внимания. И он его получил. От Лаврентия Бери, сообщившего Сталину о потерпевшей крах попытке поляков занять Вильно своими силами. И сообщившего, между прочим, истинную правду, которая радетелями за «истинную» историю АК воспринимается как оскорбление.

Что же касается дальнейшего хода наступления на Вильно, то 7 июля подошли части 3-го Белорусского фронта, имевшие в распоряжении необходимую боевую технику, после чего начался настоящий штурм города, в котором участвовали и отряды АК. Бои, и весьма ожесточенные, продолжались в течение целой недели. Тем временем не принимавшие участия в штурме города партизанские отряды сражались с отступавшими частями вермахта, в том числе группировка «Вэнгельного», которая вела бои с отступавшим немецким гарнизоном Вильно.

В четверг 13 июля Вильно был взят Красной армией. В сообщении, направленном командованию АК в Варшаве, говорилось: «Вильно взято при значительном участии АК, которая вошла в город. Большие разрушения и потери. Отношения с советской армией на данный момент неплохие. Переговоры идут... Польский характер города бросается в глаза. Полно наших солдат... Администрация легализуется в ближайшее время. Литовцев нет»¹⁷. Одно не уточнялось: вышеупомянутые солдаты АК, которых было полно в городе, входили в состав подпольного гарнизона АК города и атаковали немцев с тыла, когда взятие Виль-

но уже было предрешено советскими частями. Причем самостоятельные действия «гарнизона» АК оказались большей частью неудачными: были отбиты атаки 9 июля на управление литовской полиции и 10 июля — на городскую тюрьму. Более или менее активную вспомогательную роль эти подразделения сыграли в период 10—13 июля, когда Красная армия уже вела бои в центре Вильно и у поляков появилась возможность довооружиться за счет трофейного оружия. Впрочем, так или иначе, главное было сделано, и Вильно освобожден от немцев. И все было бы хорошо, если бы нынешние польские историки не дали бы этому факт новую, трагическую, оценку в том духе, что свобода, к большому сожалению, пришла не оттуда, откуда ожидалась, и ключевую роль снова сыграла не АК, а Красная армия. А значит, опять не удалось встретить Советы в Вильно в качестве хозяев, как это предусматривалось планом «Буря».

После взятия Вильно «Вильк» провел переговоры с генералом Черняховским, командующим 3-м Белорусским фронтом. На них советскому командованию были представлены планы создания отдельного воинского формирования АК, которое бы вошло в состав 3-го Белорусского фронта (вспомним, что все тот же «Вильк» еще совсем недавно пытался получить от немцев вооружение на 30 тыс. чел., чтобы бороться с Советами, теперь же, окончательно распоясавшись, он хотел, чтобы Советы сами снабдили его оружием для этой «святой» цели!). Виленский округ АК собирался сформировать бригаду, Новогрудский — 19-ю пехотную дивизию. Польские источники утверждают, что Черняховский якобы высказал свою поддержку этим планам, хотя совершенно непонятно, какие он мог иметь полномочия принимать решения, имеющие не только военный, но и политический аспект. Да и, откровенно говоря, имел ли полномочия на ведение подобных переговоров сам «Вильк», вызывает весьма обоснованные сомнения. Дело в том, что, например, представители Делегатуры в Виленском округе такие переговоры на уровне гражданской администрации вести без согласования с Лондоном не намеревались и легализовать свои структуры в отличие от отрядов АК не собирались. Делегат эмиграционного правительства Федорович ввиду появившихся в Вильно объявлений о мобилизации в Красную армию пришел к выводу — и совершенно спра-

ведливо! — что Советы считают Виленскую землю своей территорией. И в соответствии с инструкциями от Делегатуры в Варшаве аппарат окружной Делегатуры остался в подполье.

17 июля прибывшие на очередную встречу с Черняховским «Вильк» и 22 офицера АК были разоружены и арестованы. Описываемая польским историком сцена ареста «Вилька», если не знать предысторию, может, наверное, даже вышибить слезу у непосвященного: «Вильк» энергично вскочил со стула и сказал спокойно, но ... «От имени Польской Республики протестую». После преодоления сопротивления майора Цэтыса, схватившегося за пистолет, оба поляка были подвергнуты заключению¹⁸. Вот только в НКВД прекрасно знали, что имеют дело с человеком, успешно сотрудничавшим с оккупантом. Кстати, еще 14 июля 1944 г. оперативные группы НКВД начали прочесывать освобожденный город и обнаружили два склада с оружием АК, в котором находились 302 немецких пулемета, 152 карабина и 40 гранат. Это оружие, брошенное отступающими немцами, а затем подобранное отрядами АК, так сказать, на всякий случай, было конфисковано во время попытки его вывоза в леса.

Начальник 3-го оперативного отдела штаба Виленского округа АК подполковник З.И. Блюмский (псевдоним «Стрыханьский») объявил тревогу и распорядился о выводе всех отрядов АК, сконцентрированных в местечке Тургеле, в Рудницкую пушу, в лесной массив в 30 км к югу от Вильно. Однако часть отрядов АК была окружена и разоружена частями Красной армии и НКВД еще на подходе к пуше. При этом, как свидетельствуют более поздние сообщения и воспоминания членов АК, ими в массовом порядке пряталось оружие «до лучших времен». Так, 19. 07. 1944 г. 86-й полк погранвойск в районе населенных пунктов Ошмяны и Рудники задержал отряд АК в составе 556 человек и изъяс одно орудие калибра 45 мм, 9 станковых пулеметов, 42 ручных пулемета, 17 автоматов, 25 карабинов, 21 пистолетов. Естественно, странно было бы иметь столь незначительное количество оружия на такой состав. Отряды, успевшие уйти в Рудницкую пушу, были вторично окружены советскими частями. 20 июля командиры отрядов АК приняли решение о роспуске своих партизанских батальонов и бригад. В составе партизанских отрядов должны были остаться только добровольцы. Но здесь разоружение

проходило отнюдь не так мирно, как во Львове. Например, при разоружении отряда АК в районе озера Керново в Литве были убиты младший лейтенант и сержант РККА. Тем не менее обещание Сталина выполнялось: почти 8 тыс. бойцов виленского и новогрудского округов АК, не считая тех солдат из местного сельского населения, что попросту разошлись по домам, подверглись разоружению. Затем часть из них, в количестве около 2,5 тыс. человек, были освобождены после предварительного следствия, а около 4 тыс. сначала направлены в лагерь в Медниках (в настоящее время Мядининкай в Литве).

И как ни пытались поляки оказать давление на Сталина через союзников, ничего у них не получилось. Черчилль в ответ на их просьбу вмешаться в историю с разоружением отрядов АК проявил себя следующим образом: «... возмущенный, он набросился на нас за бои в Вильно и на Волыни. Он по-старому ополчился на наши претензии относительно Вильно, критиковал за то, что вместо того чтобы отступать на Запад, мы лезем туда только затем, чтобы обратить внимание на свое присутствие». Что ж, великий политик был прав, только затем все и делалось, чтобы **обратить внимание на свое присутствие** (выделено автором). И поскольку в данной ситуации поляки, выступающие со своими интересами на «восточных окраинах» в качестве какой-то третьей силы, никому из союзников не были нужны, тогдашний министр информации Великобритании Брендан Брэкен по поручению У. Черчилля издал инструкцию для средств массовой информации Англии не освещать вооруженные акции АК на территориях, которые считались советскими¹⁹.

Что касается рядовых аковцев, которые в подавляющем большинстве отказались вступить в Войско Польское в СССР, то они были вывезены в Калугу и включены в состав 361-го запасного полка 31-й пехотной дивизии Красной армии как лица с советским гражданством. В Калуге аковцы решительно отказались принимать присягу, несмотря на то, что, Советы всяческими соблазнами старались свернуть их с пути истинного. Рассказ об одной такой подлой попытке можно найти в воспоминаниях непреклонных польских гордецов: «В Калуге, сразу же после препровождения нас, аковцев, на огороженную территорию, всех поставили перед расставленными длинными столами. Столы были накры-

ты красной материей, и на них расставлены продукты питания в виде колбасы и хлеба, а рядом с продуктами были разложены книги с портретом Сталина и написанной присягой на верность Сталину и Красной Армии. Всему этому сопутствовал советский военный оркестр, играющий марши громко и навязчиво. Нам заявили, что каждый из нас, солдат АК, должен подписать присягу в положенной книге, а потом может подкрепиться и переодеться в предоставленное советское обмундирование. Никто из солдат АК не дал согласия на совершение подписи под русской присягой. Мы спонтанно потребовали отправить нас под командование генерала "Вилька". Реакция советских офицеров была немедленной и жесткой. Был отдан приказ встать. Отобраны были вещмешки с советским обмундированием и нам бросили, чтобы переодеться, изношенные фуфайки, старую форму немецких солдат...»

Или еще хлеще: «...в начале сентября нам попытались "вбить" в голову русский текст военной присяги. Это была присяга на верность Сталину, ну, мы и отказались ее принять. Это было решение явное и инстинктивное. **Видение России как дикой и варварской страны, ограниченной до символа Сибири, я и мои товарищи считали одной из наиважнейших ценностей нашего наследия. В этой мудрости содержался запрет на любые компромиссы с Россией, как царской, так и советской.** Через пару дней у нас отобрали мундиры, и мы получили взамен старые, драные лохмотья, которые пришлось самим чинить...»

А теперь скажите, кто бы стал создавать самостоятельную армию из таких союзников?!? Потому-то и было организовано Войско Польское под советским руководством. По крайней мере оно воевало, хотя, скорее всего, только благодаря тому, что им командовали в основном советские командиры, надевшие польскую форму. Отказников же по законам военного времени могли бы и куда подальше отправить, но варварские советские власти откомандировали их всего лишь на трудовой фронт, где они до 1946 г. трудились на лесоповале в калужских и подмосковных лесах. Женщины из подразделений АК, в свою очередь, были направлены на работу в колхозы, после чего оставили душераздирающие воспоминания о работе в свинарниках и уборке капусты в конце 1944 г. Судя по всему, условия труда в советском сельском

хозяйстве были более опасными для жизни, в сравнении с подпольной деятельностью в Вильно или на польских партизанских курортах в белорусских и литовских лесах...

Зато уж по крайней мере они наконец получили возможность внести свой вклад в победу над врагом № 1. А потом, уже после ужасов трудового фронта, вернуться на родину. Правда, по сообщениям в польских масс-медиа, и тут Советы истинным польским патриотам подпаковали: выдали справки, что они в Красной армии служили. В бывшей народной Польше это вроде бы и не зазорно было, а нынче суший позор, и, надо думать, истинные патриоты АК спят и видят, как бы получить другие — о пытках в застенках НКВД. Тем более что и в финансовом плане, такие справки предпочтительнее. Прямо беда с этими бюрократами: польские на слово не верят, а российские шлют все те же неправильные бумажки о службе в Красной армии. Вот и борются сейчас польские ветераны советского трудового фронта за признание их жертвами лесоповала²⁰.

Ну да ничего, надежда у гордых отказников есть, и называется она Институтом национальной памяти, который уже подключился к изучению данной проблемы. Ведь с этой стороны уже сделано заявление, что вопрос о том, являлось ли пребывание в рядах Красной армии поляков такими же репрессиями, как содержание интернированных членов АК в проверочно-фильтрационных и иных лагерях, требует дополнительных исследований²¹. А значит, можно не сомневаться, исследования будут проведены, и **пребывание** в рядах Красной армии наверняка будет признано репрессией. Что ж, тяжкая доля у польского воина: похоже, навечно осужден он на пребывание — то в состоянии готовности, то в рядах разных несимпатичных армий.

«Буря» приходит в Галицию

В марте 1944 г. Красная армия подошла к городам Тернополю и Коломые, в апреле она уже находилась на подступах ко Львову, что автоматически приводило в действие план «Буря» на Юго-востоке Украины. Однако и здесь реализация «Бури» столкнулась с теми же трудностями, что и на Волыни, а именно с

наличием крупных отрядов Украинской Повстанческой Армии, которые представляли собой уже третью и, пожалуй, самую значительную силу в данном регионе. По оценкам самой АК, в каждом уезде насчитывалось до нескольких тысяч боевиков УПА, которые, начиная с февраля 1944 г., снова перешли в массированное наступление на польские деревни, также как и на Волыни, преследуя цель если не полного истребления, то по крайней мере вытеснения поляков. В связи с чем перед АК, параллельно с исполнением плана «Буря», встала задача обеспечения защиты польского населения. Помимо этого, аковцев беспокоили опасения, что УПА может попытаться захватить Львов раньше Армии Крайовой, тем более что по разным данным — в основном польским — на территории округа ОУН имела около 70 тыс. членов. АК же могла им противопоставить только 25 тыс. бойцов, имевших на вооружении всего лишь 10 станковых пулеметов, 69 ручных пулеметов, 1385 карабинов, 1019 пистолетов. Была еще, правда, противотанковая пушка, да только с двумя снарядами. Однако Красная армия приближалась, и англичанами была сброшена «посылка»: 390 автоматов, 40 пулеметов и другое стрелковое оружие, а также рации. Но и это вооружение пришлось «размазывать» по всему округу — ведь надо было что-то дать и отрядам самообороны, поскольку УПА отнюдь не бездействовала.

Как только в начале марта 1944 г. советские войска вошли на территорию бывшего Тернопольского воеводства, комендант тернопольского округа АК отдал приказ о начале действий согласно плану «Буря». В результате помимо боестолкновений с немцами в самом Тернополе были проведены диверсии на железной дороге. Но ввиду того что уже в середине апреля Тернополь был занят советскими войсками, а линия фронта остановилась по реке Стрый, округ частично попал в прифронтовую зону, частично оказался на тылах немецких войск. Поэтому комендатура округа перешла во Львов. Кроме того, в этой связи была произведена реорганизация на три подокруга: Львов, Тернополь и Станиславов. Правда, в последнем ситуация быстро изменилась, так как в конце марта значительная часть его территории также была занята Красной армией, вследствие чего оказались отрезанными от основных сил округа около 1500 человек. Несмотря на это, к

июлю 1944 г. отобилизованные силы округа составили уже более 7,5 тыс. бойцов. Хотя фронт и был близок, угроза со стороны УПА не уменьшалась, а потому комендант округа капитан В. Херман определил задачи округа следующим образом: «...первой обязанностью АК является сохранение живых сил народа на территории округа. Ибо в противном случае будет неоставать людей для исполнения каких-либо боевых заданий также и против немцев». Для чего надо было усиливать партизанские отряды, но оружия хронически не хватало.

В июне 1944 г. в соответствии с приказами коменданта округа Львов была произведена концентрация партизанских отрядов АК для воссоздания частей польской армии, которые раньше располагались в районе Тернополя. Таким образом, в начале июля были сформированы 1-й батальон 52-го пехотного полка АК и 2-й батальон 51-го пехотного полка АК. По данным польских историков, эти части принимали участие в боевых действиях против немцев вместе с частями РККА в районе Злочова и Брежан. Затем в районе Брежан эти формирования были разоружены. Часть бойцов была включена в так называемые «истребительные батальоны», которые использовались для борьбы с УПА и подчинялись НКВД; значительное количество аковцев попало в армию Берлинга. Следует отметить, что в данном случае командир АК поступил как трезвый человек (может быть, не был романтиком-легионером?) и издал приказ, разрешающий своим подчиненным в возникшей ситуации вступать в эту армию «большевистских наймитов».

На территории округа Станиславов были проведены мероприятия по воссозданию 11-й пехотной дивизии Войска Польского, а теперь уже АК на базе существовавших небольших партизанских отрядов. Однако и тут в случае активных выступлений УПА предполагалось прерывать действия в рамках «Бури» и все имеющиеся силы использовать для защиты польского населения. А насколько малы были эти силы, свидетельствует тот факт, что в распоряжении округа находилось не более 400 человек, занятых преимущественно в отрядах самообороны. И все же и здесь в соответствии с планом «Буря» проводились диверсии на железной дороге, а в конце июля 1944 г. велись активные боестолкновения с немецкими частями в районе Дрогобыча и Самбора,

Бориславля и Стрыя. Отрядам АК даже удалось на короткое время занять Самбор, но по причине отступления советских частей, действующих в этом регионе, некоторые формирования АК под Самбором были окружены и разбиты. При этом важно отметить, что, несмотря на достаточно активное участие в операции «Буря», отряды АК в округе Станиславов практически так и не вышли из подполья.

В округе Львов началось формирование 5-й пехотной дивизии АК под командованием подполковника С. Червиньского и 14-го полка улан АК под командованием югославского офицера Д. Сотировича. Для штурма Львова были созданы четыре группировки: «Город», предназначенный для ведения боев за Львов, «Восток», «Юг» и «Запад» — для защиты Львова на соответствующих направлениях. Однако, как и в случае с Вильно, руководство местного округа АК оказалось не на высоте положения. Армия Крайова не воспользовалась тем, что после поспешной эвакуации с 18 июля 1944 г. во Львове фактически отсутствовала немецкая администрация и в течение 2-х дней вплоть до 21 июля город можно было занять даже теми ничтожными силами АК. В данном случае это можно было действительно сделать еще до прихода Красной армии, так как части 3-й гвардейской армии генерала Рыбалко застряли на подступах к городу.

18 июля отряды АК предприняли атаки на немецкие части подо Львовом, которые продолжились уже во взаимодействии с частями РККА. 21—22 июля в бои за Львов включились силы 14-го полка улан вместе с 29-й гвардейской бригадой РККА. В целом в сражениях за Львов участвовало около 3 тыс. бойцов АК, сумевших овладеть львовской крепостью, политехническим университетом, аэродромом, ратушей, главпочтамтом, электростанцией. 24 июля представитель командования львовского округа АК сообщал в Варшаву: «Наши отряды приняли участие в городских боях, повсюду получили похвалу советских командиров. Сегодня в 11 часов комендант округа Львов организовал мне встречу с командиром советской дивизии, ведущей бои за Львов. Командир дивизии отметил, что он уже осведомлен о боях польских отрядов и ценит их помощь, после чего задал ряд вопросов касательно нашего отношения к Берлингу... Он получил

от меня ответ: «Я солдат и в политике не разбираюсь, подчиняюсь Главному коменданту и Главнокомандующему, и у меня приказ сражаться с немцами»».

Львов был очищен от немцев к 28 июля. При этом в ходе боев за город отрядам АК вместе с советскими частями пришлось иметь столкновения и с подразделениями УПА, засевшими в церкви Св. Юра. Когда всё кончилось, командование 5-й дивизии АК и комендатура округа вошли в город и разместились на улице Кохановского. 27 июля, по воспоминаниям офицеров АК, состоялась встреча коменданта округа полковника Филипковского с генералом Ивановым, который потребовал разоружения отрядов АК. Принявший в тот же день Филипковского генерал Грушко на высказанное пожелание о сформировании 5-й дивизии ответил: «Здесь советская земля и советский народ, вам тут нечего искать». И позже добавил, что уже существует польская армия под командованием Жимерского, почему бы к нему не съездить и не поговорить: «Ему нужны польские дивизии, а не нам». 28 июля советская сторона официально выдвинула требования о незамедлительной сдаче оружия и расформировании отрядов АК. Филипковский, получивший накануне из штаб-квартиры АК сообщение по радию о разоружении советскими войсками отрядов в Вильно, понял, что сопротивление будет бессмысленным, и согласился отдать соответствующий приказ своим отрядам. Этот приказ был тут же написан и отредактирован, а затем, после одобрения со стороны генерала Иванова, напечатан и распространен советской стороной. В нем, в частности, говорилось: «Солдаты! Борьба в конспирации, увенчанная восстанием против немцев, завершилась. Это было Вашим первым заданием... Эта работа закончена. По приказу выше я распускаю с 28 июля 1944 г. отряды Армии Крайовой и прощаюсь с Вами, солдаты. В настоящий момент начинается второй период — борьба в рядах армии. ...Вы должны вступать в польские подразделения. По зрелому размышлению и с учетом единого мнения общества — констатирую, что это единственный для нас выход».

31 июля группа офицеров АК во главе с генералом Филипковским и полковником Студзиньским, а также с участием делегата лондонского правительства в округе А. Островского, выле-

тела в Житомир для встречи с генералом Жымерским из другой польской армии — Войска Польского. Командующий АК Комаровский известил об этом лондонские власти, заявив, что Филиппковский отправился в Житомир без его разрешения. Несмотря на приказ о роспуске отрядов, штаб АК во Львове продолжал функционировать, там находилась вооруженная охрана, постоянно приходили командиры отрядов АК, солдаты и гражданские лица. Недалеко от штаба продолжала действовать служба контрразведки АК. Но уже 31 июля СМЕРШем было арестовано все руководство контрразведки АК округа Львов во главе с ее начальником подпоручиком М. Бородеем, также были арестованы около 20 офицеров. А уже 3 августа дошла очередь и до и Филиппковского и членов его делегации, отвергнувших предложение о вхождение формирований АК в состав народного Войска Польского, за исключением А. Островского, который согласился на сотрудничество с просоветскими поляками. Тем не менее польскими исследователями отмечается тот факт, что советские органы безопасности не производили массовых арестов членов АК, хотя в результате участия в боевых действиях основная часть их деконспирировалась. Арестованы были командиры, руководство спецслужб АК, например поручик Т. Гаевский, начальник службы безопасности в Ярославле, а также рядовые члены АК, входившие в состав спецслужб, в основном разведки и контрразведки. Что касается солдат, то им предоставлялась возможность вступить либо в Красную армию, либо в народное Войско Польское. Те, кто отказался, поехал на трудовой фронт.

Впрочем, не будем забегать вперед, поговорим-ка лучше о событиях, предшествовавших этому, в том числе и полуанекдотического свойства. Львов еще не был полностью взят, а аковцы уже спешили показать, чей это город, и вывесили на городской ратуше Львова 4 знамени: польское, английское, американское и советское. Ровно то же самое они проделали, когда под контроль АК перешел Главпочтамт в центре Львова, в то время как жители дружно разукрасили город польскими государственными флагами. По логике аковских стратегов, наличие флагов союзников должно было открыть Советам глаза на то, с кем они имеют дело. Но, увы, через несколько часов появились советс-

кие части, вслед за ними, естественно, НКВД, которому было невдомек, что поляки являются передовыми частями англо-американских союзников, и все знамена, за исключением советского, были сняты. А следовательно, сюрприз с открытием второго фронта там, где его никто не ожидал, остался не оцененным Советами, у которых были свои — 2-й Украинский и 2-й Белорусский, не говоря уже о 2-м Прибалтийском. Что до Второго корпуса генерала Андерса в Италии, то до него даже из Львова далековато было.

А теперь — и серьезнее — о самих операциях в рамках «Бури». Попробуем подвести некоторые итоги. Что ж, действия Армии Крайовой в определенной степени помогли Красной армии в освобождении и Вильно и Львова. Были даже моменты установления тесных контактов между отрядами АК и командованием советских частей, но происходило это, как правило, на низовом уровне и под влиянием складывающейся оперативной обстановки. Кроме того, в большинстве случаев из-за недостаточного вооружения самостоятельно довести эти, по сути войсковые, операции до конца отряды АК были не в состоянии. По этой же причине бои с частями вермахта приводили к чрезвычайно большим потерям. Однако того, на что рассчитывали стратеги АК, идя на такие жертвы, а именно откликов в мировой прессе, как раз и не последовало. Это вызвало у отцов-командиров, одержимых жадой мировой известности, чуть ли не истерику. Так, один из руководителей АК, полковник Иранэк, после поступления информации о разоружении отрядов АК на западных окраинах СССР заявил: «Если будем эту политику проводить и далее, то мы все таким образом исчезнем, и мир будет убежден в том, что мы никогда не существовали. Нашим единственным шансом является начало борьбы, о которой все должны были бы знать».

Дошло даже до попыток вытребовать у Сталина разрешения на прибытие в Западную Украину, Белоруссию и Литву миссий с англо-американскими наблюдателями, что, разумеется, не имело успеха. Да и за чем, собственно, они, по польским замыслам, должны были бы наблюдать? За тем, как Красная армия смущенно извиняется перед «Волками», «Медведями» и прочей флорой и фауной за то, что она, преследуя немцев, вступила своими стоптанными кирзовыми сапогами без разрешения поляков на тер-

риторию, которую они считали своей? Вот и стонут сегодня в Польше правдоискатели: **«Все наши усилия продемонстрировать во время “Бури” наш суверенитет прошли, не вызвав эха в мире.** Вильно, занятый при существенном участии виленской и новогрудской группировок АК, встретил советскую армию полководцем бело-красных флагов и полностью польской администрацией, но, несмотря на это, в советской прессе, даже польскоязычной, появились упоминания об “освобождении” города советской армией при участии советских партизан. Мир не узнал правды из-за англосаксонской цензуры»²².

Что ж, по крайней мере не одна Россия виновата, уже легче. Хотя трагическое окончание «Бури» уже на территории коренной Польши, судя по многочисленным заявлениям польской стороны, опять же целиком и полностью ложится «несмываемым позором» на Россию. И уж никак не на польских отцов-командиров и тщеславных стратегов из АК, упорно не желающих записывать на свой счет кровавые плоды поднятой ими «Бури»: уничтожение Варшавы и гибель сотен тысяч людей. И то верно, пусть варшавское восстание и захлебнулось в крови, главная цель вдохновителей «Бури» была достигнута: в глазах практически всех поляков виновными в этом остаются русские, а не brave легионеры, которые ни до, ни после смерти «сраму не имут». Уже потому, что их деяния не просто не подлежат какому бы то ни было осуждению, но и априори являются героическими. Другое дело, если они сами захотят извиниться перед своим народом за понесенные жертвы, как сделал это пан «Бур» перед варшавянами после подавления восстания. Тут уж можно сентиментально прослезиться от проявленного ими благородства, а заодно оставить без внимания то обстоятельство, что эти самые жертвы были им позарез нужны. О чем свидетельствуют слова генерала Окулицкого, возглавившего Армию Крайову после Комаровского «Бура», сказанные им накануне варшавского восстания: «Вильно и Львов, эти погубленные города, не открыли глаза Западу. Но на этот раз наша жертва будет столь огромна, что они будут обязаны изменить свою зловредную политику, которая приговаривает Польшу к новой неволе».

Поневоле на ум приходит известный персонаж из «Двенадцати стульев» и его бессмертная фраза «Заграница нам поможет»,

жаль только в, Варшаве образца 1944-го было не до смеха. Что же до англо-американских союзников, которым и посвящалась варшавская бойня, то им потуги навязчивых польских патриотов, как, впрочем, и всякие там общечеловеческие ценности, были, по большому счету, до лампочки. Да и сама АК была им нужна лишь с точки зрения использования ее разведывательной сети, раскинувшейся на территории всей Восточной Европы и европейской части СССР от Риги и до Ростова-на-Дону. Это, слава богу, понимают и здравомыслящие польские историки, сообщая о том, что британцы уже в 1943 г. заявили польским руководителям, что их интересует не восстание, а саботажно-диверсионная и разведывательная деятельность АК. Польская разведка во время войны поставила 44 % всех сведений, поступавших из Германии и оккупированных стран. В ноябре 1943 г. главы штабов союзников прорабатывали вопрос о возможной пользе от действий европейских движений Сопротивления во время вторжения союзников во Францию. И тогда же было решено, что действия АК не повлияют на исход боев на Западном фронте²³. Вот вам и объяснение причин «бурной», в прямом и переносном смысле, деятельности стратегов из АК, увенчавшейся разгромом варшавского восстания: не мытьем, так катаньем привлечь к себе внимание мирового сообщества и добиться отзывов в международной прессе. И поскольку за ценой они, как известно, не постояли, их усилия не остались незамеченными. На этот раз, в отличие от недавних событий в Вильно и Львове, отклики в прессе действительно последовали.

Восстание обреченных

О Варшавском восстании, которое формально выходит за рамки данного исследования и которое тем не менее является событием слишком масштабным, чтобы помянуть о нем скороговоркой, писать одновременно и трудно и легко. Легко, ибо материала по этой теме — море, ей посвящено необозримое количество работ, причем не только в Польше. Тяжело, потому что значительная, если не преобладающая часть этих публикаций в той или иной мере страдает застарелым недугом — поиском ви-

новых в поражении восстания, повлекшем страшные людские потери, на стороне. А конкретно, на стороне, лежащей к востоку от польских границ. То и дело к позорному столбу истории пытаются пригвоздить то Сталина (и это в лучшем случае), то Россию и русских в целом. Однако как бы ни вскипали страсти, одно остается бесспорным: в книге европейского Сопротивления фашизму вряд ли найдется другая столь же трагическая страница..

Так что же происходило в Варшаве в теплые дни клонившиеся к концу лета 1944 года? 23—24 июля варшавяне могли наблюдать результаты гремевшей на востоке операции — паническую эвакуацию оккупантов и их учреждений. Через город в беспорядке тянулись на запад остатки воинских частей, разбитых войсками 1-го Белорусского фронта. В связи с чем немецкие власти отдали распоряжение о привлечении 100 тыс. жителей Варшавы для работ на оборонительных сооружениях. А если прибавить к этому общий переполох в стане нацистов, вызванный покушением на Гитлера 20 июня 1944 г., казалось бы, более подходящего момента для начала восстания трудно было и подобрать. Вместе с тем сам «Бур» еще 14 июля докладывал в Лондон следующее:

«Сообщение № 243

I. Оценка положения.

1. Летнее советское наступление с первым ударом, направленным в центр немецкого фронта, добилось неожиданно быстрых и крупных результатов... была открыта дорога на Варшаву.

Если советские возможности не будут приостановлены трудностями со снабжением, то без организованной немцами контратаки резервными частями представляется, что Советы задержать будет невозможно...

При данном состоянии немецких сил в Польше и их антиповстанческой подготовке, состоящей в превращении каждого здания, занятого воинскими частями и даже учреждениями, в крепости для обороны с бункерами и колючей проволокой, восстание **не имеет перспектив на успех** (выделено автором)²⁴.

В том, насколько реальной была эта оценка, мы еще сможем убедиться далее, а пока рассмотрим предшествовавшую трагическим варшавским событиям ситуацию в руководстве АК, в рядах которого царил настоящий раздраз. 26 июля глава польско-

го эмиграционного правительства С. Миколайчык дал Армии Крайовой добро на восстание в Варшаве, изначально не включавшегося в планы операции «Буря». Теперь же, по замыслам лондонских сидельцев, в польской столице следовало осуществить то, что не удалось ни в Вильно, ни во Львове: разбить гитлеровцев за 12 часов до прихода Красной армии. С тем чтобы вступающего в освобожденную силами АК Варшаву врага № 2 гордо встретила вышедшая из подполья легитимная польская власть.

Однако решающий срок все не определялся, объявлялось и отзывалось состояние боевой готовности для отрядов АК. «Бур», буквально за несколько часов до принятия решения оценивавший военную ситуацию в самой Варшаве и вокруг нее как неблагоприятную для начала военных действий, 31 июля на собрании в составе трех подпольных генералов наметил окончательный срок — 17 часов 1 августа. Формальным поводом послужила поступившая информация о советских танках, замеченных под Прагой — предместьем Варшавы на восточном берегу Вислы. К тому же комадующий Варшавского округа АК полковник А. Хрущель (псевдоним «Монтер») заявил, что если в этот же день время восстания не будет назначено, он больше не станет удерживать людей в состоянии полуготовности. А полуроспуск грозит тем, что в нужное время всех нельзя будет собрать.

Конечно, даже для неискушенного в военных делах человека покажется странным, что важное решение о начале восстания было принято, мягко выражаясь, «келейно», в узком составе и в отсутствие даже начальника разведки. Не потому ли многие польские историки прямо говорят о заговоре генерала Окулицкого с целью вынудить «Бура» в любых условиях отдать приказ о восстании. Так или иначе, но эта своего рода «хунта», жаждавшая войти в историю, добилась чего хотела. В штаб-квартиру «Бура» прибыл Иранэк-Осмецкий (шеф 2-го отдела — разведки) с информацией, что прорвавшаяся советская бронетанковая часть была разбита под Воломином и инициатива перешла в руки к немцам. У «Бура», таким образом, еще было время отозвать приказ, но он этого не сделал. Свидетели дружно констатируют, что он был совершенно сломлен и лишь повторял, что поделаться уже ничего не нельзя, так как знал, что отзыв приказа Окулицкий в любом случае просаботировал бы.

При этом генералы-заговорщики явно рассчитывали на то, что Советы через пару-тройку дней войдут в польскую столицу, вследствие чего в Варшаве, точно так же как в Вильно и Львове, боевые действия начались не тогда, когда это вызывалось обстановкой на фронте (немцы отступали, готовилась эвакуация), а когда к городу подходили части Красной армии. А к этому моменту немцам обычно удавалось справиться с ситуацией и организовать оборону. Так что мотивы поведения аковских предводителей накануне восстания можно иллюстрировать бессмертным изречением Руставели — «Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

25 июля в район Варшавы начали прибывать части дивизии «Герман Геринг», подразделения которой разместились в варшавском районе Воля. Затем начали подтягиваться такие известные части, как 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова», 5-я танковая дивизия СС «Викинг», а также 19-я Нижнесаксонская танковая дивизия вермахта. В целом вышеперечисленные подразделения гитлеровцев действовали в основном против Красной армии, что безусловно было плюсом для восставших. Однако из состава этих формирований для боев с повстанцами было выделено в общей сложности около 300 единиц бронетехники.

Каковы же были силы повстанцев к началу восстания? Все исследователи приводят примерно одинаковые цифры: списочный состав АК к этому моменту составлял около 50 тыс. человек, отмобилизовано было около 37 тыс., но реально в боевые действия было вовлечено около 25 тыс. человек. Следующий вопрос: с каким вооружением пошли в бой эти 25 тысяч? Чтобы ответить на него, достаточно вспомнить, что в рамках операции «Буря» на основании приказов «Бура» большие количества оружия из варшавского округа АК отправлялись отрядам АК в белостокском округе (900 автоматов только 7 июня). И это не было глупостью или недомыслием, поскольку в июне 1944 г. не шло и речи о том, что Варшава будет играть активную роль в операции «Буря». И так как в столице боевые действия не предусматривались, оружие переправлялось туда, где сражения были запланированы и где его не хватало. Кроме того, немцы постоянно искали оружие и как раз во второй половине июня ликвидировали несколько складов оружия. Другие из-за арес-

тов подпольщиков были попросту утеряны. В частности, Ежи Кирхмайер в своем капитальном исследовании Варшавского восстания приводит факт обнаружения при разборке руин здания на улице Лешно в Варшаве уже после войны в марте 1947 г. 678 автоматов и 60 000 патронов к ним²⁵.

В силу вышеперечисленных причин варшавские повстанцы начали боевые действия, имея в распоряжении 1000 карабинов, 300 пистолетов-пулеметов, 60 ручных пулеметов, 7 станковых пулеметов, 35 противотанковых ружей и гранатометов «Piat», 1700 обычных пистолетов, 25 000 ручных гранат. Это означает, что в канун восстания по-настоящему были вооружены около 2500 солдат. Это подтверждается и наблюдениями с немецкой стороны, считавшей, что в начале восстания ей пришлось столкнуться примерно с двумя-тремя тысячами кадровых бойцов польских националистов, имевшими в своем распоряжении массу плохо вооруженных и обученных людей.

Но, несмотря на то, что наличествующих у повстанцев боеприпасов могло хватить всего лишь на 3—4 суток боев, мудрые стратеги из командования АК не унывали. По их мнению, большего и не требовалось, ибо под стенами Варшавы уже стоял Рокоссовский, уже перемоловший десятки дивизий вермахта, в то время как в польской столице были в основном полицейские формирования. В предвкушении счастливого момента, когда вступающих в Варшаву большевиков встретит законная власть, считающее себя единственно легитимной структурой командование АК даже не удосужилось предупредить о восстании вооруженные формирования других политических сил: Армии Людовой, Польской Армии Людовой, Корпуса Безопасности, организацию синдикалистов, наконец, даже пресловутую мотобригаду Национальных Вооруженных сил и т.д.

О состоянии участвующих в восстании подразделений АК, красноречиво свидетельствуют воспоминания участника восстания З. Врублевского, студента подпольного университета:

«Батальон им. Стефана Чарнецкого прибыл в район боевой готовности почти в полном составе... В батальон входила рота поручика "Вывы" (Юзеф Ясиньский) силой в 120 солдат, вооруженных 11 пистолетами типа "Вис" со 176 патронами, 8 гранатами, пулеметом типа "Бергманн"... Рота поручика

«Явора» (Роман Рот)... состояла из 150 солдат, вооруженных 1 ручным пулеметом, 15 пистолетами разных типов, 10 гранатами и 1000 зажигательных бутылок собственного производства...»

Что же до организации сил повстанцев, то о ней и сегодня затруднительно составить полное представление. Хотя в принципе можно основываться на утверждении полковника Борткевича (польский военный историк. — *Прим. авт.*), что «в первую неделю боев, собственно говоря, единого командования не было...»²⁶ Зато доподлинно известно, с каким неприятелем восставшие имели дело. 1 августа 1944 г. они столкнулись с немецкими частями гарнизона г. Варшавы под командованием генерала Штахеля, которому подчинялись разношерстные части, в том числе две так называемые казачьи, военно-воздушные части, подразделения дивизии «Герман Геринг» и саперные части, подготовившие к взрыву мосты через Вислу и охранявшими их — всего около 14 тыс. человек.

К сожалению, повстанцам не удалось в полной мере использовать эффект неожиданности, так как противник был осведомлен о дате и времени восстания, и еще до 17 часов 1 августа немецкие части в основном успели занять боевые позиции. Поэтому особого успеха не принесло даже то обстоятельство, что в некоторых частях города поляки атаковали намеченные объекты ранее поставленного срока: в два часа в районе Жолибож, в центре и в районе Воли — в 16: 30.

Наступательные действия восставших продолжались около четырех дней. За это время им удалось захватить следующие районы города: большую часть центра города, включая Повисле и верхний Чернякув, Старый город, Муранув, Волю, Жолибож, Южный Мокотув, Сельце и Садыбу. Однако при этом им не удалось захватить стратегические и судьбоносные для восстания пункты: ни одной телефонной станции (отсюда практическое отсутствие нормальной постоянной связи между отдельными группировками повстанцев), ни одной немецкой казармы, ни одного из основных объектов оккупационных властей, ни одного аэродрома и вокзала; и что в особенности важно — мосты через Вислу остались в руках гитлеровцев. Чему способствовали не только недостаток оружия, но и отсутствие единого про-

фессионального командования и плохая в целом боевая подготовка нападающих.

Отмечались совершенные курьезные случаи: «Капитан “Огнисты” из батальона им. Стефана Чарнецкого получает... приказ взять вокзал “Гданьский”, захватить воинские эшелоны и уничтожить железнодорожные пути... Примерно в 2 часа ночи капитан “Огнисты” отдает приказ о наступлении... Отряд “Огнистого” представляет собой недисциплинированную молодежь, не прошедшую военного обучения. Он производит впечатление группы, направляющейся на экскурсию... Они маршируют бесформенной толпой с громким топотом, звяканьем оружия, курят сигареты, множество парней идут под руку с девушками-связными и санитарками, рассказывают анекдоты, раздражаются громким смехом... Среди ночной тиши издали слышен марш большой группы людей... Внезапно из темноты раздается: Halt! И одновременно команда: Feuer! Станкачи выметают все... Отовсюду раздаются крики: Раненые! Санитарки! ...»²⁷ Так что первоначальные относительные успехи повстанцев, несмотря на их слабое вооружение, можно отнести на счет плохой организованности немецких сил, низкой боеспособности солдат, представлявших в основном тыловые и полицейские части. Поэтому в начальный период восстания немцы в основном держали оборону и вели себя довольно пассивно, что позволило полякам довооружиться трофейным оружием, установить связь между отдельными освобожденными районами и даже организовать призыв населения в части АК.

Вместе с тем потери плохо вооруженных повстанческих отрядов уже в результате первой атаки оцениваются почти в 2000 человек убитых и раненых. Некоторые из отрядов ввиду своего подавляющего превосходства немцы практически уничтожили полностью. Многие командиры, видя, что восстание явно идет не по плану, уже в первую ночь после начала восстания вывели своих бойцов из районов Мокотува, Жолибожа и Воли в леса под Варшавой — таких насчитывалось около 5000 тыс. человек. Часть отрядов была распущена командирами, осознавшими бесперспективность дальнейших наступательных действий.

Тем временем и противник наращивал силы. Получив известие о вспыхнувшем в Варшаве восстании, Гиммлер прибыл из Восточной Пруссии в Познань для организации подавления его

частями СС и полиции. В самом начале восстания немцы начали формировать корпус фон дем Баха, используя следующие подразделения: полицейскую группу генерал-лейтенанта Райнефарта (16 рот полиции, 1 рота СС и моторизованный батальон пожарных), 608 охранный полк полковника Шмидта, штурмовую бригаду СС РОНА под командованием бригаденфюрера СС Каминского. Кроме того, Гиммлер отправил в Варшаву штурмовую бригаду СС под командованием группенфюрера СС Дирлевангера, которому были также подчинены 111-й азербайджанский полк и восточномусульманский полк СС.

Впрочем, о боеспособности частей этого корпуса говорят отзывы самого немецкого командования. Так, например, о бригаде РОНА известно, что для нее важнее был захват склада с водкой, чем занятие какой-либо господствующей позиции. Что касается полка Дирлевангера, то он был своеобразной штрафной частью, укомплектованной дезертирами и преступниками разного рода, которым за боевые «заслуги» была обещана амнистия. Неудивительно, что их «высокая боеспособность» выразилась в беспримерно садистском уничтожении мирного населения. Кроме того, для подавления восстания немцы сосредоточили значительные силы артиллерии, в том числе батареи, укомплектованные шестиствольными минометами и тяжелыми ракетными установками.

Тем не менее самонадеянность поляков была столь велика, что находивший в это время в Москве с визитом, состоявшемся при посредничестве англичан, С. Миколайчык просто проинформировал о восстании советскую сторону. При этом не было даже речи о каком-либо взаимодействии, так как предполагалось, что Варшаву удастся освободить собственными силами.

Однако у Сталина на этот счет было совсем другое мнение, изложенное им Черчиллю в письме от 5 августа 1944 г.: «... Думаю, что сообщенная Вам информация поляков сильно преувеличена и не внушает доверия... Краевая Армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию «Герман Геринг»²⁸. И эта реальная сталинская оцен-

ка польских возможностей нашла подтверждение спустя несколько дней после начала восстания, когда обнаружилось, что немцы бросили в бой все свои резервы, и уже 30 июля правое крыло 1-го Белорусского фронта натолкнулось на немецкую контратаку на подступах к Праге.

Вот что по этому поводу рассказал американскому журналисту А. Верту маршал Рокоссовский: «Я не могу входить в детали. Скажу Вам только следующее. После нескольких недель тяжелых боев в Белоруссии и в Восточной Польше мы в конечном счете подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В тот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии и мы были оттеснены назад.

— Как далеко назад?

— Не могу вам точно сказать, но, скажем, километров на сто.

— И вы все еще продолжаете отступать?

— Нет, теперь мы наступаем, но медленно.

— Думали ли вы 1 августа (как дал понять в тот день корреспондент “Правды”), что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?

— Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, хотя и не лобовой атакой, но шансов на это никогда не было больше 50 из 100....

— Было ли варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

— Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск, не проконсультировавшись с нами...

— Есть ли у вас шансы на то, что в ближайшие несколько недель вы сможете взять Прагу?

— Это не предмет для обсуждения. Единственное, что я могу вам сказать, так это то, что мы будем стараться овладеть и Прагой и Варшавой, но это будет нелегко...»

После чего Рокоссовский добавил: «...учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши; но ведь и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики...»²⁹.

И это было действительно так: ближайшие к Варшаве части Красной армии к 1 августа 1944 г. прошли с боями около 490 км

за 39 дней. Снабжение становилось все хуже, так как приходилось восстанавливать полностью уничтоженные немцами железнодорожные пути и многочисленные мосты. В передовых частях начинал резко ощущаться недостаток не только боеприпасов, но и ГСМ. И это не замедлило сказаться на продвижении войск. 3-й бронетанковый корпус остановился под Радзымином ввиду полного отсутствия топлива и 31 июля был на некоторое время отрезан от остальных частей Красной армии. Естественно, и потери были велики. В тот самый период — август — первая половина сентября 1944 г. — Красная армия потеряла на польской территории почти 300 тыс. убитыми и ранеными (А.М. Самсонов. Крах фашистской агрессии. М. Наука. 1982. С. 574). И это была почти половина потерь, понесенных РККА при освобождении всей польской территории!

Свидетельства об изматывающих сражениях, которые приходилось вести советским солдатам на подступах к Варшаве, можно найти и у врага. Как вспоминал Г. Гудериан, «25 июля 1944 г. попытка 16-го танкового корпуса русских переправиться через Вислу по железнодорожному мосту у Демблина провалилась. Потери противника составили 30 танков... Другие части бронетанковых войск русских были задержаны севернее Варшавы. У нас, немцев, в то время создалось впечатление, что наша оборона заставила противника приостановить наступление....

...8 августа у командования 9-й немецкой армии создалось впечатление, что попытка русских захватить Варшаву внезапным ударом сходу разбилась о стойкость немецкой обороны, несмотря на восстание поляков, которое, с точки зрения противника, началось преждевременно...»³⁰

В ходе восстания все отчетливее вырисовывались и крайне губительные просчеты стратегов из АК: «В конечном итоге под Варшавой оказались вопреки предположениям Главнокомандования АК всего лишь второстепенные советские силы — бронетанково-кавалерийский заслон в районе Радзымин-Воломин-Окунев. Он был достаточным для того, чтобы овладеть необороняемой Варшавой, но слишком слаб, чтобы наступать на миллионный город, который немцы решили оборонять. Хуже того — этот заслон был обособленным, под угрозой ударов с флангов и опасности немецкого контрнступления»³¹.

Таким образом, полностью подтвердилась сомнительность успеха Варшавского восстания, отраженная главнокомандованием АК в докладной о расстановке сил на 14 июля 1944 г.

Оправившись от растерянности, вызванной первыми успехами повстанцев, немцы продолжали накапливать в Варшаве войска. Подавление восстания было поручено генералу СС и полиции Эриху фон дем Бах-Зелевскому. К 20 августа под его командованием находилось уже около 25 тыс. человек. А еще раньше, 5 августа, немцы перешли в контрнаступление и начали отсекать занятые повстанцами районы, с тем чтобы ликвидировать их по отдельности. Основной целью гитлеровцев было пробить через город по оси запад-восток в направлении мостов через Вислу трассы, разделяющие на сектора подконтрольные повстанцам части Варшавы. В период 5—6 августа в результате удара со стороны района Воля от центра города был отрезан Старый город. 5—10 августа шли ожесточенные бои в районах Охота, Жолибож, Мокотув и Центр. Повстанцы были выбиты из района Охоты 11 августа. 19 августа немцы начали штурм Старого города. Две попытки отрядов АК пробиться в район Жолибожа не увенчались успехом и сопровождались большими потерями.

Тем не менее «Бур» и его генералы продолжали делать хорошую мину при плохой игре. Начальник штаба Батальонов Хлопских Казимеж Банах вспоминал: «Мне казалось, что «Бур» рассчитывает на большую помощь Запада, благодаря которой можно будет вести бой до времени наступления Красной Армии»³².

А ведь «Бур» не мог не знать, что помощи как раз с Запада особо ожидать не стоит: ведь польское эмиграционное правительство пыталось в рамках поддержки готовящегося восстания использовать польские части на Западе и, в частности, еще в июле 1944 г. предлагало англичанам сбросить в случае начала восстания в Варшаву польскую десантную бригаду, использовать польские ВВС, бомбить немецкие аэродромы под Варшавой. Англичане вопрос этот проработали и решили, что лучше использовать польские части на Западном фронте, а лондонским полякам сказали, что это невозможно по техническим причинам, а также в связи с ожидаемыми большими потерями. Да и

восстание было поднято без какой-либо консультации с английским правительством, так что уж будем помогать по обстоятельствам.

И все же — как это ни кошунственно звучит — повстанцам еще в некоторой степени повезло, что Гиммлер поначалу бросил против них почти исключительно нефронтовые части, а потому к сентябрю, когда к подавлению восстания подключились фронтовые подразделения, полякам удалось выработать тактику боев в городских условиях. А это, в свою очередь, позволило им вести пусть и бесперспективную в целом, но наносящую серьезный ущерб противнику оборону. В этот же период наступил конец группе Каминского. Возглавляемая им РОНА погрязла в грабежах и в бой идти не хотела. Состоялся полевой суд над Каминским, и он был расстрелян за присвоение ценностей, которые он должен был сдавать немецким властям.

Об атмосфере происходивших в городе событий и кошмаре боев лучше всего говорят свидетельства очевидцев. Вот как вспоминает те жуткие дни немецкий сапер М. Шенк:

«...на следующий день, под вечер, на помощь пришла пехота, но мы не продвинулись вперед. Затем подтянулся отряд СС. Выглядели они странно, не носили знаков различия, от них разило водкой. Они пошли в атаку сходу... и гибли десятками. Их командир в черном кожаном пальто бесился сзади, подгоняя следующих в атаку.

Прибыл танк. Мы побежали за ним с эсэсовцами. За несколько метров до домов танк подбили. Он взорвался, солдатская фуражка полетела высоко в воздух. Мы снова отбежали назад. Второй танк приостановился. Мы были в охране впереди, а эсэсовцы выгнали из окрестных домов гражданское население и окружили им танк, приказывали садиться на броню. Я впервые видел такое. Они гнали польку в длинном пальто; она прижимала к себе маленькую девочку. Люди, теснившиеся на танке, помогали ей взобраться. Кто-то взял девочку. Когда он отдавал ее матери, танк двинулся. Малышка выскользнула у матери из рук. Упала под гусеницы. Женщина кричала. Один из эсэсовцев и выстрелил ей в голову...

Атака удалась. Поляки отступили... За нами из подвалов выходили люди с поднятыми руками... я слышал, как тот эсэсовец в

кожаном пальто кричал своим людям, чтобы они убивали всех. Женщин и детей тоже...

Когда мы возвращались, на улицах лежали тела поляков. Места свободного не было, приходилось идти по трупам; при такой жаре они быстро разлагались. Солнце было закрыто пылью и густым дымом...

...здоровый эсэсовец в черном пальто — это Оскар Дирлевангер... тогда в подавалах Варшавы мы говорили о нем: "Мясник". У него был обычай вешать по четвергам, поляков или своих, по любому поводу. Он сам часто выбивал из-под ног табуретки...

...мы взорвали стену, которая закрывала большой двор. СС хотело штурмовать здания напротив. Когда мой товарищ выбивал ломом двери, я увидел слева двух поляков. Я потащил товарищей в пролом в стене, но их уже подстрелили. В одного разрядили весь магазин целиком, второй был ранен в легкое... Когда он дышал, то изо рта у него сочилась кровь. Я заткнул ему пулевое отверстие землей. Я лежал вместе с мертвецом и раненым, прижимался к стене и молился. Мой товарищ застонал, поляки бросили гранаты. Одну я отбросил, вторая прокатилась дальше. Я был красным от крови и кусков мяса. После обеда четверо солдат вермахта прибежали с носилками. Нам удалось проскочить, но раненый товарищ получил еще три пули и умер. Я не мог выжать из себя ни одного слова, меня колотило и непрерывно рвало. Майор дал мне день отдыха, вот я и видел, как хоронили товарищей. Сняли с них сапоги, бросили в яму вместе с другими убитыми. Посыпали известью...»³³

Безусловно, в таких условиях настоящего кошмара и обреченности гражданское население чисто психологически не могло бесконечно поддерживать повстанцев. Сбитый над Варшавой английский летчик, находившийся среди повстанцев, писал: «Запасы продовольствия резко падают, каши уже не хватает. Запас воды уже исключительно зависит от дождей и колодцев... Иной серьезной проблемой является большое число умерших и убитых, захораниваемых в мелких могилах, которые наскоро выкапывают под немецким огнем. Могилы теснятся по вдоль улиц, лишенных брусчатого покрытия для постройки баррикад, в парках, во дворах и на пустырях. Положение детей, а в особенности младенцев, наиболее трагично, так как матерям нечем их кормить после перенесенных потрясений»³⁴. Постоянное и методич-

ное уничтожение города артиллерией и авиацией, неумолимая перспектива стать жертвами СС и власовского отребья, усиливающийся недостаток продовольствия привели к тому, что кредит доверия к АК к концу августа был исчерпан.

С. Подлевский сообщает, что к этому времени делегации гражданского населения из различных концов старого города собрались в подземелье одного из костелов и решили направить своих представителей к командованию постанцев, чтобы поставить последних в известность о трагическом положении жителей Варшавы. «После полуночи, когда несколько ослаб огонь артиллерии и минометов, эта делегация явилась в штаб-квартиру майора Рута. От имени населения выступил в том числе известный столичный журналист. Он говорит о бессмыслице дальнейшей борьбы, живописует всю геенну гражданского населения и массовую гибель под руинами. Советует незамедлительно прервать бой или же не противодействовать выходу гражданского населения из столицы.

Это вызывает острую реакцию офицеров командования. Они не хотят и слышать о выходе гражданского населения. Они объясняют делегации, что немцы немилосердно убивают всех...

В конце концов повстанцы заявляют делегации:

— Будем стрелять в любого, кто отважится перейти к немцам, как в предателя»³⁵. Как говорится, комментарии излишни.

Хоть как-то помочь истекающим кровью повстанцам пытались партизанские подразделения АК, находящиеся за пределами польской столицы. Там также базировался со своими героями известный нам А. Пильх, сменивший псевдоним с «Гуры» на «Долину». Из леса Кампинос под Варшавой была проведена атака на вокзал «Гданьский», но она обернулась тяжелыми потерями и полной неудачей. После этой неудачи партизанские отряды практически в полном бездействии — за исключением нескольких мелких стычек с гитлеровцами, — простояли в лесу до 28 сентября, словно дожидаясь, пока немцы сконцентрируют против них серьезные силы. После чего в результате сильного удара из общего количества ок. 1300 чел. потеряли за одни сутки только убитыми и умершими от ран более 600 чел., ок. 100 попало в плен. А. Пильх, однако, и тут ухитрился как-то улизнуть.

Вообще, следует отметить одну странность: ни одна из заранее запланированных диверсий на железных дорогах и комму-

никациях вокруг столицы так и не была осуществлена АК, а ведь подобные операции, препятствующие снабжению противника, существенно облегчили бы положение восставших.

В итоге Старый город пал 2 сентября, и повстанцы выходили из него через подземные очистительные каналы (эта трагическая эпопея послужила основой для известных польских фильмов и книг) в районы Центра и Жолибожа. И только 13—15 сентября в результате упорных боев 125-й стрелковый корпус 47-й армии 1-го Белорусского фронта, включавший в себя 1-ю дивизию Войска Польского, 76-ю и 175-ю дивизии, смог наконец овладеть Прагой — районом Варшавы на восточном берегу. Вислы. Несмотря на то что и войска 1-го Белорусского фронта, и действующая в его составе 1-я армия Войска Польского с июля по сентябрь 1944 г. вели непрерывные бои по взятию и удержанию плацдармов на западном берегу Вислы к северу и югу от Варшавы, под Магнушевом и в районе Баранова-Сандомирского, они сразу же поспешили на помощь повстанцам. Уже в ночь с 15 на 16 сентября части 3-й дивизии Войска Польского, а в ночь с 18 на 19 сентября и 2-й дивизии ВП предприняли попытку переправиться через Вислу. Авиация начала сбрасывать оружие, средства связи и продукты питания для повстанцев.

Была также установлена связь между повстанческими силами и частями польской армии. В ночь с 16 на 17 сентября 1944 г. связные АЛ (капитан К. Венцковский) и АК (Е. Моцарская-Струга) переплыли Вислу и прибыли в штаб 2-й дивизии Войска Польского на Праге, где связная АК передала письмо от командующего силами АК на Жолибоже:

«Командование частей Армии Крайовой
на Жолибоже
15.09.1944 г.

Защитники Жолибожа — победоносной Красной Армии

1. Благодарим за оружие, сброшенное для нас с самолетов, и просим в будущем присылать в первую очередь тяжелое автоматическое оружие с противотанковыми боеприпасами, противотанковые пушки, автоматы и гранаты.

2. Благодарим за противовоздушную оборону от немецких налетов.

3. Просим бомбардировать цитадель, зенитную артиллерию на Буракове...

4. Просим вести артиллерийский огонь по вышеуказанным объектам в случае, если услышите, что немецкая артиллерия нас обстреливает.

5. Сбрасывание производите с небольшой высоты, обращая внимание на ветер, чтобы грузы падали около костров. Сброшенное с большой высоты попадает в руки к немцам...

Подполковник Живицель»³⁶.

Подоспевшими частями Войска Польского были все же отвоеваны плацдармы в районах Варшавы Чернякуве и Жолибоже, где повстанцы еще удерживали незначительные позиции, прилегающие к Висле. Конечно, сейчас, по прошествии стольких лет, можно рассуждать и о плохой организации десантов и о чрезмерных потерях из-за плохого русского командования, но тогда все это виделось и ощущалось непосредственными участниками по-иному:

«Решение о форсировании Вислы “сходу” проистекало из желания оказания быстрой помощи варшавским повстанцам, а также из намерения захвата плацдармов, необходимых для позднейший действий к западу от Вислы.

Надежды на благоприятное развитие операции основывались на признаках определенного смятения, возникшего у немцев с потерей Праги, а также расчете, что восстание посредством связывания немецких сил существенно облегчит запланированную операцию.

Отрицательной стороной предпринятого действия была спешка, не дающая возможности определения деталей положения, а также отсутствие связи с повстанческими центрами в городе»³⁷.

Впрочем, все эти десанты, несмотря на максимальную поддержку, оказанную им артиллерией и авиацией, ничего не смогли изменить по сути, зато вскрыли решающее обстоятельство: повстанцы никоим образом не контролируют положение на западном берегу Вислы, а посему не в состоянии оказать какую-либо помощь в проведении подобных операций. Кроме того,

командование Армии Крайовой никогда и не предлагало проведения совместных боевых действий, ограничиваясь запрашиванием оружия, боеприпасов и огневой поддержки.

В итоге переправлявшиеся на западный берег части 1-й армии Войска Польского после соединения с малочисленными отрядами повстанцев фактически попадали в ловушку и вместе с ними вынуждены были держать оборону в пределах нескольких улиц или даже домов. При этом не следует забывать, что солдаты ВП в данной ситуации оказывались в еще худшем положении, нежели повстанцы, поскольку в отличие от последних не имели опыта боевых действий в условиях города и пытались атаковать укрепленные позиции немцев в лоб, неся чрезвычайно тяжелые потери личного состава, составившие в целом 3764 человека. Вследствие чего 23 сентября 1944 г. было принято решение отвести оставшихся в живых солдат Войска Польского обратно на восточный берег.

К сожалению, малоэффективна была и артиллерийская поддержка, что совершенно не удивительно. «Огонь этой мощной артиллерии был лишен соответствующих наблюдательных пунктов, так как низкий восточный берег ограничивал наблюдение, а немногочисленные наблюдатели, выдвинутые на Чернякув, были окружены в отдельных домах, являвшихся предметом ожесточенных немецких атак, и не имели условий для проведения наблюдения»³⁸.

Много удивительней — новая и весьма неожиданная трактовка поддержки, оказанной варшавским повстанцам Красной армией, появившаяся после 1990 г. у польских историков. Факты того, что в условиях города не все грузы, сбрасываемые советской авиацией, попадали к повстанцам и что многие из этих грузов ввиду сбрасывания с малой высоты — для большей точности! — повреждались, никогда и никем в СССР не замалчивались. Также широко известно, что то же самое происходило и с грузами западных союзников, сбрасываемыми с большой высоты на парашютах, которые не только разбивались, но и по большей части попадали к немцам. Тем не менее о западном снабжении повстанцев с воздуха нынешние польские исследователи говорят почти как о панацее, о советском же отзываются пренебрежительно: дескать, советские боеприпасы были непригодны для повстанцев, вооруженных немецким оружием. Что само по себе

ничего, кроме улыбки, вызвать не может, так как советские боеприпасы сбрасывались вместе с советским же оружием, да и трофейными немецкими боеприпасами поляки снабжались в больших объемах. Подтверждение чему при желании легко найти в документах вроде следующего:

«2 октября 1944 г. Доклад командования 1-го Белорусского фронта Верховному главнокомандующему Маршалу Советского Союза Иосифу Сталину о масштабах помощи повстанцам Варшавы

Секретно

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Докладываю:

В целях оказания помощи повстанцам в городе Варшава в период с 13.9 по 1.10.44 авиация фронта произвела 4821 самолетовылет, в том числе: на сбрасывание грузов 2435, на подавление средств ПВО противника в городе Варшава в районе сбрасывания грузов — 100, а бомбардировку и штурмовку войск противника в городе Варшава по заявкам повстанцев — 1361, на прикрытие районов, занимаемых повстанцами, и на разведку противника в интересах повстанцев — 925.

За этот же период повстанцам в городе Варшава авиацией фронта сброшено: орудий 45 мм — 1, автоматов 1478, минометов 50 мм — 156, противотанковых ружей — 505, винтовок русских — 170, винтовок немецких — 350, карабинов 669, снарядов 45-мм — 30, мин 50 мм — 37216, патронов ПТР — 57 640, патронов винтовочных — 1 312 600, патронов ТТ — 1 360 984, патронов 7,7-мм — 75 000, патронов “маузер” — 260 600, патронов “парабеллум” — 312 760, ручных гранат 18 428, ручных гранат немецких 18 270, медикаментов 515 кг, телефонных аппаратов — 10, коммутаторов телефонных — 1 ...

Помимо того, артиллерия 1-й полькой армии вела огонь на подавление огневых средств и живой силы противника в интересах повстанцев, а зенитная артиллерия... своим огнем прикрывала повстанческие районы от налетов вражеской авиации...

Командующий войсками 1-го
Белорусского фронта
Маршал Советского Союза
Рокоссовский»³⁹.

О том же — на тот случай, если кто-то подозревает коммунистов в приписках — свидетельствуют и данные историков из Армии Крайовой, приведенные в труде «Польские вооруженные силы», изданном в 1951 г. в Лондоне⁴⁰.

«Советские сбрасывания с воздуха

Советское сбрасывание грузов с воздуха для Варшавы, начатое ночью с 13 на 14 сентября, было повторено в последующие ночи вплоть до 18 сентября, а после перерыва между 18 и 21 сентября они продолжались далее до ночи с 28 на 29 сентября.

В течение 12 ночей повстанческие отряды приняли сброшенных с самолетов советских грузов:

Станковых пулеметов русского типа	Пистолетов- пулеметов русского типа	Противо- танковых ружей	Гранато- метов	Карабинов русского типа	Ручных гранат
<u>5</u> 10 000	<u>700</u> 60 000	<u>143</u> 4 290	<u>48</u> 1 729	<u>160</u> 10 000	4 000

Числитель показывает количество единиц оружия, знаменатель — количество боеприпасов к ним.

18 сентября произвели первое и последнее сбрасывание западные союзники. Американская эскадра в составе 110 самолетов сбросила 107 единиц груза. Из этого количества повстанцам досталось только 15, остальное получили гитлеровцы. Почему до этого союзники не летали, объясняется отказом советской стороны принимать их самолеты на базах в СССР. Причина отказов толкуется опять же желанием Сталина навредить восстанию. Впрочем, до тех пор, пока не будут основательно исследованы российские архивы, на этот предмет можно утверждать все, что душе заблагорассудится. Однако один факт все же позволяет по-

лагать, что все было не столь однозначно. Так, в частности, на военный аэродром под Полтавой, приспособленный для принятия тяжелых самолетов союзников, в июне 1944 г. был совершен налет немецкой авиации. И восстановлен он был как раз к 18 сентября, и именно начиная с этого времени им можно было пользоваться.

Последние группы повстанцев АК и солдат 1-й армии ВП дрались в Чернякуве до 23 сентября, затем частью прошли каналами в район Мокотув или же переправились на другую сторону Вислы, таких, правда, были считанные единицы. Командующий повстанцами на Чернякуве подполковник «Радослав» отдал приказ о переходе в Мокотув еще в ночь с 19 на 20 сентября. Но боевые действия на Чернякуве не могли прекратиться уже потому, что его защитники во многих случаях к этому моменту были окружены в отдельных домах и сражались действительно до последнего патрона, не имея другого выхода. В таких условиях настоящего «слоеного пирога» даже артиллерийский огонь с освобожденного берега Вислы был одинаково опасен как для немцев, так и поляков, столь близки были их позиции. Тем не менее то обстоятельство, что по отмеченным выше причинам снаряды попадали и на позиции повстанцев, в тенденциозных послевоенных воспоминаниях о восстании преподносится как намеренные действия со стороны русских, якобы специально расстреливающих польских патриотов.

Практически все исследователи истории восстания отмечают, что последние бои на Чернякуве были самыми тяжелыми и жестокими за весь период боевых действий в Варшаве. Это документально отмечали и немцы, в частности, начальник оперативного отдела группы Райнефарта на Чернякуве в своей телефонграмме 23 сентября 1944 г. сообщал командованию 9-й армии вермахта:

“...задействованные в этом месте немецкие солдаты совершили подвиг за 8 дней боев в самых тяжелых условиях (непрерывный фланкирующий огонь артиллерии, гранатометов, бомбардировки). Один только бой за последний дом продолжался 24 часа...”⁴¹ Это, кстати, отлично показывает, чего стоит вся писанина различных историков о том, что Советы повстанцев никак не поддерживали. Кто же тогда применял против немцев

артиллерию и наносил бомбовые удары? Неужели «Бур» открыл какие-то тайные арсеналы со сброшенным ранее тяжелыми английскими вооружениями?

24 сентября немцы начали штурм Мокотува и, несмотря на приказ эвакуации в другие районы по каналам, 27 сентября повстанцы там капитулировали. 29 сентября началось сильнейшее наступление в основном силами 19-й танковой дивизии вермахта, и 30 сентября сдался и Жолибож. Сдался, хотя с советской стороны было сделано все возможное, чтобы повстанцы переправились в Прагу, было приготовлено 100 лодок для переправы всех повстанческих сил Жолибожа.

«1 октября 1944 г. Отрывок из справки заместителя начальника оперативного управления штаба 1-го Белорусского фронта об обстановке в повстанческом районе на Жолибоже.

1. Положение в Варшаве за истекшие сутки 1.10.44 г. характеризуется продолжающимся нажимом со стороны немцев на повстанческие районы с основной целью склонить их к капитуляции, и в этом отношении противнику удалось частично достигнуть своей цели.

Жолибожский повстанческий район к исходу 30.9.44 г. по показаниям повстанцев, прибывших с западного берега р. Висла, насчитывал до 2000 человек, в том числе до 300 чел. из состава Армии Людовой, остальные принадлежат Армии Крайовой... в 6.30 30.9 командир Жолибожского повстанческого района подполковник Живицель... объявил, что от генерала Бура приехал полковник Вахновский с приказом о капитуляции. На возражение ряда офицеров Живицель ответил: «Я солдат и выполняю приказ»»⁴².

Лично участвовавший в этих событиях в рядах Армии Людовой Зенон Клишко вспоминал о том, каким трагическим фарсом все завершилось. В соответствии с договоренностями для обеспечения переправы повстанцев советские и польские батареи открыли огонь. И тут прибежал офицер связи АК от Живицеля с приказом, чтобы Армия Людова потребовала от командования Войска Польского прекратить огонь. Отряды Армии Крайовой переправляться к большевикам не собирались — якобы немцы узнали об этих планах и рисковать не стоило. Как будто до этого момента риска погибнуть в боях с немцами было меньше.

Еще один небезынтересный факт. 30 сентября 1944 г. союзники признали за Армией Крайовой права комбатантов, в результате чего в соответствии с Женевской конвенцией от 27.07.1929 г. на взятых и сдавшихся в плен солдат АК распространялись те же права, что и на военнослужащих Англии или США. Однако невольно напрашивается вопрос, а где же благородные союзники были раньше и почему не сделали этого сразу же после начала восстания? Поскольку, если следовать элементарной логике, то до 30 сентября 1944 г. к немцам и придрататься было трудно. Получается, они расстреливали пленных повстанцев на вполне законных основаниях, так как до этого момента Армия Крайова не имела статуса воюющей стороны и тем самым являла собой никем не признанное вооруженное формирование, или, выражаясь современным языком, была террористической структурой.

А теперь попробуем объяснить себе мотивы подобного, мягко выражаясь, несоюзнического поведения союзников по отношению к преданным (в прямом и переносном смысле) им полякам. Уж не в том ли разгадка этого исторического ребуса, что западные друзья пытались облегчить себе жизнь, избегая обременительных обязательств. Ведь удайся восстание, рано или поздно Советы начали бы разоружать непризнанные ими отряды АК, и что тогда делать в случае признания их комбатантами? Объявлять войну Сталину? Куда проще без всяких там либеральных «заморочек»: ну, разоружили Красная Армия и НКВД пару-другую так называемых «дивизий», пополнив ими ряды народного Войска Польского — и дело с концом. Главное, чтобы неприятностей со Сталиным из-за этого не было, а РККА по-прежнему была немцев, оттягивая их с Западного фронта. Как говорится, ничего личного, один только голый расчет. И расчет этот, каким бы циничным он кому-то ни показался, лишний раз доказывает, что ни в самом Варшавском восстании, ни в его успехе союзники были абсолютно не заинтересованы, ибо и то и другое сулило им ненужные проблемы.

На этом фоне особенно смехотворными выглядят порядком замусоленные теории о бездействии Красной армии и мифическом «стоп-приказе», самозабвенно выдвигаемые известным страдателем за польскую правду господином Б. Соколовым. При чтении размышлений последнего и иже с ним о преднамеренном

неоказании советской стороной помощи восставшим возникает стойкое подозрение, что упомянутые знатоки вопроса являются тайными почитателями Сталина. Ибо как иначе толковать их горячую убежденность в том, что Сталин мог спасти восстание, но не захотел. Почти по Лермонтову: «Была б на то Господня воля...» Но ведь тирану Сталину противостоял уж по крайней мере не меньший тиран Гитлер с далеко еще не разгромленной на тот момент армией, разве нет?

Опять же, если кому интересны первоисточники, то в них можно найти, что думал по этому поводу сам Сталин. А конкретно его ответ на вопрос о восстании, заданный ему поляками, служившими в рядах Войска Польского: «Если бы нас спросили, мы бы не дали совета восставать. Красная Армия, которая овладела не одним крупным городом в ходе наступления, никогда не брала больших городов, подобных Варшаве, лобовым ударом. И мы никогда не призывали население наших больших городов к восстанию. Варшаву в лоб нельзя было взять, т.к. она находится на высоком левом берегу Вислы. Брать Варшаву в лоб — значит разрушить город артиллерией и понести при этом ненужные жертвы. Здесь создалось положение, аналогичное с Киевом... Мы Киева в лоб не брали. Мы взяли его обходом. Мы и Варшаву хотели взять обходным маневром, но к такой операции нам нужна была серьезная подготовка. Нужно было подтянуть минимум 40 дивизий, много боеприпасов и продовольствия... Нужно было время. Вот почему Красная Армия временно задержалась у стен Варшавы»⁴³.

А тому, кому и этого мало, можно привести красноречивый пример Словацкого национального восстания. Ведь и там, несмотря на несравненно большую роль словацких коммунистов, восстание было поднято без координации с Красной армией, о нем даже не было проинформировано руководство компартии Чехословакии в Москве. Одно отличие: тут уж никого не упрекнешь, большевики рванулись на помощь сразу. Восстание началось 29 августа, а 8 сентября 38-я армия 1-го Украинского фронта предприняла наступление с целью взятия Дукельского перевала и выхода в Словакию для помощи повстанцам. Ведь перспектив у этого восстания было намного больше, чем у Варшавского, так как в нем участвовали и части словацкой армии,

перешедшие на сторону повстанцев. И что же в итоге? Увы, и здесь немцы смогли сконцентрировать свои силы и навязать Красной армии тяжелые бои, так что перевал был взят только 6 октября 1944 г. и с очень большими потерями. А к этому времени немцам удалось стянуть достаточно войск, чтобы к концу октября ликвидировать основные пункты сопротивления словаков.

Впрочем, вернемся к Варшавскому восстанию. Сколько бы разномастные «правдоискатели» не поливали грязью наших солдат и военачальников, стоящих под стенами польской столицы, тогда, в 1944 году, они свой воинский долг выполнили сполна. А чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с данными, которые приводит В. Фалин, а именно, что в течение августа — сентября 1944 г. Красная армия имела безвозвратные потери в объеме 7750 человек, 24 100 солдат и офицеров было ранено и контужено, а безвозвратные потери 1-й польской составили более 5600 человек⁴⁴. При этом не стоит забывать, что речь идет о потерях, связанных только с помощью Варшаве, а каковы бы они были при атаке в лоб и без подготовки? Для сравнения: союзники к высадке в Нормандии и освобождению Западной Европы готовились в течение долгих четырех (!!!) лет, однако критические голоса по поводу того, что пока они увлеченно надраивали пуговицы на мундирах, немцы за Ла-Маншем не менее увлеченно расстреливали бойцов Сопротивления, почему-то не слышны.

И еще, раз уж мы заговорили о потерях, то для полноты картины приведем и польские сведения на этот счет. Подполковник Фелицыян Майоркевич (псевдоним «Ирон») уже в конце точно оценил потери неприятеля на уровне 10—12 тыс. убитых и раненых. Обнаруженные затем немецкие документы показали, что потери группы фон дем Баха составили 1570 убитых и 8 374 раненых.

В целом погибло, таким образом, до 16—20 тыс. польских бойцов, а немецких солдат — ок. 2000. Соотношение погибших польских и немецких военнослужащих тем самым получается 10:1. Если же учесть жертвы среди гражданского населения, то окажется, что на каждого убитого во время восстания немца пришлось до 70 погибших поляков.

Так что, — пусть простят нас сгинувшие в варшавском аду августа — сентября 1944 г. — восстание было обречено с самого начала, и 1 октября 1944 г. после совещания главного командования АК в Варшаве было принято решение капитулировать. Утром 2 октября делегация повстанцев отправилась к фон дем Баху-Зелевскому и к 21 часу ночи подписала акт о капитуляции, согласно которому в течение 4—5 октября сдались около 12 тыс. повстанцев. Их раскидали по различным лагерям военнопленных. Корпус же фон дем Баха, уничтожавший Варшаву и ее жителей, 8 октября немцам пришлось расформировать, так как после двух месяцев боев он уже не мог считаться полноценной боевой единицей — входившие в него полки и батальоны к этому моменту имели в своем составе от 100 до 300 солдат каждый. И лишь бригада Дирлевангера, который за действия в Варшаве был награжден Рыцарским крестом, была пополнена и в октябре направлена на подавление Словацкого национального восстания.

А что же Бур-Комаровский, отдавший приказ о восстании, закончившимся катастрофой? Он, великодушно раздав уцелевшим повстанцам по 20 долларов из бюджета АК за патриотизм и два месяца боев, отбыл сдаваться. Что было не таким уж и неприятным занятием, поскольку с вражеской стороны ему приветливо улыбались старые знакомые. Да и переговоры о сдаче с ним вел небезызвестный Кристианзен из абвера, плодотворно поработавший с Армией Крайовой в Вильно. Как сообщала 29 июля 1994 немецкая газета «Die Zeit» в в статье «Mit Feuer und Rauch» (В огне и дыму) в благодарность за его посреднические услуги Комаровский даже подарил Кристианзену свой портрет с надписью «Благодарю!». А вскорости и еще один благодетель подоспел! Как писал в своих «Воспоминаниях солдата» Г. Гудериан, ставший к тому времени начальником Генерального штаба: «После капитуляции пленные повстанцы были переданы эсэсовцам. Бур-Комаровский был знакомым Фегеляйна, они неоднократно встречались на международных турнирах. Фегеляйн о нем позаботился». К этому следует добавить, что Бур-Комаровский и Фегеляйн на самом деле познакомились еще раньше, по службе в австрийской армии во время Первой мировой войны.

Что тут скажешь, повезло командующему АК, не брезговавшему водить дружбу с эсэсовскими генералами. Отсюда вывод:

истинному польскому патриоту полезные знакомства в абвере и СС — не помеха. Тем более столь лестные. Ведь Фегеляйн был самым известным кавалеристом в гитлеровской Германии, победителем множества турниров и массовиком-затейником по конному спорту во время олимпиады 1936 г. в Берлине. Чего Комаровский, будучи настоящим уланом, рубившимся с Советами в 1920 г. и недолго с немцами в 1939 г., конечно же, не мог не оценить. Так что двух наших кавалеристов свели, если так можно выразиться, общие лошадиные ценности. Правда, война 1939 г. на время выбила «Бура»-Комаровского из седла, ведь в подполье на белом коне, как пан Андерс, не поскачешь. А вот группенфюрер Фегеляйн стал в 1941—1942 гг. командиром кавалерийской бригады СС, которая прочесывала припятские болота в поисках «партизан и бандитов». А так как ни в 1941-м, ни в 1942 г. польских партизан в данном районе не наблюдалось, то и жертв среди них не было. А спортсмен Фегеляйн, успевший за время своих славных кавалерийских походов загубить около 20 000 душ, на проверку оказался душевным человеком и позаботился о спортсмене Комаровском. Что и не удивительно, человек-то он был разносторонний и даже не чуждый прекрасного. Он и в Варшаву 13 августа 1944 г. прибыл по приказу Гитлера не с Буром-Комаровским воевать, а «сохранять» особо ценные произведения искусства. Видимо, и Бур-Комаровский к ним относился.

Важно также отметить и некоторые обстоятельства личной жизни Фегеляйна, который, ни много ни мало, был мужем сестры Евы Браун, а следовательно, имел прямой выход на Гитлера, оказавшего, между прочим, Буру-Комаровскому во время переговоров об условиях капитуляции прямую услугу. А дело было так. Поначалу, когда фон дем Бах коротко представил ему условия с польской стороны, Фегеляйн впал в ярость, что поляки много себе позволяют. Но когда ему сказали, что эти условия ставит его старый знакомый, граф Комаровский, Фегеляйн сменил тон и попросил присутствующих подождать. Через несколько минут Фегеляйн вернулся и сообщил, что получил по телефону согласие Гитлера на представленные условия капитуляции. Кстати, во время переговоров об условиях капитуляции немцы угощали польских офицеров лакомствами из посылок, сброшен-

ных над Варшавой американскими самолетами. Вот когда мощь союзников дошла до повстанцев-генералов!

А вот предшественнику кавалериста Комаровского на должности командующего АК, генералу «Гроту» — Ровецкому, к сожалению, не повезло. О нем немцы несколько иначе позаботились: казнили в концлагере Заксенхаузен сразу после начала Варшавского восстания. По некоторым сведениям, за его бескомпромиссно отрицательное отношение к предложениям гитлеровцев о сотрудничестве против Советов, сторонником которых он не был, однако же и друзей среди эсэсовцев заводить не собирався. В связи с чем отнюдь не кажется случайным и тот факт, что в руки гитлеровцев он попал всего лишь через 4 дня после гибели главы польского правительства в изгнании генерала Сикорского. Ведь оба они были реалистами и могли, несмотря на все сложности, в конце концов найти путь к взаимодействию с Советами. Впрочем, это теперь уже из области предположений, зато вполне ясно другое: Комаровский, отдавший преступный приказ о начале варшавского восстания, благополучно избежал участи его жертв, а Ровецкий, считавший эту идею убийственной, их участь разделил.

Жаль только, потомкам участников варшавской трагедии недосуг разбираться в подобных тонкостях. И то верно, зачем, если под рукой уже есть виновные в том, что произошло с их предками в 1944 г.? Жестокосердные Советы, не пожелавшие без всякой предварительной подготовки и договоренности положить своих солдат на подступах к Варшаве, где умирали брошенные на произвол судьбы своими же собственными лидерами повстанцы. Этих солдат и так слишком много в Польше осталось, и все они теперь не освободители, а агрессоры. В отличие от аковских героев, успевших и с гитлеровцами общий язык найти, и с советскими партизанами повоевать, и славы себе чужой кровью добыть. Да еще и пожурить варшавян за допущенные в ходе восстания ошибки, о чем, в частности, можно прочитать у Гудериана, цитирующего мемуары Комаровского «Непобедимые»: «...Гражданское население, как и солдаты Армии Крайовой, пользовались трофейным (немецким) оружием, что мешало бережно относиться к боеприпасам. На одного немецкого солдата повстанцы из гражданско-

го населения тратили несколько снарядов и ручных гранат. В каждом поступавшем ко мне донесении содержались жалобы на бесцельное расходование боеприпасов». И пожалуй что неспроста он так о бесцельно потраченных боеприпасах убивался. Не иначе имел в виду, что они бы здорово пригодились уже после войны.

«Попартизанили — и будя»

А теперь еще несколько слов о самой «Буре». Да, в политическом плане она потерпела фиаско и на фоне схватки немецких и советских армий прошла практически незаметной, но все же это была война против общего врага. Поляки и советские солдаты вели совместные бои, а значит, и потери у каждой из сторон были меньше. Кроме того, польские части лучше знали местность и расположение врага и тем самым увеличивали эффективность операций. Хотя более «героические» Национальные вооруженные силы в лице известного нам пана Стефана Новицкого оценивают действия АК достаточно сурово: «...Армия Крайова на восточных польских территориях была по своему существу небольшой и не имевшей большого значения войсковой частью, в которой Советы вообще не были заинтересованы. Ибо на обеих сторонах сражались миллионные армии, а Советы ни с кем не хотели делиться своей победой, даже с западными союзниками». И с последним трудно не согласиться. Действительно, не хотели Советы делиться победой, зачем, если она своя? Тем более что для России это уже не первый случай — поделишься с кем-либо чем-то своим, чего он в принципе и не заслужил, и тут же этот кто-то посчитает своим все остальное и затребует себе.

В завершение же приведем рассуждения вдохновителя «Бури» подпольного генерала «Бура», достаточно цинично заметившего в своих воспоминаниях сразу же после войны, что «Буря» была неизбежна уже потому, что надо было хоть немного повоевать против гитлеровцев, ибо в противном случае «таким образом мы дали бы самой России возможность “доказать” всему миру, что Польша является врагом, а не союзником...»⁴⁵

Повоевали, что было, то было. После чего пришли Советы и коварно разоружили аковских вояк, о чем и сегодня стон стоит по всей Польше. Практически в любой публикации или работе любого же польского историка (особенно недавнего, уже «неподлеглого» разлива). Да, действительно, во время контактов с командованием РККА командирами АК выдвигались следующие предложения: формирование польских войсковых частей, которые не должны были входить в состав армии Берлинга, и укомплектование их советской стороной тяжелым вооружением. Но советское руководство на это не пошло, и в данном случае сработал как эффект армии Андерса, так и разведывательные сведения о польском подполье, полученные НКВД. Ведь уже в сентябре 1943 г. был создан НКВД Белорусской ССР и совместно с Белорусским штабом партизанского движения и штабом 1-го Белорусского фронта организована широкомасштабная разведка на оккупированной белорусской территории. Во всех советских партизанских отрядах имелись специально подготовленные разведгруппы. Как совершенно справедливо пишут и сами поляки: «...Эти группы НКВД — опираясь на советские партизанские отряды — организовывали и проводили разведывательную деятельность, направленную прежде всего против тех, кто после занятия этой территории Красной Армией могли в будущем составить кадровые тылы для организации сопротивления... Информация, полученная этими группами, позволила создать мощную информационную базу, которая должна была стать основой репрессивной и оперативной деятельности НКВД на «освобожденных» территориях». В результате советская разведка была хорошо осведомлена, например, о том, как «Вильк» вел переговоры с гитлеровцами о взаимовыгодном сотрудничестве. А также о том, что в марте 1944 г. во Львове прошли переговоры между УПА и АК, а их итогом стал протокол, в котором констатировалось наличие общих врагов — Германии и СССР. Так что сколько бы и кем не «обмусоливалась» сегодня тема «искренней готовности» АК к совместной с РККА борьбе против немцев, грош ей цена в базарный день.

Поэтому вполне закономерно, что прекрасно осведомленный об особенностях польского союзничества Сталин не пожелал вооружать еще одну армию, которая, по всем разведдан-

ным, была бы еще почище армии Андерса и при этом уже ничего бы не решала в по сути выигранной Советским Союзом войне. Ибо Сталин был кем угодно, но уж точно не идиотом, создающим проблемы самому себе. Тем более что в его распоряжении уже имелись польские части, контролируемые советским руководством, а командиры АК четко давали понять: они подчиняются только своему командованию и лондонскому правительству, и никому больше. Даже рядовые члены АК, призванные в ряды народного Войска Польского, не только дезертировали сами, но и ухитрялись подбивать на дезертирство целые воинские подразделения. Кроме того, никакая армия мира не потерпела бы в своем тылу неподвластные ей вооруженные формирования. Даже из советских партизан не создавались отдельные армии.

А если говорить об организации разоружения частей АК, то проходили оно отнюдь не спонтанно и началось не сразу, а спустя несколько дней после завершения боев. Похоже на то, что командиры РККА просто не знали, что делать с аковскими партизанами, представлявшими регулярной польской армией, а потому принимали к сведению эти заявления и сообщали о них вышестоящему руководству. И лишь потом в дело включались органы НКВД, действовавшие по обстановке. Ведь еще в мае 1944 г. была издана директива зам. наркома внутренних дел СССР И.А. Серова и начальника войск НКВД по охране тыла относительно наличия на освобождаемых территориях враждебно настроенных групп населения. К этим силам, способным на соответствующие действия, причислялись и все польские вооруженные формирования АК. Сначала 20 июля 1944 г. штаб войск НКВД по охране тыла 3-го Белорусского фронта издал приказ о задержании лиц, принадлежащих к вышеупомянутым формированиям. Затем, видимо, с учетом накопленной информации об участии отрядов АК в операциях по взятию Львова и Вильно и ввиду приближения РККА к территории центральной Польши, появилась и другая директива:

«Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим фронтами 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинских фронтов, командующему вооруженными силами Польши полковни-

ку М. Роля-Жимерскому, командующему 1-й польской армией (ПА) 3. Берлингу об отношении к Армии Крайовой (АК):

№ 220169

№№ 58399/Ш

3 августа 1944 г.

1. Ввиду того что территория Польши восточнее Вислы в большей своей части освобождена от немецких захватчиков и нет необходимости в продолжении боевой работы польских партизан на этой части территории Польши, Ставка приказывает: вооруженные отряды Краевой Армии, подчиненные Польскому национальному комитету освобождения и желающие продолжать борьбу с немецкими захватчиками, направлять в распоряжение командования 1 ПА Берлинга для того, чтобы влить их в ряды регулярной польской армии.

Партизаны этого рода сдают имеющееся у них старое оружие, чтобы получить новое лучшее вооружение.

2. Ввиду того, что вражеская агентура стремится проникнуть в районы боевых действий Красной Армии и осесть на территории освобожденной Польши под видом польских отрядов и Краевой Армии, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: вооруженные отряды, входящие в состав Краевой Армии, и другие подобные организации, имеющие, несомненно, в своем составе немецких агентов, при обнаружении немедленно разоружать.

Офицерский состав этих отрядов интернировать, а рядовой младший состав направлять в отдельные запасные батальоны 1 ПА Берлинга.

Оружие, изъятое из отрядов, сдавать на арм. Артиллерийские склады.

Командующему 1 ПА для этой цели сформировать к 7 августа 1944 г. отдельные запасные батальоны:

Для 3-го Белорусского фронта в районе Вильно; для 2-го Белорусского фронта в районе Белостока, для 1-го Белорусского фронта в районе Люблина; для 1-го Украинского фронта в районе Ярославля.

Рядовой и младший начсостав, направленные в отдельные запасные батальоны, тщательно проверять информационному отделу 1 ПА. Проверенных направлять в запасной полк 1 ПА в г. Люблин.

О ходе разоружения и количестве рядового и мл. начсостава, направленных в 1 ПА, и также о количестве интернированных офицеров доносить в Генеральный ш. Красной Армии начиная с 1 августа 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН А. АНТОНОВ»⁴⁶.

Кажется, все предельно ясно. Так чего же тогда скулить по поводу коварно преданных союзников?

Итак, рядовым аковцам, которые не являлись уроженцами Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края, предлагалось вступать в Войско Польское. Местные тоже имели такую возможность, в противном же случае их как граждан Советского Союза в обязательном порядке призывали в РККА. Ведь еще в ноябре 1943 г. Наркомат СССР по иностранным делам известил лондонских поляков о том, что вступает в полную силу Закон о гражданстве СССР от 29 ноября 1939 г. А это значит, что лица польской национальности, проживающие в СССР (а значит, и таковые на «восточных территориях»), подлежат призыву в Красную армию на общих основаниях. Потому-то сразу после возвращения советской власти был начат призыв в Красную Армию всех мужчин в возрасте от 17 до 45 лет. Однако по указанию АК призыв этот бойкотировался. Так же как и призыв в армию Берлинга, которому активно противодействовали структуры АК. В результате по округам Вильно и Новогрудок на призывные пункты в 1944 г. явилось всего 25 тыс. человек. Понятно, что бойкот нашел понимание у современных польских правдоискатели го-

ворят, видящих в мобилизации насилие в свете международного права. И вообще, дескать, делалось это только для того, чтобы высылать польскую молодежь. Да уж что было, то было. Тот, кто хотел, шел воевать, а тому, кто не хотел, предоставлялась возможность, как сейчас принято говорить, прохождения альтернативной службы: на лесоповале, в шахте и т.д. Согласитесь, довольно прогрессивное по тогдашним жестоким временам решение.

Глава 10

Бой после победы, или шакалы в партизанском обличье

Белоруссия родная, Украина золотая,
ваше счастье молодое
мы стальными штыками отстоим.

*Из советской песни времен
Великой Отечественной*

Война в Белоруссии и на Виленщине

Итак, в ходе наступления 1944 г. РККА освободила бывшие «восточные окраины» и пошла дальше, на Германию, добывать врага в его собственном логове. За спиной у советских солдат были долгие годы изнурительных боев, страшных потерь и нечеловеческих страданий, а впереди — долгожданная победа. Однако совсем в другом свете видят эти события в нынешней Польше. Как пишет о том периоде маститый знаток коммунистических преступлений из Польши пани профессор Анна М. Ченчяла: «Многие убегали перед приближающейся Красной Армией, солдатам которой была дана полная свобода грабить и убивать немецкое гражданское население и насиловать их женщин»¹. Таким образом, если верить пани Ченчяла, в 1944 г. в Европу пришла не армия освободителей, а кровожадная азиатская орда, и, поскольку путь этих варваров пролегал через Польшу и ее бывшие «восточные земли», то как бы само собой разумеется, поляки героичес-

ки приняли на себя первый удар и чуть ли не заслонили собой «цивизационно близкие» западные народы. От чего на ум совершенно произвольно приходят сравнения с монголо-татарским нашествием на Древнюю Русь и появляется страстное желание найти хотя одно отличие между первым и вторым.

Так что же все-таки происходило на западе СССР после жаркого лета 1944 г.? А вот что: Красная армия, преследуя изрядно потрепанные силы вермахта, двинулась на Запад, а в ее тылу остались всевозможные «партизаны», в том числе и польские, не подчиняющиеся советскому руководству. Что, с какой бы — даже и самой прогрессивной — стороны на это ни смотреть, было совершенно недопустимо. Тем более что по всем договоренностям между СССР и союзниками, данные территории признавались советскими, а следовательно, находящиеся на них формирования АК, какими бы они лозунгами ни прикрывались, автоматически становились бандформированиями со всеми вытекающими отсюда последствиями. А они не заставили себя долго ждать. Почти одновременно со вступлением РККА на территорию восточных окраин 2-й Польской Республики (т.е. существовавшей до 1939 г.) прибывшие туда советские органы власти развернули борьбу против не прекратившего свою деятельность польского подполья и поддерживающего его населения.

При этом ситуация в различных областях западных регионов СССР была разной. Несмотря на меры по разоружению и интернированию вооруженных структур АК, вышедших из подполья и лесов в рамках операции «Буря», полностью их ликвидировать нигде не удалось. В наименьшей степени формирования Армии Крайовой сохранились на Украине, в наибольшей — в Западной Белоруссии и Виленской области. Структуры Делегатуры эмигрантского правительства вообще, как мы уже упоминали, из подполья не вышли. В этой связи 12 октября 1944 г. был издан совместный приказ НКВД и НКГБ (№ 001257/00388) о ликвидации антисоветского подполья. Для его исполнения в районы с наибольшим количеством действующих антисоветских организаций и отрядов были передислоцированы дополнительные части внутренних войск, начала создаваться агентура. То, что данному вопросу придавалось большое значение и опасность была

нешуточная, показывает и ранг направленных в отдельные районы работников НКВД: Абакумов был откомандирован в Белоруссию, Круглов — в Литву.

В данном случае мы рассмотрим историю данного вопроса в Западной Беларуси и на Виленщине, поскольку обстановка там после окончания собственно военных действий складывалась весьма похожая. Как, впрочем, и трактовка происходивших на этих территориях событий, определяемых современными польскими историками из Института национальной памяти не иначе как репрессиями. Таковыми, в частности, признаются операции по разоружению и расформированию частей АК, которые в рамках плана «Буря» предпринимали попытки самостоятельного освобождения некоторых городов на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы, и, как правило, после закономерной неудачи в боях с фронтовыми частями немцев переходили к вынужденному содействию с частями РККА. Так, в качестве первой крупной операции подобного рода называется разоружение частей АК в районе Вильно (Вильнюс) 17—19 июля 1944 г., когда имели место попытки местного командования Армии Крайовой избежать разоружения. Другой крупной акцией стало разоружение частей АК в июле 1944 г. во Львове, где по предложению советской стороны отряды Армии Крайовой были расформированы их же собственным командованием.

В этой же связи приводятся и данные о том, что в Западной Белоруссии и Литве в период с начала их освобождения и до конца 1944 г., а также в течение 1945 г., в столкновениях с войсками НКВД погибло порядка 2—3 тысяч солдат АК, в то время как арестовано или же интернировано было более 13 тыс. Кроме того, подверглись аресту и около 7 тыс. человек, оказывавших им помощь. Всего же, по польским оценкам, в 1944—1947 гг. на территориях, вошедших в состав Литовской ССР и Белорусской ССР, было убито не менее 3—4 тыс. поляков и арестовано не менее 20—25 тыс. На Западной Украине эта цифра за соответствующий период составила примерно 7—10 тыс. поляков. Таким образом, на всей территории «восточных окраин» в течение 1944—1947 гг. подверглось репрессиям не менее 35—45 тыс. поляков, несколько тысяч погибло в ходе антипартизанских операций НКВД. При

этом, важно отметить, в преобладающем большинстве случаев польская сторона говорит именно о поляках, что, так надо полагать, должно подтверждать проходящую красной нитью мысль: советские репрессии были направлены исключительно против них. Дескать, одержимые жаждой крови маньяки из Красной армии без разбору уничтожали мирных польских граждан, пока стратеги из АК, сидючи в подполье, тешили себя надеждой на то, что союзники вот-вот начнут войну с СССР за священное право Польши обладать «восточными окраинами».

Вот только союзники, как всегда, подвели. Тот же Черчилль уже в 1944 г. говорил Миколойчику, главе лондонских поляков: «Недавно я беседовал с вашим генералом Андерсом, и мне кажется, что он тешит себя надеждой, что после разгрома Германии союзники затем разобьют Россию. Это сумасшествие. Русских разбить невозможно! ... В вашем упорстве вы не видите того, чем рискуете... Вы не правительство, вы ослепленные люди, которые хотят уничтожить Европу... Если вы хотите завоевать Россию, то действуйте самостоятельно. Вас следует посадить в больницу для умалишенных»². Вот только те, кого, по совершенно справедливым словам Черчилля, следовало направить в психушку, туда, к сожалению, не попали, а продолжили свое дело, от которого и впрямь пострадали в том числе и невинные.

Поэтому с полным основанием можно сказать, что настоящая война для АК началась не в 1939 г., а в 1944-м, когда советская власть начала устанавливать порядок на землях, которые польские стратеги считали своими. При этом шутить она не собиралась, а потому воякам из АК нужно было либо сдаваться, чтобы после соответствующих разбирательств или отбытия срока вернуться домой (при желании можно было выехать и в Польшу), либо бродить по лесам, занимаясь грабежами и убийствами под прикрытием защиты «полячества» и польского населения от репрессий. Как раз последними и пришлось заниматься войскам НКВД. По этой причине и задача по борьбе с АК в Белоруссии, например, была возложена на Управление борьбы с бандитизмом НКВД БССР. Для борьбы с подпольными структурами АК и вооруженными отрядами в лесах использовалась агентура, вербуемая НКВД на местах, милиция, внутренние войска и регулярные части РККА.

Однако не все было так просто, как может показаться, если судить по не в меру прогрессивным современным версиям тех событий, которые вкратце можно изложить следующим образом: пришли русские и всех репрессировали. На самом деле процесс разоружения отрядов АК был длительный и отнюдь не рутинный. Ибо война в тылу врага № 2 для истинных польских патриотов только начиналась, и они не собирались уходить с земли, которую считали принадлежащей Польше, не положив при этом горы трупов. А иначе к какой войне они столько времени копили силы, предпочитая не расстрачивать их на врага № 1? Правда, копили из расчета, что сил будет более чем достаточно, чтобы добить издыхающего противника. Возможно даже, живо представляя себе картинку, вроде снимка на сафари: отважный боец АК в немецкой полевой кепке, но с польским орлом, английским пулеметом и выражением удовлетворенного польского «гонора» на лице попирает ногой поверженного советского монстра на фоне пограничного столба с надписью «Восточные кресы были, есть и будут польскими!».

Но поскольку монстр издыхать не собирался, а воевать с ним лицом к лицу было крайне опасно, аковским героям пришлось рассчитывать на свою прежнюю излюбленную тактику «шакалить» исподтишка. Уже после того как в июле 1944 г. фронт с территории Литвы, Западной Белоруси и Украины продвинулся далеко на запад, все еще продолжали свою деятельность следующие округа Армии Крайовой: Новогрудский (в составе ок. 10 тыс. членов), Полесский (в составе ок. 4 тыс. членов), Виленский (потерявший вследствие выхода из подполья основную массу бойцов), а также Гродненский инспекторат АК (4300 членов). По неполным данным, приводимым в российской прессе, в результате нападений АК на военнослужащих Красной армии только с июля 1944 г. по конец мая 1945 г. террористами из АК было убито 594 советских бойца и офицера.

Как уже упоминалось выше, 17 июля 1944 г. НКВД арестовало руководство Виленского и Новогрудского округов АК. Но это, хотя и нанесло урон, не могло их полностью обезглавить, так как имевшие богатый опыт подпольной работы кадры АК, предвидев подобную ситуацию, подготовили и второй, и третий состав командных органов на случай арестов. А потому структуры были дей-

ствительно быстро восстановлены. Вместо арестованных руководителей Виленского и Новогрудского округов подполковника А. Кшыжановского («Вилька») и подполковника А. Шыдловского («Полешука») во главе Виленского округа встал подполковник Ю. Куликовский (псевдоним «Рынграф»), во главе Новогрудского — майор М. Каленкевич (псевдоним «Котвич»). Уже 20 июля 1944 г. в Вильно состоялось совещание руководства подпольных структур на предмет дальнейших действий. В совещании этом приняли участие сам Куликовский и командующий конспиративного гарнизона Вильно майор Л. Коплевский (псевдоним «Скарбэк») от АК, делегат правительства Федорович и его заместитель. На совещании было принято постановление продолжить подпольную деятельность, что, собственно, и определило последующие события. В качестве же особого приоритета была обозначена необходимость активизации работы отдела легализации и пропаганды. Кстати, о результатах этого совещания жители Вильно могли узнать практически сразу, ознакомившись с совместным заявлением подполья: «Вильно остается неотъемлемой частью Польской Республики и власть осуществляет законное правительство ПР».

Избежавшие разоружения и интернирования партизанские отряды АК были снова объединены, так как на тот момент все еще считалось, что крупные части имеют больше шансов в борьбе с соединениями Красной армии или внутренних войск. Однако реальная ситуация вынудила снова разбить две достаточно крупные группировки на мелкие отряды. На территории Виленской области стали действовать два отряда: один под названием «Висиньча» (командир капитан Э. Банасиковский (псевдоним «Еж»), другой — «Сольча» (командир поручик А. Борычко (псевдоним «Тонька»). Также и на территории Новогрудского округа в районе Лиды были сформированы две группировки, являвшиеся наиболее сильными: северная (командир поручик Я. Борысевич (псевдоним «Крыся»), в состав которой входили около 13 отрядов и групп, и южная (командир капитан С. Шабуня (псевдоним «Лих»), объединявшая около 7 отрядов и групп. Кроме того, в районе г. Щучин действовало около десятка отдельных групп АК, в районе Барановичей и Несвижа — 4 отряда.

Однако уже в августе 1944 г. внутренние войска НКВД приступили к ликвидации лесных отрядов АК. С этой целью до кон-

ца 1944 г. проводились так называемые чекистско-войсковые операции, в ходе которых на основании собранных разведывательных данных определялись места дислокации формирований АК. Это включало в себя прочесывание местности, облавы и т.д. Большую помощь оказывала тщательно создаваемая НКВД агентурная сеть, зачастую вербовавшаяся из поляков, имевших в свое время контакты с подпольными структурами АК. Такие операции, оправдывавшие себя до тех пор, пока на местности действовали крупные формирования АК, позволили полностью уничтожить соединение «Висиньча». Соединение «Сольча» ввиду подобной перспективы по приказу коменданта Виленского округа в сентябре 1944 г. было расформировано, оружие спрятано в тайники, боевики вернулись в подпольные структуры на местах.

Затем пришел черед отряда майора «Котвича» на Новогрудчине: 21 августа в местечке Сурконты он пытался оказать сопротивление частям 32-го полка НКВД и был полностью разбит. Были ликвидированы офицеры штаба командования Новогрудского округа, включая майора «Котвича», всего 36 человек. (В период первой сумятицы после развала СССР местные поляки в Белоруссии ухитрились поставить памятник своим «героям» под Сурконтами — все же за Польшу погибли, а не за Беларусь!) Командование округом перешло в руки начальника штаба капитана С. Сэндзяка (псевдоним «Варта»), которому на короткий срок удалось возобновить работу отдела связи, бюро информации и пропаганды и восстановить прерванное взаимодействие с соседними Виленским и Белостокским округами.

Начиная с 8 сентября 1944 г. одновременно в нескольких районах Барановичской и Вилейской областей НКВД была предпринята операция по ликвидации вооруженных структур АК. По данным белорусской исследовательницы Н. Рыбак из Гродно, она охватывала «три оперативных участка: Лидский (8 районов), Налибокский (6 районов) и Северный (районы Вилейской области, которые граничили с Барановичской областью). При выполнении плана операции было проведено три массовые чекистско-войсковые операции. Войсковые группы имели больше 30 боестолкновений. В соответствии с документами органов госбезопасности были нанесены удары по объединениям “Север” и “Юг” Новогрудского круга АК...»³ 8 сентября оперативная груп-

па НКВД захватила недалеко от г. Лида радиостанцию командования округа, что привело к полной потере связи внутри него. «...В результате операции, проведенной на территории районов Барановичской и Вилейской областей, было уничтожено 54 вооруженные группы, убито 89 и взято в плен 419 человек. Одновременно во время облав и прочесывания лесов было задержано 20774 человека, 50 человек убито при задержании»⁴. Итогом активных действий НКВД стал так называемый общий «Приказ №», изданный комендатурой Виленского округа для всех действующих на местах отрядов, по которому они должны были покинуть леса и перейти на нелегальное положение. Командирам предписывалось спрятать оружие, людей отправить в подпольные структуры АК и поддерживать с ними связь. Однако этому приказу подчинились не все, поскольку в отличие от немцев НКВД с вооруженным подпольем не заигрывал, — не было нужды.

Тем временем на территории новогрудского округа не прекращали действовать два лесных отряда: под командованием поручика Я. Борысевич (псевдоним «Крыся») и известного нам соратника немцев поручика Ч. Зайончковского (псевдоним «Рагнер»). Эти отряды должны были собирать остатки разбитых групп, потерявших связь с АК, и пытаться их также легализовать. Для тех кто уже легализоваться никак не мог, была изыскана возможность переброски на территорию коренной Польши. Для этого в Белостокском округе АК были созданы базы, принимавшие пробивающиеся из Белоруссии и Литвы группы АК. Но эффективность этого пути была крайне низка.

Так как эти отряды практически не могли вести активных действий против армейских частей, то главной их задачей было проведение диверсий, террористических актов в рамках противодействия созданию и деятельности советских органов власти, поддержка сети АК на местах, прием уклоняющихся от призыва в Красную армию. Отряды из обоих подразделений в сентябре 1944 г. провели 12 диверсий на железной дороге и взорвали 9 мостов. А вот и краткий перечень деяний «героев» из АК, собранный белорусским исследователем В. Сливкиным:

«С 23 на 24 августа в деревне Кобыльники Гервенинского сельского совета убит дорожный мастер т. Гинцевич.

26 августа обстрелян и сожжен Гервенинский сельсовет.

28 августа (27 августа в 18 часов) убит уполномоченный дер. Парачаны Мысько Б.

30 августа в Трокельском сельсовете группа совпартактива в количестве 8 человек, посланная для переучета земли и скота, была из засады обстреляна пулеметно-автоматным огнем белопольской банды. Убиты: Минвич Израиль Рафаилович, еврей, 1904 г.р., который работал заведующим торговделом райпотребсоюза, Карпович Константин Васильевич, белорус, 1915 г.р., кандидат в члены КП(б)Б, который работал инспектором ЦСУ, Мальцева Надежда Герасимовна, русская... Дауктас Владимир Константинович, поляк... Мусаткин Юрий Иванович, русский... Ранены: Буюк Василий Константинович и Галицкий...

...В августе месяце в дер. Осово Пятечского сельсовета была сожжена машина и убито два бойца. Спасся только бывший староста сельсовета. В соответствии с достоверными данными в этой диверсии участвовали Жалески Юзеф... с сыновьями Браниславом и Владимиром. Жалески Бранислав у гр-ки Каменецкой Надежды говорил "Кажется, убили троих, так как трое ехали". Во время зачистки района Владимир Жалески был ранен бойцами и в настоящее время находится в госпитале г. Лида. Эта семья (отец с сыновьями) в течение всего периода Отечественной войны активно с оружием в руках выступала против красных партизан, а в настоящее время — против советской власти. Жалески Юзеф в первые дни немецкой оккупации пригласил к себе двух бойцов РККА, которые прятались, накормил их, уложил спать, а затем сообщил немецким властям, которые после приезда убили этих бойцов. Во время действия банд выдавал белым советских граждан, активистов, и их убивали...»⁵

Это к вопросу о защите населения от репрессий НКВД, упор на который делается в настоящее время в работах знатных специалистов по исторической справедливости. Что ж, из приведенных выше данных ясно видно, как именно АК ее осуществляла. Не говоря уже о том, что та же самая АК, как мы помним, в период немецкой оккупации призывала к пассивному сопротивлению оккупанту, чтобы не вызвать репрессий с его стороны. В свою очередь, если считать пассивным сопротивлением неявку на призывные пункты как в Красную армию, так и в армию Берлинга с последующим уходом в леса с оружием в руках, то это по мень-

шей мере странное представление о пассивности сопротивления. Причем вопреки утверждениям, что Советы якобы даже препятствовали вступлению поляков в армию «польских наймитов», а загоняли скопом в РККА, следует помнить, что АК активнейшим образом противодействовала призыву, в недвусмысленно-директивном тоне обращаясь при этом не только к своим членам, но и к польскому обществу в целом. Пример такого приказа привел в своей книге (изданной в социалистические времена в Польше) польский писатель З. Домино: «...каждый поляк обязан подчиняться только легальному польскому правительству в Лондоне... Запрещаю под угрозой наказания явку для призыва и регистрации... запрещаю всем солдатам АК и гражданским лицам являться на предполагаемую регистрацию»⁶. Подобные же свидетельства можно найти и у Белозоровича: «В Ивьевском и Юратишковском районах Молодечненской области группа Станкевича распространяла напечатанные типографским способом листовки, которые призывали: "Поляки должны продолжать вооруженную борьбу за свободную Польшу, так как от одного оккупанта (немецкого) избавились, то пришел более злой и коварный оккупант — большевизм. Никакой поддержки Польскому комитету национального освобождения и армии Берлинга как большевистским агентам"»⁷.

И еще насчет репрессий. Говоря о том, что войска НКВД прочесывали населенные пункты, и при этом жертвами этих зачисток становилось мирное гражданское население, польские исследователи привычно кривят душой. Ибо, будь они честными до конца, наверняка признали бы тот факт, что НКВД не от нечего делать проводил свои акции, а на основе имеющихся у него сведений о «партизанских республиках АК», включающих данные о том, кто и как эти республики создавал, и о разветвленной сети АК в городах, местечках и селах. К тому же боевикам и террористам из АК — пожалуй, тут это определение подходит более всего — надо было получать продовольствие, информацию и прочее содействие. Таким образом, значительная часть населения в течение продолжительного времени не только оказывала активную помощь АК, тем самым противодействуя установлению мирной жизни, как бы эту жизнь потом не называли — советизацией, репрессиями или чем-то иным. И еще один момент, важный

для понимания тогдашней ситуации, «ускользающий» от внимания прогрессивных знатоков проблемы: если бы эти земли отошли к Польше, то наведение на них польского порядка при наличии значительного количества враждебно настроенного и вооруженного непольского населения, имеющего к тому же опыт партизанской войны, едва бы выглядело иначе.

Кстати, той же тактики выдавания желаемого за действительное польская сторона придерживается и при рассмотрении конкретных примеров приписываемых Советам репрессий. Как и в случае с Налибоками под немецкой оккупацией, якобы беспричинно уничтоженными советскими партизанами, так и с деревенькой Лавжи, «стертой с лица земли» НКВД уже в 1945 г., демонстрируется крайне немудрящий подход. Сначала один сотрудник Института национальной памяти коротко сообщает том, что НКВД был разгромлен отряд «Ярэмы» в деревне Лавжи, затем другой крупный крупный спец по советскому терроризму тоже **лаконично** пишет о том, что 23 февраля 1945 г. Советы разгромили отряд Влодзимежа Микучя- «Ярэмы» в деревне Лавже. Но тут же добавляет, что Советы при этом «сожгли всю деревню и поперебили всех ее жителей»⁸. Есть и другой, более подробный вариант изложения тех же событий: «Доходило и до пацификаций сел, в которых погибало и местное население. 23.02. 1945 г. отряды НКВД из г. Ошмяны учинили бойню в местечке Лавжи. Среди жертв, наряду с гражданскими лицами, было **53 солдата АК** (выделено автором). Еще одно свидетельство очевидца: «Лавж не было. Всюду на бывших подворьях лежали трупы убитых детей, женщин, мужчин. Один из жителей “сидел” мертвый у забора с продырявленной головой. Жена Ежи Дзядулевича лежала навзничь, а в одной и другой руке держала ручки своих неживых внучат... Рядом с остатками каждой из восьми усадеб картина выглядела подобным образом»⁹.

Что ж, судя по рассказам тех, кто видел, что творилось в деревне Лавжи, там и в самом деле произошло злодеяние. Погибли мирные люди, и это в то время, когда война уже ушла на территорию Германии. В общем, так и хочется признать случившееся в Лавжах вопиющим советским преступлением против поляков, да кое-что мешает. А именно то обстоятельство, что в этой «мирной» деревне 23 февраля 1945 г. находился на постое так называ-

емый 4-й отряд Самообороны Виленской Земли, по причине чего Лавжи и были окружены частями НКВД. И поскольку засевшие там польские боевики сдаваться не пожелали, завязался бой, приведший к уничтожению не только отряда, но и деревни, состоявшей из **восьми** дворов, на которые приходилось **53 (!!!)** вооруженных человека. Так «защита» польскими подпольщиками собственного населения на деле обернулась для него гибелью. Впрочем, кто знает, может, все изначально так и задумывалось, особенно если принять во внимание авантюрный «героизм» руководителей «Бури», имевшей не менее кровавые последствия. Поневоле задашься вопросом, а на что они, собственно, рассчитывали, стреляя из-за спин женщин, детей и стариков? Да на то же, на что и чеченские террористы, практикующие весьма схожие способы «защиты» собственного народа, — на «недреманное» око Запада, уж оно-то все увидит, «как надо».

Вероятно, того же «арбитра» имеют в виду и крупные спецподразделения по преступлениям против поляков из Института национальной памяти, без устали собирающие «досье» на Россию. Однако и они приводят мнение, которое напрямую касается трагедии деревеньки Лавжи и даже, что просто удивительно, имеет признаки некоторой объективности: «...можно было бы упомянуть хотя бы группу под командованием поручика Витольда Зындрам-Кошчялковского (псевдоним «Факир») или же многочисленные самопроизвольно возникшие отрядики, состоявшие из молодежи, прятанной от призыва... Эти подразделения, действовавшие самостоятельно, создавали угрозу для местного населения (на которое советские власти возлагали ответственность за вооруженную деятельность, что приводило ко множеству трагедий...)»¹⁰. Выходит, неоднозначность ситуации с «советскими репрессиями» понимают и в Польше и, казалось бы, стоит этому возрадоваться. Если бы не некоторые оговорки. Взять те же вооруженные отряды, ставящие под удар мирных жителей, что вроде бы признается польской стороной, но заодно ненавязчиво подчеркивается: да ведь они были как бы неподотчетные АК, отсюда и жертвы. А направляя их руководящая рука героического командования, ничего подобного не произошло бы.

А уж когда речь о польских репрессиях заходит, то тут и вовсе проблемы с логикой начинаются. Обсуждение темы массового

сожжения отрядами уже упоминавшегося нами «Лупашки» в мае 1945 г. белорусских деревень, отошедших к Польше, вызывает реакцию типа: не будут коммунякам сочувствовать! А некоторые, вроде того же С. Кальбарчыка, безапелляционно записывающего трагедию в Лавже на счет извергов из НКВД, так и вовсе утверждают, что ничего подобного «Лупашка» и его подручные не совершали. Это, мол, белорусские бабы болтают у печки, что «герои» из виленской АК убивает невинных мужиков. Это что-то вроде старых деревенские баек о чертях. Да разве хоть один историк может подтвердить такие рассказы!? ¹¹ Из чего сам собой напрашивается вывод, что ученые из данного Института монополизировали не только память, но и истину.

Вот только убедить в этом себя гораздо легче, чем других. Что можно доказать на похожем примере, не имеющем отношения к полякам, но имеющем отношение как и к войне в целом, так и к НКВД в частности. До сих пор, рассуждая о трагической судьбе казачества в России, многие российские искатели правды возмущаются тем, что в 1945 г. англичане выдали казаков, верой и правдой служивших Гитлеру, вместе с семьями НКВД на гибель. Дескать, как они посмели предать героев борьбы с большевизмом! Но, во-первых, англичане могли бы выдать их не Советам, а, скажем, итальянцам или югославам, на землях которых эти «казачки» в немецкой форме так «хорошо» себя показали, что их не стали бы никуда ссылать, а перебили бы всех на месте; а во-вторых, кто же их заставлял на войну-то семьи брать и идти с ними через всю Европу, оставляя кровавые следы, в надежде, что Гитлер в награду за их «подвиги» организует войсковую область, где они будут жить долго и счастливо?

Также и АК, не горевшая желанием воевать с врагом № 1 — Германией под предлогом опасения за родное польское население, впутала в свои дела кучу действительно невинного народа только потому, что выйти из подполья и вступить хотя бы в ряды армии Берлинга было для ее бойцов неприемлемо. При этом остается открытым вопрос, а хотелось ли полякам идти в какую-либо еще армию, кроме своей, Крайовой. Что ж, попробуем разобраться, традиционно не пользуясь российскими источниками, не говоря уже о советских, которым веры нет по определению (ну разве что Б. Соколову). Обратимся-ка лучше к польским.

А в них, с одной стороны, утверждается: «После занятия Восточных земель II Речи Посполитой в 1944 г. формирования НКВД боролись со структурами польского подпольного государства неслыханно беспощадным образом.

Принудительно забирали поляков в Красную Армию, в то время как они хотели вступать в польскую армию генерала Зыгмунта Берлинга (другой не было). Однако, множество молодых мужчин с Виленщины, Новогрудчины, Белосточины и Гродзенщины не являлись на призывные участки советской армии. Часто они самовольно возвращались в свои дома. Результатом было: аресты, депортация или смерть»¹².

А с другой стороны, сообщается: «Параллельно с акцией массовых арестов русский оккупант объявил мобилизацию в Красную Армию всех польских граждан в возрасте от 17 до 45 лет. Почти все польское, белорусское и украинское население бойкотировало устроенный призыв, который охватил также и женщин. Даже объявленное на этих территориях рекрутирование поляков в армию Берлинга дало ничтожные результаты. Из окрестностей Вильна и Новогрудка явилось всего 25 000 призывников»¹³. В итоге же получается странная картина: ясновельможные паны историки так и не договорились, хотели все-таки поляки воевать с немцами или нет. Особенно если оставить в покое Андерса и прочих героев Западного фронта и сосредоточиться на Восточном. А по данным современных белорусских исследователей, в 1944 г. «наибольшее сопротивление мобилизации проявилось в Ивьевском, Радуньском, Юратишском, Вороновском, Ивенецком, Воложинском районах Барановичской области и в Ошмянском, Островецком, Поставском, Сморгоньском районах Вилейской области». В официальных документах отмечалось: «Многие военнообязанные этих регионов уклоняются от мобилизации и скрываются в лесах... Имеются случаи угроз и даже убийство руководителей с/советов, занимающихся вопросами отправки военнообязанных на сборные пункты... налицо массовые случаи саботажа, отказа в приеме повесток о мобилизации, неявки на призыв и вооруженного сопротивления»¹⁴. Тем удивительнее, что как-раз таки подобными «подвигами» предков гордятся и польские историки, и кое-кто из новейших исследователей в СНГ. Видимо, это какая-то новая доблесть — «откосить» от армии во время войны.

Но, может, все дело в том, что армия армии рознь? И точно, с призывом в немецкую, например, никаких проблем не было, поскольку поляки демонстрировали невероятную дисциплинированность. Возможно, и потому в том числе, что у гитлеровцев альтернативной службы в шахте или на лесоповале не предусматривалось. Подтверждение чему легко найти в материалах конференции, посвященной 60-й годовщине Варшавского восстания: «На решение о восстании в определенном смысле также повлияла и сталинская пропаганда, которая говорила так: Армия Крайова стоит с оружием у ноги, а в немецкой армии служат тысячи поляков, плохо настроенных к Советскому Союзу. Конечно, это была пропаганда, основанная на определенных реалиях, так как в немецкую армию призывали польское население с земель, включенных в Рейх, и не было возможности у кого-либо сказать, что я не пойду в немецкую армию — это было предательством, это означало пулю в лоб! В связи с этим много поляков действительно оказалось на восточном фронте и попадало в советский плен»¹⁵. Поистине, ларчик-то просто открывался. Что немцы, что Советы предлагали полякам два варианта, только в первом приходилось выбирать между пулей и армией, а во втором — между армией и лесоповалом. И, как показала практика, если на русский лесоповал польского патриотизма еще хватало, то на немецкую пулю уже нет.

Впрочем, надо учитывать и то обстоятельство, что именно на это время приходится начало активной деятельности организации «НЕ» (NIEzależność — НЕзависимость), полного представления о которой нет до сих пор. Правда, в связи с ней всплывает фигура генерала Фельддорфа (псевдоним «Ниль»), уже упоминавшийся нами ранее. Еще в бытность свою руководителем действительно прославленного Управления диверсии — «Кедыва» (его подразделения имелись в каждом округе и на «восточных окраинах»), он в середине 1943 г. получил задание по созданию тайной организации «НЕ», которая должна была приступить к действию в случае вхождения Красной армии на территорию Польши. В эту организацию были переведены отобранные кадровые офицеры из АК, в том числе офицеры 2-го отдела польского Генштаба, занимавшиеся разведкой. При этом заставляет задуматься тот факт, что руководитель польских диверсантов, прославившийся

многими операциями, был внезапно полностью выведен из структур АК, занимавшихся боевой деятельностью и даже удален из Варшавы.

Очень мало говорится сегодня о целях данной организации, а это: самооборона, пропаганда (в том числе и посредством распускания слухов), разведка и контрразведка, исследования настроений в Красной армии и народном Войске Польском. В общем, что-то вроде центра исследования общественного мнения, только с пушкой в кармане. Известно также, что в «НЕ» не брезговали и таким испытанным методом, как фальшивые доносы, чтобы расправляться со своими бывшими товарищами чужими руками. По некоторым данным, в задачи организации входило и проведение различного рода провокаций. Вот и в прямом саботаже призыва в Белоруссии и Литве чувствуется рука мастера диверсии. А так как практически в каждом населенном поляками местечке были члены АК, которые игнорировали призыв, то, естественно, все призывники в этих пунктах проходили проверку НКВД. В случае же оказания ими сопротивления реакция на это в условиях военного времени была однозначная. Не исключено также, что те члены АК, которые все же являлись на призывные пункты, «закладывались» мастерами провокаций из «НЕ», чтобы множить количество «жертв» НКВД. Иногда с целью срыва призыва проводились прямые акты террора. Так, в Вильно довольно успешно работало подразделение Союза польских патриотов, которому удавалось убеждать значительную часть членов АК выходить из подполья и вступать в Войско Польское. В ходе разработанной ответной акции «Моджев» были убиты 12 самых активных деятелей СПП, в том числе и руководитель отдела культуры. Естественно, сейчас это преподносится в Польше не иначе как акт героизма.

Сам же бывший главный диверсант АК, уже будучи арестованным НКВД, тем не менее не был опознан как руководитель «НЕ». А потому в результате расследования, проведенного в Польше после установления его личности, Фельдорф был обвинен в том, что от него поступали приказы по ликвидации в восточных округах АК представителей советской власти и солдат Красной армии. А тот факт, что судья на процессе над Фельдорфом оказалась еврейкой, многими «правдолюбями» в сегодняш-

ней Польше трактуется как обстоятельство, однозначно свидетельствующее о неправомерности вынесенного генералу приговора, а значит, и о его полной невиновности.

Но это было позже, а осенью 1944 г. война между АК и НКВД только разгоралась. 2 сентября в райотдел НКВД г. Лиды поступило письмо, адресованное «Коменданту гарнизона оккупационных войск», следующего содержания: «В ответ на непрерывное незаконное задержание беззащитного гражданского населения, изуверских убийств солдат АК, довожу до сведения, что отряды АК будут противодействовать этому силой. Начиная с 2 IX мы прекратим движение поездов на железных дорогах. Если советские оккупационные власти будут продолжать террористические акты по отношению к беззащитному населению, то отряды Армии Крайовой начнут акции возмездия. Любой советский активист и солдат будет признан бандитом со всеми вытекающими из этого последствиями». Подписал его уже известный нам «Рагнер»¹⁶. К сожалению, это была угроза не только на словах. В ночь с 3 на 4 сентября в 8 километрах от Лиды был взорван железнодорожный мост, с 4 на 5 сентября на линии Лида — Барановичи в 4-х местах были взорваны железнодорожные пути, 6 сентября на самой станции Лида был взорван паровоз... Велся и террор против сотрудников органов власти. Убивались также и поляки, «посмеявшие» сотрудничать с советской властью.

Польские исследователи с гордостью за польских борцов подпольно-террористического фронта говорят о достижениях соотечественников в Западной Белоруссии на основании данных, обнаруженных в теперь уже ставших доступными архивах НКВД: только за второе полугодие 1944 г. в западных районах Белоруссии совершено 222 теракта, 11 диверсий, 65 нападений на учреждения и государственные предприятия, а также 573 других акта активного бандитизма. В результате этих акций были убиты 20 работников МВД-МГБ, 17 офицеров Красной армии, 51 человек из кадров Красной армии, 41 человек из советского партактива, 76 человек, лояльно относящихся к советской власти.

Как наиболее типичные можно рассматривать сведения «Из справки штаба внутренних войск НКВД Белорусского округа о проведении чекистско-войсковой операции по ликвидации формирований польского подполья...» по двум бандам, ликвидированным в 1945 г.

«Банда Василевского»

Главарь бандформирования Василевский — бывший комендант полиции Козловщинского района (при немцах) в возрасте около 30 лет, житель местечка Альбертин Слонимского района Барановичской области, его родные проживают в местечке Альбертин, по национальности — поляки.

После изгнания немцев из Белоруссии Василевский ушел в подполье, установил связи с польским подпольем и с августа 1944 г. начал формировать банду из местных жителей-хуторян в юго-восточной части Липичанской пуши Козловщинского района, и к январю 1945 г. ему удалось сформировать банду до 200 человек из местных жителей, главным образом уклоняющихся от призыва в Красную Армию и польскую армию, создать свою агентуру в населенных пунктах вокруг района дислокации банды и создать большую сеть связников почти во всех населенных пунктах, в том числе в районных центрах Козловщина, Слоним, Дятлово.

Политическая подкладка банды Василевского:

До весны быть в подполье, скрываться в Липичанской пуше, накапливать силы, добывать оружие, уничтожать партийный и советский актив, пытающийся разоблачать банду, снабжать банду за счет ограбления населения, лояльно настроенного к Советской власти, и тем самым подчинить его своему влиянию.

Другую часть населения, главным образом непольского происхождения, запугать грабежами и террористическими актами и этим заставить население под страхом за свою жизнь и имущество помогать бандформированию.

Весной по указанию подполья (центра) поднять вооруженное восстание поляков под лозунгом борьбы “За единую и неделимую Польшу” в старых границах до 1939 г.

Бандпроявления банды Василевского

С августа 1944 г. по 30 января 1945 г. бандой было убито до 20 человек советско-партийных работников, на февраль месяц

было намечено захватить предрика, начальника РО НКВД и НКГБ Козловщинского района, напасть на гарнизон войск НКВД 267-го стрелкового полка (состав гарнизона 82 человека), перебить личный состав и забрать оружие и боеприпасы...

За это время банда ограбила ряд населенных пунктов, забрала коров, свиней, муку, крупу, теплые вещи и т.д. Все награбленное вывозилось в Липичанскую пушу, а потом распределялось между бандитами, т.е. развозилось на хутора их семьям.

Банда Геруса

Банда Геруса немногим отличается от банды Василевского. Сам главарь банды Герус — бывший полицейский города Дятлово, происходит из местных жителей города Дятлово. Возраст 27 лет, поляк, образование ниже среднего. Банду сформировал в августе 1944 г. численностью около 60—75 человек, 50 % личного состава банды (нелегалы) постоянно жили в лагере, в районе Репица.

Так как обе банды имели между собой связь и договоренность в действиях, поэтому проявления банды Геруса аналогичны с бандой Василевского, но, несмотря на это, бандиты не были объединены между собой и действия их были самостоятельны. ...

Принятие решения наркоматами НКВД и НКГБ: на основании данных специальной группы товарища Шихова и сложившейся обстановкой в связи с планом террористических актов банды Василевского было принято решение по ликвидации банды Василевского и одновременно ликвидировать банду Геруса.

Начало операции

В 7.00 7 февраля 1945 г. все командиры полков получили донесения от комбатов о готовности войск к началу операции. В 7.00 был подан сигнал по радио о начале движения истребительных отрядов и о начале прочески леса с запада на восток 373-м стрелковым полком, т.е. идти вслед за истребительными отрядами, одновременно загигать фланги 374 и 372 стрелков. полков.

К началу операции агентурной комбинацией группы товарища Шилова главари банд и их помощники были взяты живьем на явочной квартире, что внесло дезорганизацию в руководство бандами в критический момент.

В процессе прочески леса и обыска хуторов было захвачено 54 бандита живьем и 34 убито, а также захвачено связников бандитов 98 человек и разного возраста мужского населения на хуторах 289 человек...

От главарей банд также стало известно, что к началу операции ряд бандитов находился в деревнях Яворская Руда и Воля Крупица.

Для захвата бандитов в этих населенных пунктах была выслана ЗПГ (численностью) 120 человек под командованием заместителя командира 284-го стрелкового полка майора Здышенко, который к 24.00 7 февраля 1945 года прочесал указанные деревни, где взял 13 бандитов в Яворской Руде и 18 бандитов в Воле Крупице, одного убил при сопротивлении на чердаке дома.

Результаты операции

В итоге двухдневной операции 7 и 8 февраля 1945 года задержано при проческе хуторов южной части Липичанской пуши: 595 человек различных возрастов мужского населения. Из них убито: бандитов 34, захвачено бандитов — 109, захвачено связников банд — 98. Изъято оружия: винтовок, автоматов, пистолетов — 67, ручной пулемет — 1, гранат ручных — 26, радиостанция 6-ПК — 1 (неисправна), патронов разных — 4000, лошадей с санями — 9, склад продовольствия — 1, разрушено землянок-тайников — 13 штук.

Из числа задержанных 595 человек после фильтрации освобождено 289 человек, остальные 306 человек распределяются: 34 убито, 109 посажено в тюрьму и 163 человека направлены в военкомат (призывной возраст).

Наши потери: один рядовой легко ранен»¹⁷.

Эту довольно пространную выдержку мы приводим для того, чтобы представить типичную операцию НКВД, из тех, что были тщательно разработаны и имели эффект внезапности, особенно

если банды — предпочитающие, кстати, в качестве мест для зимовок хутора и деревни — не смогли оказать значительного сопротивления, а значит, и сделать жертвами направленных против них действий мирное польское население. Кроме того, из данной справки ясно видно, что никаких тотальных репрессий со стороны чекистов не было: задержанных в ходе операций проверяли, после чего всех, не имеющих связей с бандитами, отпускали. Следует также отметить, что как бы гладко, или, напротив, с осложнениями ни проходила борьба с польскими «лесными братьями», общая ситуация для вооруженных отрядов АК начала заметно ухудшаться, так как против них были брошены не только получившие подкрепления части НКВД, но и части Красной армии, а также истребительные батальоны, сформированные из местного населения.

Естественно, что одним из главных врагов НКВД считал хорошо наследившего еще во время войны Зайончковского (псевдоним «Рагнер») и с сентября по ноябрь систематически ликвидировал его бандгруппы из состава южной группировки. Но поручику «Рагнеру» долгое время удавалось ускользать ото всех облав, места-то были знакомые. Наконец 3 декабря 1944 г. он вместе с остатками своих боевиков в количестве 30 человек был окружен в лесу у хутора Еремичи (по другим данным, около деревни Лесники). В результате «Рагнер» вместе со своим братом и 20-ю бандитами погибли. Что касается одного из командиров «Рагнера», известного нам «Пазуркевича», то он так просто не отделался и был казнен в городе Лида: «...на послевоенном рынке на углу современных улиц Ленинской и Ломоносова в присутствии полутора тысяч человек повешен подпоручик Армии Крайовой Ежи Баклажец (“Пазуркевич”). Тело провисело на виселице 3 дня». Однако из окружения удалось вырваться его адъютанту сержанту А. Урбановичу (псевдоним «Лялюсь»). «Лялюсь» пошакалил по лесам вокруг Лиды и Щучина до 27 мая 1945 г., когда его отряд был полностью уничтожен разведгруппой 34 полка НКВД. «В мае 1945 г. в Казимирове застрелился окруженный войсками НКВД 19-летний аковец по кличке “Лялюсь”»¹⁸.

Командование обоих округов оценило сложившуюся ситуацию и приняло решение о расформировании лесных отрядов и

легализации их членов. В связи с чем нужно вспомнить о том, что при всех округах АК и Делегатурах еще со времени немецкой оккупации существовали подразделения, которые занимались подделкой действующих личных документов немецких ведомств и учреждений. Особенно в этом деле отличились как раз структуры Национальных вооруженных сил. Например, Главное управление безопасности рейха даже предупреждало, что «почти все типы... личных документов, в том числе и материалы рейхсфюрера и военных частей, подделываются типографиями Национальных вооруженных сил». Это же в свое время отмечали и оккупационные гитлеровские власти в Вильно в 1942 г.:

«Из отчета оперативной группы А полиции безопасности о положении в Прибалтике, Белоруссии, Ленинградской области, за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

3. Литва

“...подделка польских, немецких, белорусских, советских и латвийских паспортов производится в части своей очень умело. Примечательно, что польские католические священники поддерживают эту деятельность, предоставляя свидетельства о рождении или документы умерших. Изготовление фальшивых паспортов обеспечивает маскировку членов нелегальных групп, а также финансирование польских организаций”»¹⁹.

Теперь же началась бурная деятельность соответствующего подразделения АК в Вильно по массовой фабрикации поддельных советских документов для легализации аковского подполья. Объем производства фальшивых документов был столь огромен, что за короткий период времени до августа 1945 г. так называемое подразделение АК по легализации «выдало на гора» около 20 тысяч самых разнообразных фальшивых документов, позволявших членам АК «сменить» личность или получить бронь от призыва в Красную армию. Естественно, появление такого количества фальшивок не прошло незамеченным НКВД, и в декабре 1944 г. было проведено массовое прочесывание населенных пунктов Виленской области с целью проверки всех поляков призывного возраста, что привело к временному прекращению операции по легализации членов АК, так как фальшивки уже не срабатывали. Можно себе представить реакцию патрулей, когда отнюдь не выглядевшие инвалидами поляки призывного возра-

ста предъявляли им документы об освобождении от службы в армии. Результатом операций НКВД стало повторное бегство находившихся под угрозой ареста членов сети АК в леса, что, соответственно, рано или поздно приводило туда же и подразделения внутренних войск. К тому же, поскольку на голодный желудок по лесам особо не побегаешь, аковцы время от времени появлялись в населенных пунктах, чтобы пополнить запасы провианта. Реакцию НКВД на подобные визиты нетрудно себе вообразить. Тем более — и об этом можно прочесть в воспоминаниях многих современников — стреляли тогда в людей практически все, без особых угрызений совести и раздумий...

Командующий округом подполковник Ю. Куликовский «Рынгграф» сформировал 4 лесных отряда, которые назывались отрядами самообороны Виленской земли. Однако существовать им на Новогрудчине и Виленщине оставалось недолго. НКВД на основании информации агентурных сетей определил дислокацию основных вооруженных групп Армии Крайовой и провел в начале 1945 г. несколько крупных операций, завершившихся окружением и разгромом основных отрядов АК. Вырваться из окружения удавалось лишь немногим. 2 февраля 1945 г. в 25 км от Новогрудка были разгромлены сразу 2 отряда в составе около 150 человек, объединенных для переброски в Белостокское воеводство. Войска НКВД вместе с истребительными батальонами окружили село, где располагались оба отряда, и взяли его штурмом, ликвидировав 82 человека и 25 взяв в плен. Вырваться и перебраться в Польшу удалось лишь командирам обоих отрядов. 4 февраля был частично уничтожен и третий отряд, преследование прорвавшихся бандитов закончилось полным их уничтожением 23 февраля недалеко от местечка Тургеле (Тургелай) в Литве.

На Новогрудчине 6 января 1945 г. были частично разбиты объединенные отряды, сформированные из остатков соединения «Рагнера». Преследование и уничтожение остатков этих отрядов велось непрерывно в феврале и марте. В конце января был также уничтожен и отряд «Крыси» в Налибокской пуще, наравшийся на засаду 105-го пограничного полка НКВД. Однако, несмотря на эти успехи, к весне в Виленской области все еще сохранялись достаточно крупные силы АК. Современные польские источники говорят о том, что в тот период на Виленщине оставалось в

виде лесных вооруженных отрядов около 400 человек, в составе конспиративной сети около 1000 человек, имевших также оружие, а вне структуры АК оставлось около 2 тыс. других «нелегалов»²⁰.

В данном случае НКВД опять оказался, как говорится, не на высоте. Дело в том, что с осени 1944 г. АК и Делегатура начали внедрение своих кадров в структуры, занимавшиеся репатриацией польского населения в Польшу. Так, председатель Особого военного суда, прекратившего свою деятельность в октябре 1944 г., Охоцкий, был внедрен в управление главного уполномоченного по делам репатриации из Литовской ССР. Дело дошло до того, что советские органы предоставили в распоряжение этого управления даже транспортный самолет, и Охоцкий в течение нескольких месяцев распоряжался им. Таким образом ему удалось с использованием поддельных документов вывезти в Польшу значительное количество солдат и офицеров АК, а затем и боевиков, уцелевших после разгрома основных структур АК. Охоцкий, правда, был все же арестован в мае 1945 г., что явилось следствием неудачной операции по вывозу из Вильно 8 января последнего коменданта Виленского округа Ю. Куликовского (псевдоним «Рынгграф»). Параллельно проводились операции против конспиративных структур АК, и в апреле 1945 г. был взят заменивший его майор Гейльман (псевдоним «Виленьчик»).

Занявший затем пост коменданта округа подполковник А. Олехнович (псевдоним «Погорецки») ввиду полной безнадежности ситуации начал выведение состава Новогрудского и Виленского округов в Польшу. Члены АК были внедрены в управления по репатриации польского населения и, используя возможности подразделения по легализации, смогли при помощи поддельных документов до августа 1945 г. перебросить в Польшу под видом репатриантов большинство членов вооруженных формирований и нелегальной сети АК, в том числе около 300 боевиков из Новогрудского округа. Однако 15 августа 1945 г. был арестован последний комендant Новогрудского округа АК Л. Ненартович (псевдоним «Мазепа»), после чего наиболее значительные организованные конспиративные структуры АК на территории Западной Белоруссии и Литвы перестали существовать.

Но на этом война не закончилась. Оставались остатки территориальной сети и мелкие отряды АК, которые не смогли или не пожелали уйти в Польшу по различным причинам. Архивные документы приводят впечатляющие цифры тех, с кем приходилось воевать в 1944—1946 гг. на территории Белоруссии: «Бандитские формирования в первый период после изгнания немцев представляли собой крупные, хорошо вооруженные и экипированные воинские единицы, находившиеся под командой опытных конспираторов и офицеров, объединившиеся и координировавшиеся эмиссарами заграничных центров...

При их разгроме убито 3035 и арестовано 17 872 бандитов и участников подпольных антисоветских организаций. Разоблачено и арестовано активных пособников банд, подпольных организаций и ставленников немцев 27 950 человек. Разоблачено и арестовано 5620 агентов иностранных разведывательных и контрразведывательных органов. Всего было ликвидировано 814 подпольных террористических организаций и вооруженных банд, из них: 667 польских, 97 белорусских, 23 украинских и 27 других фашистско-националистических организаций и банд.

В ходе ликвидации подпольных банд и организаций изъято: минометов — 211, противотанковых ружей — 193, пулеметов — 3587, автоматов и винтовок — 68 377, пистолетов — 2979, гранат и мин — 36 078, тола — 5 тонн, около 4 миллионов боепатронов, 40 множительных аппаратов, 47 раций, поддерживающих двустороннюю связь с заграничными руководящими центрами.

В этой борьбе с нашей стороны имеются также значительные потери. Общее число убитых с нашей стороны — 924 человека...»²¹

Наступило 9 мая 1945 г., кончилась страшная война, но только не для вольнолюбивых польских «партизан», покой которым только снился. Впрочем, они эту дату по-своему отметили. Например, в Сопоткинском районе Гродненской области. «10 мая бандиты совершили нападение на д. Престунь Голынковского сельского совета... А местным учительницам в д. Перстунь и д. Бяры... под угрозой расстрела на голове выстригли кресты. Начальник Сопоткинского гарнизона полковник Шленков вынужден был с 12 июля ввести военное положение на территории района. В приказе отмечалось: «В целях полной ликвидации банд

АК... всему населению... запрещаю выезды и хождения из одного населенного пункта в другой позже 21.00 часа и ранее 8.00»²².

НКВД тоже не сидел сложа руки, и в июле того же 1945 г. была разработана и арестована оставшаяся часть комадования Виленского округа АК, в том числе и.о. коменданта округа майор В. Хжоншчэвски (псевдоним «Ксаверы» и «Крук»). В сентябре было покончено со специалистами по подделке документов — подразделением по легализации. Правда, еще год действовала шпионская организация «Аушра». Так как в то же самое время перебазировавшиеся в Польшу структуры Виленского округа организовали шпионскую сеть, снабжавшую политической, экономической и военной информацией бывших союзников СССР, то не будет преувеличением утверждать, что пресловутая «Аушра» занималась тем же самым.

Но это были уже судороги. Тем кто не смог удрать за Буг и не хотел сдаваться советским властям, оставалась только бандитская жизнь в лесах. Началась эпоха сооружения потайных бункеров и схронов в деревнях и лесах. И тут уже стало ясно, что принципиальной разницы между литовскими, белорусскими и польскими бандформированиями нет. Лесные бандформирования уже включали в себя и тех и других. Общий враг объединяет, что подтверждает и Я. Малецкий: «Летом 1944 г., после занятия большевиками Западной Беларуси, большая часть польских военных, во главе с их командиром, полковником Филиповичем, предательски была захвачена и ликвидирована чекистами. Остальные присоединились к белорусскому антисоветскому партизанскому движению, вызванному жестокими большевистскими репрессиями против всех тех, кто имел какую-либо связь с немцами. Вот только в этом партизанском движении, какое продолжалось лет десять и создало большевикам немалые трудности, выросло боевое братство поляков и белорусов»²³.

Впрочем, и наступивший 1946 год в сознании благородных польских робин гудов практически ничего не изменил. Сдаваться они не собирались, напротив, упорно утверждали свою «польскость». Благодаря дотошным польским собирателям «партизанских мемуаров» сегодня появились весьма любопытные воспоминания об одной такой бандгруппе, оставшейся от АК и просуществовавшей до конца 40-х годов. Она действовала

в Щучинском и Лидском районах, где во время войны были наиболее сильные структуры АК, а затем велась малая война против советских партизан. Остатки недобитых отрядов АК были организованы в виде так называемого «округа 49/67» под командованием подпоручика А. Радзивоника (псевдоним «Олех»). Причем, продолжая свою подпольную деятельность, бандгруппы АК надеялись на скорую войну между СССР, с одной стороны, и Америкой и Англией, с другой, в результате которой будет восстановлена Польша в границах 1939 г.

А потому в качестве приоритетов ими провозглашалась борьба с советской администрацией и ее «прислужниками» — НКВД и его агентурой. Прочитываем воспоминания одного из «партизан»: «Нет, не было каких-то особых судов. Нам было достаточно мнения населения — они говорили, что тот или этот переходит все возможные границы поведения. У нас тогда не было никаких сомнений. ...если речь идет об этих большевиках, то сомнений не было... Замочить, и конец». А дальше идут еще более интересные признания бандита, которые, правда, совершенно не вяжутся с либерально-историческими сказаниями о кровожадности НКВД: «Странно, что советские власти не применяли в таких случаях больших репрессий. Немцы сразу бы человек десять из такого села взяли и убили. А эти нет(*выделено автором*). Все обычно знали, что пришли, скажем, пятнадцать человек. Они схватили в деревне их людей (имеются в виду лица, сотрудничавшие так или иначе с НКВД. — *Прим. авт.*) — и повесили или там застрелили. И все это, в общем, как-то сходило». Кстати, там же можно и такое про геройских ребят родом из АК почитать: «В завершающий период деятельности польской самообороны округа 49/67 борьба становилась все более беспощадной, не было уже места снисходительности для предателей, доносчиков и советских агентов. В некоторых случаях даже применялся принцип коллективной ответственности к семьям доносчиков. ...Я хотел сказать, что, к сожалению, иногда наши акции были очень суровыми. Необходимо сильно карать, иногда надо для примера и для устрашения. А иного выхода не было. Или борьба или ничего»²⁴.

О действиях «нелюдей-большевиков», которые якобы уничтожали поляков без разбору, тоже кое-какие свидетельства оста-

лись. Такие, например: «...В своем письме И.В. Сталину, датированном третьим сентября 1945 г., первый секретарь Юратишского райкома КП (б) Б Молодечненской области А.А. Кузнецов писал: «В своем большинстве бандиты из местного населения. Есть семьи, где по двое и даже по трое мужчин находятся в банде, а семьи живут преспокойно, и они же застрашивают крестьян, помогают бандитам. Такие семьи почти все числятся на учете в органах НКВД, но что-либо с ними сделать невозможно. (Каково!!! И это при сформировавшемся демоническом образе всемогущего НКВД! — *Примеч. авт.*). Невозможно наказать и бандита, если его поймали без оружия, и НКВД подержит, а потом отпускают, как уклоняющегося от военной службы...

К тому же сотрудники органов НКВД указывали на неэффективную работу прокурорских работников, которые проводили очные ставки бандитов с осведомителями, после чего последних бандиты убивали»²⁵.

Да, как это ни странно, с лесными польскими патриотами достаточно долго «цацкались», никак не могли отловить, а ведь даже отдельные примеры их славной деятельности во имя Польши впечатляют.

12.02.1947 г. — расстреляно 9 человек, обвиненных в сотрудничестве с советской властью.

07.09.1948 г. — группа «Петера» ликвидировала колхоз им. Ворошилова. Расстреляны особо вредные советские активисты: Хомич, депутат сельсовета, председатель колхоза Бунько, учительница Пурвина (население ее не любило, грубая какая-то была!).

10.09.1948 г. — группа «Цыгана» ограбила почтовое отделение, добыв 24 тыс. рублей, застрелен работник министерства финансов БССР (видимо, поддержки населения на жизнь все же не хватало).

21.09.1948 г. — группа «Цыгана» ликвидировала в селе Кудзерки 10 человек, обвиненных в доноситељстве.

В том же 1948 г. повесили на телеграфных столбах двух инструкторов из Москвы — очень плохо относились к крестьянам.

Но, как говорится, сколько веревочке не виться... Зимой 1949 г. бандитов из АК НКВД начал наконец уничтожать и в апреле (по другим данным, в мае) дело дошло до самого «Олеха» и его отряда: главарь банды и 8 его подручных были убиты в столкновении у местечка Василишки. Естественно, начались и репрессии против

польского порядка и его сторонников, аресты «невинного гражданского населения». Что в конечном итоге привело к ликвидации остатков организации АК в данном регионе; тем не менее свидетельства об их «славном боевом прошлом» сохранились и поныне. В частности, кроме отряда подпоручика Олеха в Лидском уезде действовали в 1945—1948 гг. отряды Михала Дураса и Яна Букатки, а в районе Ивье и Воложина — отряд Болеслава Юргеля — «Еленя», а также группа Зенона Забродского. Всех этих постаковских недобитков ждал один и тот же конец. Дурас погиб 28 марта 1948 г. в бою с НКВД в Большом Селе (Лидский район). Банда Букатки была разбита 28 марта 1948 г. в Домейках, главарь был убит. Юргель погиб в 1950 г. около Бакшт. Забродский был убит НКВД еще в конце 1949 г. В 1949—1951 гг. в районе Воложина и Ивенеца еще шастали по лесам банды Радюка и Шыдловского»²⁶.

Помимо этого, у современных польских летописцев можно найти и биографии отдельных «героев» борьбы за польскую принадлежность «восточных окраин», чуть ли не сравнимые с житиями святых. Вот какими громкими делами «прославился» на белорусской земле один из них, а именно пан Дурас:

«В 1945 г. тергруппа Дураса убила 8 военных на хуторе Островля, работника милиции в деревне Верх-Лида.

Осенью 1945 г. в Цебах во время ужина Дурас с сообщниками ворвался в хату и демонстративно за столом застрелил Яна Филипчика, а также его соседа Игната Шешку.

В мае 1946 г. Михаил Дурас ночью ворвался с несколькими сообщниками в дом Петрыковского в дер. Малейковщина. Убил Болеслава Петрыковского, его жену, сына Томаша и дочку Геню. Сына Эдика не было дома. Дурас ждал до утра и довел преступление до конца...

... активная участница банды Стефания Тубелевич, догнав убегающую от бандитов молодую девушку, которая работала финансовым агентом, зубами, как волчица, перегрызла ей горло.

Гордон-Лялевская в одном из населенных пунктов заперла в бане семью из 5 человек и живыми сожгла, причем вместе с матерью и грудного ребенка.

Бандиты из банды Дураса при уничтожении семьи старосты Цвермского с/с Ковальчука у его беременной дочери выдавили плод, после чего ее и всю семью задушили колючей проволокой.

Тергруппа Букатки на протяжении 1946—1948 гг. совершила 20 террористических актов над советским активом и местным населением, в результате которых убито 4 председателя с/с, сожжено 2 с/с и ограблено 2 магазина сельпо».

Что же касается Букатко, то этот перевертыш до 1946 г. был председателем сельсовета, и многие его бывшие работники поддерживали с ним связь. Да и вообще немало польских семей оказывали поддержку бандформированиям. И все же с более или менее организованными бандформированиями в Западной Белоруссии и на Виленщине в целом было покончено в 1947 г. Правда, отдельные бандиты прятались по лесам еще до начала 50-х гг., но постепенно их тоже либо поймали, либо уничтожали. А до тех пор они продолжали осуществлять «защиту» своих соотечественников следующим образом:

«...летом 1950 г. я убил уполномоченного агента по Третьяковскому сельсовету Лидского района Дягилева... Убил я его из-за того, что подозревал в связи с органами МВД и что он пробовал меня задержать». (Из протокола допроса И.А. Грынцевича от 20 октября 1953 г.)

«Узнав о том, что в деревне находится работник финансовых органов, Грынцевич на рассвете пролез в окно хаты и на глазах онемевшей от страха хозяйки убил ни в чем не повинного сонного человека, забрал документы и исчез...»

Всего же за период 1945—1948 гг. именно в этих местах, где правила во время гитлеровской оккупации АК, т.е. в Лидской и Щучинском районах, террористами из АК было убито 257 человек партийных и советских работников, офицеров и т.д. и более 3,5 тыс человек населения²⁷. Так что судите сами, какие «герои» воспеваются ныне в Польше. Вместе с весьма похожими чеченскими...

Агония на Западной Украине

В Западной Украине по уже известным нам обстоятельствам ситуация складывалась совершенно иначе. Это подтверждают и польские источники: «После разгрома частей, сформированных для акции “Буря”, партизанская активность АК

на этих территориях была, как кажется, значительно слабее, чем на севере от них, что по крайней мере частично явилось результатом украинской стихии. Во всяком случае, документы НКВД значительно чаще говорят об УПА, чем о польской конспирации, которая преимущественно имела городской характер»²⁸.

На Волыни ввиду того, что основные силы АК, вышедшие из подполья и создавшие 27-ю дивизию, практически полностью покинули ее территорию, партизанских отрядов АК не осталось. Тем не менее АК, а точнее, ее наследница — уже известная нам организация, попыталась даже в столь безнадежных условиях хоть немного, да напакостить. Если уж не удалось сорвать мобилизацию в армию «наймитов» Берлинга и РККА, то при известной доле находчивости и этот провал можно было обернуть в свою пользу. Так, в конце весны 1944 г. известный на Полесье партизан М. Собесяк получил разрешение советского командования на формирование сильной партизанской бригады для последующей переброски в Польшу. И формировал он ее из всех, кто хотел воевать с гитлеровцами: из польских партизан АК и тех, кто был в советских партизанах, из членов польских самооборон, офицеров запаса прежней польской армии. Однако из состава бригады в 900 человек около 300 были арестованы НКВД, которому стал известен приказ АК, предписывающий офицерам луцкого инспектората вступить в нее полным составом с целью проникновения в командование всех ее подразделений и штаб. И если бы эти планы не удалось вовремя предотвратить, то после прибытия бригады на территорию Польши Собесяку было бы предложено перейти на сторону польского подполья. В случае же его отказа и он и его штаб были бы ликвидированы, а бригада перешла под командование «НЕ». И пусть этого все-таки не случилось, о доверии членам АК не могло быть и речи, тем более что легализоваться они и не собирались.

В округе АК № 3 (Львов, Станиславов, Тернополь) после завершения «Бури» и ареста высших офицеров и командования АК округа на месте осталась вторая, так сказать, запасная структура, подготовленная главным диверсантом Фельддорфом (псевдоним «Ниль») — организация «НЕ» под командованием подпол-

ковника Ф. Янсона (псевдоним «Райграс»). Янсон во время проведения «Бури» остался в подполье и ликвидировал структуру штаба АК, создав штаб «НЕ». «НЕ» продолжала поддерживать радиосвязь непосредственно с Лондоном. А так как многие командиры АК были известны НКВД, их перебросили в соседние районы Польши. Туда же были передислоцированы и партизанские отряды, остававшиеся на тот момент на территории, занятой немцами.

В отличие от других округов АК (на Волыни, в Белоруссии и Литве) в Галиции различные вооруженные организации под эгидой «НЕ», вошедшие в 1943 г. в АК в рамках объединения польского подполья, действовали практически независимо друг от друга. Наиболее сильной структурой оставалась «Национальная военная организация». В ее подчинении находился даже один небольшой партизанский отряд. Однако она в основном занималась пропагандистскими мероприятиями, издавая несколько газет вплоть до начала 1945 г. В связи с тем что у организации не хватало финансов на свою деятельность, единственной удачной ее акцией стало нападение на магазин «Гастроном» во Львове. На этом все и закончилось, так как вскоре ее участники были арестованы. Несколько позже, в начале марта 1945 г., НКВД окружил и полностью уничтожил и партизанский отряд «Национальной военной организации», находившийся к югу от Львова.

Также во Львове после установления там советской власти действовала небольшая группа организации «КОН» (Конвент национально-освободительных организаций), не вошедшая в состав «НЕ». Однако и эта организация ни в чем себя особенно не проявила и до середины 1945 г. занималась в основном изданием нелегальной газетки.

В Галиции НКВД посредством хорошо налаженной агентурной работы удалось ликвидировать структуры «НЕ» к концу 1945 г. Во Львове было арестовано около 130 членов этой организации. В феврале 1945 г. в сети НКВД попал комендант округа Ф. Янсон. В феврале 1945 г. было ликвидировано командование станиславовского округа, в июне — радиостанция округа под Львовом, в конце 1945 г. перестал существовать округ. Впрочем, активных действий эти округа не вели, ограничиваясь изданием

нелегальной прессы. Тем не менее надо отметить, что оставшиеся структуры «НЕ» пытались организовать побеги арестованных членов, и это им даже частично удалось в октябре 1945 г.

Как ранее в Белоруссии и Литве, значительную часть структур АК, а потом «НЕ» полякам удалось переправить с Западной Украины на территорию Польши. После чего полякам с Украины и Белоруссии пришлось пережить драматический эпизод прощания с родиной. Также как и украинцам с белоруссами. С той разницей, что одни ехали в Польшу, а другие в СССР.

А в заключение, как всегда, приведем высказывания тех, кто жил в интересующий нас период времени и был непосредственным свидетелем и участником обсуждаемых событий, в отличие от современных исследователей, знающих их исключительно по документам. Вот что говорит Збигнев Залуский, который в свое время очень точно поставил перед бывшими солдатами Армии Крайовой вопрос, столь популярный сегодня в стане любителей альтернативной истории: «...Несколько лет тому назад в группе бывших солдат одного из элитных отрядов Армии Крайовой, прославившегося необычайным мужеством в борьбе и чрезвычайными потерями, в группе, имевшей в своем составе двух доцентов, доктора, инженера и журналиста, возник проблемный вопрос: а что было бы, если бы война закончилась 20 июля 1944 г., если бы “Лондон” победил. Кто-то из присутствующих грустно улыбнулся: “Ну что ж, не погибло бы столько товарищей. Избежали бы мы столько действительно незаслуженных унижений и страданий. А сегодня наверняка были бы мы... старшими сержантами полиции. Было бы столько работы в первые годы, что не пришлось бы нам подумать себе, о будущем, об учебе”».

А вот что на ту же тему заметил министр иностранных дел эмиграционного правительства Польши в Лондоне Эдвард Речински: «...в годы войны он и его коллеги делали все, чтобы Вольный и Галичина остались в составе Польши. Но сейчас он очень рад, что поляки потерпели поражение. Потому что “если бы мы победили, то имели бы потом то, сейчас я вижу в Боснии...”»²⁹

Другое дело, что ни первому ни второму нынешние польские историки не верят, и в многочисленных работах упорно проводят свою линию, примерно так же, как делает это пан Мотыка:

«— Поиграем в “если бы да кабы”, то бишь в так называемую альтернативную историю. Что было бы, если бы в послевоенной Польше к власти пришло некоммунистическое правительство; было бы оно вынуждено — чтобы подавить украинское восстание на юго-восточных землях — также прибегнуть к массовым депортациям украинского ...населения?»

— Демократическое польское правительство, по моему мнению, не провело бы такой операции. Она бы не была необходима. ...Свободное польское правительство чего-либо такого не сделало бы. В междувоенном двадцатилетии государство ликвидировало без депортации белорусское и коммунистическое партизанское движение, действовавшее на значительно большей территории»³⁰.

И наконец, еще один перл из исторической сокровищницы пана Мотыки: «...конституция Второй Речи Посполитой гарантировала всем нациям, в том числе и украинцам, равные права, но на практике украинцы были людьми второй категории. Но я не считаю, что это была система, подобная тоталитарной. И антиукраинские акции — пацификации — вызывались террористическими акциями ОУН. Политика Второй Речи Посполитой к украинцам — оскорбительная, но ни в коем случае не оправдывала акций украинских националистов на Волини»³¹.

А теперь давайте и мы попробуем выдать свой прогноз относительно развития ситуации на территории бывших «восточных окраин» в том случае, если бы осуществился сценарий стратегов из АК. Боюсь, он будет таким же, как у Залусского и Речинского. А значит, одними пацификациями дело не обошлось бы, поскольку переполненным взаимной ненавистью боевикам из УПА, белорусских антисоветских формирований вроде «Черного кота», и «Народной партизанки» ни польская конституция, ни замечательное некоммунистическое правительство были бы не указ. Вследствие чего «бело-красным и пушистым» пришлось бы заниматься ровно тем же, за что они сегодня с пеной у рта клеймят НКВД. Однако можно не сомневаться, что ныне это называлось бы не репрессиями против украинцев и белорусов, а защитой территориальной целостности Польши и борьбой с терроризмом.

Поляки в составе советских силовых структур на Западной Украине, Белоруссии и в Литве после освобождения от гитлеровской оккупации

После освобождения бывших «восточных территорий» силовые органы советской власти, и в особенности на Западной Украине, в силу активизировавшихся после ухода фронта на запад структур ОУН и УПА, начали организовывать вспомогательные вооруженные формирования из польского населения. Эти формирования назывались истребительными батальонами и в них участвовали сотни поляков.

Но в самом начале появилась так называемая «польская милиция». Как указывают все исследователи, явление это до сих пор мало исследовано. Известно оно, в общем-то, из донесений структур самой АК: «...в Коломые... милиция польская в большевистских мундирах... Арестовано, вывезено и расстреляно определенное количество украинцев. Встречаются также случаи арестов и вывозов среди поляков. Это применяется против тех лиц, которым большевики вменяют тесное сотрудничество с немцами. Объявления на местах на русском и польском языке»³². Есть также сведения и со стороны УПА о том, что данная милиция проводила облавы на уклоняющихся от призыва в Красную армию. УПА также отмечала, что польская милиция отслеживала перемещения ее отрядов в Тернопольской области и информировала об этом НКВД.

В настоящее время многие польские историки (в частности и сотрудники польского Института национальной памяти) рассматривают как участие поляков в рядах этой милиции, так и явление формирования истребительных батальонов в начальной стадии преимущественно из поляков как коллаборационизм с «советскими оккупантами». Однако опять же многие из них упускают из виду тот простой факт, что после ухода отрядов АК с Украины — это в особенности касалось 27-й Волынской дивизии — на определенный период, пока не произошло достаточного укрепления советских органов на местах — никуда не исчезли сильные структуры УПА, получившие достаточные запасы вооружения от гитлеровцев и продолжавшие в том числе нападать и на деревни и села, населенные поляками. По данным

польских исследователей, только в феврале 1945 г. в Тернопольской области формирования УПА сожгли около 50 польских деревень, убив в общем около 1000 человек. В этих условиях поляки вынуждены были снова организовывать или же попросту реанимировать свои структуры самообороны. Эти самообороны и стали основой истребительных батальонов. Командовали этими батальонами, естественно, офицеры из НКВД. Однако это была единственная в условиях того времени возможность получить оружие и защищать свои села. Называть эти батальоны структурами НКВД просто смешно, так как личный состав их не формировался из работников НКВД. Так же несерьезно было бы называть польские структуры самообороны на Украине в период 1943—1944 гг. структурами АК только на том основании, что в них участвовали члены АК. А ситуация была серьезна. Хотя и утверждают украинские историки, что к тому времени УПА начала войну только против Советов, хоть и приводятся данные о переговорах поставковских структур и УПА о возможном взаимодействии против этого врага, но все же УПА продолжала вести войну против польского гражданского населения, считая его союзником Советов, и иначе невозможно объяснить такие вещи, как развертывание настоящих боевых действий в Трембовльском районе против населенных пунктов с преимущественно польским населением. Там на деревню Глешава в феврале 1945 г. напал отряд УПА силой 500 человек, среди защитников села было 48 убитых и 36 раненых. В том же районе за село Борычовка бой шел в течение 10 часов, причем участие в нем принимало и советское подразделение. И примеров таких не счесть. При этом следует учесть, что истребительные батальоны использовались только для борьбы с УПА. Уже в феврале 1945 г. в Западной Украине действовало 292 таких батальона, где поляки составляли до 80 % личного состава. По данным польского исследователя Т. Збыша, примерно 23 тыс. поляков из 50 тыс. участников самообороны в Галиции служили в истребительных батальонах.

Поражает только характеристика участия своих же соотечественников в этих формированиях. Опять идет подтекст — сдохни, поляк, но с Советами не сотрудичай! Маститый польский историк и большой поклонник чеченских боевиков, пан С. Чешельский считает, что причиной участия истребительных бата-

льонов, организованных Советами, были убийства поляков, совершаемые украинскими националистами. И хотя вроде бы, с одной стороны, это было оправданно, а с другой стороны, поляки как бы замарались — ведь они становились исполнителями советских репрессий против украинского подполья. И по его мнению, это делалось специально, ведь это была реализация старого принципа «разделяй и властвуй». То есть опять — умри, поляк, но с Советами не сотрудничай! Хотелось бы только посмотреть, как на головорезов из УПА подействовала бы информация, что поляки гордо отказываются от оружия НКВД. Это еще почище знаменитых слов Троцкого в Бресте насчет того, что не будет ни мира, ни войны, а армию распустим.

Истребительные батальоны действовали также и в Белоруссии, хотя трудно сказать, каково было в них участие местных поляков. Но были и такие (по разным данным не более четырехсот человек). И служили поляки в истребительных батальонах хорошо, так как многие из них получили советские награды. И спасибо им большое за то, что не надо было отвлекать советских солдат с фронта для борьбы с УПА и прочими партизанами, вдруг открывшими для себя «боевое содружество». Это была реальная помощь, так же как и помощь семьи Струтынских на Волыни во время войны, помощь солдат народного войска польского. Оно-то дошло до Берлина. Но, видимо, это позорная страница польской истории. Вот если бы исполнились мечты Студницкого и Войско Польское было дозволено «поумневшим» на польский лад Гитлером и оно вошло бы в Киев или Минск вместе с близкими цивилизационно «товарищами по оружию» — это, наверное, было бы другое, славное дело в польской истории. Но, слава богу, не суждено было это полякам. Хотя, если судить по историческим стенаниям из-за Буга, так хотелось....

Глава 11

Примирение на кладбищах, или зачем мы, спрашивается, воевали друг с другом?

Вот и настало оно, долгожданное времечко: восточные задворки Европы, отряхнув, как говорится, прах общего социалистического прошлого со своих ног, и храня в памяти воспоминания о единой Европе образца 1941 г., стучались, стучались в ворота объединенной Европы, и ворота эти кое для кого открылись. Но за этими воротами уже оказался один «фронтовик» под названием Польша, и «фронтовики» — кто с польским орлом, кто с трезубом или с эсэсовскими рунами на мундире, пошвыряв дружно задними лапами в общего недруга на Востоке, тут же очутились перед вопросом: а чего же это 60 лет тому назад мы друг против друга воевали? Надо все это срочно выяснять и мириться! Ведь нам же в единой Европе жить!

Так что вернемся на сегодняшние «восточные окраины» — ведь поляки их — как бы ни было обидно литовцам, белорусам и украинцам — по-другому и не называют. По данным польской прессы, Генеральная прокуратура Литвы в 2000 г. начала следствие об убийстве в период 1943—1944 гг. солдатами АК 273 гражданских лиц. В то же время, как и следовало ожидать, пытающиеся согласовать свою историю в рамках ЕС поляки и литовцы при первой возможности ищут виновного в разжигании страстей на стороне, и, естественно, разжигателем конфликта опять же оказывается Россия. Тем не менее прохождение примирения идет плоховато. То есть престарелые герои событий при материальной поддержке и моральном поощрении своих родных прави-

тельств это прощения у друг друга просят и руки пожимают. И отодвигается в сторону вопрос: а чегой-то во время войны не помирились? А потому, что АК взамен на гарантии ненападения на литовцев требовало от литовцев признания Вильно и Виленщины частью Польши. Кшыжановский-«Вильк» душевные послания по этому поводу славному генералу Плехавичюсу писал. Но все напрасно. Литовцы, понятное дело, не соглашались. Хотя ни те и не другие хозяевами в то время на данной территории не были. Хозяином Гитлер был.

И тем не менее, несмотря на усилия сверху, страсти кипят. Вот и результат: на литовском телевидении (компания ТВ 3) был показан документальный фильм «Армия Крайова» в Литве. Тупик истории». По утверждению создателей фильма, польское правительство в эмиграции издало в свое время директивы относительно очистки Виленщины от литовцев. Якобы и комендант округа Вильно, А. Кшыжановский, отдал приказ о ликвидации 70 литовцев за одного поляка, что Армия Крайова сотрудничала и с немцами и с русскими. Литовский историк Чесловас Лауринавичюс высказался о проблеме АК в Литве в начале 2005 г. по литовскому радио следующим образом: «Польско-литовский конфликт, а скорее спор на тему деятельности АК в Литве, давний, тяжелый и, казалось бы, уже преодоленный (в сентябре прошлого года состоялось историческое примирение между солдатами АК и отряда Плехавичюса), и теперь снова кто-то сознательно, односторонне разжигает этот конфликт... Как можно говорить, что АК, подчиненная правительству, имела целью геноцид? Если какой-то солдат или группа солдат совершила преступление во время войны, это не значит еще, что это был геноцид». Так если признать Плехавичюса героем, то никак нельзя таковым считать того же «Вилька» с его АК — он-то от Литвы кусок территории оторвать хотел! Какое уж тут искусственное разжигание конфликта. Тем не менее примем к сведению столь ценное мнение, все же надо к авторитетному мнению историков — членов Евросоюза прислушиваться.

Не хочу ничего про драки между АК и войском Плехавичюса еще раз от себя говорить. Лучше поляков, естественно и несомненно, о подвигах АК никто и не расскажет. Потому и цитируем

с истинным удовольствием исследователя проблемы из Литвы, поляка, пана Р. Мицкевича. И статья его отличный заголовок имеет: «Реанимация упырей»: «...есть люди, которые уважают оппонента только тогда, когда он вламывает им по морде. Великодушные и готовность к диалогу другой стороны они рассматривают как ее слабость.

Неважно, что аковцы и бывшие солдаты генерала Плехавичюса уже между собой помирились. Что правительство литовское как бы даже рассматривает возможность признания аковцев ветеранами войны и назначения им пенсий в несколько грошей...

Если бы аковцы после выигранного боя под Мурованой Ошмянкой замочили бы на месте тех несколько сот взятых в плен солдат генерала Плехавичюса, то они наверняка вызвали бы святое негодование литовских патриотов, но одновременно патриоты ощущали бы страх перед ними. А тут только раздели до нижнего белья и отпустили "белое войско" на свободу. Немцы не миндальничали и около сотни солдат Плехавичюса расстреляли. К немцу литовец и до сих пор уважение ощущает.

Русак вывозил литовцев массово в Сибирь — и посмотрите, пожалуйста, сколько до сих пор у него в Литве горячих обожателей...»¹ Классика, чистая классика — вопль измученной исторической несправедливостью души! Мы же ведь с москалями воевали, вы тоже против них немножко воевали; мы ведь даже, несмотря на наши победы над вашим Плехавичюсом, помирились с вами, а вы тем не менее никак москалей ненавидеть не научитесь! Да, что-то как-то плохо совместный фронт создается.

Тут и с Украиной надо как бы отношения выяснять, она ведь тоже в общеевропейские ворота стучится, для чего же оранжевую революцию делали, за что, как говорится, боролись! Комиссии ударно работают, формулировки для событий на Волини подбирают, чтобы и поглаже было, и ни одной стороне не обидно. Только что-то тяжело движется дело с извинениями. Трудно извиняться, если каждая из сторон хоть немного, завуалированно, но у другой все же побольше вины выискивает... Ведь свои-то «герои» все же за свое, значит, за более правое дело боролись, а чужие, ну, тоже вроде бы как за правое... но ведь с нашими героями же!!!

Но, как говаривал один не очень-то популярный сейчас в России исторический персонаж, «процесс пошел». И наворачиваются слезы, когда читаешь такие строки: «...Мелетий Семенюк, руководитель УПА по Волыни, просидел в тюрьмах 26 лет. Был в Казахстане и в Норильске.... был воспитан в национальном духе. В августе 1941 г. вступил в ОУН. Волынь, — говорит он, — это были украинские земли... Повторяет, что это не УПА начала убивать АК, а АК начала убивать УПА. Хенрык Ката, солдат 27-й Волынской дивизии пехоты АК, категорически возражает на это...

Когда состоялась встреча Мелетия Семенюка... и Хенрыка Каты... украинец протянул руку и сказал, что они обязаны положить предел ненависти, простить взаимную кровь, обняться, поцеловаться, ибо Украина не может быть без Польши, а Польша без Украины. Генрык Ката тогда спросил, что побудило УПА к тому, чтобы они окружали села и убивали невинных людей зверским образом. В ответ услышал примеры местностей, в которых поляки убивали украинцев. Припомнили преступления, которые совершали поляки, служившие в немецкой полиции. Было ясно, что для обеих мужчин важно выбросить из себя все несправедливости, накопившиеся в течении лет. Наконец Хенрык Ката, солдат АК, сказал, что если протянуть руку значит положить конец этой истории, разделяющей их десятки лет, то он руку подает...». Статья хорошо называется — «Примирение на кладбище». Верное название — к тем, кто зверски был убит с обеих сторон в 1943 г., примирение в могилах уже давно пришло. А тут и ветераны примирились — действительно, получается, что зазря друг друга резали. Надо бы других резать. Правда, не пришлось, как говорится, по чисто объективным причинам: приятно было в украинской прессе в одной из статей по случаю 60-летия Победы прочесть честное признание единственного дожившего до этого дня настоящего полковника УПА. «Ветеран» сказал, как говорится, голую правду: с русскими УПА не воевала, они ведь на Западной Украине и не жили. Повезло, значит, русским... чего нельзя сказать о поляках...

А насчет солдата АК, что руку наконец и бывшему и будущему согражданину объединенной Европы протянул, так тут, видимо, из-за неглубокого знакомства с мнением своего бывшего командования он долго ломался, прежде чем к примирению приступить. Не знал солдат того, что было ясно его командованию.

Естественно, приводим компетентное польское мнение специалиста по данному вопросу, пана профессора Р. Тожецкого: «Мне УПА представляется как формирование, борющееся за независимость Украины. Я провел сотни бесед, в том числе и с Яном Жепецким (Руководитель Бюро информации и пропаганды АК)... Генрыком Погоским (шеф 2-го отдела, т.е. разведки) — для них это была партизанская армия, созданная для борьбы за независимое украинское государство. По их мнению, целью УПА не было убийство поляков вопреки распространенному и тогда и сегодня в Польше убеждению. Следует помнить, что на этих землях велась трагическая борьба за то, кто должен быть там господином. Отсюда получалось это страшное кровопролитие»³.

Вот и все. Не позавидуешь солдатам АК — оказывается, они воевали с такой же, как и они, партизанской армией. Так что как бы на равных все было — так чего же, как говорить, выпендриваться. Просто каждая из этих армий воевала за будущее господство своей нации в своем государстве — дело обычное. Отцы-командиры смотрели на это с высот своих командных постов, солдаты видели все с позиций узкого солдатского горизонта и видели только трупы своих близких. Командиры все понимали, но договориться не могли. Зато создали кладбищенскую базу для обширных исследований.

А в общем, все логично, и по-иному быть не может. Это историческая справедливость по-либеральному торжествует в отношении то ли террора, то ли борьбы за свободу. В данном случае действительно хрен редьки не слаще. Дорожка-то уже от хрена к редьке протоптана. Путь обозначил председатель Литовского союза солдат генерала Плехавичюса г-н А. Паулавичюс: «Во время 2-й мировой войны мы оказались на разных сторонах баррикады. Этого не должно было случиться, но истории не изменишь. Сегодня мы живем в общей Европе. За эту Европу мы боролись, и настало время примирения». Ну и хорошо, мир как бы наступает. Только вот вопрос мучает насчет этого «не должно было случиться». На какой стороне надо вместе было быть-то: Плехавичюсу с АК (ну и с УПА, естественно, на подхвате) против Советов (в основном) и немцев (по обстоятельствам), или АК с Плехавичюсом, УПА и немцами (по обстоятельствам) против Советов (исключительно)? Ответ, по-моему, ясен.

Глава 12

История как коммерческое предприятие или о выставлении счетов за украденные помидоры, а заодно и за Победу

Во все времена... у людей отнимали родину; нет ни одной эпохи, в которой не было бы высланных, изгнанных .... всегда и во всех концах света люди были вынуждены спасаться на чужбине: они могли выстоять, если они прекращали искать единственную истину в прошлом.
Зигфрид Ленц. Краеведческий музей

Итак, в 1991 г. рухнул СССР, как до этого в 1917 г. Российская империя, и поляки начали реализовывать возрождение Польши в традициях начала XX века. И каким же это возрождение видится нашим бывшим соседям, которым очень хочется опять стать соседями России в стиле 1921 г.? А видится все очень просто.

Настал, как говорится, праздник души, именины сердца:

«День освобождения и сведения счетов с оккупантами» — помните «моральный кодекс отношения к оккупанту»?

Распрощались с «коммуняками» и бывшим союзником в виде СССР ли, России ли, все равно, — надо распрощаться и с тем, что было общего. Что же это значит в первую очередь? То значит, что есть чистые и нечистые: чистая армия Андерса и нечис-

тая 1-я и 2-я армии народного Войска Польского. Есть герои из Армии Крайовой и «продажные наемиты» Кремля из просоветской Армии Людовой. Даже фашиствующие Национальные Вооруженные Силы представляются в белых одеяниях невинных жертв и истинных борцов за свободу. Солдаты Красной армии и солдаты народного Войска Польского принесли самую большую жертву — свою жизнь, — чтобы Польша осталась на карте мира. Эту цену они платили на польской земле. Они теперь хуже, чем солдаты Андерса, проливавшие свою кровь в Италии. Получается, что жизнь тех, кто пришел с Востока, менее ценна, чем жизнь тех, кто слушал приказы с Запада. И вот все это сильно пахнет тем, что провозглашал Гитлер, ибо в его бредовых расистских теориях особое место отводилось крови. А о чем же, как не об оценке крови, идет речь в рассуждениях элиты польской исторической науки сегодня? Есть кровь чистая — членов АК и военнослужащих польских вооруженных формирований на Западе, и есть кровь нечистая — солдат народного Войска Польского, Армии Людовой, и уж безо всякого сомнения кровь солдат Красной армии.

Вот прошло 60 лет после нашей Победы. Но как только не стало СССР, так эту Победу начали у нас отбирать. Отбирать как раз те, кто решили к этой Победе приклеиться попозже. Вроде бы и новые времена наступили, и Польша ударно свое социалистическое прошлое преодолевает и изживает, да только, как ни странно, начались опять «старые песни о главном». Ничего не умерло, и идеологическое наследие политического трупа — Армии Крайовой — вдруг извлечено из могилы, полито мертвой и живой водой, и смотрите: покойник встал, шагает и изрекает то, что представляется как новый, свежий взгляд на историю Второй мировой войны.

И опять вспоминается роман Р. Братного «Колумбы», встреча одного из героев на нелегальной квартире с польским общественным деятелем, которого гитлеровцы возили в Катынь: «На другой день вечером мы были на прощальном ужине у командующего фронтом. Генерал поднял тост за то, чтобы в этом трагическом для поляков месте у них открылись глаза на факт, что неумолимое право истории приказывает им идти в общем евро-

пейском фронте". Я ответил ему, что никто среди польской общности не производил меня в делегаты, что нас разделяет такое море слез, что не знаю, хватит ли этой груды трупов, павших от советской руки, чтобы его — это море — засыпать¹. Если судить по громкому исполнению «старых песен о главном» — хватило.

Опять вытащена на свет божий теория «двух оккупантов». Сейчас она стала для властителей польских умов актуальна как никогда. Потому что очень выгодно представить СССР (а значит, и Россию, как его правопреемника) точно таким же агрессором, как фашистская Германия, и даже хуже. Выгодно политически, ибо те кто громче всего кричит о «русском медведе» и его «преступлениях», за которые Россию надо призвать к ответу, предстает в облике борца за справедливость и может рассчитывать на политические дивиденды. Ведь если это представить так, да получить еще и поддержку от кое-кого, стоящего на той же стороне «либерально-демократической» баррикады внутри самой России, то Россия не может считаться победителем. А из этого может проистекать не только моральное удовлетворение. Только ради этого разрывать старые могилы в наше рыночное время невыгодно. В любом деле должны быть дивиденды — политические и шкурные. Вот и начинают доноситься с экранов телевизоров да появляться на страницах мнения: а что, если кто-то был обижен СССР, то надо бы заплатить за обиды. Вот и вылезает шило-то из мешка — все упирается в деньги, денежки. А иначе как оценить истинному патриоту вклад своих предков в борьбу за «вольность и неподлеглость»? Скажете, не так это и не может этого быть? Только стала Польша «вольной и неподлеглой», как тут же образовались инициативные группы, захотевшие вчинить счет России за то, что они потеряли на своих «восточных окраинах». Правда, то, что они потеряли, сейчас на российской территории и не находится, да ведь с Белоруссии, Литвы и Украины особо ничего не востребуешь: значит примиряться с Литвой и Украиной надо и плакать уж точно крокодиловыми слезами, что не удалось когда-то по близорукости против русских единым фронтом повоевать, значит демократизацию тоталитарного режима в Белоруссии готовить надо, а тут своими претензиями и потенциальных союзников отпугнуть надо. А вот с России по-

пытаться содрать — это дело достойное, она-то правопреемник СССР к тому же. И вообще, она во всем виновата, еще бы, конечно, неплохо, чтобы она это и признала.

К сожалению, этот вопрос, как всегда, тяжело сказывается на представителях творческой интеллигенции. Вот и Василь Быков, по моему мнению, единственный, кто последовательно, правдиво и бескомпромиссно писал о жизни человека на войне, жизни, которая и сама была страшной и уродовала людей, задался вопросом к 50-летию Победы: а что мы принесли в другие страны на своих штыках? Получается, что он как бы призывает солдат Красной армии принять на себя вину политиков и тем самым, по моему мнению, вольно или невольно подыгрывает сторонникам теории «двух оккупантов». Что ж, предвидел в свое время философ Бердяев и такое, отметив в своей книге «Судьба России»: «Русский человек, усомнившись в своих исключительных национальных качествах и признав некоторые качества за врагом, начинает думать, что и воевать-то не стоит... Мировая борьба народов в истории определяется не моральными прерогативами. Это — борьба за достойное бытие и исторические задачи, за историческое творчество... И нельзя оценивать историческую борьбу народов исключительно с точки зрения справедливости — существуют и другие оценки»².

В то же время ситуация реально была иной, и ради этого стоит повторяться. Потому что даже поляки, которые воевали вместе с Красной армией против нацистов, даже не питая теплых чувств ни к России ни к ее солдатам, все же понимали суть событий и сохранили достаточную объективность в оценке того, что они — в отличие от историков — видели и пережили сами. Вот что сказал В. Ярузельский в своем интервью немецкой газете «Die Welt» от 3 мая 2005 г.: «...Победа Гитлера означала бы уничтожение нашего народа. Советская армия принесла нам зависимость, но она спасла нас от уничтожения». Справедливости ради нельзя не упомянуть о том, что иногда в польских публикациях по истории Второй мировой войны встречается хоть и половинчатое, опять же сквозь зубы вымученное, мнение о том, что для поляков из оккупированных гитлеровцами еще с 1939 г. регионов Польши Красная армия была прежде всего освободительницей, даже несмотря на разочарования, вызванные действиями НКВД

после прохождения фронта. Конечно, есть еще в Польше историки, у которых совесть ученого не позволит опуститься до революционного изгрызания истории в либерально-демократическом духе. Что же наша совестливая творческая интеллигенция об этом-то — спасении от уничтожения — забывает? Или это не самое главное? А кто-нибудь у людей поинтересовался — что им дороже: своя жизнь и жизнь своих близких и мир после войны или же сразу новая война?

А радателям за денежное возмещение несчастным полякам и иже с ними (но, естественно, не из их собственного кармана!) за их зависимость расскажем еще одну маленькую историю.

В 1942 г. в рамках повышения доли литовского населения в Виленском крае созданная гитлеровскими оккупантами литовская администрация и полиция вышвырнули из своих домов в двух деревнях под Вильно около 300 польских семей и вселили на их место литовцев, привезенных из района Сувалок в Польше. Вернуться туда поляки на некоторое время смогли только в 1944 г., когда отряды Армии Крайовой начали устанавливать свой контроль над этой территорией.

Вот наступила независимость и для Литвы, коммунистическая несправедливость ушла в прошлое и поляки попытались в независимой Литве получить компенсацию за ущерб, понесенный в 1942 г. ими от литовских органов власти (хоть и на службе гитлеровцев). Компетентное официальное литовское лицо известило возжаждавших справедливости, что данное прошение будет рассматриваться и удовлетворяться в меру возможностей. Это уже само по себе хорошо, только как насчет этой самой меры? А тут уж немного радостного. Сюрпризом было окончание письма, которое ввергло в изумление даже поляков: «...решение выдвинутого вопроса могло бы зависеть от реализации Закона Литовской Республики о возмещении оккупационных потерь, причиненных со стороны СССР»³.

Итак, господа русские, готовьте кошельки! Вам, как потомкам «советских оккупантов», предстоит встреча с рынком истории: вам будут выставять счета те, кого согласно «Генеральному плану ОСТ» уже давно не должно было быть в живых в тех местах, где они составляют эти счета. Потому что прошло 60 лет со дня

НАШЕЙ ПОБЕДЫ, а план свой Гитлер рассчитывал реализовать лет за 20—25. И имея под рукой вернувшиеся после разгрома России соединения, он без особых проблем план этот завершил бы. Вот тогда бы стонавшие от советской зависимости поляки узнали, что такое нацистские военные колонисты.

Конечно, сейчас пишут о том, что президент России оскорбил поляков, не упомянув об их участии в Победе, вот они от обиды и взъелись на Россию. Увы, все это совсем не так. Сначала первый российский президент извинялся за Катынь. Потом его преемник в 2002 г. посчитал нужным возложить венок к памятнику солдатам Армии Крайовой — да только что от этого толку? Бродя в джунглях польского Интернета — при этом будем иметь постоянно в виду широко распространенное мнение (лично мне представляющееся весьма спорным) о том, что пользуется этим «благom» цивилизации только продвинутая часть населения — начинаешь, к великому сожалению, осознавать, что значительная часть польского общества относится к России не просто враждебно, она либо уже настроена на волну возмездия, либо ударно настраивается. Чему активно способствует и проводимая политика польского руководства, суть которой, по меткому высказыванию известного польского публициста, состоит в разжигании застарелых конфликтов. Подход один и тот же и выражается одним лозунгом: *Katyń pomościmy! Powstanie Warszawskie pomościmy! Отомстим за Катынь! Отомстим за Варшавское восстание!* И лозунги эти совсем не последнего времени, потому что малевались на стенах и заборах в Польше уже в семидесятые годы. Да и сейчас авторитетно разглагольствует польский историк П. Вечоркевич: «Я не вижу причины, почему бы внуки солдат фельдмаршалов Манштейна или Роммеля не могли чувствовать гордости от того, что их деды мужественно сражались с большевистским нашествием или даже с американцами или поляками»⁴. Не случайно слова пан Вечоркевич выбирает: с его точки зрения, как только Красная армия вышла за границы СССР, так речь уже пошла о борьбе солдат гитлеровской армии с большевистским нашествием, а это дело благородное. Досадно пану доктору, что не удалось Польше в этом благородном деле поучаствовать. Какой бы вклад во Вторую мировую войну был!

Речь идет о мести России, и это начинает походить на патологию и с каким-то истинно маниакальным предвкушением крови врага льется со страниц Интернета, газет и исторических публикаций, что ж тут, естественно, не до выбора средств — здесь все средства хороши. И потому не приходится говорить о чем-то, что хотя бы отдаленно напоминало те акции примирения, что инициировались — хоть и со скрипом — между участниками польского вооруженного подполья и Украинской повстанческой армии или же членами сформированной гитлеровцами «армии» Плехавичюса. Когда с одной стороны есть исключительная установка на месть — разговоры об исторической правде невозможны и любая попытка приближения к ней со стороны России воспринимается как еще одно отягощение вины и подпитка чувства мести. И это чувство родилось не вчера и только внешне связано с событиями после 1939 г., ибо о том же самом чувстве свидетельствует и известный историк Н.И. Костомаров, будучи по происхождению из Малороссии, знавший не понаслышке русофобию среди поляков в западных губерниях Российской империи: «...поляк русскую национальность ненавидит до чрезвычайности, ненавидит до невозможности примириться»⁵.

Тем более что такое в общем-то скорее языческое, чем христианское чувство, как месть, подпитывается даже — если мы уж останемся в рамках языческой терминологии — идеологическими «шаманами» Польши — так называемой творческой интеллигенцией. Эта наша доморощенная интеллигенция со времен Чаадаева и Достоевского, несмотря на все сталинское «перевоспитание», так и не может оторвать зачарованных глаз от все более дехристианизирующегося Запада. А польская свою национальную задачу туго знает:

«Несмотря на мои лета и опыт, собственно говоря, я не знаю, что мне думать о России и о русском народе. Иногда действительно я думаю о нем с презрением и ненавистью. Но иногда с любовью и нежностью. Иногда мне кажется, что нация, которая принесла столько зла своим соседям и всему человечеству, которая давила, убивала, вешала литовцев, татар, поляков, чеченцев, собственно говоря, все нации, с которыми соседствует — вообще недостойна существования. И что ее существования не оправдывают, его страшных вин не могут искупить даже все те ве-

ликие и чудесные шедевры, которые она дала человечеству: творения Пушкина, Тютчева, Рахманинова, Мандельштама, Прокофьева и Шостаковича. Такая злобредная нация обязана исчезнуть с лица земли — должна отправиться на Север и утопиться, полностью, в Белом море»⁶. Благодарим пана Ярослава Марка Рымкевича, известного польского интеллектуала, поэта, литературоведа, переводчика, ценителя поэзии Тютчева за столь честные слова. Лучше знать неприукрашенное мнение не только историков — их ведь не все читают, но и властителей польских дум, — к ним чаще обращаются.

Перефразируя Киплинга, скажем так: Польша есть Запад, Россия есть Восток, и никогда им не сойтись. И вот почему: «Якобы в связи с актуальной ситуацией на Украине слышны сейчас в Москве такие голоса, что поляки пытаются отстроить свою великую империю, которая, естественно, будет угрожать русским. Не удивляюсь, что они так думают, так как хоть нас намного меньше и мы немного слабее их, однако эта слабость только в смысле демографическом или военном. У них тоже есть причины, другие, чем у нас — но имеются причины, чтобы нас бояться. В конечном итоге, несколько сот лет на их границах существует мощная и совершенно чуждая им духовная сила, и уже тем самым, что существует — также им угрожает»⁷. Насчет духовной силы, которая, особенно в данное время, стала чуждой, пан Рымкевич, возможно, и прав, а насчет того, что угрожает — вряд ли. По той простой причине, что, как отметил опять же Костомаров: «... поляки старались уничтожить в присоединенных к Польше областях русскую национальность и слить русский край с Польшею. Это им не удалось, многовековые старания поляков пропали втуне. Им это досадно и тем досаднее, что они считают себя в культурном отношении гораздо выше русских»⁸. Что же это за такая грозная сила, которая столько лет стояла на наших границах и ничего не добилась? И вот еще что странно, польская культура, как часть духовной силы, почему-то усиленно популяризировалась среди недостойного существовать народа именно Советами да коммуняками. А теперь-то ее, эту духовную силу, в России мало кто и знает. Рынок, он ведь от американской духовной силы прибыль имеет. А чего с польской возьмешь, кому она в России нужна, не говоря уж и об угрозе. А потому и о маниакальных пре-

тензиях на 4-е место среди победителей мало кому известно. Разве что новому сопернику известного Фоменко по самому прогрессивному переписыванию русской истории некоему Г. Попову. Вот его откровения по поводу «суперперестроечного взгляда» на Великую войну и Великую победу в Польше восприняты были прямо с восторгом — глаза он им открыл: оказывается, русские без помощи Запада и ночи бы не простояли, как говорится, дня бы не продержались. Правда о том, что эта помощь с запозданием пошла, оно как-то говорить неинтересно и недемократично. Но не это главное! Еще круче вещь по радио «Свобода» от г-на Попова, который служил мэром, слышали непросвещенные поляки: танковое сражение под Прохоровкой в 1943 г. не Советы под командованием Рокоссовского выиграли, а американцы. Они, вишь, в Сицилии высадились, ну, Гитлер так струхнул, что все свои танки туда и погнал. Тут уж, ясное дело, не до какого-то там наступления на Курской дуге! Да ведь и подтекст какой идет: помните, ведь потом и сам, сам великий и ужасный Андерс там высадился. Тут уж сердце польское прямо совсем замирает: это ведь мы эту Россию, нечеловеческую землю, вместе с американцами, оказывается, спасли! А президент Путин не упомянул об этом! Да это же неслыханная ложь и унижение! Правда, опять склерозик небольшой намечается: либо забыли поляки слова из дневника Ландау, либо этот дневник сейчас никто не читает. А мы еще раз повторим слова человека, жившего, как говорится, в то время в обнимку со смертью: «И наиболее удручающе действуют вести с итальянского фронта, разрушая веру в том, что союзники были бы по крайней мере в этот момент способны к серьезной и успешной борьбы с немцами...» Великая и удобная вещь — патриотический склероз!

Поляки вообще не хотели, чтобы их президент ехал в Москву и по той простой причине, что среди большинства населения свободной от «жидокоммуны» и тем самым ставшей истинно демократической Польши имеет широкое хождение следующий взгляд на историю Второй мировой войны, который популярно изложил некий пан Ежи Бурлинский в еженедельнике «Najwyższy czas»:

«Виновата Россия!

...Россия несет такую же самую вину за разжигание 2-й мировой войны, что и гитлеровская Германия.

...Политическим прологом к 1 и 17 сентября стал пакт Риббентропа-Молотова... После подписания этого пакта немцы и русские — рука об руку — развязывают самую большую в истории человечества войну. Сноровку в убийстве, в уничтожении они приобрели уже раньше. Немцы до 1 сентября 1939 г. еще мало знают об убивании. Бухенвальд, ночь длинных ножей... — это всего лишь прелюдия, тренировка. Русские 17 сентября уже мастера. У них есть Соловецкие острова, действующий с не встречающейся в их культуре (?) точностью бассейн смерти в виде ГУЛага, специализировавшиеся в геноциде органы, умело могущие убивать всех, от царской семьи до малолетних детей украинских крестьян, убивающие одинаково эффективно как своих руководителей так и врагов.

1 сентября “памятного года” лозунг старта в союзническом соревновании подают немцы. Их русские друзья 17 сентября выполняют договоренности. Когда немецкие и русские ребята в мундирах ломают сопротивление польской армии, немецкие и русские дипломаты начинают в мире пропагандистское наступление, которое должно убедить мир, что не стало ничего плохого: вот, откорректировали карту...

... Был ли вооруженный конфликт национал-социалистического режима в Германии с коммунистическим режимом в России вообще частью Второй мировой войны?

В уголовных хрониках отмечается ситуация, когда один и тот же преступник одновременно преследуется и своими недавними братьями, и органами правосудия. Становятся ли гангстеры, которые мочат друг друга, тем самым союзниками полиции, прокурора или суда...

Организация празднования юбилея мая 1945 г. в Москве есть издевкой, в которой польский президент не имеет права принимать участия»⁹.

Можно, естественно, сказать, что это ничего особенного, ну, написал там какой-то журналюга, мало ли чего сейчас пишут, в том числе и у нас. Можно было бы с этим доводом согласиться, если бы не одно большое «НО».

В апреле 2005 г., аккуратно перед юбилеем нашей Победы, в Университете Св. Павла в Оттаве в Канаде выступает некто Т. Пётровский (мы его мнение приводили ранее) с докладом о советс-

ких преступлениях в годы Второй мировой войны, причем, естественно, в связи с 65-летием преступления в Катыни. И этот пан просто поражен, во-первых, тем, что, по его мнению, «Советы, которые должны были оказаться на скамье осужденных рядом с нацистами, уселись вершить суд над ними». Следует длинный список преступлений, в т.ч. не только, естественно, Катынь, депортации, пакт Риббентропа-Молотова, но и создание в оккупированной Польше компартии, неоказание материальной и военной помощи варшавскому восстанию. И затем следует горький вывод о том, что до сих пор ни один русский «сановник» или историк не осмелился признать, что во время Второй мировой войны Советский Союз не был лучше нацистской Германии¹⁰. Остается добавить только одно — плохо пан Пётровский читает труды российских и прочих «историков». Вот и не только в России, а и в Белоруссии уже такие историки появились. К примеру, глаголет выстраданную истину наилучшего, неразбавленного демократического разлива голос из Беларуси о том, кем же для немцев был тот белорус, что, пережив оккупацию и «партизанскую войну», был «завербован» в советское войско, стрелял немцев на их земле, рушил Кенигсберг и Берлин? Ответ вполне закономерен: он был оккупантом, врагом, убийцей¹¹. Что ж, таких правдоискателей, да и иже с ним на Украине и в Прибалтике, понять можно. Чтобы стать истинными европейцами, надо ликвидировать общую историю с Россией ли, с СССР — все равно. Будущим членам ЕС такая история не к лицу, что понятно. Тем более что и польские историки типа В. Бороздея политкорректно намекают, что разный интерес у Беларуси и СССР (а значит, подразумевается, и у России). А в Польше тем временем пока что завуалированно, приглушенно, но уже слышатся голоса: от нас, от поляков, зависит, ушли ли в прошлое «восточные окраины»; а на польском телевидении даже какая-то конкретика появляется: мол, если нам вернут «восточные окраины», можно бы и о том подумать, чтобы Силезию Германии вернуть!!! Правда, сразу же вопросик возникает: кто вернет-то? Некая третья, неназванная еще конкретно сила, которая вольна брать и раздавать? И интереснейшие мысли в Польше в умах польских интеллектуалов от истории бродят. Известная нам М. Павловичова говорит: «Исследователи задумываются, не стали ли восточные окраины уже

мифом. Ответ за нами». А ответ вот он, тут! И дал его еще один истинно польский историк, доктор Д. Ратайчак, которому мама в проклятые времена социализма открыла глаза, сказав, что русские украли у поляков «восточные окраины». Трепет охватывает и слеза наворачивается у неискушенного читателя, когда пан доктор исторических наук вспоминает, как мама рассказывала ему в далеком детстве о помидорах размером с дыню, произраставших у нее где-то на «фазенде» подо Львовом и украденных русскими вместе с огородом! Потому маститый ученый уже с детского возраста начал ненавидеть тех, кто эти помидоры у него украл. Так что дело ясное — надо воров к ответу призвать, а лучше всего потребовать возвратить украденное! Другие, как уже известный нам пан Вечоркевич, тоже прозрачно намекают: «...не может быть здоровым организм, у которого ампутируют две из четырех конечностей. У Польши ампутировали два исторических центра: Вильно и Львов. Никакая верфь Щецина, никакие фабрики Вроцлава по сей день не в состоянии этого компенсировать». То есть, как говорят, акценты расставлены четко: конечности надо пришивать обратно. Правда, вот вопрос: кто же это роль Пирогова играть будет? Не иначе как американцы: правильно поляки поняли речи Буша насчет несправедливости Ялты и Потсдама. Третьи же историки, хоть об украденных помидорах и отрезанных конечностях и не вспоминают, но солидно и политкорректно размышляют о том, что надо поддерживать движение к достижению независимости Белоруссии, выходу из ловушки экономической зависимости от России, а также свободное развитие польского элемента на «восточных окраинах», что сделает Польшу истинным другом и союзником в отличие от москалей. И уже странствуют по страницам новых исторических трудов, рассуждения о том, что вообще-то по справедливости 85 % Калининградской области — это польские земли. Мало того, чтобы и о «восточных окраинах» не забыть и Белоруссию еще раз поучить, что она с Россией ничего общего не имеет, указывают, что как наследница традиций Великого Княжества Литовского она имеет право на выход к Балтийскому морю через Кенигсберг. И в этом случае это было бы для Белоруссии осуществлением такого же великого исторического шанса, что и для Польши после Первой мировой войны (автор идей — польский историк

пан А. Пискозуб из Гданьска). Интересные мысли, только как это осуществлять пан Пискозуб предполагает? Потом вроде бы как и Литва о Калининградской области как о Малой Литве говорит. Вот ведь русские какие — и тут всем нашкодили. Прямо со слезой хочется вспомнить о тех временах, когда существовала Восточная Пруссия — все спокойно было и вопроса о принадлежности не возникало. Но как бы то ни было, существует Калининградская область России, и на этом точка. Что же касается остальных земель, то это уж теперь украинцам и белорусам решить, с кем им дело иметь и чьей окраиной в случае чего становится. Или буфером между Польшей как бастионом Европы и азиатской Россией — такой видится роль Украины и Белоруссии пану Пискозубу. И Польше выгодно, и «восточным окраинам» почетно.

А в общем-то, подоплека всего этого до омерзения проста: все сгодится для того, чтобы убедить собственное население, а в особенности подрастающее поколение, в том, что все происходившее в период Великой Отечественной войны было ни чем иным, как борьбой двух иностранных армий на территориях, относящихся сейчас к Украине, Литве, Белоруссии, Польше и т.д., к которой эти тогдашние «государства» не имели никакого отношения (и это правда, ибо их тогда и не существовало) и были вовлечены в нее насильно, как и население этих территорий. Иначе ведь никак **свою** новую и славную историю не создашь. Главное, — показать, что ничего общего в истории у нас не было, мы в этих делах не участвовали, нас силком тащили. Но тогда надо признать — плюнув в лицо своим соотечественникам, воевавшим против 25 %-го отбора достойных к выживанию — ты волей-неволей никакого отношения как государство к Победе и не имеешь. Имеют лишь те граждане государства, которые шли в рядах Красной армии на Запад. Но они-то как раз, с точки зрения новых национальных государств, должны являться преступниками, так как служили в рядах иностранной, а не национальной армии. А «национальными армиями» в этом случае неизбежно являются формирования, созданные с явной или неявной помощью гитлеровского оккупанта или вооруженные им: УПА, разного рода полицейские батальоны и формирования СС от Галиции до Ревеля. И пусть это пока проявляется, к примеру на

Украине, в попытках уравнивать в правах ветеранов Красной армии и УПА, посадить их за один стол на торжествах по случаю юбилея и тем самым вымучить такое же примирение, как между АК и УПА. Это все пока — а потом, по истечении определенного времени, когда уже поколение Победителей покинет нас, окончательно объявить героями шакалов Великой войны и затолкать на окраину подвиг истинных победителей. В том числе и с помощью спецназа по истории из-за Буга.

Я, безусловно, соглашусь, когда возмущенные либералы или демократы завопят, что это односторонний взгляд и не все польские ученые и поляки такие и т.д. и т.п. И допускаю, что многим такой взгляд на историю может даже не нравиться. Но это все до поры до времени. Дело, однако, в том, что, судя по всему, в самой Польше и ее исторической науке как раз возобладал односторонний взгляд на события новейшей истории и взгляд этот пришел в основном из-за пределов Польши, но был сразу же подхвачен внутри страны. Взгляд это был сформирован польской военно-политической эмиграцией, в том числе, естественно, и сбежавшими на Запад членами АК и «подпольного государства», которые в преобладающем большинстве не о чем другом, как о мести, и не мыслят. А внутри страны, похоже, он как раз наиболее активно взят на вооружение жителями бывших «восточных окраин» и членами АК, воевавшими с Советами на этих окраинах. Потому что они, воевавшие с советскими партизанами, а затем с Красной армией и внутренними войсками, стали героями в современной Польше. А не те, кто шел к Берлину. Это, к сожалению, факт. И немногие исключения его только подтверждают. И, к сожалению, это не исключение, а тенденция, и это прекрасно подтверждается тем же Костомаровым: «И мы все, по совести, должны сказать вот что: все поляки, каких только нам встречать случалось, ненавидят русских: все, составляющее признаки русской национальности, в них возбуждает омерзение... Нельзя сказать, чтобы такая ненависть у них отражалась в отношениях частных с русскими людьми. Напротив, надобно отдать им честь: поляк, ругая всю русскую нацию, в то же время готов оказать бескорыстную приятельскую услугу знакомому русскому человеку... Но тем не менее поляк русскую национальность ненавидит до чрезвычайности...»¹²

И потому хотелось бы еще раз — навязчиво и пристрастно, потому что иначе нельзя — напомнить и вышеупомянутому польскому журналисту, и «знатокам» истории России типа пресловутого Пана Вечоркевича и его разношерстной аудитории следующее: в отличие от «нечеловеческой земли» СССР и «людоеда» Сталина Гитлер не признавал прав на существование не только Польши, Украины или Белоруссии (как географическое название Украина даже фигурировала); он не признавал права на существование данных народов — ни в каком виде. И не для кого было бы ему вещать в случае победы нацистов. Да и насчет польской территории после войны нелишне бы очень поучительную книгу У. Черчилля «Вторая мировая война» почитать, в особенности о том, как «головорез» Сталин против Черчилля за то выступал, чтобы Польша максимум территории от Германии после войны получила. У Великобритании ведь другое мнение было: «Польша не получит никакой выгоды, приобретая так много дополнительной территории. Если немцы бежали оттуда, то им следует разрешить вернуться обратно... Польской нации невыгодно получить такой большой район, какой поляки сейчас просят». Опять патриотический склероз заедает!

Что же касается Катюши, то, начиная с участия в этом мероприятии по приглашению Геббельса в том же 1943 г. представителей польской стороны и кончая суматошными саморазоблачениями со стороны российской либерально-демократической элиты, вся эта история обрасла настолько невероятным количеством фантастических ляпсусов в разных «исследованиях» и «сообщениях» по доказательной базе, о которых говорил не только российский исследователь Ю. Мухин, но и француз А. Деко, что и пышущие местью выпады польской стороны и маловнятные пассы соответствующих российских органов начинают вызывать своего рода неприятное чувство, что дело тут уж точно нечисто. Возникает нехорошее впечатление, что все это начиналось в перестроечное время с одной целью — показать всему миру, какие были ужасные наши предшественники и какие мы пришли теперь хорошие, и потому мы отказываемся от всего этого ужасного прошлого и, чтобы нам поверили, заранее признаем все, что от нас хотят, ибо ради признания нас своими и для победы великого и единственно верного либерально-демократического уче-

ния не пожалеем ничего, в том числе и истины. Но потом, видимо, кто-то углядел и то обстоятельство, что придется не просто каяться. Платить, пожалуй, по немалым счетам придется. А платить — это не уводить по замысловатым схемам себе в карман. Что же теперь делать: ведь уже вроде бы как и признали кое-что? Раз сказали «А», надо сказать и «Б». Но, похоже, решили эту букву обойти. В результате сами загнали себя в тупик, а ведь поляки — и это логично! — хотят «Б» услышать! Вот и получаем логическое завершение: полный пат. Пожалуй, это и будет то, с чем в ближайшем времени придется столкнуться исследователям катынской истории в России. Так ведь, уважаемые господа, не надо было злорадствовать слишком быстрому обрушению СССР и свободе от советского ига: авось, при Горбачеве бы успели либеральные борзописцы архивы соответственно отработать и в полном комплекте достоверные бумаги с доказательствами преступлений выправить. Не надо суетиться было, и все бы раньше сделано было. Но все же «Б» было сказано и, как известно, Генеральная прокуратура России в 2005 г. факт расстрела польских офицеров признала, хотя всех томов дела раскрывать не будет. Да и потом, никогда нельзя знать, что принесет ворошение старых могил. Могут быть и неприятные неожиданности. Ведь вот все равно грызет червь сомнения: почему же Геббельс столь интересно структурировал своих подопечных перед приездом представителей Международного Красного Креста в Катынь: «Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии»¹³. Получается, что вещи такие все же были? Да и сам факт раздувания катынской трагедии в 1943 г. заставляет задумываться и некоторые умы в Польше: «Одно обстоятельство заставляет особенно задумываться: почему немцы, зная о преступлении уже в 1941 году, держали этот факт в тайне до 1943 года. Польские разведчики Столбцовой группировки («Веера»?) получили информацию от местных жителей о том, что они немцам в 1941 году сообщали о массовых убийствах НКВД на территории Катыни. Это также подтвердил и офицер дивизии «Гроссдойчланд», перебрасываемой в 1943 году на запад, которая в 1941 году действовала на смоленском направлении в районе Катыни...»¹⁴

Остается только вспомнить слова некогда популярной советской песни: туман, туман... Не менее туманно и то обстоятельство, что расстреливали польских офицеров почему-то немецкими боеприпасами. Тут же «правдорубы» от истории не растерялись и объяснили все весьма остроумно: так это Советы из Прибалтики завезли, немцы ведь туда амунизию поставляли. Прибалтика, правда, только через несколько месяцев после предполагаемого «советского расстрела» в состав СССР вошла, ну да ладно. Могу и еще один вариант подбросить: что-то опять в плановом хозяйстве СССР не сработало и к моменту расстрела дефицит в патронах во всей стране обнаружился. Пришлось срочно из Германии завозить.

Тут же интересная параллель с Едвабнэ прорисовывается для таких же спекулятивных умствований. Там расстреливали евреев в 1941 г. сплошь немецкими боеприпасами периода Первой мировой войны. Странно немного, не правда ли? Тут же польские правдоискатели от истории наготове ответ держат: а ничего странного, это как раз свидетельство того, что не поляки соседей-то прикончили, а немцы: они ведь народ прижимистый, амунизию не транжирили никогда, берегли с 1918 г., вот и в Едвабнэ старые боеприпасы завезли. А почему бы не подумать, что это боеприпасы, захваченные поляками у немцев в том же 1918 г. при разоружении немецких частей? И бережливо сохраненные небогатым польским государством на случай военной нужды? Навязчиво опять же хочется намекнуть на то обстоятельство, что убитые в Едвабнэ сделались к 1941 г. советскими гражданами — как бы на это ни смотрели сейчас поляки. А как бы нам вчинить иск за убийство советских граждан, а?

Так что в определенном отношении с продвинутыми поляками можно и согласиться: святая правда — польский президент принимать участия в празднествах нашей Победы в Москве, похоже, права действительно не имел. Но только согласиться: это не наше дело — о правомерности действий чужого президента судить. К тому же сейчас выходит, что у поляков была своя война — без победы, а у русских своя — но с Победой. Принял участие президент — и отклонился от линии. Не правда ли, очень знакомо? Большевики тоже уклонизм не жаловали! Так что верной дорогой идете, товарищи паны!

Хотя, когда читаешь размещаемые и в отечественной и международной прессе писания плодovitых польских исследователей, то как-то сразу бросается в глаза, что никого особенно в Польше цельная картина трагических событий Второй мировой и не интересует. Интересует только линейка определенным образом подобранных фактов и их тенденционная интерпретация в соответствии с политическими потребностями сегодняшнего дня. Это, в общем-то, так или иначе признают и в Польше, о чем свидетельствует, к примеру, статья польского историка А.Кшеминьского в немецкой газете «Woche»: «Все же немецко-польские разногласия слабее польско-русских. Здесь большинство драматических событий военной истории в значительной степени не разработаны. И годовщина завершения войны накаляет неразрешенные споры заново: о пакте Гитлера-Сталина, резне в Катыни, Варшавском восстании 1944 г., о Ялте и самом 8-м мае 1945 г.

Споры относятся не только к фактам, а к интерпретациям и автопортрету, который хочет представлять Россия Владимира Путина. Факты сами неоспоримы, с тех пор как Кремль “нашел” тайные дополнительные протоколы к пакту Гитлера-Сталина в своих архивах. Однако интерпретации разделяет пропасть. Тем не менее вопрос признания со-вины Сталина в развязывании Второй мировой войны или же в уничтожении польского государства в 1939 г. Кремлем даже не ставится, так как пакт Гитлера-Сталина рассматривается только как второй Мюнхен 1938 г.»¹⁵. Здесь выстроена вся польская линейка претензий к России, плюс идея ревизии Ялтинских соглашений и значения Победы как таковой. Далее воркуют на эту тему на страницах крупнейшей польской газеты «Жечпосполита» ему вслед и другие известные специалисты вопроса пан П. Вечоркевич да пан Матарский: «Сравнение этого пакта с Мюнхеном представляет собой курьез. Как бы мы ни интерпретировали тогдашнюю позицию британцев и французов, они хотели мира, посчитали, что если они бросят Чехословакию на съедение, выиграют мир для мира. Пакт же Риббентропа-Молотова был сговором во имя войны, делил добычу, прежде чем она началась»¹⁶. Не будем с великим «знатоком» истории Второй мировой войны и России спорить. Нам мнение современника событий, У. Черчилля, дороже: «Расчле-

нение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции»¹⁷.

Однако пан Кшеминьский идет дальше и распространяет польское видение роли Польши во Второй мировой на основы Евросоюза. Дело в том, что с древнейших времен у истоков создания государств и династий стояло нечто божественное, что и находило отражение в соответствующих мифах, освящавших и цели, и существование, и исторические действия данного государства. Отсюда и слова: «Через 60 лет после конца войны и по прошествии года после расширения Евросоюза на восток встает вопрос: а имеет ли Европейский Союз вообще общий миф основания?» Вопрос этот не столь праздный, как может показаться, так как опять предлагается к принятию такой миф: о борьбе с СССР/Россией как империей зла на мировоззренческой, объединяющей основе. Миф, предлагаемый новыми членами ЕС и являющийся «болячкой» Польши и прибалтийских стран, должен объединять всех членов ЕС. Но это чрезвычайно напоминает ту основу, на которой в свое время Гитлер «объединил» Европу, перед тем как навалиться на СССР/Россию. Получается, что все же есть основа под словами д-ра Людвига Фишера, губернатора дистрикта Варшава, который в своем рапорте губернатору и палачу поляков Гансу Франку писал: «Европейская идея широко распространена среди польского народа. Однако до сих пор поляки постоянно опасались, что в этой объединенной Европе для них не будет места. Если мы сейчас дадим им надежду, что в этой новой Европе они смогут вести жизнь в соответствии со своим характером и культурой, то как раз на данный момент в Генерал-Губернаторстве преобладающее большинство польского народа примет эту немецкую политику с максимальным пониманием. С течением времени также все более явственным делом будет становиться то, что в интересах Запада Германская империя должна быть политическим, хозяйственным, духовным и культурным центром этой будущей Европы»¹⁸. Ласкают, наверное, слух поляков такие слова, особенно насчет распространенности европейской идеи. Да только нелишне опять вспомнить, что говорились они в 1944 г., когда уже исход войны для всех был

ясен. А до этого, несмотря на преданность европейской идее и гуманное ссылание поляков из пределов Третьего рейха в Генерал-Губернаторство вместо Сибири, гебитскомиссар Борисова в Белоруссии, считает в 1942 г., том самом, когда героическое воинство Андерса ушло на Ближний Восток: «...По моему мнению, не будет никакой пользы, если еврейская вошь будет удалена из немецкого меха, а польская останется... С системой вермахта по задействию в качестве органов русского самоуправления польской интеллигенции из-за недостатка белорусской интеллигентской прослойки, по моему мнению, следует радикально порвать...»¹⁹ Но тем не менее самый главный знаток новейшей русской истории пан профессор Вечоркевич в своем выступлении в польском официозе «Жечпосполита» 17 сентября 2005 г. подолжает в лучших традициях Студницкого сожалеть о том, что в переговорах в октябре 1938 г. поляки и немцы не смогли договориться, и на вопрос о том, какую роль Польша играла в военных планах Адольфа Гитлера, немедленно и авторитетно заявляет:

«Ключевую. Вплоть до весны 1939 г. она являлась для него антибольшевистской преградой на случай войны с Францией, с нападения на которую он намеревался начать конфликт. После победы на Западе Польша должна была быть ценным, необычайно важным партнером в походе на Советский Союз. В последнем разговоре с Беком в Берхтесгадене Гитлер сказал без обиняков, что каждая польская дивизия под Москвой — это значит на одну немецкую дивизию меньше. Глава Рейха предлагал нам тогда участие в разделе Европы»²⁰. Вот и страдают польские интеллектуалы — такой шанс был, а упустили. Только постоянно возникает мысль при чтении подобных «откровений», что у интеллектуалов этих плохи дела с образованием. Вроде бы и люди со степенями доктора и профессора, а то ли не читали гитлеровских документов, то ли не смогли прочесть в связи с незнанием немецкого. Вот ведь писал гитлеровский наместник области Вартегау в 1943 г.: «Между немцем и поляком нет никакой общности. Онемечивание поляков... не только нежелательно, но и национал-социалистически неверно. Польского человека невозможно и непозволительно германизировать». Да и слова эти приводил польский ученый Кароль Грюнберг в своем весьма

емком труде «СС — черная гвардия Гитлера»²¹. Правда, приведены они по-немецки. Вечоркевичи сразу же скажут: так это уже в 1943 г. было, а вот до 1939 г. — совсем другое дело. Ну, так мы по той же книге цитату несостоявшегося союзника Польши А. Гитлера из его известного шедевра «Майн Кампф» приведем (тут она по-польски приведена, так что при некоторых усилиях прочитывать ее вечоркевичам можно): «Национальность, а лучше сказать раса, заключается не в языке, а в крови... Политика германизации Польши, каковой многие добиваются, лжива. Существовало убеждение, что германизацию польского элемента можно провести посредством языкового онемечивания. Тем, что в истории было германизировано с пользой, была земля, которую наши предки добыли мечом и поселили на ней немецкого мужика»²².

Утешает только одно — как бы вышупомянутое насекомое или элемент ни старались, пока что никакой мифической основы для объединенной Европы они, кроме жадности покусать Россию, предложить не могут. В этом по эффективности от него пока недалеко ушла соответствующая прослойка в современной России. Но это, к сожалению, пока...

А далее стоило бы польским историкам перечитать хотя бы слова того же У. Черчилля, который не только Армию Крайову содержал (по его собственным словам, как-никак 120 млн фунтов на польские нужды ухлопал), но и все же в отличие от таких историков соучаствовал в историческом процессе, а не в размазывании слез по прошедшим мимо псевдовозможностям уничтожения России: «На этот раз, когда война была доведена до решительного конца, нам стала известна вся закулисная история деятельности противника. На основе материалов, оказавшихся в нашем полном распоряжении, удалось довольно точно установить правильность наших собственных сведений и представлений. ... 5 ноября (1937 г.) Гитлер раскрыл свои дальнейшие замыслы руководителям вооруженных сил. Германия должна получить “большее жизненное пространство”. Скорее всего, его можно было бы найти в Восточной Европе — в Польше, Белоруссии и на Украине. Но чтобы получить его, пришлось бы пойти на большую войну, а значит, и на уничтожение населения, проживающего в этих районах»²³. Ключевая роль у Польши была — быть уничтоженной.

Но так как к польским вопиющим пророкам, слава богу, пока что не особенно прислушиваются, приходится искать пророков в других местах для придания убедительности воплям; перефразируя Островского, хочется сказать: на каждого польского мудреца довольно европейской простоты. Вот и остается полякам только повторять с восхищенным воркованием простые и столь доходчивые для польского исторического умствования истины генерала Франко, высказанные им во время Второй мировой на счет того, что идет не одна, а две войны:

— одна война государств, объединившихся вокруг США и Великобритании с Германией, и в этой войне Испания остается нейтральной;

— вторая война разворачивается между Германией и государствами, объединившимися вокруг нее, с величайшим врагом европейской цивилизации, с большевистской Россией²⁴.

Что ж, польское «подпольное государство» и его «вооруженная длань» раздирались между этими двумя войнами, а на этот счет есть еще одно русское присловье: широко шагаешь, штаны порвешь. Что, собственно, и случилось.

Поэтому мы будем придерживаться своего взгляда — польский взгляд слишком застит жажда мести. А потому нам в России надо кое-что тоже помнить.

Еще не было в Германии нацистов и еще не действовал ГУЛАГ в СССР, а в Польше уже действовали концлагеря, в которых были заморены голодом десятки тысяч наших соотечественников. И не будем поддаваться разговорам, что это были солдаты кровожадной большевистской армии и солдаты непрогрессивной националистической белой армии. Когда выгодно, в Польше предпочитают говорить о России и русских, а в другом случае — об СССР и Советах. Для нас же в любом случае это были наши деды и прадеды, и пришли они под Варшаву после того, как поляки пришли в Киев и Минск. С исторической памятью у нас не потому плохо, что ее нет, а потому, что ее постоянно глушат. И попробуй выставить лозунг «Отомстим за Тухоль!» — сразу же станешь красно-коричневым.

А потому еще раз напомним, что еще о пакте Гитлера-Сталина никто и не думал, а Польша — которая с 1 сентября 1939 г. беспрестанно твердит о том, что первая встала на пути Гитле-

ра, — годком ранее хотела безо всякого пакта поучаствовать в грабеже соседей вместе с ним же и, подобно гиене, под предлогом спасения «истинно польских территорий» рвала у соседей территории: сначала Вильно и Виленский край самостоятельно, затем Тешин, оторванный от сданной демократическим Западом Чехословакии под покровительственную улыбку Гитлера. В 1938 г. между Польшей и Германией велись переговоры по согласованию военных действий против Чехословакии и о совместной оккупации Литвы. И планы были солидные и как бы даже не очень расходные: Германия начинает воевать с Советами из-за Чехословакии, а Польша помимо Тешина тут же оккупирует Словакию, а затем вместе с Германией расправляется с Россией. Да только куском в виде Тешина, брошенным ей Германией, Польша через год и подавилась, и отдала концы. И, между прочим, советская разведка об этих переговорах знала и с советской стороны в сентябре 1938 г. последовало предупреждение Польше о том, что при вступлении польских войск на территорию Чехословакии наступит денонсация польско-советского договора 1932 г. о ненападении²⁵. Это к слову о вероломстве СССР в отношении Польши.

Поэтому пакт Молотова-Риббентропа действительно ничем не хуже английских достижений в Мюнхене и лучше польских заигрываний с Гитлером. К счастью для Польши, ее заигрывания с Германией не привели к успеху — с точки зрения Гитлера Польша ничего не стоила и ему была не нужна. Иначе бы Польша оказалась среди тех, кто развязал войну. Каждая из сторон, как по Мюнхену, так и по пакту, преследовала свои национальные интересы и договаривалась с международно признанным правительством Германии. Речи о справедливости в международных отношениях всегда являются прикрытием национальных интересов. Польша была поделена, но до этого искренне стремилась «поделить» и соседей; да и события недавнего времени показывают, что такие вещи вполне обычная история и сейчас: чем же лучше санкционированный демократическими странами «справедливый» дележ Югославии в 90-е годы, приведший к такой бойне, которая на бывших «восточных землях» Польши полякам и не снилась — даже «подвиги» УПА на Волыни бледнеют перед балканской кровавой баней.

Соловецкие острова и Гулаг — это наша история, трагическая и страшная, и с этой историей мы разберемся сами, хотя, конечно, спасибо полякам за славных сынов польского народа — Дзержинского, Менжинского, Реденса и иже с ними. Убивать учили они, и с их учениками столкнулись польские подпольщики в 1939—1950 гг., и они действительно действовали с не встречающейся в русской культуре точностью. Наверное, поляки забыли и участие своих соотечественников на стороне большевиков в Гражданской войне. Надо думать, не хочется панам историкам вспоминать сейчас и попытку формирования целой революционной польской армии: был ведь в славном городе Вильно в 1919 г. открыт пункт для призыва так называемой Польской армейской группы. И формировались части этой армии в уже знакомых нам районах Лиды и Барановичей: Западная стрелковая дивизия, Мазовецкий уланский полк, кавалерийский полк Петра Боревица и пр. По разным оценкам, в чисто польских формированиях, а также в других частях, на стороне большевиков в период 1917—1921 гг. участие в Гражданской войне в России принимало участие около 100 000 поляков. Так что погуляли братья-интернационалисты по России от души. А потом, так же как и разные латышские, эстонские и прочие стрелки, оставив кровавый след в России, в подавляющем большинстве отбыли на историческую родину. Помогли, так сказать, укрепить власть Советов, так что же удивляться, что укрепившиеся Советы пришли затем и в Польшу, чтобы тоже кое-кому помочь?

И русские партизаны не принимали у себя в штабах оккупантов, как «Вильк», и не убивали белорусов только за то, что они были православными, как «народные мстители» «Лупашко»-Шендзеляж и «Гура»-Пильх. И не было у русских никакого чувства цивилизационной близости с гитлеровцами и желания войти в единую нацистскую Европу. Никто и никогда, за исключением кучки торгашей в храме исторической науки, не будет в России восславлять как героя Власова и тех, кто пошел за ним. И уж тем более, только имея заизвестковавшиеся от исторического объективизма мозги, можно восхищаться деяниями «Рагнера» и прочих недобитков, рвавших мосты и рельсы в тылах наших войск и тем самым по мере своих бандитских сил помогавших Гитлеру.

Польша сегодняшняя, отказавшись от истории народного Войска Польского и возведя на самый высокий пьедестал Армию Крайову с ее командирами, проповедниками героической волюнки как основного метода борьбы с оккупантом, тем самым отказалась от своего участия в победе, оплевав даже тех бывших солдат и офицеров АК, которые в рядах «армии наймитов», т.е. народного Войска Польского, дошли до Берлина и вывесили там польский флаг.

Но, к сожалению, все эти рассуждения с бело-красной патриотической лакировкой большей частью представляют собой камуфляж коммерческой деятельности, такого рынка истории. И этот рынок в конечном итоге разрушит даже остающуюся любовь к исторической истине, потому что «истиной» станет то, что хорошо продается. Сейчас хорошо продается ненависть к России.

И тут пришла очередь поговорить о весьма интересной государственной структуре Польши под названием Институт национальной памяти (ИНП). Подобное учреждение неплохо было бы иметь и в России, но появление его тут в принципе невозможно, ибо такая инициатива будет иметь множество противников и наверняка будет квалифицировано адептами единственно верного либерально-демократического учения как националистическое и т.п. ИНП был основан в 2000 г. в соответствии с решением польского сейма. Это государственное, т.е. бюджетное учреждение, имеющее в своем штате более 1000 сотрудников в десятке польских городов. Организационно ИПН, однако, в одном аспекте необычен, что сразу же резко выделяет его из среды традиционных научно-исследовательских учреждений. Его необычность заключается в наличии одного подразделения — следственного. И деньги польских налогоплательщиков не уходят впустую в песок. Потому что ИНП расследует дела о преступлениях против поляков в период с 1939 г. Количество расследуемых институтом дел давно уже превысило тысячу. А то, что это серьезно, подтверждается и тем, что, например, в 2002 г. было рассмотрено 12 дел против представителей коммунистической власти в Польше, причем обвиняемые получили сроки до 5 лет. Так как срок преступлений установлен начиная с 1939 г., то рас-

следования ведутся на основании Польского кодекса 1932 г., но с учетом современного законодательства Польши. Что это означает на практике и, вообще, представляет ли это для нас какой-то интерес? Да, представляет, потому что в отличие от Российской Федерации Польша оказалась куда как более последовательной в отношении пробивания своих национальных интересов и приоритетов по делам давно минувших дней. Речь идет не только о расследовании совершенно мутного катынского дела, которое, кстати, также ведется ИНП. Возбуждены и ведутся дела о преступлениях против человечности советских партизан на территории Белоруссии и Литвы во время последней войны, собираются сведения об операциях НКВД не только в Польше, но и на западных окраинах СССР и много чего другого интересного. Как уже упоминалось выше, ИНП передает затем все это в польскую прокуратуру. Чтобы не быть очень нудным, скажем сразу: в соответствии с польским законодательством пострадавшими являются не только те, кто непосредственно был затронут событиями, но и их наследники. Что же это может означать в практическом преломлении?

Это значит, что поляки предусмотрительно и заранее нашли прекрасную базу для оправдания всех деяний АК против мирного населения и для «братства по оружию» с оккупантом: они считают, что в период 1939—1945 гг. польское государство продолжало существовать в виде так называемого «подпольного государства» и на той территории, которую оно занимало к 1 сентября 1939 г. По этой же причине логически как следствие возникает то, что имело силу его законодательство, даже под оккупацией. А Уголовный кодекс Польши от 1932 г. предполагал весьма суровое наказание для людей, которые хотели бы отдать «восточные окраины» СССР и отдать Польшу Сталину. «Кто предпринимает усилия для лишения Польского государства независимого существования или же отделения части его территории, подвергается... смертной казни». В военном уголовном кодексе от 1932 г. о таких лицах говорится следующее: «Не подлежит наказанию солдат, который совершает деяние, являющееся исполнением приказа по делам службы». Так что уже давно всем солдатам АК дано отпущение их грехов, и каяться им не в чем, они, как получается, ведь действовали в рамках своих законов. Нашим

партизанам, солдатам из СМЕРШа и из НКВД тоже нечего каяться в том, что они ликвидировали польское подполье: они действовали в рамках советских законов и тоже совершали деяния, являющиеся исполнением приказа по делам службы. Но вопрос этот только представляется закрытым. Поляки наверняка будут через свою прокуратуру предпринимать попытки привлечения участников событий тех дней к ответственности на основании своего законодательства довоенного времени. Определенная часть российского общества, инфицированная бациллами «общечеловеческих ценностей», будет с этим соглашаться уже потому, что наши бойцы действовали на основании «преступного законодательства» Сталина и потому изначально были преступниками. И вот тут также наверняка всплывут и наследники. Ибо в отличие от вялых русских польский комитет жертв сталинизма быстренько, уже в 1990 г., перешел к делу.

Цитирую отрывочки из документа Главного комитета памяти жертв сталинизма в Польше, направленного в сейм и премьеру Мазовецкому 12 марта 1990 г.

«СЕЙМ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ПЕТИЦИЯ

Главный комитет памяти жертв сталинизма в Польше в соответствии с целями своего устава и гражданским долгом требует от имени своих членов, сочувствующих и прочих, пострадавших от сталинизма, в особенности тех, которые сами уже не могут добиваться удовлетворения, возмещения причиненного им ущерба, компенсации потерь и покаяния виновных в страданиях, причиненных им....

Мы также требуем, чтобы Сейм Польской Республики вошел с предложением в Правительство с тем, чтобы оно предприняло действия, направленные на признание компенсаций за несправедливость и ущерб, причиненные полякам Советским государством. После вступления Красной Армии на восточные земли Польши 17 сентября 1939 г. советские власти отнеслись к полякам враждебно. Советы вели себя на этих территориях как оккупанты: похищали, грабили, лишали польское население имущества, домов, квартир, мастерских, земли: выселяли, вывозили в глубь Советского государства, держали в тюрьмах, издевались, принуждали к тяжелому рабскому труду, убивали или

приговаривали к медленной смерти от истощения, болезней и голода. Современное Советское государство, несмотря на происходящие в нем изменения, является продолжателем государства Ленина и Сталина, потому обязано взять на себя оплату долгов, взятых в отношении поляков...»

Можно сказать, ну и что, СССР ведь уже не существует. Так-то оно так, но Россия — его правопреемник и потому все это остается, с точки зрения поляков, актуальным. Денежки на бочку, господа москали, а то зачем же мы за независимость от вас и за демократию боролись?!?! Никакие извинения Ельцина Б.Н. или венки Путина В.В. в бумажник не положишь и на хлеб не намажешь!

Одно спасение — создать свой Институт национальной памяти для расследования преступлений против граждан России и СССР в период с года так с 1919-го. Да только это нильзя! Это же как раз и есть преступление!

А вообще-то, жалко всех — ведь похоже на то, что как ни тужься и не собирай свидетельства тех, кому во время войны было лет 10, а победит рынок и коммерсант от истории. И кровь и страдания будут все равно перекованы в звонкую монету. Вот на Украине продается замечательный набор фигурок чеченских бандитов, в том числе и фигурки пытающих в униформе российской армии. Давайте, детки, учите историю и правильному мировоззрению. А в Польше и вовсе вопиющий набор игрушек продают — солдатики в мундирах НКВД! Национально просвещенные поляки возмущаются, а продавец с мягкой улыбкой отвечает — рынок! Ну, не слупим с России деньжата за свои героические деяния, так хоть за свою историю таким образом деньжата получим. Правда, с собственных сограждан. Набор, по сообщениям польской прессы, плохо, однако, продается — так надо попробовать в Россию экспортировать! Хоть так с врага № 2 денежки получить — и то дело!

И все же — кто же выиграл войну, чья же она — эта Победа? Оказывается, это было ясно уже в 1943 г. всем солдатам 2-го корпуса Андерса, о чем они и поведали польскому журналисту, писателю и публицисту Мельхиору Ваньковичу после взятия монастыря Монте Кассино в Италии:

« — Что надо было совершить, чтобы разбить немцев?

— Вторжение.

— Что следовало предпринять, чтобы сделать возможным вторжение?

— Открыть путь в Северную Италию, откуда можно эффективно бомбить военную промышленность в Австрии, а значит, взять монастырь.

— Что следовало сделать, чтобы взять монастырь?

— Обезвредить высоту 593.

— Кто взял высоту 593?

— Четвертый батальон.

— Кто командовал батальоном..?

— Майор Мелик Сомхиянц.

— Кто, значит, выиграл мировую войну?

— Ясно, кажется»²⁶.

Поздравляем всех с польской истиной, господа. Все предельно демократично и политкорректно. А потому еще раз напомним, что если, как говорил Бердяев, мы признаем некоторые качества за своим врагом, то нас ожидает следующее:

1. Как потомки оккупантов и правопреемники Советов сначала готовьте кошельки — ждите счетов из Польши.

2. Отдайте одновременно праздник Победы «истинным победителям» — потомкам Сомхиянца и его батальона — и замолчите навсегда.

3. А потом идите и утопитесь в Белом море. Большого от вас, русских, и не требуется.

Топиться все же мне лично не хочется — отсталое мировоззрение, унаследованное от православных предков, запрещает — и свой кошелек чужим дядям вручать тоже неохота. С какого перепугу, как говорится. И потому, начитавшись польских откровений, начинаешь иногда себя ловить на мысли — ну зачем мы положили в Польше 600 тыс. наших солдат? Ну, дошли бы до Буга и остановились, подождали, может, все бы как-нибудь и решилось само собой. Да только ждать нельзя было — а вдруг

Студницкий уговорил бы Гитлера и через несколько месяцев встали бы против нас рядом с гитлеровскими и польские дивизии? И положили бы мы тогда куда как больше своих солдат, которые нужны были дома. Могут сказать: надо было освободить и благородно уйти. Уйти, чтобы получить на западной границе активное враждебное государство сразу же в 1945 г. и полномасштабную войну с террористами на западных окраинах СССР с мощной материальной подпиткой из Польши и через Польшу? Не столь это звучит нереально, если стали в последнее время известны документы, что уже в конце войны игравший еще роль союзника Черчилль давал задание своим штабистам проработать план о возможности войны с Россией, чтобы после совместной победы выбить ее из Европы. Думаю, что главы ОУН и АК в этом деле быстро бы снюхались и про все забыли ради братства по оружию против России. И опять бы гибли после Победы наши солдаты, но уже на нашей территории. И так эти надежды на скорую войну против России питали бандитов разного рода еще добрый десяток лет после окончания войны.

И потому возникает, признаюсь, соблазн после всех исторических кульбитов последних 15 лет поверить полякам и в том, что они утверждали до 1990 г., и в том, что они говорят сейчас. До 1990 г. одна половина поляков говорила об АК как о наймитах империализма и, следовательно, как о подонках и бандитах, теперь другая половина говорит о коммунистическом сопротивлении и «народном» Войске Польском как о наймитах Советов и, следовательно, как о подонках и предателях. И хочется поверить и тем и другим — поляки друг друга должны лучше знать. Но судя по всему — не знают. Потому что, как следует из самих польских источников, в свое время президент Польши Лех Валенса на встрече с Борисом Ельциным по случаю передачи части документов по Катыни попросил было передать документы и на тех польских деятелей, которые были выпущены НКВД и стали впоследствии героями польской новейшей истории. Ельцин же на это ответил, что просить эти документы не следует, потому что в случае их получения полякам придется заново переписывать историю Польши, и это будет очень неприятно. Так что еще неведомы никому в полном объеме неприятные документы о по-

ведении того же Андерса, Окулицкого и прочей компании на Лубянке. А вдруг как все они были завербованы НКВД и где-нибудь пожелтевшие расписочки о сотрудничестве до сих пор лежат? Что в этом случае делать будем? Начнем какой-то другой национальный миф выстраивать?

Так что, если, скажем, объединить эти два мнения, то можно, кажется, получить реальную картину о «четвертой силе» во Второй мировой войне, как сейчас любят говорить к западу от Буга. Но делать этого никоим образом нельзя, это было бы таким же преступлением и против русского солдата, который ведь погибал рядом с польским солдатом. Тех поляков, которые шли вместе с нашими отцами на Берлин, мы тоже не должны забывать. Это было бы и не по-христиански: они ведь положили жизни, даже если и не за други своя. И среди этих солдат немало было и людей из бывшей Армии Крайовой. А в остальном поляки пусть разбираются сами. Хотя, если слушать пана Вечоркевича, то, кажется, уже разобрались, и своего рода продолжением рассуждений из-под Монте-Кассино булькает и пузырится мутный ручеек из польской исторической канализации:

«Мы могли бы найти место на стороне рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучшее, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглым принимал бы парад победоносных польско-германских войск». А потом сладостные мечты о прошлом уносят маскитного пана историка все дальше и дальше, и он задается наконец коренным вопросом: а что было бы дальше, если бы пошли вместе с Гитлером? И ответ ласкает душу: «Польша была бы одним из главных создателей — наряду с Германией и Италией — объединенной Европы со столицей в Берлине и с немецким в качестве официального языка»²⁷.

Мечтать, конечно, не вредно. Да только опять вспоминается хоть и неприятный, но факт: в действительности-то как раз ненавистные русские давали полякам оружие, а вот гитлеровцы, несостоявшиеся в качестве союзника, принимали оружие от поляков в 1944 г. на огромном кладбище, которым стала Варшава, которую Гитлер — а никак не Сталин! — приказал сравнять с землей, хоть ты мозоль на языке рассуждениями о неоказании помощи Варшаве натри!

Настоящий же парад Победы был у нас, потому что победили все-таки наши отцы, и деды и никакими пересчетами и словоблудием Победу на себя по прошествии лет перетянуть невозможно. Она остается у тех, кто ее завоевал своей жизнью и кровью тогда, в 1941—1945 гг., как бы ни были всякие послевоенные гиены и шакалы. И благодаря им остались на карте Европы такие наименования, как Польша, и кое-какие еще впридачу. А ведь могло бы быть только Генерал-Губернаторство с рейхс-комиссариатами. Да и то до окончательного решения польского вопроса. Но это уже совсем другая история. Для нас самым важным является то, что благодаря этой Победе осталась Россия, остались в живых наши родители и живем мы. И живут на Западе всевозможные соседи, живут за счет тех, кто в их земле лежит. И если они не смотрят на отданную жизнь как на освобождение — что ж, посчитаем это просто побочным результатом нашей Победы. Господь им Судия.

А насчет разных там счетов, готовых или готовящихся с польской стороны, то у меня лично есть одно предложение — заранее заготовить штамп (а можно и несколько) с надписью: **«ОПЛАЧЕНО 9 МАЯ 1945 г.»**. Этого будет вполне достаточно.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

1. *Р. Пайнс*. История Советской России. М.: Прогресс, 1990.
2. *Z. Załuski*. Droga do pewności. Warszawa. Iskry, 1986.
3. *Z. Załuski*. Droga do pewności. Warszawa. Iskry, 1986.
4. Białorusini wobec państwa polskiego w latach 1918—1925. Białoruskie Zeszyty Historyczne. t. 1. Białystok, 1994.
5. *Р. Пайнс*. История Советской России. М.: Прогресс, 1990.
6. *Т. Симонова*. Поле белых крестов // Родина. № 4, 2001.
7. Бредовский поход // Белое дело. М.: 2003.
8. *Т. Симонова*. Поле белых крестов // Родина. № 4, 2001.
9. *N. Zuelich, J. Vollmer*. Unterdrücken, deportieren, auslöschen — die Weissrussen unter polnischem Regime, Stalinismus und Nationalsozialismus.
www.gfbv.it/3dossier/eu-min/zuelch-voll.html
10. *N. Zuelich, J. Vollmer*. Unterdrücken, deportieren, auslöschen — die Weissrussen unter polnischem Regime, Stalinismus und Nationalsozialismus. www.gfbv.it/3dossier/eu-min/zuelch-voll.html
11. *Архиепископ Серафим (Соболев)*. Об истинно монархическом мирозерцании. Статьи и проповеди. СПб., 1994.
12. *Я. Малецькі*. Пад знакам Пагоні. Успамины. Таронта: Пагоня, 1976.
13. *Я. Малецькі*. Пад знакам Пагоні. Успамины. Таронта: Пагоня, 1976.
14. *Z. Załuski*. Droga do pewności. Warszawa: Iskry, 1986
15. *С. Махун*. Две правды // День. Киев, 8.07.2003.

16. *Z. Żółkowski*. Droga do pewności. Warszawa: Iskry, 1986.
17. *А. Трубецкой*. Пути неисповедимы. М.: Контур, 1997.
18. *И.А. Ильин*. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. М.: Русская книга, 2001.

Глава 2

1. *T. Piotrowski*. Zbrodnie sowieckie przeciwko Polsce w okresie 2 wojny światowej. www.electronicmuseum.ca/Poland-WW2/katyn_memorial_wall/kmw_crimes_pol.html.
2. *К. Симонов*. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990.
3. *J. Kirchmayer*. Powstanie warszawskie. Warszawa: Książka i wiedza, 1970.
4. *G. Hryciuk*. Polacy we Lwowie 1939—1944. Życie codzienne. Warszawa: Książka i wiedza, 2000.
5. *M. Gnatowski*. Niepokorna Białostoczczyzna Białystok, 2001
6. A godność? A honor? Przecież to są dziś puste słowa!!! ". snow. prohosting.com/karolkiewicz.htm).
7. *В.А. Белозорович*. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004.
8. НАРБ. Минск. Ф. 4, о. 21, д. 2059. л. 17, 19.
9. Armia Krajowa w dokumentach, t.2. Warszawa, 1990.
10. Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939—1941. В 2-х томах. Варшава — Москва, 2001.
11. *S. Gawrychowski*. Na placówce AK (1939—45). Warszawa-Józka, 1997/
12. www.citinet.net/ak/polska_42_f2html.; www.poland.kz/wklad.htm.
13. Muza i Jutrzenka. www.networkpl.com/modules.php?name=News&file=article&sid=13147).
14. *Z. Popiawski*. Represje okupantów na Politechnice Lwowskiej (1939—1945) www.lwow/home.pl/semper/polit-wojna.html.
15. *Prof. Dr. Hab. Maria Pawłowiczowa*. Etapy wyniszczania Polaków i ich kultury na Kresach po roku 1939. "Ludobójstwa i wygnania na Kresach", Katowice — Oświęcim, 1999

16. *J. Burlicski*. Rosja jest winna! // *Najwyższy czas*, 26.02. 2005.
17. Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Варшава — Москва, 2003 г.

Глав 3

1. Армія Краёва на Беларусі. Мінск, 1994.
2. *T. Strzembosz*. Przemilczana kolaboracja // *Rzeczpospolita*, 27.01.2001.
3. *I. Gutman*. “Oni” i “my”. www.pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/wiez/08gutman.html.
4. *T. Strzembosz*. Przemilczana kolaboracja // *Rzeczpospolita*, 27.01.2001.
5. *К. Симонов*. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990.
6. *К. Симонов*. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990.
7. *J. Kochanowski*. Wyrwy w szeregu. Polacy do Wehrmachtu czyli pomysły na kolaborację // *Polityka* Nr. 7., 17.02.2001.
8. *L. Landau*. Kronika lat wojny i okupacji. T. I-III. Warszawa, 1963.
9. *J. Kochanowski*. Wyrwy w szeregu. Polacy do Wehrmachtu czyli pomysły na kolaborację // *Polityka* Nr. 7., 17.02.2001.
10. *J. Bronisławski*. Szable i lichwiarze. Warszawa: Iskry, 1970.
11. *Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М., 2002.
12. *С.Г. Поплавский*. Товарищи в борьбе. М.: Воениздат. 1964
13. *Е. Климковский*. Я был адъютантом генерала Андерса. М.: 1991.
14. Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. М.: Весь мир. 2001 г.; *И.С. Лебедева*. Армия Андерса в документах российских архивов. www.memo.ru/history/POLacy/leb.htm.
15. *М. Födrowitz*. Der Mythos der Reinheit. Die polnische Kollaboration während des Zweiten Weltkriegs., www.webarchiv-server.de/pin.archiv01/1301ob25.htm
16. ВИЖ, 1991, № 3.
17. *Z. Zaluski*, Czerdziesty czwarty. Warszawa: Czytelnik, 1973.
18. Die Welt. 3. Mai, 2005.

18. Скрытая правда войны: 1941 год. М.: Русская книга, 1992.
19. R. Bury. Wychowanie przez kłamanie. www.polskiejutro.com/art/a.php?p=76historia
20. Верт. А. Россия в войне 1941—1945 гг. М., 1967.
21. S. Strumph-Wojtkiewicz. Siła złego. Widnokręgi, 1970, N. 7.
22. www.welecja.pl/Welecja/Czytelnia/ksikga2.html.
23. B. Hillebrandt. Partyzantka na Kielecczyźnie. Warszawa: MON, 1970.
24. В. Фалин. Второй фронт. М.: Центрполиграф, 2000.
25. Л.Б. Милякова. Разработка концепций моноэтнического государства в Польше (1918—1947). Славянский сборник. 6. Самарский государственный университет. www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/vseob.hist./slavyanskiy_sbornik/milyakova.php
26. M. Wierzbicki. Stosunki polsko-białoruskie pod okupacją sowiecką (1939—1941), Бела́рускі Гістарычны Зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne. Nr. 20. Białystok, 2003
27. I. Gutman. "Oni" i "my". www.pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/wiez/08gutman.html.
28. Tomasz Strzembosz. Przemilczana kolaboracja // Rzeczpospolita, 27.01.2001.
29. Tomasz Strzembosz. Przemilczana kolaboracja // Rzeczpospolita, 27.01.2001.
30. Источник см. (www.ornatowski.com/lib/wypelnialiprzykazanie.htm).
31. J. Darski, Ostpolen nach dem Hitler-Stalin-Pakt. www.gfbv.it/3dossier/eu-min/zuelch-voll.html.
32. J. Darski, Ostpolen nach dem Hitler-Stalin-Pakt. www.gfbv.it/3dossier/eu-min/zuelch-voll.html.
33. S. Ciesielski, Kresy Wschodnie II Rzeczypospolitej i problemy identyfikacji narodowej., www.akademia.and.pl/druga%20wojna.pdf "
34. www.ornatowski.com/lib/wypelnialiprzykazanie.htm.
35. M. Wierzbicki. Stosunki polsko-białoruskie pod okupacją sowiecką (1939—1941), Бела́рускі Гістарычны Зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne. Nr. 20. Białystok, 2003
36. M. Wierzbicki. Ludność białoruska i polska wobec Armii Czerwonej po 17 września 1939. Бела́рускі Гістарычны Зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne. Nr.11. Białystok, 1999.

37. *Stefan Nowicki*. Zapiski i wspomnienia Rocznik Muzeum i Archiwum Polonii Australijskiej. Vol., 1996.

38. *N. Zuelich, J. Vollmer*. Unterdrücken, deportieren, auslöschen — die Weissrussen unter polnischem Regime, Stalinismus und Nationalsozialismus. www.gfbv.it/3dossier/eu-min/zuelch-voll.html

39. *Prof. Dr. Hab. Maria Pawłowiczowa*, Etapy wyniszczania Polaków i ich kultury na Kresach po roku 1939. "Ludobójstwa i wygnania na Kresach", Katowice — Oświęcim, 1999.

40. *Stefan Nowicki*. Zapiski i wspomnienia Rocznik Muzeum i Archiwum Polonii Australijskiej. Vol., 1996.

41. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в двух томах. Т. I. М., 1952.

42. *С. Хаффнер*. Самоубийство Германской империи. М., 1972.

43. *И.А. Ильин*. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. М.: Русская книга, 2001.

44. *Stefan Nowicki*. Zapiski i wspomnienia Rocznik Muzeum i Archiwum Polonii Australijskiej. Vol., 1996.

Глав 4

1. *А. Трубецкой*. Пути неисповедимы. М.: Контур, 1997.

2. *М. Sołtysiak*. Chłopczy Barabasha Warszawa PAX., 1971

3. *Stefan Nowicki*. Zapiski i wspomnienia Rocznik Muzeum i Archiwum Polonii Australijskiej. Vol. 1996.

4. *Prof. Dr. Hab. Maria Pawłowiczowa*. Etapy wyniszczania Polaków i ich kultury na Kresach po roku 1939. "Ludobójstwa i wygnania na Kresach", Katowice — Oświęcim, 1999

5. Historia Białorusi od połowy XVIII do XX w., (współautor), Związek Białoruski w RP. Białystok. www.autary.iig.pl/mironowicz_e/knihi07-26.htm .

6. *В.А. Белозорович*. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004.

7. www.pwr.wroc.pl/~elek49/Elektrycy/Piotrowski.htm

8. *В.А. Белозорович*. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004.

9. *J. Kirchmayer*. Powstanie Warszawskie. Warszawa: Książka i wiedza, 1970.

Глава 5

1. <http://pravoslavie.by/catal.asp?id=8662&Session=10>.
2. *B. Chiari*. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration, und Widerstand in Weissrussland 1941—1944. Droste Verlag, Duesseldorf, 1998
3. *В.А. Белозорович*. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004.
4. Historia Białorusi od połowy XVIII do XX w., (współautor), Związek Białoruski w RP. Białystok. www.autary.iig.pl/mironowicz_e/knihi07—26.htm.
5. Армія Краёва. slounik.org/154957.html
6. Historia Białorusi od połowy XVIII do XX w., (współautor), Związek Białoruski w RP. Białystok. www.autary.iig.pl/mironowicz_e/knihi07—26.htm.
7. tbm.org.by/ns./no51314/vajna/html
8. <http://baranavichy.at.tut.by>.
9. *B. Chiari*. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration, und Widerstand in Weissrussland 1941—1944. Droste Verlag, Duesseldorf, 1998
10. *C. Chlebowski*. Odłamki granatu. Warszawa PAX., 1972.
11. www.9may.ru/unsecret.
12. *Л. Смиловицкий*. Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941—1944 г., Тель-Авив, 2000 г.
13. Latviešu bataljoni Polijā un Baltkrievijā www.lacplesis.com/180_latviesu_bataljoni_polija_un_bal.htm.
14. www.9may.ru/unsecret.a
15. Historia Białorusi od połowy XVIII do XX w., (współautor), Związek Białoruski w RP. Białystok. www.autary.iig.pl/mironowicz_e/knihi07—26.htm).
16. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., М.: Политиздат, 1989.
17. *L. Landau*. Kronika lat wojny i okupacji. T. I-III. Warszawa, 1963.
18. *B. Chiari*. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration, und Widerstand in Weissrussland 1941—1944. Droste Verlag, Duesseldorf, 1998
19. Армія Краёва. Slounik.org:/154957.html.
20. *J. Kirchmayer*. Powstanie Warszawskie. Warszawa MON. 1970 3.

21. *B. Chiari*. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration, und Widerstand in Weissrussland 1941—1944. Droste Verlag, Duesseldorf, 1998

22. *Stefan Nowicki*. Zapiski i wspomnienia Rocznik Muzeum i Archiwum Polonii Australijskiej. Vol., 1996.

23. *J. Friedl*. Niechciani goscie. www.mowiawieki.pl/artikul.html?id_artikul=1028—21k

24. *G. Misiakowski*. Nowogrydczynna w ogniu. www.platforma-szczecinek.pl/public.htm-113k.

25. *M. Foedrowitz*. Der Mythos der Reinheit. Die polnische Kollaboration während des Zweiten Weltkriegs., www.webarchiv-server.de/pin.archiv01/1301ob25.htm).

26. *А. Чобат*. Над Нёманом и Гаўяй. Nchas.iatp.by/arhiv/23/artyk/10.html

27. Partyzantka polska i radziecka na terenach zaanektowanych przez Związek Radziecki w okresie okupacji hitlerowskiej. www.gildia.com/historia/wiek_20/partyzantka_polska).

28. www.gender-ehu.org/docs/interviews/7.doc

29. *А. Чобат*. Над Нёманом и Гаўяй. Nchas.iatp.by/arhiv/23/artyk/10.html.

30. *Г. Линьков*. Война в тылу врага. М.: Воениздат, 1949.

31. Latviepu bataljoni Polijā un Baltkrevijā. www.lacplesis.com/180_latviesu_polija_un_bal.htm-101k).

32. www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/99/301/6...

33. *Я. Малецкі*. Пад знакам Пагоні. Успаміны. Таронта, Пагоня, 1976.

34. www.memorial.krsk.ru/svidet/mmozol.htm)

35. Воспоминания о войне. Из материалов Лидского историко-художественного музея.

36. www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/99/301/6...

37. Армія Краёва. slounik.org/154957.html

38. T. Potkaj. Krzyże z Przebraża // Tygodnik powszechny online. www2.tygodnik.com.pl/tp/2812/main02_print.html.

39. *W. Łojewska*. Nie patrzcie na fotografie. www.pporthodoxia.com.pl/artikul.php?id.

40. Интервью с С. Каролькевичем, председателем Всемирного союза солдат АК на: «A godność? A honor? Przecież to są dziś puste słowa!!!». snow.prohosting.com/karolkiewicz.htm.

Глава 6

1. *S. Ciesielski*. Kresy Wschodnie II Rzeczypospolitej i problemy identyfikacji narodowej., www.akademia.and.pl/druga%20wojna.pdf”.
2. *С. Чувев*. Проклятые солдаты, М.: Яуза, 2004.
3. *M. Foedrowitz*. Der Mythos der Reinheit. Die polnische Kollaboration während des Zweiten Weltkriegs., www.webarchiv-server.de/pin.archiv01/1301ob25.htm).
4. *B. Chari*. Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. München, 2003
5. *С. Куняев*. Кто расстреливал белорусских партизан? // Наш современник. № 12, 2004.
6. www.adwokatura.pl/aktualnosci_kartyhistorii_krzyzanowski_91001.htm
7. *B. Chiari*. Sieg in der Niederlage? www.buergerkomitee.org/hug/h45-dateien/ciari.html.

Глава 7

1. www.9may.ru/unsecret
2. *Z. Mańkowski*. Między Wisłą i Bugiem. 1939—1944, Lublin, 1978.
3. *M. Siwicki*. Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich. T. 2., Lublin, 1992.
4. *П. Вершигора*. Люди с чистой совестью. М., 1948.
5. *C. Chlebowski*. Akcja Ilgen. Widnokreği.Nr. 8, 1971.
6. *П. Вершигора*. Люди с чистой совестью. М., 1948.
7. *M. Gołębiewski*. Sojusz z Ukraincami i sojusz narodów ujarzmionych // Zeszyty Historyczne. Nr. 71, 1985.
8. *J. Hastan*. Nie omijajcie prawdy — nie tylko o Wołyniu! www.lemko.org/wisla/haston.html).
9. The Volhynia Tragedy — a Polish Point of View. <http://prognosis.kiev.ua/eng/articles/volin/page/php?xml=poll/xml>.
10. *R. Bender*. Prawdziwe oblicze Satanowskiego // Nasza Polska Nr. 34(100). 20 sierpnia 1997.
11. www.nowe-panstwo.pl/np_14_201/14_talaga.htm

12. *П. Вершигора*. Люди с чистой совестью. М., 1948.
13. *G. Motyka., R. Wnuk*. Pany i rezuny, Warszawa, 1997
14. *T. Snyder*. Wołyń, rok 1943 // Tygodnik powszechny. Nr. 19 (2809), 11 maja 2003.
15. *П. Вершигора*. Люди с чистой совестью. М., 1948.
16. Державний архів Львівської області. ф.3. оп. 1, д. 698. л. 76
17. *W. Romanowski*. ZWZ-AK na Wołyniu 1939—1944. Lublin, 1993.
18. *T. Potkaj*. Krzyże z Przebraża // Tygodnik powszechny online. www2.tygodnik.com.pl/tp/2812/main02_print.html.
19. *J. Węgerski*. Lwów pod okupacją sowiecką 1939—1941. Warszawa Wydawnictwo Editions Spotlania, 1991.
20. *T. Snyder*. Wołyń, rok 1943 // Tygodnik powszechny. Nr. 19 (2809), 11 maja 2003.
21. www/abcnet.com.pl/ua/artukul/php?art_id.
22. Небъявленная война. Комсомольская правда в Украине, 19 марта 2003 г.
23. Świadkowie mówią. Wyd. Światowy Związek Żołnierzy Armii Krajowej. Okręg Wołyń. Warszawa, 1996.
24. *В Кожин*. Великое творчество — великая победа. М.: Военное издательство., 1999.
25. Przed Akcją Wisła był Wołyń. Warszawa, 1997.
26. www.polandonline.com/news/news0202.htm
27. *Prof. Dr. Hab. Maria Pawłowiczowa*, Etapy wyniszczania Polaków i ich kultury na Kresach po roku 1939. "Ludobójstwa i wygnania na Kresach", Katowice — Oświęcim, 1999.
28. *E. Ignalińska*. Bez fałszu i zakłamania. www/ukraine-poland.com/publicystyka/publicystyka.php?id=1410.
29. Na rubieży. Nr. 35. 1999 *E. Ignalińska*. Bez fałszu i zakłamania. www/ukraine-poland.com/publicystyka/30. Korzenie tragedii wołyńskiej. www/ukraine-poland.com/publicystyka/publicystyka.php?id.
31. *T. Snyder*. Wołyń, rok 1943 // Tygodnik powszechny. Nr. 19 (2809), 11 maja 2003.
32. *А. Гозун*. Украинская повстанческая армия. Новый часовой. СПб, № 15—16., 2004 г.
33. І. Льюшин. Антипольський фронт у бойовій діяльності ОУН і УПА (1939 — 1945). Український історичний журнал. № 3, 2002.

Глава 8

1. www.9may.ru/unsecret/

Глава 9

1. www.wirtualnapolonia.com/opinie.asp?opinia
2. *J. Kirchmayer. Powstanie Warszawskie.* Warszawa: Książka i wiedza, 1970
3. *J. Kirchmayer. Powstanie Warszawskie.* Warszawa: Książka i wiedza, 1970
4. *J. Kirchmayer. Powstanie Warszawskie.* Warszawa: Książka i wiedza, 1970
5. *L. Landau. Kronika lat wojny i okupacji. T. I-III.* Warszawa, 1963.
6. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., М.: Политиздат, 1989.
7. *И.С. Лебедева. Армия Андерса в документах российских архивов.* www.memo.ru/history/POLAcy/leb.htm.)
8. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., М.: Политиздат, 1989.
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., М.: Политиздат, 1989.
10. *J. Kirchmayer. Powstanie Warszawskie.* Warszawa: Książka i wiedza, 1970
11. *M. Sołtysiak. Chłopcy "Barabasza".* Warszawa : PAX., 1971.
12. www.pfls.friko.pl/tradycje.htm
13. *Armia Krajowa na Wołyniu.* Warszawa, 1994.
14. *Wojsko ludowe.* Nr. 7. 1959.
15. *Z. Zaiuski. Droga do pewności.* Warszawa : Iskry, 1986.
16. *A. Albert. Najnowsza historia Polski 1914—93. Świat książki.* Warszawa, 1995
17. *J.M. Ciechanowski. Powstanie Warszawskie.* Warszawa, 1984.

18. *L. Tomaszewski*. Wilenszczyzna lat wojny i okupacji. Warszawa, 2001.
19. Armia Krajowa w dokumentach 1939—1945. T.III. Warszawa, 1990
20. См. свидетельства на: www.interlog.com/~mineykok/Kaluga.html. www.christopher-jablonski.com/pl/ewelina-marzec/losy_polakow.shtml
21. Centrum Informacji o obywatelach polskich represjonowanych w ZSRR. Represje od 1944 roku. Kresy wschodnie II RP. www.indeks.karta.org.pl/represje_sowieckie_8.html
22. *A. Owsieński*. Między nadzieją i pragmatyzmem. Myśl Polska Nr. 423.01.2003.
23. W bój bez broni. www.mowiawieki.pl/arttykul.html
24. *J. Kirchmayer*. Powstanie warszawskie. Warszawa // Książka i wiedza, 1970.
25. *J. Kirchmayer*. Powstanie warszawskie. Warszawa // Książka i wiedza, 1970.
26. *Z. Wryblewski*. Z tarczą i na tarczy. Warszawa // Książka i wiedza, 1971.
27. *S. Podlewski*. Przemarsz przez piekło. Warszawa // PAX., 1971.
28. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министром Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941—1945 гг. Москва. Политиздат, 1989 г.
29. *А. Верт*. Россия в войне 1941—1945, М., 1967.
30. *Г. Гудерман*. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич., 1998.
31. *J. Kirchmayer*. Powstanie warszawskie. Warszawa: Książka i wiedza, 1970.
32. *S. Podlewski*. Przemarsz przez piekło. Warszawa: PAX., 1971
33. http://wilk.wpk.p.lodz.pl/~whatfor/z_drugiej_strony1.htm.
34. *J. Ostaszewski*. Powstanie warszawskie. Rzym, 1945.
35. *S. Podlewski*. Przemarsz przez piekło. Warszawa PAX., 1971.
36. *З. Клишко*. Варшавское восстание. М.: Политиздат, 1969
37. *J. Horodecki*. Zarys walk 1 Armii Wojska Polskiego o wyzwolenie Warszawy. Bellona, zesz 8—9. Łódź, 1946.
38. *J. Kirchmayer*. Powstanie warszawskie. Warszawa: Książka i wiedza, 1970.
39. *З. Клишко*. Варшавское восстание. М.: Политиздат, 1969
40. Polskie siły zbrojne. T. III, Londyn, 1951

41. *J. Kirchmayer*. Powstanie warszawskie. Warszawa: Książka i wiedza, 1970.
42. *З. Клишко*. Варшавское восстание. М.: Политиздат, 1969.
43. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. в 2-х тт. Документы/Т.1. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.
44. *В. Фалин*. Второй фронт. М.: Центрполиграф, 2000.
45. *З. Клишко*. Варшавское восстание. М.: Политиздат, 1969.
46. Военно-исторический журнал, № 4, 1999.

Глава 10

1. *Anna M. Cienciala*. Lecture notes 17. Eastern Europe 1945—1956&Czechoslovakia 1968. <http://raven.cc.ku.edu/~eceurope/hist557/lect17.htm> .
2. *З. Клишко*. Варшавское восстание. М.: Политиздат 1969 г. С. 45
3. *Н. Рыбак*. Метады і сродкі ліквідацыі акаўскіх і постакаўскіх фарміраванняў у заходніх абласцях Беларусі ў 1944—1954 гг. // Беларускі Гістарычны Зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne. Nr. 14. Białystok, 2000
4. *Н. Рыбак*. Метады і сродкі ліквідацыі акаўскіх і постакаўскіх фарміраванняў у заходніх абласцях Беларусі ў 1944—1954 гг. Беларускі Гістарычны Зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne. Nr. 14. Białystok, 2000
5. *В. Сьліўкін*. Грамадзянская вайна на Лідчыне ў 1944—1954 гг. Лідскі летапісец, № 9, 10, 11.
6. *Z. Domino*. Włędne ognie. Warszawa: Wydawnictwo MON., 1972.
7. *В.А. Белозорович*. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004
8. *P. Niwiński, Wileński i Nowogródski* okęg AK w walce z władzą sowiecką 1944—1945 // “Biuletyn IPN” Nr. 9. 2001.
9. *S. Kalbarczyk*. Polacy i Sowietci na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach drugiej wojny światowej/ Z dziejow terroru i prześladowań. www.wspolnota-polska.org.pl/index.php?id=kw3_6_04).
9. Dwutygodnik “Nasz Czas”, 11—24.03.2004.

10. *P. Niwiński*, Wileński i Nowogródski okręg AK w walce z władzą sowiecką 1944—1945. “Biuletyn IPN” Nr. 9. 2001.
11. Powrót “Bandytów?”. hotnews.pl.artkultura-1.html.
12. Dwutygodnik “Nasz Czas”, 11—24.03.2004.
13. *Eugeniusz Kościeża*. Skradziona tożsamość. www.angelfire.com/empire2/kosciesza/SKRADZIONA_TOZSAMOSC.htm.
14. Пасьяваенны супраців бальшевіцкім акупантам на Беларусі, Пагоня, 1995, № 23, № 24, № 26, № 28.
15. *J. Odziemkowski*. Pamiętamy i wierzymy — w holdzie powstańczej Warszawie. www.uksw.edu.pl/info/03_04/konf_powstanie/odziemkowski.htm).
16. *Eugeniusz Kościeża*. Skradziona tożsamość. www.angelfire.com/empire2/kosciesza/SKRADZIONA_TOZSAMOSC.htm.
17. Военно-исторический журнал. 04. 1999.
18. *В. Сьліўкін*. Грамадзянская вайна на Лідчыне ў 1944—1954 гг. // Лідскі летапісец. № 9, 10, 11.
19. www.9may.ru/unsecret/.
20. Armia Krajowa na Wilenszczyźnie po lipcu 1944. http://wilk/wpk/p/lodz.pl/~whatfor/zw_wilno_44.htm
21. НАРБ, ф. 4, д. 521, л. 28.
22. *В.А. Белозорович*. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004.
23. *Я. Малецкі*. Пад знакам Пагоні. Таронта. Пагоня, 1976.
24. *К. Krajewski*. Obwód Nr. 49/67 w latach 1946—1949. Ziemia lidzka Nr. 2(60) 2004.
25. *В.А. Белозорович*. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004.
26. *К. Krajewski*. Obwód Nr. 49/67 w latach 1946—1949. Ziemia lidzka Nr. 1 (59), Nr. 2(60). 2004 а также см. на: http://wilk.wpk.p.lodz.pl/~whatfor/zw_nowogr_44.htm.
27. *В. Сьліўкін*. Грамадзянская вайна на Лідчыне ў 1944—1954 гг. Лідскі летапісец. № 9, 10, 11.
28. Represje od 1944 roku. Kresy wschodnie II RP. www.indeks.karta-org.pl/represje_sowieckie_8.html.
29. Необъявленная война // Комсомольская правда в Украине, 19 марта 2003 г.
30. *G. Motyka*. Co ma Wisła do Wolynia? www.lemko.org/gazeta/Gazeta32901_2.html

31. *С. Махун*. Две правды // День. Киев, 8.07. 2003.
32. *М. Siwicki*. Dzieje konfliktów polsko-ukrańskich. Warszawa, 1992.
33. *S. Cieselski*. Kresy wschodnie II Rzeczypospolitej i problemy identyfikacji narodowej. www.scieselski.republika.pl/kresy/kresy2.html .

Глава 11

1. *R. Mickiewicz*. Reanimacja upiorów // Kurier wileński. Wilno, 15 marca 2005.
2. *J. Nowakowska*. Pojednanie na cmentarzu // Tygodnik "Wprost". Nr. 1076 (13 lipca 2003).
3. Korzenie tragedii wołyńskiej. См. на: www/ukraine-poland.com/publicystyka/publicystyka.php?id

Глава 12

1. *R. Bratny*. Kolumbowie rocznik 20. PIW. Warszawa, 1974.
2. *Н. Бердяев*. Судьба России. М.: Советский писатель. 1990.
3. *Т. Andrzejewski*. Okupacja wszystko rozgrzesza? // Tygodnik Wilecszczyzny. Wilno. 17—23 marca 2005.
4. Rzeczpospolita/pl/specjal_040731/specjal_a_10.html.
5. *Н.И. Костомаров*. О русско-польских отношениях. Полякам-миротворцам//Русские инородцы. М.: Чарли, 1996.
6. Rozmowa z Jarosławem Markiem Rymkiewiczem. To jest twoja ojczyzna, innej mieć nie będziesz. www.rodaknet.com/rp_art_25.htm.
7. Rozmowa z Jarosławem Markiem Rymkiewiczem. To jest twoja ojczyzna, innej mieć nie będziesz. www.rodaknet.com/rp_art_25.htm.
8. *Н.И. Костомаров*. О русско-польских отношениях. Полякам-миротворцам//Русские инородцы. М.: Чарли, 1996.
9. *J. Burlicski*. Widziane prawym okiem // Najwyższy czas. Nr. 48, 27.02.05.
10. *T. Piotrowski*. Zbrodnie sowieckie przeciwko Polsce w okresie 2 wojny światowej. www.electronicmuseum.ca/Poland-WW2/katyn_memorial_wall/kmw_crimes_pol.html.

11. baj.ru/belkalehium/lekcyji/litaratura/akudowicz01_3—4.htm
12. *Н.И. Костомаров*. О русско-польских отношениях. Полякам-мироотворцам//Русские инородцы. М.: Чарли, 1996.
13. Бабий Яр под Катынью? // Военно-исторический журнал. 1990, № 3.
14. *B. Paszkowski*. Golgota Wschodu. www.moto.gda.pl/strona.htm?id=454—78k
15. Die Woche, 18.05.2005
16. www.Rzeczpospolita/pl/specjal_040731/specjal_a_10.html
17. *У. Черчилль*. Вторая мировая война. М.: Военное издательство. Т., 1.1991.
18. *T. Bloch*. Abyśmy byli gospodarzami we własnym kraju // Nowy Przegląd Wszechpolski. Nr. 7—8. 2004.
19. *B. Chiari*. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration, und Widerstand in Weissrussland 1941—1944. Droste Verlag, Duesseldorf, 1998.
20. Rzeczpospolita, 17 wrzesnia 2005.
21. *K. Grünberg*. SS — czarna gwardia Hitlera Warszawa: Książka i Wiedza, 1985.
22. *K. Grünberg*. SS — czarna gwardia Hitlera Warszawa: Książka i Wiedza, 1985.
23. *У. Черчилль*. Вторая мировая война. М.: Военное издательство. Т., 1.1991.
24. *J. Burlicski*. Widziane prawym okiem // Najwyższy czas. Nr. 48, 27.02.05.
25. *В. Фалин*. Второй фронт. М.: Центрполиграф, 2000.
26. *Z. Załuski*, Czterdziesty czwarty. Warszawa: Czytelnik, 1973.
27. Rzeczpospolita, 17.09.2005.

Список использованной литературы

На русском языке:

Бабий Яр под Катынью? // Военно-исторический журнал. 1990, № 3.

В.А. Белозорович. Западнобелорусская деревня в 1939—1953 годах. Монография. Гродно, 2004.

Н. Бердяев. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.

Бредовский поход // Белое дело. М., 2003.

А. Верт. Россия в войне 1941—1945, М., 1967.

А. Гогун. Украинская повстанческая армия. Новый часовой. СПб., № 15—16, 2004.

П. Вершигора. Люди с чистой совестью. М., 1948.

Военно-исторический журнал, 1999, № 4.

Военно-исторический журнал, 1991, № 3.

Воспоминания о войне. Из материалов Лидского историко-художественного музея.

Горьков Ю.А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М., 2002.

Г. Гудериан. Воспоминания солдата. Смоленск. Русич, 1998.
www.9may.ru/unsecret/

Ф.Г. Зуев. Польский народ в борьбе против фашизма. М.: Наука, 1967.

И.А. Ильин. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. М.: Русская книга, 2001.

Катынь. Март 1940 — сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. М.: Весь мир, 2001.

Е. Климковский. Я был адъютантом генерала Андерса. М.: 1991.

З. Клишко. Варшавское восстание. М.: Политиздат, 1969.

В. Кожин. Великое творчество — великая победа. М.: Военное издательство, 1999.

Н.И. Костомаров. Русские инородцы. М.: Чарли, 1996.

С. Куняев. Кто расстреливал белорусских партизан? // Наш современник. № 12. 2004.

И. С. Лебедева. Армия Андерса в документах российских архивов.

www.memo.ru/history/POLAcy/leb.htm.

Г. Линков. Война в тылу врага. М.: Воениздат, 1949.

С. Махун. Две правды // День. Киев, 8.07. 2003.

Л.Б. Милькова. Разработка концепций моноэтнического государства в Польше (1918—1947 г.). Славянский сборник. 6. Самарский государственный университет. www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/vseob.hist./slavyanskiy_sbornik/milyakova.php

Необъявленная война. Комсомольская правда в Украине, 19 марта 2003 г.

Р. Пайнс. История Советской России М.: Прогресс, 1990.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министром Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941—1945 гг. Москва. Политиздат, 1989.

Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939—1941. В 2-х томах. Варшава — Москва, 2001.

С.Г. Поплавский. Товарищи в борьбе. М.: Воениздат, 1964.

К. Симонов. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990.

Т. Симонова. Поле белых крестов // Родина, № 4, 2001.

Скрытая правда войны: 1941 год. М.: Русская книга, 1992.

Л. Смиловицкий. Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941—1944 г. Тель-Авив, 2000.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. в 2-х тт. Документы/Т.1 М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

Архиепископ Серафим (Соболев). Об истинном монархическом мирозерцании. Статьи и проповеди. СПб., 1994.

А. Трубецкой. Пути неисповедимы. М.: Контур, 1997.

В. Фалин. Второй фронт. М.: Центрполиграф, 2000.

С. Хаффнер Самоубийство Германской империи. М., 1972.

У. Черчилль. Вторая мировая война. М.: Военное издательство. Т. 1. 1991.

С. Чуев. Проклятые солдаты, М.: Яуза, 2004.

www.memorial.krsk.ru/svidet/mmozol.htm

www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/99/301/6...

На английском языке:

The Volhynia Tragedy — a Polish Point of View. <http://prognosis.kiev.ua/eng/articles/volin/page/php?xml=poll/xml>.

На белорусском языке:

Армія Краёва. slounik.org/154957.html

Армія Краёва на Беларусі. Мінск, 1994.

baj.ru/belkalehium/lekcyji/litaratura/akudovicz01_3—4.htm

Я. Малецкі. Пад знакам Пагоні. Успаміны. Таронта: Пагоня, 1976

НАРБ, ф. 4, д. 521, л. 28.

НАРБ. Минск. Ф. 4, о. 21, д. 2059. л. 17, 19.

Пасьяваенны супраців большэвіцкім акупантам на Беларусі. Пагоня, 1995

Н. Рыбак. Метады і сродкі ліквідацыі акаўскіх і постакаўскіх фарміраванняў у заходніх абласцях Беларусі ў 1944—1954 гг. Беларускі Гістарычны Зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne. Nr. 14. Białystok, 2000

В. Сьліўкін. Грамадзянская вайна на Лідчыне ў 1944—1954 гг. Лідскі летапісец. № 9, 10, 11.

А. Чобат. Над Нёманом и Гаўяй. [Nchas.iatp.by/arhiv/23/artyk/10.html](http://nchas.iatp.by/arhiv/23/artyk/10.html).

tbm.org.by/ns./no51314/vajna/html

<http://baranavichy.at.tut.by>

<http://pravoslavie.by/catal.asp?id=8662&Session=10>.

На латышском языке:

Latviešu bataljoni Polijā un Baltkrevijā. www.lacplesis.com/180_latviesu_polija_un_bal.htm-101k).

На немецком языке:

B. Chiari. Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration, und Widerstand in Weissrussland 1941—1944. Droste Verlag, Duesseldorf, 1998

B. Chiari. Sieg in der Niederlage?. www.buergerkomitee.org/hug/h45-dateien/ciari.html.

B. Chari. Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. München, 2003

J. Darski, Ostpolen nach dem Hitler-Stalin-Pakt.

www.gfbv.it/3dossier/eu-min/zuelch-voll.html.

M. Foedrowitz. Der Mythos der Reinheit. Die polnische Kollaboration während des Zweiten Weltkriegs., www.webarchiv-server.de/pin.archiv01/1301ob25.htm

Die Welt. 3. Mai, 2005.

Die Woche. 18.05, 2005

N. Zuelich, J. Vollmer. Unterdrücken, deportieren, auslöschen — die Weissrussen unter polnischem Regime, Stalinismus und Nationalsozialismus. www.gfbv.it/3dossier/eu-min/zuelch-voll.html

На польском языке:

www.abcnet.com.pl/ua/artykul/php?art_id.

www.adwokatura.pl/aktualnosci_kartyhistorii_krzyzanowski_91001.htm

«A godność? A honor? Przecież to są dziś puste słowa!!!».

snow.prohosting.com/karolkiewicz.htm

A. Albert. Najnowsza historia Polski 1914—93. Świat książki. Warszawa, 1995

T. Andrzejewski. Okupacja wszystko rozgrzesza? // Tygodnik Wileńszczyzny. Wilno. 17—23 marca 2005.

Armia Krajowa w dokumentach 1939—1945. T.III. Warszawa 1990

Armia Krajowa na Wileńszczyźnie po lipcu 1944. [Http://wilk.wrk/p/lodz.pl/~whatfor/zw_wilno_44.htm](http://wilk.wrk/p/lodz.pl/~whatfor/zw_wilno_44.htm)

- Armia Krajowa na Wołyniu. Warszawa, 1994.
- R. Bender. Prawdziwe oblicze Satanowskiego. Nasza Polska. Nr. 34(100). 20 sierpnia 1997.
- Białorusini wobec państwa polskiego w latach 1918—1925. Białoruskie Zeszyty Historyczne. t. 1. Białystok, 1994.
- T. Bloch. Abyśmy byli gospodarzami we własnym kraju. Nowy Przegląd Wszechpolski. Nr. 7—8. 2004.
- R. Bratny. Kolumbowie rocznik 20. PIW. Warszawa, 1974.
- J. Bronisławski. Szable i lichwiarze. Warszawa: Iskry, 1970.
- J. Buriński. Widziane prawym okiem // Najwyższy czas. Nr. 48, 27.02.05.
- R. Bury. Wychowanie przez kłamanie. www.polskiejutro.com/art/aphp?p=76historia
- Centrum Informacji o obywatelach polskich represjonowanych w ZSRR. Represje od 1944 roku. Kresy wschodnie II RP.
- C. Chlebowski. Odłamki granatu. Warszawa: PAX., 1972.
- C. Chlebowski. Akcja Ilgen. Widnokreśli. Nr. 8, 1971. www.indeks.karta.org.pl/represje_sowieckie_8.html
- J. M. Ciechanowski. Powstanie Warszawskie. Warszawa, 1984
- Anna M. Cienciala. Lecture notes 17. Eastern Europe 1945—1956 & Czechoslovakia 1968. <http://raven.cc.ku.edu/~europe/hist557/lect17.htm>).
- Z. Domino. Błędne ognie. Warszawa: Wydawnictwo MON. 1972. www.christopher-jablonski.com/pl/ewelina-marzec/losy_polakow.shtml
- www.gender-ehu.org/docs/interviews/7.doc
- J. Friedl. Niechciani goście. www.mowiawieki.pl/artikul.html?id_artykul=1028—21k
- S. Gawrychowski. Na placówce AK (1939—45). Warszawa—Łomża, 1997
- M. Gnatowski. Niepokorna Białostoczczyzna Białystok. 2001
- M. Gołębiowski. Sojusz z Ukraińcami i sojusz narodów ujarzmionych // Zeszyty Historyczne. Nr. 71, 1985.
- K. Grünberg. SS — czarna gwardia Hitlera. Warszawa: Książka i Wiedza 1985
- I. Gutman. “Oni” i “my”. www.pogranicze.sejny.pl/archiwum/jedwabne/wiez/08gutman.html).

J. Hastan. Nie omijajcie prawdy — nie tylko o Wołyniu!

www.lemko.org/wisla/haston.html

B. Hillebrandt. Partyzantka na Kielecczyźnie. Warszawa MON., 1970.

Historia Białorusi od połowy XVIII do XX w., (współautor), Związek Białoruski w RP. Białystok. www.autary.iig.pl/mironowicz_e/knihi07-26.htm).

J. Horodecki. Zarys walk 1 Armii Wojska Polskiego o wyzwolenie Warszawy.

Bellona, zesz. 8—9. Łódź, 1946.

G. Hryciuk. Polacy we Lwowie 1939—1944. Życie codzienne. Warszawa: Książka i wiedza, 2000.

www.interlog.com/~mineykok/Kaluga.html.

E. Ignalińska. Bez fałszu i zakłamania www.ukraine-poland.com/publicystyka/publicystyka.php?id=1410.

S. Kalbarczyk. Polacy i Sowieci na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach drugiej wojny światowej/ Z dziejów terroru i prześladowań.

www.wspolnota-polska.org.pl/index.php?id=kW3_6_04).

J. Kirchmayer. Powstanie warszawskie. Warszawa Książka i wiedza, 1970.

J. Kochanowski. Wyrwy w szeregu. Polacy do Wehrmachtu czyli pomysły na kolaborację // Polityka Nr. 7., 17.02.2001.

Korzenie tragedii wołyńskiej. www.ukraine-poland.com/publicystyka/publicystyka.php?id

E. Kościeża. Skradziona tożsamość.

www.angelfire.com/empire2/koscieszaz/skradziona_tozsamosc.htm.

K. Krajewski. Obwód Nr. 49/67 w latach 1946—1949. Ziemia ludzka Nr. 1 (59), Nr. 2(60). 2004

L. Landau. Kronika lat wojny i okupacji. T. I-III. Warszawa 1963.

W. Łojewska. Nie patrzcie na fotografie.

www.pporthodoxia.com.pl/artikul.php?id.

Z. Mańkowski. Między Wisłą i Bugiem. 1939—1944, Lublin, 1978.

R. Mickiewicz. Reanimacja upiórów // Kurier wileński. Wilno. 15 marca 2005.

G. Misiakowski. Nowogródzczyzna w ogniu. www.platforma.szczecinek.pl/public.htm-113k.

- G. Motyka.* Co ma Wiśła do Wołynia?
www.lemko.org/gazeta/Gazeta32901_2.html
G. Motyka., R. Wnuk. Pany i rezuny, Warszawa, 1997
Muza i Jutrzenka. www.networkpl.com/modules.php?name=News&file=article&sid=13147 .
Na rubieży. Nr. 35. 1999
Dwutygodnik "Nasz Czas". 11—24.03.2004.
P. Niwiński, Wileński i Nowogródski okręg AK w walce z władzą sowiecką 1944—1945 // "Biuletyn IPN" Nr. 9. 2001.
J. Nowakowska. Pojednanie na cmentarzu // Tygodnik "Wprost". Nr. 1076 (13 lipca 2003).
S. Nowicki. Zapiski i wspomnienia // Rocznik Muzeum i Archiwum Polonii Australijskiej. Vol. 1996.
J. Odziemkowski. Pamiętamy i wierzymy — w holdzie powstańczej Warszawie. www.uksw.edu.pl/info/03_04/konf_powstanie/odziemkowski.htm).
www.ornatowski.com/lib/wypelnialiprzykazanie.htm.
J. Ostaszewski. Powstanie warszawskie. Rzym, 1945.
A. Owsicki. Między nadzieją i pragmatyzmem // Myśl Polska Nr. 423.01.2003.
www.pfls.friko.pl/tradycje.htm
Partyzantka polska i radziecka na terenach zaanektowanych przez Związek Radziecki w okresie okupacji hitlerowskiej. www.gildia.com/historia/wiek_20/partyzantka_polska)
Prof. Dr. Hab. Maria Pawłowiczowa, Etapy wyniszczania Polaków i ich kultury na Kresach po roku 1939. "Ludobójstwa i wygnania na Kresach", Katowice — Oświęcim, 1999.
B. Paszkowski. Golgota Wschodu. www.moto.gda.pl/strona.htm?id=454-78k
T. Piotrowski. Zbrodnie sowieckie przeciwko Polsce w okresie 2 wojny światowej. www.electronicmuseum.ca/Poland-WW2/katyn_memorial_wall/kmw_crimes_pol.html
www.pwr.wroc.pl/~elek49/Elektrycy/Piotrowski.htm
S. Podlewski. Przemarsz przez piekło. Warszawa PAX., 1971.
www.polandonline.com/news/news0202.htm
Z. Popławski. Represje okupantów na Politechnice Lwowskiej (1939—1945)

- www.lwow/home.pl/semper/polit-wojna.html.
Polskie siły zbrojne. T. III, Londyn, 1951
T. Potkaj. Krzyże z Przebraża Tygodnik powszechny online.
www2.tygodnik.com.pl/tp/2812/main02_print.html.
Powrót "Bandytów?". hotnews.pl.artkultura-1.html.
Przed Akcją Wisła był Wołyń. Warszawa, 1997.
Represje od 1944 roku. Kresy wschodnie II RP.
www.indeks.karta.org.pl/represje_sowieckie_8.html.
W. Romanowski. ZWZ-AK na Wołyniu 1939—1944. Lublin, 1993.
Rozmowa z Jarosławem Markiem Rymkiewiczem. To jest twoja ojczyzna, innej mieć nie będziesz. www.rodaknet.com/rp_art_25.htm.
Rzeczpospolita, 17.09.2005.
www.Rzeczpospolita.pl/specjal_040731/specjal_a_10.html
M. Siwicki. Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich. Warszawa, 1992.
M. Siwicki. Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich. T. 2., Lublin, 1992.
T. Snyder. Wołyń, rok 1943 // Tygodnik powszechny. Nr. 19 (2809), 11 maja 2003.
M. Sołtyśiak. Chłopcy "Barabasza". Warszawa: PAX., 1971.
S. Strumph-Wojtkiewicz. Siła złego. Widnokreśli, 1970, N. 7.
T. Strzembosz. Przemilczana kolaboracja. Rzeczpospolita, 27.01.2001.
Świadkowie mówią. Wyd. Światowy Związek Żołnierzy Armii Krajowej. Okręg Wołyń. Warszawa, 1996.
S. Ciesielski. Kresy Wschodnie II Rzeczypospolitej i problemy identyfikacji narodowej. www.akademiaand.pl/druga%20wojna.pdf
L. Tomaszewski. Wilenszczyzna lat wojny i okupacji. Warszawa, 2001.
W bój bez broni. www.mowiawieki.pl/artikul.html
J. Węgerski. Lwów pod okupacją sowiecką 1939—1941. Warszawa: Wydawnictwo Editions Spotlania, 1991.
M. Wierzbicki. Ludność białoruska i polska wobec Armii Czerwonej po 17 września 1939: Беларускі Гістарычны Зборнік — Бiałoruskie Zeszyty Historyczne. Nr. 11. Białystok, 1999.
M. Wierzbicki. Stosunki polsko-białoruskie pod okupacją sowiecką (1939—1941) // Беларускі Гістарычны Зборнік — Бiałoruskie Zeszyty Historyczne. Nr. 20.
Białystok, 2003

http://wilk.wpk.p.lodz.pl/~whatfor/z_drugiej_strony1.htm.

http://wilk.wpk.p.lodz.pl/~whatfor/zw_nowogr_44.htm.

www.wirtualnapolonia.com/opinie.asp?opinia

Wojsko ludowe. Nr. 7. 1959.

Z. *Wróblewski*. Z tarczą i na tarczy. Warszawa: Książka i wiedza, 1971.

Z. *Załuski*. Droga do pewności. Warszawa: Iskry, 1986.

Z. *Załuski*, Czterdziesty czwarty. Warszawa: Czytelnik, 1973.

На украинском языке:

І. Ільюшин. Антипольський фронт у бойовій діяльності ОУН і УПА (1939- 1945): Український історичний журнал. № 3, 2002.

Литературно-художественное издание

Империя. RU

Яковлева Елена Викторовна

ПОЛЬША ПРОТИВ СССР

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 09.03.2007. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 18. Тираж 3000 экз. Заказ № 995.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.

Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47

Интернет/Home page: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».

Тел.: (495) 188-66-03.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести
в издательстве и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:

603163 г. Нижний Новгород,

ул. Нижнепечерская, д. 2, литера А, помещение 3.

Тел.: (8312) 96-23-88.

E-mail: vechenn@pochta.ru

ОАО «Новосибирсккнига»:

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.

Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.

E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:

г. Казань, ул. Дементьева, д. 2в.

Тел./факс: (843) 571-33-07.

E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Вече-Украина»:

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

ИМПЕРИЯ-РУ ИМПЕРИЯ-РУ

Книга рассказывает о непростых взаимоотношениях между Польшей и СССР в межвоенный период, борьбе польского подполья против СССР в 1939—1950 гг., об участии польских воинских формирований во Второй мировой войне. Автор опровергает многочисленные мифы о жестокостях советского режима в отношении поляков, об агрессивных планах, будто бы разрабатывавшихся СССР против независимой Польши, о якобы бескомпромиссной борьбе Армии крайовой и польского подполья с фашистами и многим другим.

«Мы могли бы найти место на стороне рейха почти такое же, как Италия, и наверняка лучше, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимал бы парад победоносных польско-германских войск... Польша была бы одним из главных создателей — наряду с Германией и Италией — объединенной Европы со столицей в Берлине и с немецким в качестве официального языка».

Польский историк
Павел Вечоркевич

ISBN 978-5-9533-1838-9

9 785953 318389